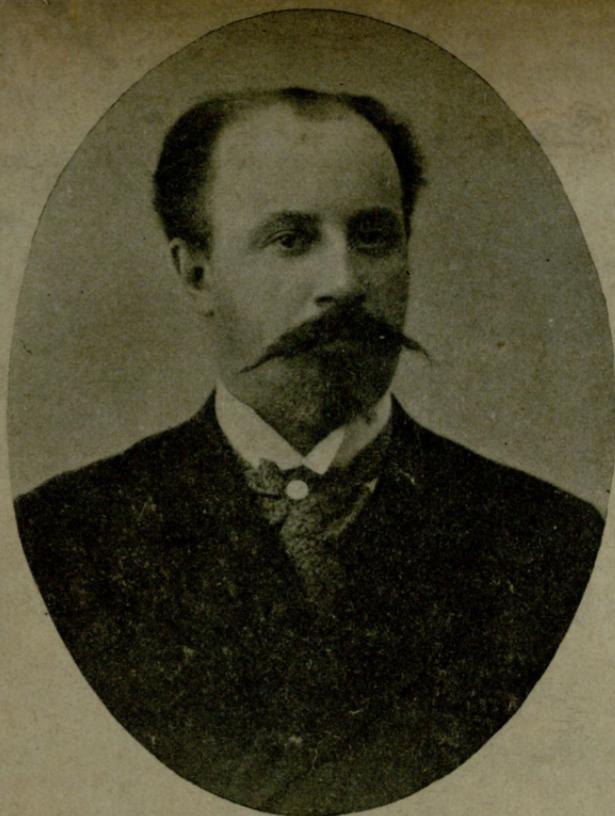

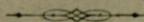
R 183.034
4

გერმანული
ლიბრერი

РУССКІЯ РѢЧИ

В. А. Белузко.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

РУССКІЯ РѢЧИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

323
В 276 п. 2

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ

В. Л. ВЕЛИЧКО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

87269

Издание М. Д. Муретовой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

В. Д. БЕЛИНЬКО

В. Д. БЕЛИНЬКО

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

ВАСИЛ

Минск М. А. Мухоморов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВТОРОГО ТОМА.

Вместо предисловія III—V

Русскія рѣчи (1—277):

1. Интересное время	1
2. Отвлеченный и живой человекъ	20
3. Врагъ общественной нравственности	57
4. Какъ дѣлають голову	67
5. Духовная сущность и свобода писателя	79
6. Самоуправленіе и самодѣятельность	112
7. Вопросъ о рабочихъ	151
8. Иностранцы и окраины	170
9. Роковой вопросъ	197
10. Сионизмъ	228
11. Исходъ	245

Статьи и замѣтки (281—346):

1. Прославленіе преподобнаго Серафима, старца Саровскаго	281
2. Царь въ Саровѣ	283
3. Державная забота о церкви	285
4. Державныя слова	288
5. Высочайшій манифестъ 26 февраля 1903 г.	295
6. 19 Февраля	298
7. По поводу безпорядковъ (Отрицательныя стороны нашей жизни)	300
8. Письмо изъ Полтавской губерніи	310
9. Къ разговорамъ въ уѣздныхъ комитетахъ	316
10. Дворянское и земское дѣло	328
11. Земское дѣло	334
12. Пониженіе земскаго ценза	338
13. Объединеніе деревенскихъ интересовъ	339
14. Мелкій кредитъ	342
15. Страхование труженниковъ	344

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Не услышимъ побѣдной трубы,—
Но зато не увидимъ предѣла
Нивѣ честнаго дѣла,
Морю честной борьбы!.....

[В. Л. Величко, «Изъ писемъ
къ друзьямъ»].

Написать книгу о Россіи было завѣтной, сокровеннѣйшей мечтою Василя Львовича. Любовь къ родинѣ, стихійная жажда всесторонняго изученія родной страны зародилась въ его душѣ съ первыхъ дней сколько-нибудь сознательной жизни и непрестанно росла до минуты безвременной смерти. Въ чудотворную силу искренняго, вдумчиваго печатнаго слова онъ вѣрилъ свято и донесъ до конца эту вѣру живую, сквозь сутолоку и жгучія разочарованія своей нелегкой жизни. Трудно сказать, въ какую пору мысль о серьезной книгѣ, посвященной главнымъ, насущнѣйшимъ явленіямъ и недугамъ родной общественности, опредѣленно сложилась у В. Л. Величко, но уже въ самомъ началѣ девяностыхъ годовъ, въ разгарѣ увлеченія поэзіей, сулившей ему заманчивыи успѣхъ, онъ иногда говорилъ о такой книгѣ съ близкими его сердцу людьми (Н. С. Лѣсковымъ, Владиміромъ Соловьевымъ и др.) и, видимо, готовился къ ней, какъ упорно продолжалъ готовиться и потомъ, во время поглощающей публицистической страды.

Самые тяжкіе и неожиданные удары судьбы не могли оторвать его, хотя бы на время, отъ всеильно овла-

дѣвшей имъ идеи, и, напротивъ, именно въ эти минуты Василій Львовичъ особенно любовно льнулъ къ ней душою, черпалъ изъ этого живого источника духовную бодрость.

Когда сраженный въ неравной борьбѣ со всяческою неправдою, внезапно и грубо оторванный отъ завѣтной работы, которой онъ посвятилъ свои лучшія силы, полуразоренный и больной, Величко, неся съ бѣшеною скоростью въ непроглядную бурную ночь на 1-ое Января 1900 г. по Военно-грузинской дорогѣ изъ Тифлиса во Владикавказъ, чтобы поспѣть во время въ Петербургъ, спасти отъ темной интриги хоть доброе имя,—онъ оживленно дѣлился со своимъ спутникомъ планомъ задуманной книги и подготовительныхъ къ ней работъ. Не замѣчая ни воя снѣжной мятели, ни явной опасности на перевалѣ, чуть не сплошь испещренномъ красными флагами—предвѣстниками грозящихъ заваловъ—забывая и горе, и тяжкую обиду, русскій писатель весь ушелъ въ мечту о Россіи, о преданномъ ей служеніи...

И въ послѣдующіе недолгіе годы, всякій разъ, какъ судьба, съ необычайно послѣдовательною жестокостью отнимала у Василя Львовича самое для него дорогое благо—возможность безпрепятственно высказываться въ печати—онъ находилъ утѣшеніе и силу опять-таки исключительно въ начатомъ трудѣ.

Редактируя «Русскій Вѣстникъ», невольно отвлекаемый часто непосильной, удручающей работой и порывистостью чередующихся событій, лишенный возможности вести «Русскія рѣчи» въ задуманномъ первоначально стройномъ послѣдовательномъ порядкѣ, разрабатывать глубже и научнѣе нѣкоторые вопросы, Василій Львовичъ все же смотрѣлъ на этотъ рядъ статей и на нѣкоторыя замѣтки во «Внутреннемъ Обзорѣніи», какъ на немало-важный матеріалъ для будущей книги, и часто говорилъ: —«Тутъ многое пригодится, пойдетъ почти цѣликомъ; надо

будеть только пересмотрѣть эти главы, значительно пополнить. Боже, Боже, сколько еще дѣла впереди, сколько дорогого, родного дѣла! Успѣть бы только, хватило бы силъ!»

Этотъ вѣщій страхъ, что судьба не дастъ высказать все надуманное, внести цѣликомъ свою посильную духовную лепту въ родную сокровищницу, преслѣдовалъ В. Л. Величко и на одрѣ болѣзни, оставался до минуты смерти его главною заботою, мучительнѣйшимъ страданіемъ. Объ этомъ были его послѣднія, замирающія слова.....

М. Г. М.

Интересное время.

Я-то спою, исполню свой долг,—
заявиль пѣтухъ,— а разсвѣтеть-ли, или
нѣтъ, это ужъ не отъ меня зависать...

Грузинская пословица.

Поэтъ сказалъ въ недобрую минуту:

Бывали хуже времена,
Но не было подлѣй!

Въ недобрую минуту это можно сказать, болѣе или менѣе, о всякомъ времени, потому что всегда найдется достаточно данныхъ для приведенія впечатлительнаго, нервнаго человѣка въ неприятое состояніе.

Многіе охотно примѣняютъ приведенное двустипіе къ нашимъ днямъ, глядя на докучный сумбуръ, довольно явно царящій въ умахъ нашей интеллигенціи и проникающій отчасти даже въ низшіе общественные слои. Признаться откровенно, и мнѣ случалось вторить такимъ неутѣшительнымъ сужденіямъ; большой вины тутъ нѣтъ, ибо никому не возбраняется быть нервнымъ, а современная наша общественная жизнь, въ итогъ, духовному успокоенію мало содѣйствуетъ...

Но на безнадежномъ выводѣ раздраженнаго поэта окончательно остановиться нельзя, когда есть на лицо и иные признаки, а именно признаки серіознаго обновленія и культурнаго подъема, хотя не очень распространенные и наглядные, но тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности существующіе и черватые значительными послѣдствіями.

При видѣ этихъ признаковъ, я прихожу къ глубочайшему убѣжденію, что бывали, конечно, времена болѣе яркія,

но давно не было времени болѣе интереснаго. Спѣшу оговориться, что наше время представляет особенный интересъ только для внимательнаго наблюдателя жизни, а не для тѣхъ, кто лишь подавленъ ея сумбуромъ и склоненъ поддаваться мрачной лѣни или брюзжанію, подъ предлогомъ гражданской скорби, чтобы тѣмъ не совсѣмъ искренно оправдывать свою «славянскую непроизводительность».

— Помилуйте, моль, ну что можно дѣлать въ наши дни, когда.. и т. д.

Многіе возражаютъ, конечно, что тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ время было гораздо интереснѣе: эпоха великихъ реформъ, періодъ ломки, созиданія, подъема общественнаго пульса и температуры, расцвѣтъ надеждъ, поступательное движеніе во всѣхъ областяхъ жизни и мысли и т. п.

Они будутъ неправы, ибо интересъ во всемъ этомъ былъ для изслѣдователя, отличающаго плоды отъ корней, преимущественно внѣшній. Это былъ взрывъ результатовъ, причины которыхъ не только теперь, но и тогда были многимъ ясны: прививка и пересадка западно-европейскихъ понятій, формъ и учрежденій на мало-подготовленную русскую почву.

Въ ломкѣ для культурнаго человѣка ничего особенно интереснаго нѣтъ: это вещь простая и всегда немножко грубая; при торопливой ломкѣ вреднаго и отжившаго всегда разрушается что-нибудь полезное и жизнеспособное. Ломающіе всегда хотятъ отличиться, изъ побужденій прямолинейно-принципіальныхъ, а также и неизбежныхъ соображеній личной выгоды или тщеславія.

Насаженіе, созиданіе,—вотъ прекрасныя вещи, когда онѣ происходятъ вдумчиво, серіозно: не въ силу отвлеченныхъ теорій и не въ видѣ экспериментовъ надъ живою человѣческою средою, а на основѣ всесторонняго знакомства съ нею, разумной любви къ ней и того національнаго чутья, которое иногда, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, служитъ надежнымъ пробнымъ камнемъ для проектируемыхъ мѣропріятій.

Такого рода созидательная работа въ міровой исторіи встрѣчается весьма рѣдко въ высоко-культурныхъ странахъ, въ которыхъ общественность всесторонне разработана. Но и по отношенію къ государствамъ, столь благополучнымъ, совре-

менные серьёзные знатоки общественной психологии находятъ, что такъ называемыя «великія» или коренныя реформы, рѣзко мѣняющія жизненный складъ, суть мѣры противо-соціальныя и опасныя, подобно тѣмъ «лошадинымъ» средствамъ, отъ которыхъ умираютъ отдѣльные люди, попадая въ руки слишкомъ рѣшительныхъ эскулаповъ. Живая, а не воображаемая, жизнь создается постепенно—и постепенно же должны отмирающія формы замѣняться другими; при этомъ надо помнить, что *есть формы и учрежденія глубочайше-органическія, посягательство на которыя влечетъ за собою смерть государственнаго или общественнаго организма.*

Среди духовно-крупныхъ реформаторовъ шестидесятихъ годовъ были и такіе, которые надлежащею вдумчивостью не всегда обладали, вслѣдствіе чего творчество ихъ порою носило характеръ отчасти «переводный» или компилятивный: одни добросовѣстно и съ пламенною вѣрою въ свое дѣло подчинились западнымъ теоріямъ, другіе—классовымъ инстинктамъ, третьи—желанію отличиться передъ начальствомъ и печатью домашней и зарубежной, которой, кстати сказать, побаивалось и само начальство.

Поѣздъ съ этими господами сталъ на рельсы, раздались звонки, свистки—и дѣло двинулось по намѣченнымъ шаблонамъ...

Картина была во многихъ отношеніяхъ трогательная, поразительная—и неправъ покойный Щербина, назвавъ эти лихорадочные дни «комическимъ временемъ»: въ искреннихъ ошибкахъ бывалъ истинный трагизмъ, а, кромѣ того, осталось отъ тѣхъ дней и цѣнное наслѣдіе, которое долго еще будетъ благомъ для родины.

Но оригинальныхъ оттѣнковъ во всемъ этомъ было немного. Съ точки зрѣнія *коренныхъ* созидательныхъ идей, картина была любопытна вначалѣ, а потомъ столь же мало интересна, какъ романъ, окончаніе котораго заранѣе косвенно предсказывается самимъ авторомъ, желающимъ подслужиться модѣ: если принято заканчивать слияніемъ сердецъ въ законномъ бракѣ,—то такъ оно и будетъ: если, какъ въ шестидесятыя годы, бракъ считается нелѣпымъ стѣсненіемъ и оскорбленіемъ памяти нашего предка-орангутанга, то героиня

романа, будь она даже супругою сановника, непременно убь-
жить съ какимъ нибудь лохматымъ господиномъ южнаго типа...

Характерною и предрѣшающею многія подробности чертою
указаннаго яркаго времени являлось то, что, при многихъ
проектахъ, мечтаніяхъ и даже мѣрахъ, имѣлся въ виду несущ-
ествующій *отвлеченный человекъ*, искусственно выдвинутый
и воцарившійся въ умахъ нѣсколькихъ поколѣній.

Наше время гораздо интереснѣе, прежде всего потому, что
на высотахъ современной западно-европейской философской и
научной мысли, у которой наша интеллигенція постоянно
просить указаній, сравнительно недавно произошелъ серьезный
переворотъ въ возрѣніяхъ на общественную психологію и
основы государственной науки. Отвлеченный человекъ сданъ
въ архивъ. Не только доказана неопровержимыми данными
несостоятельность теорій, трупамъ которыхъ еще покорна
наша російская интеллигенція, но и разоблачены тѣ шуллер-
скіе приемы, которыми, при довольно сходныхъ съ нами
условіяхъ, на Западѣ стараются поддерживать господство этихъ
теорій разные дѣльцы, привыкшіе черпать въ нихъ полити-
ческую силу и обильный кормъ.

Покуда наука и жизнь еще не опровергли этихъ теорій
и не внесли серьезныхъ поправокъ въ устарѣлыя нынѣ фор-
мулы, среди ревнителей того, что оказалось заблужденіемъ,
и заграницей и у насъ, были несомнѣнно люди духовно-
высокіе, искренніе и прямые. Они служили тому, что считали
истиною. Теперь бы такіе люди призадумались и не закрыли
бы глазъ на живые факты и вѣскіе доводы. Дѣльцы—статья
иная: они сознательно лгутъ и поддерживаютъ ложь, пока это
имъ выгодно, пока это даетъ имъ престижъ, вліяніе и деньги.

Многіе изъ російскихъ жрецовъ отвергаемаго наукою ку-
мира, казавшіеся еще сравнительно недавно апостолами правды,
народнаго блага и прогресса, опиравшіеся на яркіе и попу-
лярные въ ту пору научные авторитеты,—нынѣ иначе не
могутъ быть названы, какъ ослѣпшими фанатиками или хан-
жами омертвелаго культа. Да, большинство именно ханжами,
потому что имъ приходится теперь замалчивать науку, знаніемъ
которой они продолжаютъ кичиться, и усиливать до крайности
свою партійную цензуру; не то,—вѣдь, упаси Боже, кто нибудь

разоблачить ихъ фарисейство и докажетъ, что ихъ мнимый «либерализмъ» есть не всегда безкорыстное служеніе инородческой буржуазіи, а мнимая забота о народѣ—стремленіе подорвать государственную силу, во исполненіе зарубежныхъ приказаній, или ради удовлетворенія классовыхъ аппетитовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ любовью къ народу.

И цензура этихъ ревнителей «свободы» далеко оставляетъ за собою недомысліе тѣхъ временъ, когда у насъ воспрещались въ поваренной книгѣ «цыплята на вольномъ духу»; она превосходитъ жестокость темныхъ дней, когда въ романскихъ странахъ людей науки инквизиторы сажали въ подземелья.

Въ программу этой, не только оборонительной, но и наступательной цензуры входятъ и «заговоръ молчанія», и недостойныя клеветы противъ личности людей, дерзающихъ мыслить самостоятельно, и втаптываніе въ грязь нѣкоторыхъ такихъ созидательныхъ понятій, какъ національная идея, приверженность къ исторически-сложившемуся государственному строю, религиозное міросозерцаніе и др.

Всѣ средства бываютъ хороши, чтобы только утаить шило въ мѣшкѣ, а оно торчитъ—и публика начинаетъ его замѣчать.

Появленіе Максима Горькаго есть до извѣстной степени логическое послѣдствіе фарисейства, ханженства его духовныхъ родителей, покровителей и трубачей. Ему, какъ человѣку болѣе непосредственному, надоѣли эти улыбающіеся авгуры, эти калхасы мнимаго прогресса и дѣйствительнаго разложенія, драпирующіеся въ гуманитарныя тоги. Онъ вышелъ на улицу, да и брякнулъ все, о чемъ они умалчивали или говорили намеками. Мало сказать «брякнулъ»: запѣлъ цѣлую «пѣснь торжествующей... разнузданности»...

Голосъ свѣжій, зычный, не безъ искренныхъ нотъ—и хотя пѣснь не очень приличная, но успѣхъ она имѣла оглушительный и понравилась даже многимъ изъ тѣхъ, для кого реальное торжество разнузданныхъ инстинктовъ явилось бы въ социальномъ отношеніи «третьимъ пунктомъ». Это у насъ въ Россіи давно уже такъ сложилось, подъ влияніемъ перепереваренныхъ западныхъ теорій: многіе радостно и даже злорадно потираютъ руки, когда ктонибудь рубить тотъ сукъ, на ко-

торомъ они сидятъ и о крѣпости котораго обязаны заботиться!.. Такое, немножко лакейское, злорадство вытекаетъ, вѣроятно, изъ инстинктивнаго сознанія, что болтовня останется болтовнею и ничего рокового въ сферѣ двадцатаго числа не произойдетъ. Отчего же не побаловаться этими «*idées subversives comme arpeçus de morale*»,—какъ говорилъ Щедринъ.

Успѣхъ Максима Горькаго, при всемъ убожествѣ его идей, объясняется именно тѣмъ, что онъ, подобно своимъ циничнымъ героямъ-босьякамъ, безпереромно изложилъ истинное исповѣданіе той среды, которая его возвеличила.

Это уже шагъ впередъ, подобно тому, какъ сыпь на больномъ тѣлѣ, облегчающая діагнозъ болѣзни, есть шагъ впередъ въ положеніи паціента.

Нѣкоторые обыватели съ пылкимъ воображеніемъ считаютъ названнаго «пророка» фатально-могучимъ «буревѣстникомъ» и находятъ, что русскій строй переживаетъ болѣзнь смертельную. Это мрачное заключеніе кажется мнѣ преувеличеннымъ. Спору нѣтъ: болѣзнь серьезная, но исходъ ея—въ рукахъ врачей и, отчасти, самого больного. Нуженъ строго-обдуманый, послѣдовательный режимъ, нѣкоторая діета и, главное, *хорошее питаніе и свѣжій воздухъ*. При такихъ условіяхъ менѣе опасны случайности, которыя, впрочемъ, вообще менѣе опасны государствамъ и народамъ, нежели отдѣльнымъ лицамъ. Повторяю: конечно, необходимо посерьознѣе думать о гигиенѣ и леченіи больного,—на Бога надѣяться, а самимъ не плошать!..

Апостоль босячества, какъ прорвавшійся нарывъ извѣстнаго міросозерпанія, сослужить свою службу тѣмъ, что господамъ фарисеямъ той же школы ни въ какую благообразную тогу драпироваться уже не придется. Лучшая часть общества имъ уже не повѣритъ и мода на нихъ пройдетъ. Пройдетъ мода и на откровенное босячество: въ маленькихъ дозахъ оно, пожалуй, даже интересно, но если до безчувствія,—такъ покорно благодаримъ! Цинизмъ порождаетъ тошноту и нравственную реакцію.

Маститый А. М. Жемчужниковъ, вѣроятно, не предвидѣлъ вырожденія прогрессивнаго фарисейства въ откровенное босячество, когда сказалъ по другому поводу:

Возможно маску снять; зачѣмъ снимать рубашку?!

Наше общество, включая сюда молодежь, если еще не перерастаетъ своихъ гипнотизеровъ и мистификаторовъ, то, во всякомъ случаѣ, проявляетъ нѣкоторую склонность избавиться отъ устарѣлаго выдохшагося гипноза. То здѣсь, то тамъ, приходится слышать рѣчи, выходящія изъ рамокъ и программы недавно полновластнаго либерализма. Одинъ изъ главныхъ, и въ послѣднее время наиболѣе настойчиво выдвигаемыхъ пунктовъ этого буржуазнаго исповѣданія, уродующій и компрометирующій всю его программу,—*а именно, подчиненіе русскихъ племенныхъ интересовъ и національнаго достоинства аппетита западныхъ капиталистовъ и стремленіямъ враждебно-обособляющихся російскихъ инородцевъ*—этотъ пунктъ оспаривается все болѣе открыто, и притомъ не ретроградами, не консерваторами, а даже людьми, склонными покуда исполнять остальные требованія упомянутой программы. Это честные, но робко и непослѣдовательно мыслящіе, люди, не рѣшающіеся отстать отъ знакомаго берега и пойти путемъ самостоятельнымъ. Если живость ума, темпераментъ или жизненные явленія заставляютъ ихъ вдуматься въ эту программу, то ея зданіе почти цѣликомъ рухнетъ въ ихъ глазахъ.

Нѣкоторыя изъ составныхъ частей либеральной программы, несомнѣнно почтенныя, созидательныя и душеполезныя, войдутъ, конечно, какъ строительный матеріаль, въ новую постройку воззрѣній и жизненной практики. Врядъ-ли можно, напримѣръ, отрицать справедливость равенства всѣхъ предъ судомъ, или необходимость заботиться, прежде всего, о нуждахъ народной массы, благополучіе которой составляетъ силу государства; врядъ-ли можно отрицать необходимость просвѣщенія народа, или предпочтительность, въ области духовной, творчески-нравственнаго воздѣйствія, а не матеріальнаго... И людямъ противоположнаго направленія, борющимся теперь съ заблужденіями отживающаго либерализма, придется заговорить по иному, отказаться отъ нѣкоторыхъ крайностей, дающихъ силу... только ихъ противникамъ.

Строго говоря, понятія «либерализма», «консерватизма» и тому подобныя этикетки уже отживаютъ; онѣ искажены, отмѣнены, полуразрушены жизненною практикою. У крайнихъ даже консерваторовъ чаще всего встрѣчается широчайшая

терпимость, т. е. либерализмъ въ идеальномъ смыслѣ слова, а у крайнихъ либераловъ—деспотизмъ и черты рьянаго същика, доносящаго на своихъ противниковъ на три фронта: и ихъ собратьямъ, и «либеральному судилищу», и начальству. Съ другой стороны, игнорированіе жизни и приверженность къ устарѣлымъ аргументамъ у нѣкоторыхъ людей первой категоріи, по своимъ послѣдствіямъ, можетъ быть названо «бѣлымъ нигилизмомъ»; а прогрессисты мнимые, заматерѣлые на своихъ шаблонахъ, отстаивая то, что наука отвергла,—являются истинными ретроградами.

Настоятельно нужна *переоцѣнка цѣнностей*... Переворотъ въ воззрѣніяхъ неизбеженъ. Если-бы Н. С. Лѣсковъ теперь написалъ «Смѣхъ и горе», то оно вышло бы гораздо пикантнѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ: ужь больно много людей «не на своихъ мѣстахъ и не при своемъ дѣлѣ». Добросовѣстные, самостоятельные взгляды не могутъ окаменѣть и нуждаются въ развитіи, въ постоянныхъ поправкахъ, сообразованныхъ съ живою правдою.

Я лично на себѣ испыталъ такой радикальный переворотъ, подъ вліяніемъ ряда яркихъ, вопіющихъ фактовъ, воочію доказавшихъ мнѣ и несостоятельность и глубокую безнравственность именно приведеннаго главнаго пункта, буржуазно-либеральнаго исповѣданія. Мнѣ довелось видѣть на кавказской окраинѣ, какъ плутократическая армянская стачка, захвативъ въ свои руки всѣ жизненные силы цѣлаго края, не исключая совѣсти многихъ представителей служилой интеллигенціи, орудовала всѣми заповѣдями либерализма для того, чтобы совершать и прикрывать самыя безчеловѣчныя, самыя противообщественныя дѣянія. Выборное начало служило незаконному преобладанію и неправому стяжанію армянскихъ богачей; формально-правовой порядокъ—успѣхамъ, опять-таки, представителей этого изворотливаго народца, съ которыми на поприщѣ судебной казуистики не могутъ соперничать сыны племенъ болѣе наивныхъ и благородныхъ, въ томъ числѣ русскіе.

Отсутствіе искренно-продуманнаго національнаго направленія въ экономической политикѣ повлекло за собою матеріальное закабаленіе, опять-таки, даже представителей «господ-

ствующей» народности, которая, для блага самих же кавказских туземцев, должна бы занимать въ краѣ достойное, авторитетное положеніе. Куда ни глянь—вездѣ было то же самое, какъ результатъ отвлеченной, нежизненной программы, проникшей не только въ наше общественное сознаніе, но и въ складъ нашихъ учреждений. Мучительно до нестерпимости было глядѣть на неизвѣстныя, бросающія тѣнь на наши правящіе классы, страданія русскихъ простолюдиновъ, погибавшихъ и отъ безпомощности въ тяжелыхъ естественныхъ условіяхъ, и отъ нестроенія мѣстныхъ дѣлъ, и отъ сатанинской безчеловѣчности враждебно-влятельныхъ инородцевъ, порою безпрепятственно къ нимъ примѣнявшейся. Эпопеи духоборческая и переселенческая таковы въ своихъ подробностяхъ, что свидѣтелямъ хоть нѣкоторыхъ эпизодовъ нельзя вспоминать о нихъ безъ суетвѣрнаго ужаса.

Любому русскому «интеллигенту», заучившему на школьной скамьѣ рядъ теоретическихъ воззрѣній, не оправдываемыхъ жизнью, полезно-бы поближе присмотрѣться къ тому, что совершается въ этомъ краѣ. При малѣйшей склонности къ добросовѣстному, самостоятельному мышленію, онъ сперва будетъ испуганъ и возмущенъ, а потомъ взглянетъ на указанные явленія, какъ на пробный камень, неопровержимо доказывающій нелѣпость или неискренность шаблонно-либеральной программы.

Но вотъ, что особенно типично: всякій разъ, когда приходилось разоблачать наглядными фактами тѣ или иныя дрянныя стороны мѣстной жизни,—это вызывало яростнѣйшія нападки со стороны наиболѣе извѣстныхъ представителей современной либеральной печати. Этими послѣдними наглядно проявлялось чувство совершенно одинаковаго достоинства съ чувствомъ дореформенныхъ взяточниковъ, готовыхъ утопить въ ложкѣ воды всякаго, кто откроетъ тѣ или иныя темныя пашни. Очевидно, эти люди «не при своемъ дѣлѣ» состоятъ! Какая то принципиальность нехорошей тайны! Мнѣ вначалѣ прямо не вѣрилось, что такое явленіе возможно; я приписывалъ его недоразумѣнію, клеветѣ, устно и письменно выяснял нѣкоторымъ, лично знакомымъ, ревнителямъ «правъ чловѣка» истинное положеніе вещей; показывалъ имъ харак-

терныя письма духоборъвъ, русскихъ простолюдиновъ, наконецъ, даже туземцевъ, пригнетенныхъ мѣстною инородческою плутократіей; ссылался на факты, официально констатированные лучшими представителями русской власти.

Помимо всякихъ личныхъ соображеній, которыя при настоящей убѣжденности роли не играютъ,—разгорѣлась во мнѣ до крайности принципиальная любознательность. На одной чашкѣ вѣсовъ—реальныя народныя страданія, издѣвательство надъ закономъ, нравственностью, культурой; на другой—приверженность къ программѣ, которая опровергается и наукою и жизнью. Что перевѣситъ? Неужели факты, наглядные, безспорные, не имѣютъ силы убѣжденія?..

Оказалось, что не имѣютъ. И здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ жизни, противъ неискренности и ханжества какіе угодно факты безсильны! Тутъ властвуютъ и ложное самолюбіе и слѣпое партійное буквоѣдство, и, въ единичныхъ случаяхъ, побужденія, гораздо менѣе извинительныя, выясняющія, почему упомянутый пунктъ занялъ такое преобладающее значеніе въ программѣ россійскаго либерализма...

Люди, передъ которыми развертывалась во всѣхъ неприглядныхъ деталяхъ картина, бѣгло здѣсь очерченная, не могли не понять, что упомянутая неискренность коренилась и въ несостоятельности самой программы, и въ нравственно-гражданскомъ уровнѣ ея ревнителей, о которыхъ пришлось сказать:—«Эге! голубчики, такъ вотъ вы каковы!..»

Къ такому выводу, незамѣтно для самой себя, подъ вліяніемъ мало-мальски серіознаго столкновенія съ живыми явленіями дѣйствительности, приходитъ постепенно вся добросовѣстно-мыслящая часть русскаго общества. Шаблонныя теоріи отпадаютъ, постепенно шелушатся при будничныхъ спокойныхъ условіяхъ, а при видѣ народныхъ страданій переворотъ въ челоуѣкѣ съ сердцемъ совершается мучительно-быстро и рѣзко: либерализмъ безъ народолюбія и съ непремѣнною уступкою всего національно-завѣтнаго,—да это банкирскій, гешефтмахерскій либерализмъ, а не ревность о «правахъ челоуѣка!» Что намъ до отвлеченнаго челоуѣка,—когда живому нашему соплеменнику и брату надо помочь исполнить долгъ духовно-развитаго гражданина?! Отойдите,

книжники и фарисеи! Переоцѣнку цѣнностей! Отбросить надо истрепавшійся, разлагающійся хламь!..

Но безъ формулъ, безъ программъ, никакое мыслящее общество не можетъ и не должно обходиться.

Какова же будетъ формула, которая взаимнѣ отжившей дастъ болѣе честный отвѣтъ на запросы дѣйствительности, залечить раны прошлыхъ скорбей и ошибокъ, сольетъ различные общественные слои въ дружную семью, во имя блага родины и реальныхъ правъ живого человѣка?

Заранѣе начертать ее трудно, такъ какъ она еще въ періодѣ зачатія для большей части нашего образованнаго общества. Несомнѣнно одно: что органически - составною, созидающею частью ея должна быть и будетъ струя русской самобытности, стремленіе къ упроченію и развитію нашихъ исконныхъ творческихъ началъ. Это подтверждается многими знаменательными признаками. Это—явленіе, представляющее глубочайшій философскій, научный и жизненный интересъ,— главный интересъ нашего времени, такъ какъ рѣчь идетъ о коренной перемѣнѣ цѣлаго міросозерцанія.

Это—явленіе, по жизненнымъ послѣдствіямъ своимъ, приблизительно равноцѣнное преобразованіямъ временъ Петра Великаго, положившимъ начало необходимому намъ культурному слбиженію съ Западомъ и нашему міровому политическому могуществу. Начинаящаяся теперь націонализація русской мысли и жизни должна быть признана такимъ же шагомъ впередъ, какъ упомянутыя преобразованія, ибо она является признакомъ здороваго органическаго усвоенія полезныхъ намъ началъ, сообразованнаго со свойствами нашей самобытности; при разумной работѣ придется отбросить только лишнее, противорѣчащее нашимъ исконнымъ устоямъ и творческимъ началамъ.

Люди, навболѣе вѣрные этимъ началамъ, пламенные и чуткіе,—наши славянофилы,—давно уже повели работу въ желанномъ направленіи; трудъ ихъ своевременно сдѣлалъ свое дѣло, оздоровляющимъ образомъ повліявъ и на часть нашего образованнаго общества, и даже, отчасти, на степень жизненности нашего законодательнаго развитія.

Но, такъ или иначе, преобладающаго значенія они не

получили, такъ какъ и наша гуманитарная наука, и большая часть вліятельной печати, и общественные кружки находились и доселѣ находятся во власти устарѣлаго нынѣ раздражительнаго западническаго направленія; устарѣлаго потому, что, какъ выше сказано, на Западѣ и серьезная наука и жизнь уже вступили на иной, болѣе разумный путь.

Мы такъ привыкли за триста лѣтъ безъ особеннаго разбора заимствовать многое у западной Европы, что невольно, по поводу замѣчаемаго теперь подъема національныхъ чувствъ, возникаетъ вопросъ: не заимствуемъ-ли мы и теперь это теченіе у кого-либо изъ сосѣдей, хотя бы, напримѣръ, у германцевъ, зашедшихъ по этому пути, пожалуй, даже слишкомъ далеко?

На этотъ вопросъ, къ счастью, приходится отвѣтить отрицательно. Если были и бываютъ по этой части заимствованія, то исключительно въ рѣдкихъ крайнихъ и не всегда искреннихъ проявленіяхъ русскаго націонализма, напоминающаго въ такихъ случаяхъ прусское «юнкерство»; иногда, при полной искренности и благородствѣ побужденій, нѣкоторое «западничество» консервативнаго націонализма выражается въ примѣси узко-сословныхъ или узко-полицейскихъ (въ стилѣ Лоренца фонъ-Штейна) возрѣній на нашу государственность.

Истинно-творческій подъемъ русской національной идеи слѣдуетъ признать явленіемъ естественнымъ, результатомъ не только непосредственно вызвавшихъ его отдѣльныхъ событій, но и государственнаго созрѣванія нашего въ широкомъ историческомъ смыслѣ этого слова.

Воплощеніемъ нашей зрѣлости и духовной силы явился Царь Александръ III, вѣнценосный провозвѣстникъ и ревнитель русской національной идеи. Завѣтъ Его выполняется и преемственно-державными трудами и свободнымъ творчествомъ той части русскаго общества, которая оказалась на высотѣ этого призванія.

Такъ какъ никакое серьезное національное движеніе немислимо безъ исторической школы въ широкомъ творческомъ значеніи этого слова, то въ память безвременно угасшаго Самодержца возникло «Общество ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія». Неторопливо, безъ рекламы и шума,

но неуклонно выполняет оно свою благородную задачу, распространяя знаніе исторіи и любовь къ русскому завѣтному прошлому въ правящихъ классахъ, и давая народной массѣ здоровое патріотическое чтеніе.

Затѣмъ, слишкомъ годъ тому назадъ, возникло и съ чрезвычайною быстротою разрослось своеобразное «Русское Собраніе»; не взирая на крайне расплывчатую формулу коренныхъ статей устава и на единичныя слабыя попытки истолковывать и примѣнять эту формулу способами, бесполезными съ точки зрѣнія сосредоточенія русскихъ духовныхъ силъ,—молодое общество успѣло уже зарекомендовать себя, какъ органъ трезваго русскаго самосознанія, свободный отъ мелкаго политиканства и увлеченія пустыми фразами, склонный къ добросовѣстной спокойной работѣ.

Въ Харьковѣ, по почину профессора Вязигина, возникъ небольшой журналъ «Мирный Трудъ», вокругъ котораго группируются ревнители національной идеи. Въ Москвѣ кружокъ націоналистовъ, съ г. Герасимовымъ во главѣ, издаетъ весьма интересные сборники, дышащіе любовью къ русскому дѣлу. Надо надѣяться, что эти благія начинанія разовьются.

Быстрый успѣхъ обоихъ вышеназванныхъ обществъ объясняется прежде всего тѣмъ, что вопросъ назрѣлъ—и многимъ разрозненнымъ русскимъ людямъ, думавшимъ родную думу, достаточно было только найти желанные очаги, чтобы броситься къ нимъ отогрѣвать наболѣвшую душу, истомленную долгимъ безвременьемъ и насильственно навязанною ложью противонаціональныхъ программъ. На разныхъ окраинахъ, гдѣ съ особенною остротою чувствуется несостоятельность этихъ послѣднихъ, и сознается необходимость углубить и утвердить русскую идею, силу и престижъ,—раздались восторженно-привѣтные голоса, и сердца забились радостною надеждой.

Движеніе это, повторяю, создано самою жизнью—и потому неизбежно разрастется въ мощный всеобъемлющій потокъ: это Антей, стремящійся прикоснуться къ родной почвѣ и предчувствующій свою будущую силу.

Отъ людей, не примкнувшихъ еще къ этому теченію, но и не возражающихъ цѣликомъ противъ него, приходится слышать иногда такое сужденіе:

«— Ну, хорошо-съ! Пусть развивается русское самосознаніе на окраинахъ, гдѣ у нашего народнаго дѣла несомнѣнно есть сплоченные, организованные враги! Это можно понять; съ натяжкой можно допустить то же самое по отношенію къ нашему космополитическому Петербургу. Но помилосердитесь, развѣ въ какой-нибудь Тульской или Смоленской губерніи не преобладаютъ русскіе люди? Въ какомъ «обращеніи» или «обрусѣніи» они еще нуждаются? Чего имъ достигать?»

Въ отвѣтъ на это можно спросить, въ свою очередь:

— А развѣ эти бесспорно-русскіе люди, образованные по-заморскому въ нашихъ университетахъ туляки, калужане, смоленцы и т. д., по складу мыслей своихъ близки къ народной средѣ? Развѣ ихъ культурная работа,—общественная, казенно-служебная и частная,—приноситъ всѣ тѣ живые плоды, какіе она принесла-бы, если-бы эти дѣятели были усовершенствованными типичными представителями русскаго племени, а не полуиностранцами или, просто, безпочвенными «интеллигентами»?

Не бываетъ-ли случаевъ, когда эти люди, сами по-себѣ, быть можетъ, вполне достойные, подвергаютъ народную массу экспериментамъ, въ силу своихъ отвлеченныхъ взглядовъ, и причиняютъ ей ненужныя стѣсненія и даже огорченія? Смотрятъ-ли на нихъ народъ, какъ на ближайшихъ своихъ просвѣщенныхъ друзей и надежныхъ руководителей? Наконецъ, въ случаяхъ, когда происходятъ столкновения интересовъ между ними и крестьянами, то разрѣшаются-ли эти столкновения такъ, чтобы духовная связь разныхъ элементовъ родной Россіи оставалась по существу вѣрною нашимъ историческимъ земскимъ завѣтамъ, нерушимо-благородною, сердечною?

Старая формальная связь, основанная на принужденіи съ патріархальнымъ отгѣнкомъ, реформою Царя - Освободителя расторгнута; и слава Богу: крестьянинъ, кормилецъ Земли Русской, сталъ полноправнымъ гражданиномъ! Но значить-ли это, что онъ уже не нуждается въ постоянной культурной помощи образованныхъ правящихъ классовъ? Или, какъ думаютъ нѣкоторые доктринеры, правящихъ классовъ вовсе не нужно, а нужны только избирательные ящики и шары, при

чемъ шары пьянаго сапожника и трезваго мыслителя должны имѣть одинаковую цѣнность? Но существуетъ ли въ мірѣ хоть одинъ дѣйствительно-культурный народъ, которому достаточно состоять изъ однихъ только крестьянъ, а не нужно никакой умственной аристократіи, поддерживаемой и внѣшними условіями и традиціями, чтобъ эту высокую роль выполнять свободно и съ достоинствомъ?!....

Развѣ теперъ не нужна связь на новыхъ, болѣе высокихъ началахъ между этими членами единой семьи? Можетъ ли достойно жить великая нація, жизненныя силы которой разрознены или враждебны между собою? Создать такую добровольную связь труднѣе, чѣмъ принудительную! Тутъ есть надъ чѣмъ призадуматься, есть надъ чѣмъ поработать!

Такой работы, положимъ, сдѣлано много, и притомъ людьми по-своему искренно народолюбивыми,—между прочимъ, и сердечно-чистыми учениками фарисеевъ либерализма. Но можно ли отрицать, что ихъ труды зачастую носили отпечатокъ односторонности, тенденцій разрознивающихъ, а не созидательно-объединяющихъ русскую жизнь?! Развѣ не было цѣлой категоріи выборныхъ мировыхъ судей, рѣшавшихъ дѣло въ пользу крестьянина, даже когда правъ не онъ, а помѣщикъ? Положимъ, изъ среды съ другимъ направленіемъ потомъ выдвигались иногда земскіе начальники, склонные поддерживать барина. И то и другое не желательно, не нужно, является результатомъ и факторомъ пагубной розни во взглядахъ и жизни! Куда не глянь,—всюду narosla эта рознь! Развѣ мало было приговоровъ общихъ судебныхъ установлений, извращающихъ народный взглядъ на правосудіе? Развѣ мало, наконецъ, беспочвенная интеллигенція вообще вносила нелѣпой смуты въ помѣстную жизнь и обывательское сознаніе.

Почва для этой смуты была готова, такъ какъ еще не зажили раны отъ произведеннаго реформами разрыва органическихъ частей русскаго строя. Новому полноправному гражданину сразу мудрено было отдѣлаться отъ жгучихъ воспоминаній рабства, о которыхъ съ такою проникновенною христіанскою любовью говорить Тютчевъ:

—Но старыя, гнилыя раны,
 Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложеть умъ и въ сердцѣ ноеть...
Кто ихъ излечить, кто прикроеть?
Ты, риза чистая Христа!..»

Увы! наиболѣе шумная и энергичная часть нашей интеллигенціи, во имя отвлеченныхъ, иногда даже отвлеченно-благородныхъ, но мертворожденныхъ теорій,—отрекалась отъ живой помощи Христа,—и это предъ лицомъ наивно-вѣрующаго народа, и въ такой исторической моментъ, когда *только на этой основѣ*, освящающей благоденственное и мирное житіе, можно было созидать цѣпь новыхъ отношеній?! Что могъ думать народъ о нихъ, о самомъ себѣ, о положеніи вещей въ Россіи, о новомъ пути, открывавшемся предъ нимъ? Свои права онъ созналъ довольно быстро, подъ влияніемъ самозванныхъ учителей и собственного инстинкта; но такъ ли быстро и глубоко созналъ онъ отвѣчающія имъ *обязанности*, являющіяся единственнымъ серьезнымъ признакомъ истиннаго гражданскаго роста? Событія послѣднихъ дней даютъ неуѣшительный отвѣтъ на этотъ серьезный вопросъ....

Такъ или иначе, ни одинъ добросовѣстный наблюдатель русской жизни не станетъ спорить противъ того, что для установленія нормальной и плодотворной связи между разрубленными реформой частями русскаго національнаго организма, нужна вдумчивая систематическая работа, вдохновленная беззавѣтною любовью къ родинѣ. Нужны, стало быть, очаги, гдѣ бы сосредоточивались и разрастались эти чувства и разрабатывались эти спасительныя мысли. Вѣдь ничто не дѣлается само собою, ничто не дается даромъ; да и не прочно то, что дается даромъ....

Во внутреннемъ духовно-національномъ подъемѣ, а не въ окраинной борьбѣ, заключается сущность нашей задачи и главный смыслъ культурнаго патріотизма. Окраинная борьба до известной степени неизбежна и необходима, но для русскаго достоинства важно и для дѣла полезно, чтобъ она велась во всеоружіи благороднаго національнаго самосознанія, а не посредствомъ вспышекъ чисто-зоологическаго патріотизма, иногда неумѣреннаго и даже неискренняго. При лучшихъ условіяхъ, эти порывистыя вспышки, иногда несомнѣнно вы-

зываемыя горькою необходимостью, приносятъ сравнительно малую долю пользы, свидѣтельствуя попутно о томъ, что русскій центръ, небогатый возвышеннымъ самосознаніемъ, шлеть на окраины людей, не стоящихъ на высотѣ своего созидательнаго и воспитательнаго въ государственномъ смыслѣ призванія.

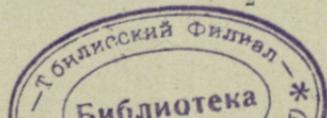
Общій подъемъ самоотверженнаго, вдумчиваго патриотизма, дружная работа общества рука-объ-руку съ правительствомъ, безъ доктринерской вражды или холопскаго фрондированія по отношенію къ представителямъ и системѣ государственнаго дѣла,—вотъ, что нужно теперь нашей родинѣ, вотъ, что долженъ ей дать, и непременно дать подъемъ національнаго самосознанія.

Конечно, неизбежны при этомъ и борьба возрѣвнѣй, и недоразумѣнія, и ошибки,—но главное теченіе должно направиться по этому руслу. Въ наши дни живетъ тяжело именно потому, что это теченіе не вошло еще въ должную силу.

Либерализмъ не удовлетворяетъ никого, топчется на мѣстѣ, все болѣе отставая отъ жизни; устарѣлая мѣстами аргументація консерватизма требуетъ обновленія; босячество и инныя формы общественной анархіи имѣютъ успѣхъ *не какъ направленіе*, а скорѣе, какъ *наркотическое развлеченіе* общества, тоскующаго именно отъ отсутствія опредѣленныхъ творческихъ идеаловъ.

У каждаго времени есть своя общественная гармонія, свой синтезъ, своя равнодѣйствующая борющихся теченій и воздѣйствій, по которой при нормальныхъ условіяхъ долженъ проходить путь общественнаго развитія... Въ нарастающей новыи синтезъ, надо полагать, войдетъ все жизнеспособное и цѣнное изъ двухъ противоположныхъ программъ, устарѣлая формулы и даже названія которыхъ отойдутъ въ область исторіи.

Говоря серьезно о подъемѣ національнаго самосознанія, нельзя не имѣть въ виду мнѣній двухъ замѣчательныхъ русскихъ умовъ: К. Н. Леонтьева и Вл. С. Соловьева. Первый, какъ убѣжденный консерваторъ и государственникъ, опасался неумѣреннаго національнаго подъема, грозящаго, по его мнѣ-

нію, прорывомъ цѣлостной государственной гармоніи; второй, какъ ревнитель нравственно-религіозной идеи, признававшій за государствомъ высокое воспитательное значеніе, опасался возведенія національной идеи въ культъ языческой, съ прорывомъ тѣхъ нравственныхъ нормъ, въ которыхъ государство должно черпать силу и усматривать свою общечеловѣческую цѣль.

Это—опасенія, которыя необходимо имѣть въ виду при обсужденіи вопроса о границахъ уравновѣшенной національной идеи. Своевременно придется вернуться къ болѣе подробному обсужденію приведенныхъ взглядовъ; покуда же достаточно отмѣтить, что оба носители этихъ взглядовъ были, тѣмъ не менѣе, пламенными русскими патріотами, каждый на свой ладъ. Очевидно, голосъ природы былъ сильнѣе умозаключеній, и силою вещей въ нихъ было достигнуто совмѣщеніе того, что казалось имъ несовмѣстимымъ.

Даже если допустить, что эти мыслители правы съ точки зрѣнія общественной психологіи,—если, дѣйствительно, въ подъемъ національнаго самосознанія есть опасная обратная сторона медали, то все-же вопросъ объ этомъ новомъ теченіи является главнымъ вопросомъ нашихъ дней, подлежащимъ возможно-болѣе продуманному рѣшенію.

Онъ поднятъ не случайно; правда, и все, что происходитъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, и окраинныя дѣла и дѣлишки наши подняли и обострили интересъ къ нему; но первопричиною и кореннымъ возбудителемъ его приходится признать всю совокупность явленій русской жизни за три столѣтія, въ особенности за XIX вѣкъ. Тутъ дѣйствуетъ начало стихійное, котораго остановить нельзя, а можно лишь отчасти регулировать.

У многихъ русскихъ людей это стихійное начало находится еще въ періодѣ безсознательномъ и въ противорѣчій съ тѣми взглядами, которые они исповѣдуютъ, такъ сказать, машинально, подъ вліяніемъ плохо поставленной школы, тенденціозной печати и поверхностныхъ разговоровъ съ многочисленными представителями шаблонныхъ теорій. Поэтому необходимо обоснованіе самой законности, научной и жизненной цѣнности даннаго вопроса.

Блаженной памяти славянофилы трудились надъ нимъ, частью съ большей или меньшей наглядностью заимствуя аргументацію и даже идеи у западныхъ писателей (напримѣръ, Н. Я. Данилевскій—у Рюккerta), частью черпая это чутьемъ въ стихійныхъ началахъ русско-славянской народной сокровищницы. Какъ сказано выше, они не имѣли рѣшающаго успѣха,—быть можетъ, потому, что общественное развѣтіе быстро шло у насъ по иному пути.

Разъ отвергнутыя формулы и показавшаяся необѣдительною, хотя-бы самая стройная аргументація, обыкновенно получаютъ печальное наслѣдіе въ видѣ неразумнаго предубѣжденія противъ нихъ со стороны послѣдующихъ поколѣній. Кромѣ того, съ одной стороны, на Западѣ за послѣдніе года обоснованіе національной идеи стало на значительно болѣе твердую теоретическую и практическую почву,—и многое, бывшее при славянофилахъ предметомъ спора, нынѣ уже спору едва-ли подлежитъ; съ другой стороны, и русская жизнь дала рядъ весьма цѣнныхъ указаній, которыми удобнѣе воспользоваться, не стѣсняясь рамками прежнихъ націоналистическихъ формулъ. Въ виду изложеннаго, мнѣ не придется въ слѣдующихъ главахъ этого труда часто прибѣгать къ помощи тѣхъ незабвенныхъ дѣятелей, которымъ русское общество обязано неугасимостью національнаго самосознанія. Практически важнѣе теперь изслѣдованіе выросшихъ съ того времени новыхъ данныхъ.

Не беру на себя смѣлости всесторонняго разрѣшенія поднимаемаго здѣсь насущнаго вопроса: пусть это сдѣлаютъ заправскіе ученые, свѣтила общественной науки,—если, какъ я надѣюсь, найдутся среди нашихъ ученыхъ люди, не утратившіе русскаго національнаго чувства во всей его полнотѣ и творческой силѣ. Одно это чувство и заставляеть меня взяться нынѣ за перо. Дай Богъ хотя-бы правильно поставить поднимаемый вопросъ, хотя-бы вызвать сознательное къ нему сочувствіе!...

Отвлеченный и живой человекъ.

1.

Какой бы ни возникъ серьезный, крупный вопросъ въ жизни любого изъ европейскихъ народовъ,—можно быть вполне увѣреннымъ, что смѣлая попытка разрѣшить его прежде всего дѣлается во Франціи, въ этомъ горнилѣ гениальной мысли, яркаго творчества и самоотверженнаго стремленія къ истинѣ, въ этомъ нервномъ чувствилищѣ людской собирательной личности. Сходство многихъ чертъ племенной и общественной психологіи русскихъ и французовъ и долгое воздѣйствіе этихъ послѣднихъ на наше общество,—все это побуждаетъ меня, при обсужденіи указаннаго въ заглавіи вопроса, воспользоваться данными французскаго опыта для «русскихъ рѣчей».

Въ первой февральской книжкѣ «Revue des deux mondes» за 1901 годъ, извѣстный французскій критикъ и публицистъ виконтъ Е. М. Воюэ затронулъ въ статьѣ «Au seuil d'un siècle» (На порогѣ вѣка) весьма существенный для всего современнаго человѣчества, и въ частности для родины автора, вопросъ *о соотношеніи между космополитизмомъ и націонализмомъ*.

По справедливому замѣчанію почтеннаго академика, потомки Адама встрѣчаютъ нынѣшній новый вѣкъ гораздо менѣе спокойно, чѣмъ прежнія поколѣнія. Мы нервные, мы не безъ основанія мнительны, подобно Филиппу III, предчувствовавшему свою кончину. Покуда рѣчь еще не о кончинѣ, но будущее несомнѣнно чревато грозными загадками. Самая запутанная и громаднѣйшая задача, которую предстоитъ разрѣшить наступившему вѣку,—это конфликтъ между космополитизмомъ и націонализмомъ. Авторъ спѣшитъ оговориться, что употребляетъ оба термина не въ ходячемъ партійномъ ихъ примѣненіи и толкованіи, ибо, по его мнѣнію, политика—самая неточная изъ всѣхъ наукъ и превеликая мастерица уродовать слова, которыя нужны ей не столько какъ средства

для точнаго опредѣленія понятій, сколько какъ метательные снаряды.

Воюю сравниваетъ наше время съ періодомъ распаденія Римской имперіи, когда потомки квинитовъ должны были чувствовать то-же, что нынѣ современные націоналисты. Со времени того великаго кризиса, вопросъ никогда еще такъ не обострялся, какъ теперь. Въ средніе вѣка широкое лоно христіанства и феодальная идея замѣняли или устраняли націонализмъ. Эпоха возрожденія имѣла также значеніе нивелирующее. Национальное чувство стало *опредѣляться* лишь съ образованіемъ большихъ современныхъ государствъ, а развилось и обострилось оно благодаря частымъ войнамъ. Религіозныя войны XVI вѣка привели къ обособленію англичанина, германца, испанца, итальянца и др. Вопреки утверженію космополитовъ, считающихъ свое ученіе прогрессивнымъ, *Воюю совершенно справедливо отмѣчаетъ отсутствіе постоянного соотношенія между успѣхами цивилизаціи и ростомъ космополитическаго сближенія народовъ*; это послѣднее въ XVII и XVIII вв. идетъ наглядно на-убыль. Тогдашнее вліяніе французскихъ нравовъ и идей на остальные народности и страны не можетъ быть названо побѣдою космополитизма, такъ какъ этотъ послѣдній обуславливается *взаимностью* воздѣйствій. Воздѣйствіе же одностороннее сопряжено всегда съ немалымъ вредомъ, съ ломкою естественныхъ формъ жизни и неприятымъ гнетомъ. Примѣръ такого явленія авторъ видитъ въ воздѣйствіи петровскихъ реформъ на Россію, до послѣдняго времени проявляющагося въ нравственномъ и бытовомъ раздвоеніи.

Французская революція въ концѣ XVIII вѣка, въ порывѣ метафизическаго увлеченія, изобрѣла *отвлеченнаго чловѣка* и до того отреклась отъ пониманія дѣйствительности, что въ программу ея вошло даже отрицаніе того религіознаго источника, изъ котораго непосредственно вытекли такъ называемое «великіе принципы». Возставшіе «освободители чловѣчества» стали штыками вводить въ Европѣ новый космополитизмъ и... вызвали невиданную дотолѣ реакцію національнаго чувства. Авторъ справедливо приписываетъ такой неожиданный результатъ именно тому, что въ наступательномъ космополи-

тизмъ поднялась мутная волна жестокой «животности»; Наполеонъ обобралъ и обагрилъ кровью всю Европу, которой, конечно, не могла прійтись по вкусу подобная «проповѣдь свободы». Въ рукахъ проповѣдниковъ измѣнились сѣмена—и скоро на дѣлѣ показались всходы національной идеи, окрасившей собою весь прошедшій вѣкъ.

Наука, имѣвшая претензію сближать народы, весьма усердно послужила именно *обособленію* тѣхъ, кого мнимо-«либеральное» вмѣшательство Франціи заставило познать и отстаивать свою самобытность. Археологи, филологи, историки, благосклонные критики и т. д. усердно послужили національной идеѣ, даже на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ дотолѣ были, по мнѣнію г. Вогюэ, народы безъ исторіи. Объединяются Италия и Германія,—первыя при непосредственной помощи Франціи, вторая—благодаря слабости ея сопротивленія. Въ Австріи національные вопросы довольно давно уже отодвигаютъ на десятый планъ все прочее...

Правда, другія науки (преимущественно точныя) и ихъ плоды,—развитіе техники, промышленности, путей сообщенія, методовъ труда, городскія удовольствія, нравы и обычаи,—все это вливаетъ широкую струю космополитизма въ жизнь крупныхъ европейскихъ центровъ. Парижъ во время послѣдней выставки напоминалъ собою древній Римъ на закатѣ могущества, но только новѣйшее смѣшеніе языковъ было еще гораздо богаче, пестрѣе и шумнѣе. Но все это далеко еще не предрѣшаетъ, по мнѣнію Вогюэ, побѣды космополитизма; и если его представители, стригущіе человѣческое стадо, возлагаютъ преувеличенныя надежды на успѣхи нивелирующихъ теченій, то они напрасно забываютъ, что каждому серіозному приливу космополитизма соотвѣтствуетъ естественно-протестующій взрывъ національной идеи. Примѣръ событій, послѣдовавшихъ за первой французской революціей въ Европѣ, весьма поучителенъ. Да и въ настоящую минуту стоитъ призадуматься и надъ героической борьбой Трансваали и надъ гордіевымъ узломъ далеко не разрѣшенныхъ китайскихъ осложнений.

По мнѣнію автора, націонализмъ и космополитизмъ—принципы между собою непримиримо враждебныя,—и неизвѣстно,

который изъ нихъ побѣдитъ въ борьбѣ. Двадцатый вѣкъ будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, этой борьбѣ, которая въ частности уже весьма болѣзненно отражается на современной французской жизни. Франція встрепенулась, испугалась, увидѣвъ, что ее заѣдаютъ посторонніе элементы, что она отстаетъ отъ сосѣдей въ отношеніи расоваго роста и экономическаго прогресса. Она чувствуетъ, что горе ей, если она утратитъ главную силу созиданія и самозащиты,—свое національное нравственное единство.

Проявленіе инстинкта самосохраненія началось съ *протекціонизма*, ростъ котораго, по мнѣнію г. Вогиюэ, неизбежно будетъ ограниченъ насущными требованіями самой же экономической жизни. Затѣмъ испуганными французскими патриотами была замѣчена склонность перенимать иностранныя произведенія, идеи и формы, могущая, по ихъ мнѣнію, обезличить даже французскую литературу и искусство. Стремленіе отстоять «латинскій геній» выразилось, между прочимъ, въ демонстраціяхъ противъ вагнеровскихъ оперъ. Г. Вогиюэ справедливо осуждаетъ рѣзкость такой реакціи, указываетъ, что Франція во дни литературнаго расцвѣта не боялась заимствовать чужое, и находить, что надо избѣгать лишь механическаго воспріятія внѣшнихъ духовныхъ даровъ, а необходимо стремиться къ ихъ *усвоенію*, т. е. къ претворенію ихъ въ продукты національнаго творчества. Усвоеніе есть признакъ здороваго, смѣлаго организма.

Космополитизмъ и націонализмъ—факты, вліяющіе на практическую жизнь,—и съ ними нельзя не считаться. По мнѣнію Вогиюэ, надо, по возможности, произвести между ними «разверстаніе угодій». Во имя цивилизаціи и идеи всечеловѣчества, слѣдуетъ любезно принимать въ своемъ домѣ зарубежныхъ гостей, но не слѣдуетъ подозрительнымъ гостямъ давать ключи отъ своего дома. Съ этой точки зрѣнія зарубежное господство надъ клѣточками разныхъ частей организма Франціи, или отраслями ея управленія, нельзя не признать ужаснымъ. Этотъ фактъ, быть можетъ, преувеличивается встревоженными націоналистами, но напрасно космополиты стараются вовсе отрицать его, относить къ области злостныхъ выдумокъ или призраковъ. Врядъ-ли одинъ призракъ могъ

бы такъ взбудоражить цѣлую страну, затронуть ея насущнѣйшіе интересы. Невѣрно и указаніе космополитовъ на то, что Франція не встревожена. Если тревога еще не вызвала серьезнаго протеста противъ указаннаго гнета, и если этотъ протестъ нашель себѣ сравнительно не очень серьезное выраженіе въ парламентскихъ голосованіяхъ, выборахъ и т. д.,— такъ это потому, что избирательное начало есть нѣчто несовершенное, рутинное, зависящее отъ причинъ случайныхъ и неосмысленныхъ; прежде всего, къ стыду для всякаго народоправства, орудіемъ выборовъ являются деньги. Смутное неудовольствіе, однако, стихійно растетъ и является все болѣе яркимъ показателемъ того, что Франція видитъ хозяйничанье космополитической камарильи, и чаша національнаго терпѣнія все наполняется.

Космополиты возражаютъ, что сѣтованія эти неосновательны: кто способнѣе и искуснѣе,—тому, молъ, и книги въ руки. Г. Вогюэ на это правильно отвѣчаетъ, что *общество цѣлой страны не есть школьный классъ, въ которомъ награждаютъ лучшихъ учениковъ; общество—нѣчто болѣе сложное; основныя права его членовъ истекаютъ изъ иного источника.* Пусть англичанинъ или нѣмецъ искуснѣе меня во многомъ: я признаю его превосходство въ отдѣльныхъ специальныхъ отрасляхъ и предоставлю проявить его, *но не дамъ вытъснить себя съ родной земли, на которую я имѣю особыя неотъемлемыя права, ибо она состоитъ изъ праха многихъ поколѣній моихъ предковъ. Вотъ идѣ самый центръ тяжести вопроса.*

У націонализма есть и философское обоснованіе: онъ съ успѣхомъ можетъ противопоставить правамъ разума *реальныя права безсознательно творческаго инстинкта.* Если въ прошломъ вѣкѣ поклонялись разуму, анализу и критикѣ, то въ концѣ вѣка философы всѣхъ странъ воздали особый почетъ безсознательному творчеству, усмотрѣли *въ инстинктъ истинный источникъ силы, запасъ живучести расъ.* По всему видно, что это воззрѣніе подтверждается жизнью.

Въ заключеніе г. Вогюэ рекомендуетъ правителямъ своей страны не закрывать глаза на реальные факты и считаться съ ихъ послѣдствіями, ярко проявляющимися не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ. Онъ отмѣчаетъ, что

подъемъ націонализма повсемѣстенъ и потому надлежитъ смотрѣть на него, какъ на общее, а не единичное или случайное явленіе. Будущимъ правителямъ французскаго народа предстоить задача, требующая большого чувства мѣры или вкуса, вообще свойственнаго французамъ,—и потому задача осуществимая: *искусно лавировать между подводными камнями двухъ крайностей, уметь сочетать гостепріимство по отношенію къ иностранцамъ и справедливость къ маленькимъ иноподчешскимъ группамъ, съ неизблемымъ принципомъ, въ силу котораго «ключи отъ французскаго дома» должны находиться въ безусловно надежныхъ родныхъ рукахъ.*

Статья виконта Вогюэ написана красиво, тактично и... немножко поверхностно. По поводу нея вспоминается тезисъ академика изъ романа Додэ: *L'académie est un salon*. Г. Вогюэ говоритъ, какъ въ салонѣ, или въ академіи, предпочитая ставить вопросъ, нежели разрѣшать его, предпочитая удовлетвориться бѣглымъ намекомъ, нежели утомить свою раздушенную аудиторію. Многое приходится читать у него между строкъ. Еще больше заставляетъ читать между строкъ сама жизнь, выдвигающая разбираемый вопросъ въ формахъ зыбкихъ и еще не вполне отчетливыхъ, оставляющихъ значительный просторъ и анализу, и чутью. Почтенному академику спасибо за то, что онъ счелъ умѣстнымъ заговорить на эти темы, но къ его интереснымъ соображеніямъ можно и нужно добавить весьма многое.

2.

Весьма любопытно то, что даже такой умный писатель, какъ виконтъ Вогюэ, ставитъ націонализмъ и космополитизмъ на одну доску, какъ понятія болѣе или менѣе *равноцѣпныя* и, съ точки зрѣнія науки, равноправныя, доступныя общему масштабу. Можетъ быть, почтенный академикъ въ душѣ и смотритъ на дѣло иначе, но онъ не подчеркнул существенной *генетической* разницы между обоими понятіями. Это необходимо сдѣлать.

Націонализмъ — фактъ по преимуществу *естественный*, корней котораго надо искать въ психо-физической природѣ

человѣческихъ группъ, именуемыхъ расами. Онъ плодъ того инстинкта, который существуетъ и будетъ существовать, пока не переведутся на землѣ живые организмы. Трудно себѣ представить такія объединительныя теченія, моды и условія жизни, которыя-бы могли стереть глубокія черты этого, по одной изъ основъ своихъ, *зоологическаго патріотизма* человѣческихъ племенъ.

Космополитизмъ, какъ плодъ не инстинкта, а мысли и чувства, есть явленіе *преимущественно искусственное*, производное: недаромъ самое яркое выраженіе его совпало съ изобрѣтеніемъ несуществующаго и не могущаго существовать *отвлеченнаго человека*. Космополитизмъ слѣдуетъ призвать, конечно, лишь преимущественно, а *не безусловно* искусственнымъ, такъ какъ однимъ изъ факторовъ его является свойственная болѣе или менѣе всѣмъ людямъ мечта о единомъ человѣчествѣ,—доброе побужденіе, которое тоже отчасти, но только отчасти, можно назвать естественнымъ. Въ природѣ, вѣдь, не одна борьба, но и симпатія, и симбіозъ. Но послѣднее—все-таки представляетъ собою нѣкотораго рода роскошь или духовный десертъ, а десертомъ сытъ не будешь.

Непониманіе истинной природы и предѣловъ вліянія космополитизма и націонализма, не взирая на очевидныя успѣхи послѣдняго въ XIX вѣкѣ,—почти повальное въ нашемъ современномъ обществѣ. Реальные факты говорятъ одно, а человѣческіе мозги продолжаютъ твердить крѣпко заученный урокъ изъ стараго учебника, плодъ долгихъ идеологическихъ заблужденій. У этихъ заблужденій есть своя исторія,—весьма интересный эпизодъ изъ общей исторіи соціально-политическихъ парадоксовъ.

Вскорѣ по изобрѣтеніи пороха и пушекъ, сдѣлавшихъ феодальныя твердыни значительно менѣе неприступными, усилилась въ Западной Европѣ королевская власть, опиравшаяся вдобавокъ на противовѣсъ, который оказывали феодалямъ буржуазные, городскіе классы населенія. Подъ вліяніемъ этого, тогда возникла *безусловно-невырная*, но оправдывавшаяся тогдашними обстоятельствами мысль, что государство есть *механизмъ*. Эта мысль нашла себѣ философское выраженіе и сильно упрочилась задолго еще до французской революціи.

конца XVIII вѣка, которую она даже отчасти вызвала. Въ силу неисправимой склонности человѣчества къ парадоксамъ, въ XIX вѣкѣ эта мысль была поддержана *обособившеюся* естественной наукой, которая свела все къ какому-то машинальному развитію матеріи, сама ограничила и поле своихъ изслѣдованій и богатство своихъ выводовъ.

Настоящее естествознаніе, не закрывающее глаза на реальные факты, должно было бы авторитетно поддержать и національную идею и многое другое, не исключая даже религіи ¹⁾, а между тѣмъ наука, столько шумѣвшая о своей независимости отъ какихъ-бы то ни было «предразсудковъ и суевѣрій», склонивла свои знамена передъ противонаучнымъ и противофилософскимъ суевѣріемъ позитивизма и подала руку механической теоріи. Эта послѣдняя, въ сущности, царить доселѣ и въ законахъ многихъ странъ, и въ печати, и въ жизни, то въ формѣ добросовѣстнаго дилетантскаго непониманія, то въ видѣ лукавыхъ оговорокъ, ради цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ исканіемъ истины.

Казалось бы, что можетъ быть нелѣпѣе? *Если отдѣльный человекъ признается за организмъ съ живыми психо-физиологическими функціями, то почему объединенная происхожденіемъ и расовыми чертами большая группа людей считается, ни съ того, ни съ сего, механизмомъ?* Новѣйшіе труды по общественной психологіи представляютъ сплошной и яркоталантливый протестъ противъ такого заблужденія: они наглядно выясняютъ, что *и племя, и народъ, и государство, и даже отдѣльныя, ярко-окрашенныя бытовыми условіями группы людей—суть живые организмы, жизнь которыхъ нормируется особыми естественными и духовными законами.*

Ипполитъ Тэнъ, въ одной книгѣ, написанной значительно ранѣе его геніальныхъ историческихъ трудовъ, проводитъ, между прочимъ, невѣрный и вполнѣдствіи имъ же отринутый взглядъ: онъ говоритъ, что мозгъ новорожденнаго человѣка похожъ на бѣлый листъ бумаги, на которомъ жизнь (воспитаніе, среда, случайныя встрѣчи и т. д.) напишетъ свои

1) Фламмаріонъ основательно замѣчаетъ, что лишь малое знаніе отдаляетъ отъ Бога, а великое—приближаетъ къ богопознанію.

буквы. Невѣрность такого взгляда доказывается цѣлымъ рядомъ строго-научныхъ сочиненій о наслѣдственности не только физической, но и духовной. Эту наслѣдственность легко провѣрить каждому наблюдательному человѣку на практикѣ.

Наслѣдственность въ большинствѣ случаевъ восполняется и *поддерживается* воспитаніемъ. Лисица учитъ своего дѣтеныша красть куръ и заметать слѣдъ хвостомъ; заяцъ—отыскивать капусту, бѣгать побыстрѣе и притворяться мертвымъ; левъ—отважно нападать на врага, а кротъ—дѣлать подземные ходы. Горецъ даетъ своему ребенку кинжалъ, русскій мужикъ сажаетъ его на снопы, везомые съ поля, а армянинъ или еврей приучаетъ его къ счетамъ и торговлѣ. Такъ было издревле, такъ будетъ еще очень, очень долго, если не до скончанія вѣковъ.

Если взглянуть въ историческія судьбы народовъ, то нельзя не замѣтить, что ихъ расовыя особенности характера, въ большинствѣ случаевъ, только *развивались*, а не притуплялись подъ влияніемъ внѣшнихъ условій. Положимъ, какая нибудь раса отличается корыстолюбіемъ и вообще наиболѣе дорожить матеріальными благами; пока другія народности сражаются и идутъ на смерть, отстаивая свою вѣру или династію, или культуру, или хотя бы самолюбіе,—корыстная раса торгуетъ, пресмыкается передъ силою, лжетъ и лукавитъ. Ея орудіе—хитрость, клевета, подкупъ и т. д... Къ открытой государственной жизни она не способна, такъ какъ не-подпольное государство требуетъ смѣлости, правды, самоотверженія, безкорыстія, готовности неумоимо служить высшей идеѣ и умирать за нее. Люди, лишеныя такихъ качествъ, пользуются обыкновенно пренебреженіемъ своихъ сосѣдей, терпятъ несправедливости и грубый произволъ—и въ теченія вѣковъ раса ихъ, кромѣ наслѣдственныхъ рабскихъ чертъ, все болѣе окрашивается и благопріобрѣтенными.

Если вслѣдъ затѣмъ наступаетъ мирный правовой порядокъ, которому не придаютъ жизненности практичныя административныя мѣры,—то картина междуплеменныхъ отношеній очень рѣзко мѣняется. Если орлу обрубить крылья, когти и клювъ, то змѣя ужалитъ и убьетъ его. Вчерашній рабъ остался по существу рабомъ, а на практикѣ сталъ жесточай-

шимъ тираномъ, потому что кромѣ рабскаго корыстолюбія и вѣры въ ту темную силу, которая помогала ему нѣкогда спастись отъ гоненій,—въ немъ кипитъ еще жажда мести къ своимъ бывшимъ утѣснителямъ, его честолюбіе безпредѣльно, какъ безпредѣльно было прежде его униженіе...

Что же? Вѣчно ли ему оставаться въ рабствѣ? Увеличивать ли наслоеніе злобы и попранія человѣческаго достоинства, чтобы корысть и жестокость все возрастали? Едва-ли нравственный человѣкъ согласится на это! Такой языческій взглядъ противорѣчилъ бы основамъ христіанской или просто гуманитарной культуры: *идеаль человѣческаго равенства и братства воцарился надъ образованнымъ міромъ и свергнуть его нельзя.*

Но какъ относиться къ нему? Если пристально взглядѣться въ жизнь, то *возможно ли добросовѣстно сказать, что онъ уже осуществленъ, или хотя бы осуществимъ немедленно?* Есть пошло-мыслящіе люди, относящіеся къ жизни формально, довольствующіеся ходячими этикетками и въ силу этого говорящіе, что идеаль равенства и братства осуществимъ немедленно: стоитъ только *считать* всѣхъ людей равными и дать имъ одинаковыя не только гражданскія (въ смыслѣ X тома), но и *политическія* права.

Это отчасти повсемѣстно и сдѣлано. Результаты такого заблужденія повсемѣстно и видны. Хищники и неправые стяжатели не перевелись на свѣтѣ, а только типъ ихъ измѣнился: что прежде достигалось грубою силою и мужествомъ, то теперь достигается пронырствомъ, темными продѣлками и всяческою ложью. Рабъ становится господиномъ, а господинъ, такъ сказать, разлагается и все болѣе принимаетъ не сродный ему рабій образъ. Въ междуплеменныхъ отношеніяхъ происходитъ быстрый переворотъ: въ расовой и даже сословной борьбѣ одерживаютъ побѣду именно духовно-низкіе элементы, при помощи чертъ характера, нѣкогда позорныхъ, а нынѣ выгодныхъ, и особенно при помощи рабской способности ко всякимъ подпольнымъ организаціямъ.

Въ этой области новые повелители доходятъ до виртуозности: они навѣрняка знаютъ всегда, какое письмо нужно вскрыть, какую телеграмму перехватить, какимъ страстямъ

властнаго лица польстить, какую мелкую сошку подкупить или напугать. Ихъ оружіе золото и ложь, ихъ сюзники—человѣческія страсти и слабости, а больше всего—человѣчское недомысліе. Они прогрессивны въ томъ смыслѣ, что немедленно примѣняютъ къ своимъ цѣлямъ тѣ культурныя пріобрѣтенія или явленія, которыя не вполнѣ еще поняты остальными расами или общественными слоями, которымъ идеализмъ мѣшаетъ понимать многія явленія.

Такъ, напримѣръ, вся грозная сущность летучей ежедневной печати понята въ Россіи лишь немногими государственными дѣятелями или просто образованными людьми,—а ужъ эта печать заполонена разлагающимъ рабскимъ элементомъ, достигающимъ въ ней и посредствомъ нея наглѣйшихъ формъ неправаго господства. Ученый химикъ трудится надъ комбинаціями разныхъ составовъ,—а представитель корысти примѣняетъ плоды науки къ медленному убійству людей посредствомъ фальсификаціи. Законодатель-гуманистъ вводитъ выборную равноправность,—а на практикѣ ее очень ловко эскамотируютъ въ свою пользу именно наиболѣе пронырливые рабскіе элементы, немедленно становящіеся жестокими господами. Все, что формально, а не жизненно, все, что омертвѣло или загрязнилось, — становится поприщемъ или добычею паразитизма.

Въ нѣдрахъ каждой народности происходитъ, съ большей или меньшей рѣзкостью, подобная эволюція. Но вопросъ значительно обостряется и можетъ возрасти до роковыхъ для государства размѣровъ, когда рѣчь идетъ о массовой междуплеменной борьбѣ, грозящей одному изъ противниковъ экономической и духовною погибелью. Если одна народность слишкомъ сильно разовьется, какъ *паразитъ*, а въ другой усилятся признаки общественнаго разложенія,—то *первая неминуемо будетъ стремиться къ опутыванію второй или къ рѣзкому обособленію, смотря по обстоятельствамъ, а вторая дастъ такой процентъ преступности*, который при современной популярности «разрушительныхъ техническихъ знаній» можетъ серьезно грозить общему спокойствію.

Всякое государство есть прежде всего *учрежденіе воспитательное*, а къ Имперіи, собравшей въ своихъ границахъ

много разныхъ племень,—это опредѣленіе еще вдесятеро болѣе примѣнимо. *Импери́я*—педагогическое учрежденіе по преимуществу, и по тому мѣропріятія ея правительства должны вытекать изъ разумныхъ принциповъ педагоги́и, основанныхъ на глубокомъ, если можно такъ выразиться, естественно-историческомъ знаніи человѣка.

Національный вопросъ, созданный самою природой и выдвигаемый самою жизнью, непремѣнно долженъ входить въ государственную программу Имперіи. Всѣ племена—ея *равно любимыя дѣти*; къ каждому изъ нихъ она должна прививать начала добра, справедливости и законности; но *педагогическіе приемы должны быть сообразованы съ индивидуальными характерами*, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и племенныхъ группъ. Примѣненіе одинаковыхъ мѣръ и предоставленіе одинаковыхъ правъ всѣмъ безъ различія—было бы противно и здравому смыслу и простой справедливости: чтобы эта послѣдняя достигалась *взаправду, на дѣль*,—нужно *однихъ поддерживать* и не давать на съденіе, а *другихъ сдерживать* и умѣрять ихъ аппетиты.

Конечно, эти мѣры должны носить *временный* характеръ и видоизмѣняться сообразно съ успѣхами нивелирующаго и *окрашивающаго* государственнаго воспитанія. Идеаль равенства и братства долженъ сіять впереди неугасимо, но къ нему надо идти разумнымъ путемъ, а не ожидать, что онъ самъ приблизится и, такъ сказать, достанется даромъ.

Не слѣдуетъ обманывать себя: примѣненіе выводовъ національнаго вопроса, то-есть, удержаніе или введеніе нѣкотораго неравенства племенныхъ правъ въ правительственную программу, справедливое въ большихъ цифрахъ, привело бы на практикѣ къ частнымъ несправедливостямъ, иногда весьма тяжелымъ; у всякой народности есть отдѣльные люди, стоящіе головою выше своихъ соотчичей и значительно приблизившіеся къ желанному идеалу человѣческаго достоинства. Такихъ людей, конечно, надо *искать* и выдѣлять, потому что они провозвѣстники культурнаго подъема своей народности и воплощенный залогъ ея дальнѣйшаго развитія. Въ силу приведеннаго принципа, ихъ надо «экзаменовать» строго, но и награждать щедро. Конечно, при этомъ неизбѣжно все-таки

будутъ встрѣчаться частыя несправедливости. Великій Гете правъ, находя, что въ области государственной «*несправедливость предпочтительнѣе безпорядка*»!.....

Но указанный изъянъ, сопряженный съ признаніемъ жизненнаго національнаго вопроса, будетъ сторицею вознаграждаться благами истинной педагогіи, которая предписываетъ признавать самобытность единичныхъ, классовыхъ и особенно племенныхъ характеровъ, уважать ихъ достоинство, давать свободно развиваться ихъ полезнымъ способностямъ и съ почтеніемъ относиться къ ихъ святынямъ. Стало быть, вопросы языка, литературы, историческихъ преданій, исповѣданій и невредныхъ обычаевъ—должны при такомъ условіи разрѣшаться весьма благопріятно для заинтересованныхъ племень, — конечно, въ такихъ предѣлахъ, чтобы самобытность не переходила во враждебное обособленіе. Въ частности, наше правительство почти всегда именно такъ и поступало, хотя не столько въ силу вполне выработанной программы, сколько потому, что русская душа гораздо болѣе склонна къ пониманію чужихъ особенностей, нежели къ ихъ отрицанію или попранію. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется быстрый ростъ нашей обширной Имперіи. Мечъ ея непобѣдимъ, но любовь русской души еще побѣдоноснѣй.

Но пора эту любовь сообразовать съ требованіемъ разума и выводами общественной науки: истинная педагогика требуетъ любви разумной и дальновидной, а не романтизма или сентиментальныхъ поблажекъ, наносящихъ только вредъ.

Съ другой стороны, пониманіе этой разумной любви необходимо тѣмъ, кого она избрала своимъ предметомъ. Это пониманіе достижимо лишь при помощи *самоопредѣленія*: представители народностей, входящихъ въ составъ Имперіи, если желаютъ ускорить свое приближеніе къ общечеловѣческому идеалу и вмѣстѣ обезпечить своей расѣ спокойное культурное развитіе, должны поработать надъ опредѣленіемъ разумной границы своихъ племенныхъ стремленій. Пока эта работа не будетъ сдѣлана, они будутъ жертвами своихъ нервовъ и тѣхъ шарлатановъ, которые играютъ на народныхъ нервахъ, и тѣхъ карьеристовъ, которые этимъ пользуются. Только разумное и спокойное отношеніе заинтересованныхъ народностей

къ національному вопросу можетъ привести къ его мирному и справедливому разрѣшенію.

Къ сожалѣнію для обѣихъ частей человѣчества, — какъ мыслящей, такъ и подчиняющейся чужимъ мыслямъ, — старое заблужденіе относительно «отвлеченнаго человѣка» все еще держится и даже преобладаетъ; оно вбивается въ молодыя головы еще на школьной скамьѣ доктринерами или корыстными шарлатанами, а затѣмъ — поддерживается въ печати, философски-отсталой, или субсидируемой внутренними и внѣшними врагами тѣхъ государствъ, надъ разложеніемъ которыхъ эти враги работаютъ.

3.

Изъ этого нелѣпаго воззрѣнія вытекла наивная *вера въ панацею, въ живую спасительность учреждений*. И мѣра вещей, и смыслъ исторіи при этомъ игнорируются самымъ недобросовѣстнѣйшимъ или самымъ невѣжественнѣйшимъ образомъ. У насъ, *даже среди преподавателей исторіи* имѣется множество людей, либо находящихъ, что «только конституція обновила бы Россію», либо «признающихъ», что «мы *еще не доросли* до конституцій», но непременно доростемъ. Тѣ и другіе убѣждены въ неизбѣжности *для всѣхъ народовъ* слѣдующей смѣны режимовъ: монархія неограниченная, монархія ограниченная, монархія ограниченная до сведенія къ нулю, республика аристократическая или буржуазная, потомъ демократическая, потомъ социалистическая, коммунистическая и... дальше остается что-нибудь въ родѣ газообразнаго состоянія народа...

Прогрессъ, по мнѣнію этихъ «передовыхъ» оскорбителей исторіи, заключается въ быстрой смѣнѣ режимовъ!... «Маленькій прогрессъ» заключается, по ихъ мнѣнію, въ слабомъ растворѣ этой тенденціи, выражающейся хотя-бы въ «духѣ» учреждений. Учрежденіе—все! Если, на примѣръ, народъ проявляетъ мало энергіи въ самоуправленіи, въ области экономической и т. п., то сторонники механической теоріи или ея бессознательные рабы начинаютъ кричать: «Дайте ему болѣе широкое самоуправленіе,—и все расцвѣтетъ!»

Вѣрнѣе предположить, однако, что не народный характеръ измѣнится въ угоду закону или распоряженію, а что новыя учрежденія будутъ извращены бытовыми условіями и явятся воплощеннымъ противорѣчіемъ и подрывомъ тѣхъ принциповъ, которые они призваны выражать и проводить въ жизнь. Засядеть тамъ пронырливое паразитическое меньшинство и станетъ обманывать и эксплуатировать основной народный элементъ, менѣе склонный къ политикѣ и менѣе изощрившійся въ ея хитростяхъ. Поэтому, если въ какой-нибудь мѣстности вводятся учрежденія, позаимствованныя изъ чуждаго ей міра и не отвѣчающія народному характеру,—то это и по принципу, и по послѣдствіямъ не есть успѣхъ цивилизаціи и не шагъ впередъ по пути дѣйствительнаго государственнаго объединенія, а поступокъ разрушительный, или, по меньшей мѣрѣ, бессмысленный.

Вообще, *механическая теорія*, въ силу своей доктринерской отвлеченности, даже въ единичныхъ примѣненіяхъ, есть источникъ смуты, путаницы, нарушенія естественнаго порядка и потому, въ итогѣ, — начало разлагающее, революціонное. Особенная осторожность нужна при введеніи правовыхъ понятій. Напримѣръ, судебная реформа принесла неисчислимый политическій и нравственный вредъ на нѣкоторыхъ азіатскихъ окраинахъ нашихъ. Когда человѣкъ знаетъ тамошнюю жизнь не по газетамъ, не по комфортабельнымъ гастролѣмъ или официальнымъ отчетамъ, зачастую весьма неискреннимъ,—то его, разумѣется, не порадуютъ громко ликующія телеграммы объ открытіи формально-правовыхъ учреждений у какихъ-нибудь кара-калпаковъ! Онъ знаетъ, что за этотъ «бумажный» успѣхъ заплатятъ, прежде всего, мѣстная народная масса, а затѣмъ и государственный интересъ. Въ самой-же наукѣ права, добросовѣстно воспринятой, можно найти осужденіе такому ненормальному воздѣйствію на жизнь, плохо оправдываемому «побѣдами цивилизаціи» и служебно-публицистическимъ усердіемъ...

Государство не только обезпечиваетъ народу самобытное существованіе, но, какъ выше сказано, является и воспитателемъ его,—въ той мѣрѣ, въ которой народы вообще доступны воспитанію, то есть устраненію отрицательныхъ чертъ и по-

вышению положительных. Предѣлы такого воздѣйствія, однако, довольно ограничены, какъ это наглядно показываетъ исторія. Въ виду изложеннаго, учрежденія должны быть—(и живыя учрежденія всегда бываютъ) *не столько творцами новыхъ жизненныхъ явленій, сколько ихъ результатомъ, оформленнымъ выводомъ и временнымъ закрѣпленіемъ, въ цѣляхъ достиженія устойчивости и наглядности жизненныхъ формъ.*

Прочно и цѣлесообразно можно строить лишь на почвѣ народнаго характера, вообще мало доступнаго кореннымъ измѣненіямъ. Пересадка естественныхъ англо-саксонскихъ учреждений на французскую почву привела къ перемежающейся лихорадкѣ революцій и къ упадку могущества первой нѣкогда, міровой державы. Недавно одинъ англичанинъ весьма остроумно замѣтилъ, что Франція сдѣлала двойную ошибку: позаимствовала свои учрежденія у Англій, а союзъ заключила съ Россіей, тогда какъ ей, въ силу расовой французской психологіи (склонности къ централизаціи и малой способности къ самоуправленію), слѣдовало бы позаимствовать учрежденія у Россій, а въ союзъ вступить съ Англійей, своею ближайшею сосѣдкой.

Болѣе или менѣе серьезныя измѣненія народнаго и государственнаго характера достигаются лишь путемъ *органическихъ воздѣйствій*: или посредствомъ *слиянія* даннаго народа съ другими расами, или *натискомъ рѣзкихъ переменъ въ области экономической, нарушающихъ условія землепользованія, питанія и размноженія*, то есть посягающихъ на весь жизненный строй.

Расовый вопросъ имѣетъ коренное значеніе: общественная психологія, не принимающая его серьезно въ расчетъ, теряетъ реальную почву и впадаетъ въ доктринерское пустословіе. Современная западная наука уже открыто признаетъ это, и лишь тенденціозные или бессознательные сторонники разлагающей механической теоріи продолжаютъ упорствовать въ застарѣломъ заблужденіи.

Перемѣна взгляда на основы общественной психологіи влечетъ неизбѣжно и отказъ отъ невѣрныхъ терминовъ. Возьмемъ, напримѣръ, постоянно искажаемые термины «цивилизация» и «культура». Объединяющіе успѣхи точныхъ наукъ, усовершенствованные методы познанія, плоды техники и про-

мышленности, а также усвоение преимущественно теоретически (т. е. болѣе умомъ, чѣмъ нравами) правовыхъ и иныхъ гуманитарныхъ понятій,—все это можетъ быть съ относительною точностью названо въ совокупности единою и, притомъ, *современною* европейскою *цивилизацией*. Теперь ея чередъ, подобно тому, какъ нѣкогда царили цивилизаціи индійская или египетская. Но это вопросъ лишь *гегемоніи*, а не абсолютнаго и вѣчнаго владычества.

Кромѣ единой для даннаго момента, преобладающей цивилизаціи, то есть *наиболѣе богатой общей сокровищницы наиболѣе развитыхъ собирательныхъ членовъ человеческой семьи*, у этихъ собирательныхъ членовъ есть свои самобытныя *культуры*. *Единой культуры нѣтъ и быть не можетъ*; противоположный взглядъ, столь часто встрѣчаемый за подписями демагоговъ публицистики, есть результатъ безсознательнаго или тенденціознаго служенія все тому-же механическому доктринерству.

Культура—понятіе *естественно-научное*, которое должно *сообразоваться съ природой, считаться съ характерными особенностями расъ*. Культура чайнаго куста — одна, яблони — другая, винограда—третья. Культурная яблоня даетъ плоды высшаго качества, потому что садовникъ изучилъ природныя силы дерева и посодѣйствовалъ ихъ развитію, заботливо устраняя все, имъ несвойственное, и уже отнюдь не навязывая постороннихъ элементовъ.

Человѣкъ, конечно, не дерево, и въ теоріи додумался даже до всечеловѣка, а въ революціонной практикѣ попытался даже «обнять это необъятное»; но *постоянство органической разницы въ расовыхъ свойствахъ*, хотя и въ различной мѣрѣ, безусловно признается наукою; при серіозномъ отношеніи къ дѣлу, оно должно быть положено къ основу научнаго различенія нѣсколькихъ самобытныхъ культуръ и практическаго сообразованія съ ними всѣхъ общественно-политическихъ мѣропріятіи.

Культура давнаго народа—есть повышеніе его природныхъ силъ и созидательныхъ особенностей. Его міросозерцаніе органически дорастаетъ до своихъ высшихъ предѣловъ, а творчество въ области жизни (государственныя и обществен-

вныя формы) и въ области мысли и чувства (религія, литература, наука, искусство) даетъ наиболѣе пышные плоды. Эти высшіе результаты, будучи, сообразно со степенью талантливости народа, болѣе или менѣе цѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу всечеловѣчества, отличаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, яркою самобытною *расовою окраскою*. Данте прежде всего итальянецъ-католикъ, Вольтеръ — скептикъ-французъ, Шекспиръ — потомокъ грубоватыхъ и смѣлыхъ мореплавателей, Пушкинъ — воплощенное русское сочетаніе идеализма съ реализмомъ, Шиллеръ — представитель старой романтической Германіи, съ нѣскольکو ходульной головной, а не сердечною добродѣтельною, а Ницше, модный Ницше — выразитель теперешней, утѣченной стяжаніемъ, наступательно буржуазной германской имперіи. Въ девизѣ «Deutschland ueber Alles» слышенъ голосъ зазнавагося ницшанскаго «Uebersensch'a»...

Расовая разница особенно рѣзко проявляется именно на вершинахъ творчества, не взирая на ихъ общечеловѣческую цѣнность. Нужно ли говорить, что не всѣмъ народамъ даны одинаковые плоды, не только по качеству, но и по категоріямъ: въ силу расовыхъ чертъ или условій природы, у отдѣльныхъ народовъ отсутствуютъ цѣлыя отрасли духовнаго творчества. У грековъ была несравненная скульптура, отвѣчавшая духовнымъ потребностямъ и облегчавшаяся обиліемъ камня; у арабовъ камня много, но, по причинамъ духовнымъ, скульптура не возникла. Въ Россіи наглядны внѣшнія причины слабаго развитія скульптуры: камня мало, а вдобавокъ холодно, такъ что приблизительно обнаженное человѣческое тѣло можно видѣть лишь у героевъ г. Максима Горькаго.

Съ другой стороны, въ творествѣ религіозно-государственномъ, религіозно-философскомъ и христіански-литературномъ, Россія неизмѣримо сильнѣе и самобытнѣе, чѣмъ въ секуляризованныхъ формахъ жизни и сухо-отвлеченныхъ сферахъ мысли. Одинъ уже государственный строй ея, въ своихъ основныхъ чертахъ, есть показатель высокой *самобытной* культуры, могущей дать современемъ спасительные уроки западнымъ сосѣдямъ, которыхъ у насъ до послѣдняго времени было принято въ слишкомъ многихъ вопросахъ считать учителями.

Дайте арабу или персіянину англійскія учрежденія—и онъ либо взбунтуется, если не упустить удобнаго момента, либо развратится до мозга костей, либо, по меньшей мѣрѣ, будетъ крѣпко сбитъ съ толку. Левантинцы, въ жилахъ которыхъ течетъ, однако, изрядная толика западно-европейской крови, и другіе европеизированные восточные люди, представляютъ собою одно изъ противнѣйшихъ искаженій, до какихъ доходилъ когда-либо духовный обликъ чело-вѣка.

И физическій и духовный складъ народовъ—суть явленія *природы*, къ которымъ необходимо относиться, какъ къ тако-вымъ. Нормальное междуплеменное сближеніе достигается лишь въ мѣрѣ, допускаемой этими естественными условіями. Забвеніе этой жизненной истины прежде всего невыгодно для общаго мира.

Основою національнаго сознанія, становящагося по необ-ходимости воинствующимъ или оборонительнымъ націонализ-момъ, является, такимъ образомъ, *сама природа*, поднимаю-щая голосъ, когда ее не принимаютъ во вниманіе или попираютъ. Оттого въ послѣднее время, когда общественная психологія опирается на естественную науку, освобождаемую отъ измышленій позитивизма, національная идея находитъ авторитетную поддержку въ серіозной наукѣ. Истинное ея пониманіе, а равно и здоровое отношеніе къ вопросамъ со-ціально-политическимъ пока еще не часто выходятъ за пре-дѣлы небольшихъ, специально-освѣдомленныхъ кружковъ, такъ какъ оно искусственно тормозится людьми, заинтересованными господствомъ путаницы въ соціальныхъ понятіяхъ. Въ част-ности, у насъ въ Россіи, такія книги, какъ общественная психологія Лебона, сочиненіе Гобино о неравенствѣ расъ, прелестное изслѣдованіе Гастона Бержера «Principes de poli-tique», и т. д.—или замалчиваются передовыми журналами, или забрасываются грязью, дабы и читать ихъ было не-повадно.

Интеллигенція, идущая на помочахъ у шумной части печати, не всегда-же, однако, будетъ въ такомъ положеніи; выводы науки неизбѣжно проникнутъ въ общественное со-

знаніе. Недаромъ, по другому поводу, гр. Алексѣй Толстой писалъ бывшему начальнику цензуры Лонгинову:

У науки нравъ неробкій!
Не заткнешь ея теченя
Ты своей дрянною пробкой!..

4.

Въ рѣзкой расовой разницѣ, замѣчаемой между племенами Европы и Азіи, судя по всему, скрытъ глубоко-нравственный творческій замыселъ; изъ нея психологически вытекло уваженіе къ самобытности племенъ, отдѣльныхъ родовъ, а затѣмъ и къ человѣческой личности вообще. При условіи серіознаго пониманія недоступныхъ уничтоженію предѣловъ этой разницы только и достигается истинная междуплеменная гармонія, при которой люди и племена участвуютъ въ общемъ благомъ дѣлѣ безъ ущерба своему достоинству и естественному духовному росту.

Соціальныя бѣдствія, вытекающія изъ навязыванія постороннихъ культуръ истинно-самобытнымъ народамъ, буквально неисчислимы, какъ это наглядно видно на племенахъ разныхъ частей свѣта, физически и нравственно вымирающихъ даже отъ мирнаго соприкосновенія съ бѣлолицыми «культуртрегерами». Прививки усовершенствованныхъ зарубежныхъ формъ и понятій, однако, органически нужны каждому народу,—но лишь въ предѣлахъ и при условіяхъ, указываемыхъ его природой, его способностями и характеромъ. Такъ, напри- мѣръ, изъ всѣхъ петровскихъ реформъ наиболѣе успѣшно привилась у насъ армія, такъ какъ народъ нашъ инстинктивно склоненъ подчиняться осмысленной дисциплинѣ, исходящей отъ сильной центральной власти; точно также богатѣйшіе литературные всходы за краткій періодъ времени у насъ являлись результатами, между прочимъ, и западныхъ посявовъ; у народа было что сказать—и изъ тайниковъ его души полилась живая рѣчь, отличаясь все большимъ отраженіемъ самобытнаго содержанія на заимствованныхъ формахъ. Важно именно то, чтобъ это были *прививки*, а не механическія наслоенія или приставки.

Стоить только взглянуть на народы не какъ на математическія числа, податное стадо или пушечное мясо, а какъ на живые организмы—и цѣлый рядъ вопросовъ выяснится, во славу законодателя и на благо пасомымъ: и вліяніе климата, и роль экономическихъ условій, и все, что обуславливаетъ духовную и тѣлесную жизнь. Напримѣръ, російскіе нѣмцы, кровные братья германскихъ, гостепримнѣе, чѣмъ тамошніе; виною тому, конечно, не столько примѣръ окружающей русской среды, сколько суровый климатъ, при которомъ понижается уровень не только политической, но и бытовой, а въ частности уличной и ресторанной общественности. Съ другой стороны, даже русскаго, православнаго человѣка нѣмецкаго происхожденія можно почти всегда отличить отъ коренныхъ русскихъ по складу ума и чертамъ характера. Вліяютъ и среда, и условія природы, и слагающееся по волѣ исторіи общественно-политическое воспитаніе,—но главное именно въ основныхъ расовыхъ чертахъ, мѣняющихся лишь подъ вліяніемъ органическихъ факторовъ.

Скрещиваніе расъ—вопросъ крайне существенный, которому люди придавали весьма серьезное значеніе въ древности, когда они болѣе чутко относились къ природѣ, и когда опустошительное нашествіе отвлеченныхъ идей не пронеслось еще по головамъ европейскаго человѣчества, на горе всходамъ здраваго смысла и политическаго естествознанія. Въ старину поощрялись браки съ одними племенами и воспрещались съ другими, очевидно, на основаніи данныхъ опыта. Исторія эволюціи взглядовъ на расовый и національный вопросы представляетъ глубочайшій интересъ и является ключомъ къ пониманію этого дѣла, особенно необходимому въ наши дни.

У каждаго изъ древнихъ коллективныхъ членовъ человѣческой семьи была своя заслуженная репутація, которой соответствовали формы и предѣлы его правъ у сосѣдей. Даже между близкими разновидностями человѣческихъ типовъ проявлялась рѣзкая разнь, обуславливавшаяся пониманіемъ природы и инстинктивною заботою о сохраненіи ея особенностей. И доселѣ у нѣкоторыхъ народовъ, *не испорченныхъ*, не одураченныхъ отвлеченными обобщеніями «цивилизаціи», и близкихъ къ природѣ, сохранилось во всей полнотѣ проникновен-

ное пониманіе расовыхъ различій. Оно влечетъ за собою, какъ напр., у горцевъ, рознь и борьбу; но несомнѣнно, что и человекъ, преслѣдующій задачи объединительныя и примирительныя, долженъ знать такія различія, считается съ ними, *строить* на нихъ свои мѣропріятія. Иначе оцъ—не вождь или начальникъ народа, не администраторъ въ реальномъ смыслѣ слова, а жалкій доктринеръ, обреченный на неуспѣхъ, очень дорого стоящій государству. Какъ совершенно вѣрно сказалъ гр. Л. Н. Толстой по другому поводу, природа жестоко мститъ за нарушеніе ея законовъ. *Доктринерская* нивелировка чего-бы то ни было живого и самобытнаго обречена на неудачу. Древнія попытки исключительно-насильственного объединенія большихъ человѣческихъ группъ, восточныя деспотіи,—включая сюда монархію Александра Македонскаго,—всегда были непрочны; ихъ сила, блескъ и шумъ были скоропреходящи, подобно весеннему половодью.

Невидимымъ дотолѣ, сильнымъ объединителемъ народовъ явился Римъ, выдвинувшій и небывалую военную организацію, и серіозную созидательную силу въ области права. Римское право, вначалѣ *глубоко-почвенное* и имѣвшее въ виду стройное міросозерцаніе исключительно-римлянина,—лишь постепенно, по мѣрѣ роста государства, стало перестраиваться на новыхъ, болѣе широкихъ основаніяхъ, уступая, путемъ преторскихъ смягченій, не только требованіямъ общечеловѣческой отвлеченной гуманности, но и реальному натиску *инородческихъ вліяній*, которыя мало по-малу достигли сперва прорыва римской духовной замкнутости, а затѣмъ и фактическаго распада самой римской имперіи.

Смягчались *гражданскія* нормы и, въ органической связи съ этимъ, расширялись *политическія* права инородцевъ. Борьба патриціевъ съ плебеями была, въ сущности, *расовою борьбой*, хотя, повидимому, и между родственными племенами, не равноцѣнными въ культурно-созидательномъ отношеніи. Потомъ, въ концѣ этой фатальной для Рима эволюціи, полныя гражданскія и вмѣстѣ политическія права (между которыми существуетъ и должно проводиться на практикѣ существенное различіе) стали достояніемъ даже такихъ чужеродныхъ для Рима элементовъ, которые отнюдь не могли, по духовному

складу и жизненному обычаю своему, считаются истинными представителями великаго Рима. Получилась подтасовка понятій, и притомъ *на практикъ*, т. е. въ учрежденіяхъ. Учрежденія не устояли—и вѣчный городъ рухнулъ, не выдержавъ натиска болѣе молодой, инстинктивно сильной и органически-здравой племенной самобытности. Весьма знаменательно, что расцвѣтъ отвлеченно тонкаго римскаго права и его кодификація завершились не въ самомъ Римѣ, а уже въ новомъ, пестрокультурномъ центрѣ, Византіи...

Въ этихъ правовыхъ итогахъ довольно ярко проступаетъ уже *отвлеченный человекъ*,—конечно, въ той сравнительно скромной мѣрѣ отвлеченности, какая допускалась древними практиками. Римъ по натурѣ не былъ мечтателемъ—и даже нивелирующія учрежденія свои окрашивалъ по возможности сильно, такъ что инородецъ, добившійся полноправія, могъ не иначе, какъ съ глубокою гордостью, говорить: *Civis romanus sum!*...

И не взирая на такую окраску, отвлеченный «*civis romanus*» сперва ослабилъ, развратилъ, унизилъ, а потомъ и убилъ римскаго квинта.

Достоинъ особаго вниманія взглядъ нѣкоторыхъ историковъ, усматривающихъ въ социальномъ-бытовомъ воздѣйствіи евреевъ одну изъ существенныхъ причинъ разложенія и гибели «железнаго Рима». Они были его ржавчиной.

Но человѣчество несомнѣнно нуждается въ нѣкоторой дозѣ дѣйствительно облагораживающихъ, отвлеченныхъ, общечеловѣческихъ понятій. Доза эта мѣняется въ связи съ требованіями исторіи, то увеличиваясь, то уменьшаясь.

Шедшее по направленію къ все большей отвлеченности, римское право подготовило массу тогдашняго человѣчества къ воспринятію иныхъ, и *иначе объединяющихъ* началъ христіанской религіи. Въ періодъ наиболѣе сознательнаго развитія своего мірового могущества, Римъ, однако, весьма считался съ расовыми особенностями покоряемыхъ народовъ,—и напри- мѣръ, на Востокъ зачастую не посягалъ на самобытныя политическія формы, довольствуясь лишь ихъ подчиненіемъ себѣ; понималъ онъ и значеніе скрещиванья расъ, для чего и посылалъ свои легіоны на зимовку въ мѣста, опредѣленные не

одними только стратегическими соображениями. Успѣхъ похищенія сабинянокъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству.

Но при всемъ томъ, въ старомъ Римѣ была все еще весьма сильна закваска квинтиской исключительности; кровь латинской расы глухо протестовала противъ многого, что явилось неизбежнымъ плодомъ непомѣрнаго роста имперіи. Такъ дальше идти не могло—и расовыя причины, гораздо болѣе, чѣмъ вышнія обстоятельства, вызвали созданіе *христіанской имперіи не въ Римѣ, а на новомъ мѣстѣ*. Римлянину, въ силу его психо-физическаго склада, гораздо болѣе была свойственна временная диктатура, оправдываемая войнами, нежели прочная разноплеменная имперія, освященіемъ и психическимъ основаніемъ которой можетъ быть лишь *монотеистическая религія*.

Для такой имперіи всѣ условія нашлись именно въ Византіи. Въ этой психической разницѣ между Римомъ старымъ и новымъ можно найти весьма цѣнныя данныя для опредѣленія соціально-политической творческой роли и свойствъ религіи.

Религія, призывая людей къ братскому единенію, отнюдь не наступательно-космополитична, такъ какъ она хочетъ *единенія*, а не уравниванія,—она хочетъ *милости, а не жертвы*. Слова Писанія о томъ, что не будетъ «ни эллина, ни іудея», нельзя принимать за программу искорененія расовыхъ особенностей этихъ народовъ, а лишь за призывъ къ установленію между ними духовной близости и добраго житія. Приводимыя тамъ-же слова «и той бѣ самарянинъ» косвенно подтверждаютъ послѣдній выводъ; еще болѣе подкрѣпляется онъ предписаніемъ Спасителя идти и *учить всѣ народы*: соответственно этому и апостолы, по сошествіи Св. Духа, *заговорили на языкахъ разныхъ народовъ*, очевидно, не въ видахъ заставить эти народы забыть свои языки, т. е. поступиться существеннымъ проявленіемъ природной самобытности.

Ясно, что *религія*, серьезно понимаемая, *является не разрушительницей, а даже опорой племенной самобытности* и національной идеи, облагораживая эту послѣднюю и давая ей свое оправданіе. Космополитизмъ—измышленіе безпринципнаго, язычески-настроеннаго торгово-промышленнаго класса, плодъ не всегда безкорыстнаго равнодушія къ живымъ явленіямъ; а

религіозный призывъ къ мирному единенію народовъ есть актъ творческой вѣры, повышающей эти явленія.

На различныя почвы упали сѣмена религіи, и, достигнувъ, конечно, всеобщаго повышенія нравственнаго уровня, вмѣстѣ съ тѣмъ испытали на себѣ воздѣйствіе пестрой земной и особенно человѣческой, расовой природы. Сперва обрядовая и догматическая разниа между церквами, а затѣмъ и ихъ рѣзкое раздѣленіе, въ связи съ возникновеніемъ всяческихъ ересей,—все это не случайность, а *наглядно создано исторіей*; если добратся до корня вещей,—то станетъ ясно, что это создано именно расовыми различіями, въ связи съ другими естественными причинами.

Римлянинъ, какъ глубочайшій матеріалистъ-язычникъ, давно выработавшій сложную и богатую театральными эффектами жреческую организацію и ритуалы, принудилъ и христіанство войти въ соглашеніе съ этими требованіями. Почти дѣвственный тогда въ религіозномъ и культурномъ отношеніи славянинъ воспринялъ ученіе и символизмъ Церкви Восточной, причемъ даже тутъ не обошлось безъ второстепенныхъ уступокъ трудно-искоренимымъ бытовымъ особенностямъ, вѣрованіямъ и другимъ проявленіямъ народнаго характера.

На почвѣ необходимости для всѣхъ религій приспособляться къ этому коренному фактору всякой народной жизни, возникли на Востокѣ иконоборство и исламъ. Если сумѣть отличить разницу между абсолютнымъ достоинствомъ той или иной религіи и ея приспособляемостью къ характерамъ различныхъ народовъ, то придется признать, что для нѣкоторыхъ народовъ при современномъ уровнѣ ихъ развитія, исламъ, на примѣръ, является наиболѣе естественною и нравственно-полезною формою богопочитанія; его простота и строгость исключаютъ опасность впаденія въ безсознательное язычество, которое мы видимъ у нѣкоторыхъ южныхъ христіанскихъ народовъ, или опасность образованія мелкихъ теократій (вродѣ армянской, несторіанской и др.), являющихся *тайно-политическими организаціями* подъ религіозной личиною. Недаромъ одинъ авторитетный іерархъ высказалъ автору этихъ строкъ, что считаетъ мусульманство по духу и нравственному уровню болѣе близкимъ къ нашей вѣрѣ, нежели упомянутыя теократіи.

Послѣ паденія Западной Римской имперіи, тамошній христіанскій міръ являетъ весьма любопытную картину недоразумѣній, вызванныхъ ненормальными отношеніями между религіей и національною идеей, или, тогда еще, національнымъ инстинктомъ. Воцарившись въ Римѣ, бывшемъ объединителѣ человѣчества посредствомъ оружія, языка и законовъ,—Западная Церковь усвоила себѣ ту же склонность и тотъ же арсеналь, а германскіе варвары выдвигали своихъ *императоровъ* не только какъ конкурентовъ Церкви по части властнаго объединенія, но и какъ *инстинктивный вначалъ протестъ противъ латинизаціи* въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Оба явленія были ненормальны, такъ какъ религія есть путь къ Богу, а не къ навязыванію чужой національной идеи; а имперія, въ истинномъ смыслѣ этого слова, требуетъ иного религіознаго духа, нежели настроеніе и аппетиты Германскаго императора Генриха IV. Этой имперіи пришлось сперва побывать въ Каноссѣ, а затѣмъ вскорѣ выродиться; римская же теократія встрѣтила серіозный протестъ со стороны реформаціи, корней которой слѣдуетъ искать опять таки въ расовыхъ чертахъ сѣверо-германскихъ народовъ.

Со времени паденія Западной Римской имперіи и вплоть до образованія болѣе или менѣе компактныхъ значительныхъ западныхъ государствъ, сознательное развитіе національной идеи нигдѣ почти не проявлялось. Надо было сперва, если можно такъ выразиться, «переварить» новыя для выдвинувшихся племенъ объединяющія начала: остатки крѣпко укоренившагося понятія «*civis romanus*», потомъ христіанство, затѣмъ феодальный строй (рѣзкость котораго, повидимому, объясняется расовыми различіями между «господами» и подвластною имъ толпой), потомъ широкую струю идей и знаній Возрожденія и, наконецъ, научныя открытія и изобрѣтенія, ставшія рѣзкимъ факторомъ соціально-экономическихъ переменъ.

Въ частности, феодализмъ съ одной стороны далъ громадныя преимущества идеѣ личнаго и родового права передъ національнымъ и государственнымъ, т.-е. создалъ особаго рода «отвлеченнаго человѣка»; да и всѣ прочія упомянутыя воздѣйствія, конечно, наносили значительный ущербъ національной

идеѣ, еле-брезжившей въ сознаниі западно-европейскихъ народовъ. Съ этой точки зрѣнія глубоко-интересны разные французскіе мемуары, относящіеся даже къ вѣку «короля-солнца» Людовика XIV; во время «Фронды» нѣкоторые крупные феодалы совершенно не считали измѣну королю грѣхомъ противъ Франціи, единство которой они, очевидно, слабо сознавали.

Такія сложныя явленія, какъ достиженіе государствами истинной національной компактности и цѣльности, подготавлиются долго и создаются не скоро. Этотъ процессъ и доселѣ завершился не повсемѣстно. Швейцарія представляетъ собою, въ сущности, не государство, а союзъ нѣсколькихъ государствъ, объединенныхъ главнымъ образомъ условіями природы и отчасти историческою случайностью, а также тѣмъ, что почти вся страна превратилась въ огромный космополитическій ресторанъ съ отдѣльными кабинетами для посѣтителей всѣхъ націй. Бельгія — историческое недоразумѣніе, объясняемое и поддерживаемое соревнованіемъ между большими сосѣдями. Австрія—недоразумѣніе въ гораздо болѣе крупныхъ размѣрахъ; знаменитый дипломатъ, сказавшій, что Австрію слѣдовало бы избрѣсти, если-бы она не существовала, явился отголоскомъ механической теоріи, которой онъ посвятилъ первую половину жизни въ рядахъ революціонеровъ. Съ каждымъ годомъ Австро-Венгрія является все болѣе шумнымъ полемъ расовой борьбы, исходъ которой предугадать не трудно, при условіи невмѣшательства извнѣ.

Даже Россія, объединенная сильною властью и славными традиціями, за вторую половину истекшаго столѣтія сдѣлала шагъ назадъ въ области моральнаго объединенія, подъ влияніемъ утопическихъ правовыхъ и политическихъ понятій, вторгнувшихся въ область законодательства и сильно повредившихъ органической здоровой, объединительной работѣ государства. Теперь даже въ *завоеванныхъ* мѣстностяхъ, купленныхъ народною кровью, можно на каждомъ шагѣ встрѣтить духовно-невѣжественныхъ инородцевъ, не только не склонныхъ гордиться званіемъ русскаго «*civis romanus*», но даже дерзающихъ провозглашать, сидя на русскихъ хлѣ-

бахъ, свою принадлежность къ изобрѣтеннымъ «націямъ», не имѣющимъ и тѣни историческаго обоснованія.

Всюду, гдѣ законы расчитаны на пресловутаго «отвлеченнаго человѣка» (а такихъ законовъ у насъ премного), представители сплоченныхъ инородческихъ организацій поднимають голову, отгѣсняють русскихъ людей и обходятъ русскій законъ. Для Имперіи съ разношерстнымъ населеніемъ увлеченіе утопіями вдесятеро опаснѣе, чѣмъ для компактнаго, вполне національнаго государства. Это увлеченіе, обезцвѣчивающее и разслабляющее государственную жизнь, открываетъ слишкомъ большой просторъ упомянутымъ организаціямъ, не стѣсняемымъ никакими нравственными соображеніями и дѣйствующимъ съ жестокою практичностью.

Спѣшу оговориться: изъ дальнѣйшихъ главъ этого труда читатели, надѣюсь, выведутъ заключеніе, что я вовсе не сторонникъ такой національной наступательной идеи, которая-бы отрѣшалась отъ высшихъ требованій человѣчности и стремилась-бы посягать на тѣ стороны инородческой жизни и мысли, которыя составляютъ святыню для заинтересованныхъ сторонъ; нѣтъ, мнѣ только кажется необходимымъ добросовѣстный *анализъ* междуплеменныхъ отношеній, свободный отъ шаблонныхъ обобщеній и имѣющій цѣлью благо и миръ, а не раздоры и огорченія. Необходимо, попросту говоря, возстановленіе здраваго смысла въ этихъ вопросахъ.

Повсемѣстно національная идея, строго говоря, вступила лишь въ первый сознательный фазисъ широкаго развитія и далеко не сказала своего послѣдняго слова. Попутно все болѣе выясняется также, что повсемѣстно религія проявляется и еще болѣе ярко проявится въ будущемъ именно, какъ ея союзница: даже въ настоящую минуту многіе истинные французы, напримѣръ, добрые католики, или защитники католицизма, по крайней мѣрѣ, по соображеніямъ политическимъ. Русскимъ патриотамъ не мѣшаетъ это знать и принимать къ свѣдѣнію: легкомысленное или враждебное отношеніе къ вѣрѣ отцовъ нашихъ есть служеніе врагамъ русскаго дѣла, русской жизни, и силы, и правды.

Какъ подготовители, такъ и непосредственные вожаки революціи XVIII вѣка сознавали глубокую основную разницу

между религіей и космополитизмом—и недаромъ съ такимъ ожесточеніемъ пытались съ корнемъ вырвать христіанство. Оно, несомнѣнно, мѣшало ихъ кровавымъ объединительнымъ приѣмамъ, а кромѣ того, исторія доселѣ не выяснила съ достаточной опредѣленностью, какую именно роль въ этой трагедіи играли евреи, элементы летучіе, подпольно-государственные, сплоченные между собою, искони являющіеся *противниками христіанства и національно-государственнаго самосознанія*, проводниками космополитизма, прикрывающагося громкими словами, но на дѣлѣ безпринципнаго и противоестественнаго. Кто такіе, напримѣръ, были истинные руководители масоновъ? Теперешнее положеніе дѣлъ во Франціи даетъ цѣлый рядъ характерныхъ фактовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на сущность даннаго вопроса.

5.

Но присмотримся поближе къ «физиономіи» пресловутаго «отвлеченнаго человѣка», портретъ котораго французская исторія написала черниломъ, кровью и учрежденіями не менѣе талантливо, чѣмъ русскіе путники изобразили Козьму Пруткува.

Когда Вольтера, дряннаго и вреднаго, но несомнѣнно умнаго и даровитаго человѣка, побили палками «люди» тоже дряннаго и вреднаго, а вдобавокъ не умнаго и бездарнаго аристократа Рогана, причѣмъ самому же Вольтеру пришлось потомъ спастись бѣгствомъ изъ Франціи,—то вполне естественно, что названный мыслитель-пессимистъ не могъ не ухватиться за оптимистическую мысль *о правахъ* какого бы то ни было, *т. е. отвлеченнаго человѣка*. Вольтеръ, нажившій значительное состояніе не очень почтенными способами, не обладалъ и тою силою пламеннаго убѣжденія, которая была нужна для успѣха «положительнаго творчества», хотя бы выражающагося въ созиданіи правдоподобныхъ воздушныхъ замковъ; да и по характеру онъ былъ разрушитель, растлѣватель духовный родственникъ Генриха Гейне по восходящей линіи.

Однимъ изъ теоретическихъ «созидателей» отвлеченнаго человѣка явился Руссо, въ біографіи котораго, не особенно

назидательной, имѣется немало личныхъ причинъ для такой идейной работы. Этому талантливому человѣку мы «обязаны», впрочемъ, главнымъ образомъ, *настроениемъ*, ведущимъ къ созидающему отвлеченнаго человѣка. Систематической выработкѣ этого послѣдняго положили начало, скорѣй всего, Монтескье своимъ «Духомъ законовъ», теоретическою попыткою пересадки чужихъ учрежденій *безъ сообразованія съ почвой*. Но и Монтескье гораздо менѣе отвлечененъ, чѣмъ принято думать. Когда онъ бываетъ отвлечененъ (и притомъ лишь по отношенію къ своей родинѣ), то это происходитъ только *безсознательно*, въ неумѣренномъ увлеченіи строемъ, естественнымъ и жизненнымъ для другой страны. Наоборотъ, *по намьреніямъ* своимъ онъ человѣкъ вполне почвенный, когда говоритъ, что «законы суть необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей». Ясно что признаніе *природы вещей* должно было-бы послѣдовательныхъ, почвенныхъ людей привести къ выводамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ «отвлеченнымъ человѣкомъ».

Между тѣмъ, Монтескье не безъ основанія считается однимъ изъ родоначальниковъ этого послѣдняго.

Тутъ привходящею оказалась причина социальна-бытовая. Безпочвенныя понятія, или утопическія формы понятій, разумныхъ въ основѣ при условіи болѣе скромныхъ предѣловъ, — прививаются лишь тогда, когда находятъ соотвѣтственную, сколько нибудь *безпочвенную среду*. А таковою во Франціи была, во-первыхъ аристократія, разумво-укрошенная кардиналомъ Ришелье, но затѣмъ неразумно обезличенная Людовикомъ XIV, превращенная имъ въ придворныхъ трутней, оторванная отъ всякой почвы не только въ переносномъ, но даже въ прямомъ смыслѣ т.-е. перебравшаяся въ Парижъ изъ родовыхъ помѣстій. Деревня при нормальныхъ условіяхъ умнѣе и нравственнѣе города!.. Но безъ аристократіи родовой и умственной, и деревня гнѣтъ, если она вѣками приучена къ инымъ условіямъ. Безпочвенной оказалась и та часть разбогатѣвшей буржуазіи, которая полѣзла въ знать и бюрократію и старалась подражать придворнымъ трутнямъ. Соціальное зданіе, органическія скрѣпы котораго были подорваны, разрушалось и сверху и снизу.

Самый политическій смыслъ былъ утраченъ всеми клас-

сами общества, кромѣ одного: буржуазіи, исподволь готовившейся дать генеральное сраженіе аристократамъ и на новый ладъ поработить народъ. Само собою разумѣется, что эта подготовительная работа происходила въ значительнѣйшей мѣрѣ *безсознательно*, стихійно, въ силу природы вещей, какъ сказалъ бы Монтескьё.

Знаменательно, что утратившая здоровую почву аристократія утратила вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдніе проблески инстинкта самосохраненія: она упивалась и выцыганиваніемъ соціального строя и даже наглѣйшими проектами «отвлеченнаго человѣка». Мыслители начали дѣло, а сила вещей довершила его. Конечно, это было гораздо больше дѣломъ разрушенія, чѣмъ созиданія...

Полились рѣчи, начались, въ значительной мѣрѣ въ силу тенденціозной финансовой политики, экономическія затрудненія; наконецъ, полилась и кровь.

Народился «отвлеченный человѣкъ», возвѣстилъ «свободу, равенство и братство», замѣнилъ (хоть и не надолго) Бога— «разумомъ», заявилъ, что *всѣ люди и всѣ племена равноцѣпны* (Каинъ и Авель, Маркъ Аврелій и Іуда) и т. д. въ томъ же духѣ. Началась *очевидная* подтасовка фактовъ и понятій. Гдѣ возможна успѣшная подтасовка, тамъ непременно появляются шулера, въ лицѣ единичныхъ людей (въ клубахъ, на курортахъ и на поприщахъ карьеры), племенъ (въ междуплеменныхъ отношеніяхъ) и общественныхъ классовъ (въ соціально-экономической области).

Кромѣ доктринеровъ и сентиментальныхъ кровопійцъ, вроде Робеспьера, появился цѣлый рядъ шулеровъ, единичныхъ и собирательныхъ. Изъ племенныхъ и вѣроисповѣдныхъ группъ Франціи сразу же въ барышахъ оказались элементы инородные и иновѣрные по отношенію къ главной народности,— іудеи и протестанты; изъ классовыхъ категорій— буржуазія, и притомъ худшіе ея представители: дѣльцы, темные промышленники, такъ называемые «приобрѣтатели національныхъ имѣній», пѣнокосниматели, эксплуататоры народа, говоруны, «танцующіе на фразѣ», какъ сказалъ Андре Шенье...

Съ народной массы были сняты оковы, но готовилось ей бремя тягчайшее, ковались для нея цѣпи болѣе крѣпкія... Исторія показала, въ чемъ онѣ заключаются, а также начи-

наетъ показывать, какъ нелегко будетъ порвать эти узы, не всѣмъ даже видимыя и попрежнему оправдываемыя доводами «отвлеченнаго человѣка».

Роковымъ образомъ у этого субъекта оказалась странная способность саморазмноженія и «самообостренія». Истрадавшаяся въ новыхъ социальнo-экономическихъ райскихъ куцахъ «свободы, равенства и братства», западнаа народная масса «видитъ» уже призракъ еще болѣе грознаго, еще менѣе церемоннаго абстрактнаго дѣятеля: это уже не человѣкъ, а гидра,—многоголовая гидра анархіи...

Урокъ исторіи, полезный для всѣхъ народовъ и времянь, а въ частности и для нашихъ дней, которымъ приходится расплачиваться за прошлыя ошибки и преступления...

6.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что главною изъ пагубныхъ ошибокъ Запада было именно измышленіе «отвлеченнаго человѣка»: вмѣсто живыхъ людей, классовъ, сословій и націй появились, какъ предметы философскихъ мудрствований, политическихъ, государственныхъ и даже искусственно-бытовыхъ мѣропріятій,—какіе-то приведенные къ одному знаменателю математическіе знаки, безъ самобытныхъ чертъ, безъ историческихъ завѣтовъ, страстей и привязанностей, безъ живыхъ особенностей чувства, мысли, рѣчи и дѣла.

Такъ какъ противоестественная нелѣпость, хотя и осіяная громкими фразами, хотя и вооруженная взрывчатою силою накопившихся инстинктовъ и классовыхъ стремленій, нигдѣ не можетъ быть принята добровольно всѣми, то во имя этого разрушительнаго отвлеченнаго человѣка была пролита кровь, много крови. Потоками ея залиты страницы исторіи конца XVIII и начала прошлаго вѣковъ; насиліемъ вводилась «свобода», завистливымъ невѣжествомъ предписывалось, «равенство» кровью ближнихъ запечатлѣвалось «братство...»

Богочеловѣческой религіи, указывающей и осуществляющей истинный путь къ высшимъ формамъ свободы, равенства и братства,—вожди или рабы новаго теченія объявили борьбу нещадную, продолжающуюся доселѣ. Всѣ высшія понятія о

земныхъ отношеніяхъ, почерпнутыя изъ религіи, были, такъ сказать, секуляризованы, лишены творческой жизненности, «закономѣрно» оформлены и новымъ общественнымъ опытомъ быстро опошлены. Служить имъ стало выгодно—и соблазнились, хотя бы изъ тщеславія, даже многіе жрецы строгой мысли, строгой науки; иные обманулись добросовѣстно, охваченные повальнымъ умственнымъ недугомъ. Создалось мнимо-философское, мнимо-научное ученіе, вооруженное назойливымъ требованіемъ, чтобъ за нимъ было признано «положительное» значеніе, чтобъ его сочли, прежде всего, близкимъ къ природѣ.

Религія, подвергающаяся и теперь во Франціи тягчайшимъ, а именно безкровнымъ гоненіямъ, не сдалась, но и не одолѣла. Для вѣры нужна способность къ ея воспріятію,—а эта способность ослабѣла.

Наука, долго томившаяся въ плѣну условныхъ вымысловъ, не менѣе деспотичныхъ, чѣмъ нѣкогда инквизиція, стала возражать, сперва украдкою, робко указывая на данныя добросовѣстнаго опыта, а затѣмъ смѣлѣе, выдвигая убійственныя батареи строго провѣренныхъ выводовъ.

Этимъ достигнуть первый основной успѣхъ здраваго смысла и жизненной правды. Изъ храма серіозной мысли ревнители «отвлеченнаго человѣка» отступили почти повсемѣстно въ лагери мысли поверхностной, торопливо-услужливой, ищущей денегъ и рукоплесканій, служащей страстямъ и слабостямъ толпы.

Отступленіе это было такъ шумно и даже грозно, что со стороны могло показаться занятіемъ болѣе выгодной позиціи, тѣмъ болѣе, что выводы науки, голосъ вѣры, внушенія природы либо замалчивались, либо осмѣивались насадителями общеупотребительныхъ, эпидемическихъ взглядовъ. И въ настоящее время есть здравомыслящіе, но мрачно-настроенные или утомленные духовнымъ безвременьемъ люди, полагающіе, что господству утопическаго заблужденія, торжеству темной силы не будетъ конца.

Ни исторія, ни естественныя науки, однако, не оправдываютъ такого взгляда. Не можетъ быть, чтобы отвлеченный человѣкъ окончательно одурачилъ и заѣлъ живого.

Исторія показываетъ, что и отвлеченный человѣкъ, прежде, чѣмъ забрать такую силу, зародился и сформировался на довольно пустынныхъ высотахъ мысли и знанія. Теперь на этихъ высотахъ—все болѣе обрисовывается обликъ живого человѣка, энергичное негодование котораго удесятеряетъ силу умозрительныхъ и научныхъ выводовъ.

А внизу, въ той долинѣ, гдѣ кишать толпа, привычная получать съ этихъ высотъ руководящія лучи,—глухо слышится стонъ Антея, тоскующаго по родной почвѣ....

Слова торгующихъ будничною мыслию пріѣдаются, обобщенія истрепались, фразы примелькались и вывѣтрились, умственный гнетъ раздражаетъ уже многихъ...

Собираются тучи иныхъ, животворныхъ понятій надъ жаждущей землей—и недалекъ тотъ мигъ, когда живительный дождь смоетъ нечистыя груды мусора.

На Западѣ уже идетъ этотъ дождь. Борьба съ отвлеченнымъ человѣкомъ началась и, вѣроятно, будетъ нелегка, такъ какъ тамъ зараза проникла глубоко во всѣ народныя слои, привилась почти органически, наложила свою печать на учрежденія, общественный бытъ и даже домашній обиходъ цѣлыхъ націй. Все, что покоится на лжи и связано съ нею интересами, тамъ стоитъ за лжеученія, отстаиваетъ ихъ упорно и умѣло, во всеоружіи долгаго политическаго воспитанія и опыта. Естественно, что «отвлеченнаго человѣка» особенно энергично поддерживаютъ представители тѣхъ народностей, классовъ и профессій, противъ которыхъ у остального человѣчества исторически сложились небезъосновательныя предубѣжденія, поддерживаемыя, вдобавокъ, вѣроисповѣдными различіями. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется то ожесточенное и недостойное по приѣмамъ гоненіе, которому подвергается преобладающая религія во Франціи... Гоненіе, въ итогъ, полезное, такъ какъ оно всѣхъ лучшихъ людей, сильныхъ духомъ и чистыхъ сердцемъ, привлекаетъ на сторону гонимыхъ.

На этой борьбѣ мыслящіе люди многому учатся; между прочимъ, все болѣе выясняется внутренняя близость между религіей и національною идеей. Церковь, какъ явленіе живое, не только небесное, но и земное, въ своей богочеловѣчности приспособляется къ этой естественной почвѣ, возвращаетъ на

ней плоды съ различными свойствами, дорожить этими послѣдними, какъ лигатурою для формъ своего символизма, какъ залогомъ своей устойчивости въ данной странѣ, у даннаго народа... Ясно, почему христіанство ненавидимо, гонимо сторонниками безпочвеннаго отвлеченнаго человѣка, и почему въ самомъ понятіи этого послѣдняго заключается начало не только соціальнаго, но и духовнаго разложенія.

Но вотъ, что гораздо менѣе ясно и на первый взглядъ кажется какимъ-то абсурдомъ: во имя отвлеченнаго человѣка, въ постепенномъ разрушеніи всѣхъ органическихъ устоевъ Франціи,—да и не одной Франціи!—участвуютъ, съ полнымъ единодушіемъ, *еврейскіе миллионеры и... социалисты*; ихъ ораторы и газеты зачастую говорятъ *буквально одно и то-же*, не взирая на коренную, казалось-бы, разницу между «милліонерствомъ» и социализмомъ. Слѣдуетъ отмѣтить, кстати, что *отъ анархическихъ и коммунарскихъ смуть указанные финансисты обыкновенно не страдаютъ*; трогательная привилегія, весьма ярко освѣщающая вопросъ. Очевидно, первая группа субсидируетъ вторую—и обѣ, при полномъ различіи доктринъ, служатъ общей цѣли: соціальному и духовному *разложенію* великой націи.

Духовное разложеніе сопряжено съ пыткой, заставляющей опомниться все жизнеспособное и достойное гармоничной, цвѣтущей жизни. Оттого за послѣднее время во Франціи лучшіе умы, представители науки, искусства, современной печати, возрождаютъ національную идею и становятся, если еще не ревнителями религіи, то защитниками ея отъ изувѣрствующаго невѣрія или иновѣрія. Рядъ блестящихъ трудовъ по общественной психологіи (Лебона, Тарда, Гуайо, Мюрэ, и др.) и исторіи (начиная, хотя бы, съ Тэна) выясняетъ коренные вопросы современной общественно-государственной жизни. Мощное теченіе переходитъ въ область внутренней и внѣшней политики, обѣщая серіозныя перемѣны къ лучшему. Отъ исхода этой борьбы зависитъ пышное возрожденіе передовой европейской державы, или ея низведеніе на уровень падшихъ Афинъ, ставшихъ добычею желѣзнаго Рима, мѣстомъ его художественныхъ и иныхъ, менѣе высокихъ удовольствій...

7.

На желѣзный Римъ все болѣе становится похожею Германія, гдѣ бряцаніе оружія слышится не только на парадахъ и военныхъ обѣдахъ, но и за дипломатическими столами, и въ религиозныхъ организаціяхъ, и въ литературѣ для юношества, и въ сочиненіяхъ по политической экономіи,—словомъ, буквально всюду! Національная идея проникаетъ насквозь, охватываетъ всю германскую расу, переливаясь далеко за политическія границы. Она становится смысломъ и цѣлью жизни, поработая или принижая отдѣльные самобытно-высокіе характеры; она превращается въ языческій культъ, за неумѣренную приверженность къ которому этой расѣ придется еще когда-нибудь поплатиться сперва духовнымъ, а затѣмъ и политическимъ величіемъ. Истинная культура требуетъ болѣе гармоничнаго, болѣе одухотвореннаго развитія. Въ отсутствіи этого условія зародышъ упадка...

Причинъ такого неумѣреннаго господства національной идеи слѣдуетъ искать какъ въ природномъ глубокомъ материализмѣ германской расы, такъ и въ ея исторіи, особенно недавней. Не только сознанію народа, но и нервамъ его памятно начало XIX вѣка, когда понятія «отвлеченнаго человѣка» навязывались германцамъ гренадерами великой арміи Наполеона. Уже тогда это вызвало и глухой протестъ и борьбу, вначалѣ, впрочемъ, только на ратномъ полѣ. Отвлеченныя понятія, частью привившіяся къ слабымъ разрозненнымъ частямъ Германіи, частью зародившіяся тамъ на почвѣ этой разрозненности, создали замѣчательно разработанный философскій идеализмъ, безсмертный для сокровищницы человѣческой мысли, но весьма недолговѣчный для самого германскаго племени. Оно духовно огрубѣло какъ-то сразу, неожиданно для сосѣдей и, быть можетъ, для самого себя. Возвышенный гегелевскій «абсолютъ» смѣнился наступательнымъ озвѣреніемъ Ницше...

Заслуживаетъ особаго вниманія характерный фактъ, отмѣченный въ великолѣпной книгѣ Жоржа Гуайо «L'idée de patrie et l'humanitarisme»: Германія, въ самый разгаръ обожевленія своей національной идеи, является вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно работающей фабрикой понятій «отвлеченнаго чело-

вѣка», — конечно, исключительно pour l'exportation, — для вывоза! Нѣмецкая націоналистическая въ основѣ печать усердно поддерживаетъ проповѣдь «всечеловѣчества» во Франціи и Россіи, хвалить возможно громче ошибки и заблужденія своихъ сосѣдей, особенно невыгодныя для нихъ правительственныя мѣропріятія, вредныя выходки единичныхъ дѣятелей и общественныхъ группъ. Заговорить-ли гр. Толстой противъ государства и національной идеи, — его въ Германіи объявляютъ не только гениальнымъ художникомъ (что не подлежитъ, конечно, сомнѣнію), но и величайшимъ рѣшителемъ жизненныхъ задачъ, — что совершенно недоказуемо; распространенію-же его идей въ самой Германіи нѣмецкіе патріоты препятствуютъ даже цензурными мѣрами. Потребуютъ-ли французскіе космополиты или масоны упраздненія постоянной арміи — и ихъ поддерживаютъ масоны нѣмецкіе, которые у себя дома не дозволили бы распустить ни одного баталіона. Нѣтъ-съ! Эти вредныя вещи только для вывоза! Точь-въ-точь подобно тому, какъ происходитъ вывозъ англичанами опиума и иныхъ ядовъ въ восточныя страны, неблагополучныя вслѣдствіе слишкомъ старой или слишкомъ молодой цивилизаціи. Родствомъ нѣмцевъ съ англичанами объясняется это сходство пріемовъ и отношенія къ ближнимъ.

Наличность такихъ сосѣдей должна бы каждого заставить вдуматься въ свое положеніе, провѣрить, не слишкомъ ли много набирается въ родной странѣ предметовъ подобнаго услужливаго ввоза, въ добавленіе къ «залежкамъ» ихъ, скопившимся за прошедшее время. Особенно не мѣшало бы при-смотрѣться къ этому вопросу русскимъ людямъ, — какъ облеченнымъ властью, такъ и просто любящимъ свое отечество. Вѣдь эта любовь подобна храму, въ которомъ нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ: каждый можетъ служить родинѣ по мѣрѣ своихъ силъ — и по внутреннему содержанію своему это скромное служеніе можетъ быть равноцѣнно самымъ громкимъ подвигамъ. Необходимымъ для этого условіемъ является добросовѣстное, недоктринерское отношеніе къ Россіи, какъ къ живому собирательному организму, съ самобытнымъ строемъ котораго надо считаться.

Отвлеченному человѣку у насъ нечего дѣлать: пусть онъ остается по ту сторону Волочиска и Вержболова!..

Врагъ общественной нравствен- ности.

Въ предыдущихъ главахъ недостаточно выяснена коренная черта «отвлеченнаго человѣка»: онъ врагъ общественной нравственности, врагъ всякой нравственности вообще.

Нравственность предполагаетъ извѣстное возвышенное отношеніе человѣка къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнимъ. Такъ какъ, помимо религіи, у нравственности не можетъ быть критерія, то источникомъ нравственности личной и общественной является благодать Божія; въ силу творческаго замысла ея, человѣкъ выдѣленъ изъ остальнаго органическаго міра; она же затѣмъ дала ему Откровеніе въ богочеловѣческой религіи, для сознательнаго прохожденія пути къ вѣчному Первоисточнику правды и добра.

Задатки нравственности, несомнѣнно, вложены въ духовную природу человѣка и даже, такъ сказать, въ планъ мірозданія, какъ одно изъ условій сколько нибудь мирнаго совмѣстнаго жительства людей на землѣ; съ этой точки зрѣнія довольно близки къ реальной правдѣ нѣкоторыя позитивисты (какъ, напримѣръ, Литтре), находящіе, что у нравственности есть органическіе корни. Ссылаюсь на это ученіе потому, что при всей своей доктринерской беспочвенности, позитивизмъ въ данномъ случаѣ невольно обмолвился правдой: какъ ее ни избѣгайте, какъ ее ни прячьте, — она, въ нужныхъ случаяхъ, сама за себя постоитъ. Кромѣ того, ссылка на позитивистовъ мнѣ въ данномъ случаѣ важна потому, что среди этихъ послѣднихъ насчитывается весьма много сторонниковъ «отвлеченнаго человѣка», что является съ ихъ стороны нелогичнымъ: очевидно, они въ такихъ случаяхъ либо искусственно замалчиваютъ собственный-же тезисъ объ органическомъ происхожденіи нравственности, либо не умѣютъ дѣлать изъ него естественныхъ, правильныхъ выводовъ.

Наглядно судить объ уровнѣ нравственности человѣка можно лишь по его отношенію къ окружающему міру, т. е., главнымъ образомъ, къ *ближнимъ*. Въ своихъ наглядныхъ проявленіяхъ нравственность носить непременно общественный ха-

рактёръ, такъ какъ семья есть первая форма, основная ячейка общества. За семьею, объединяемою тѣсною, непосредственною органическою связью, идетъ племя, въ постепенно расширяющемся смыслѣ этого слова (фамилія, раса); затѣмъ государство, съ преобладающею племенною окраской. Этимъ далеко не исчерпываются реальныя группировки людей: союзы классовые, сословныя, религіозныя, научныя и иные, создаваемые на почвѣ исторіи, подъ вліяніемъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей человѣка, его стремленій и даже мечтаній, то образуются въ предѣлахъ расовыхъ и государственныхъ рамокъ, то далеко распространяются по лицу земли, не стѣсняясь географическими ея подраздѣленіями.

Наконецъ, вдали мерцаетъ идеаль единого человѣчества.....

Будетъ ли осуществленъ этотъ идеаль,—покажетъ исторія. Священное Писаніе говоритъ, что это наступитъ, когда будутъ новыя небеса и новая земля. Значитъ ли это, что необходимо отказаться отъ идеала? Конечно, нѣтъ. Но несомнѣнно, что надо стремиться къ нему лишь путемъ, указаннымъ самою природой. Указанія человѣческой природы, при мало-мальски сознательномъ знакомствѣ съ исторіей, весьма опредѣленны и ясны; постепенность развитія общественности (отъ семьи, до гигантскихъ человѣческихъ группъ) вовсе не обусловливается постепеннымъ отмираніемъ, или уничтоженіемъ первоначальныхъ или переходныхъ ея ступеней, а какъ разъ наоборотъ: здоровая, сильная общественность возможна лишь тамъ, гдѣ эти ступени не только сохраняются, но и продолжаютъ вліять на всю жизнь, на весь строй. Когда погибла римская семья,—стало разлагаться и римское государство; когда во Франціи вліятельный высшій классъ утратилъ почву и жизненный смыслъ, началось разлагающее воздѣйствіе революціи, пароксизмы которой могутъ довести великую державу даже до утраты самобытности.

Главные союзы, имѣющіе наиболѣе глубокое значеніе для человѣческой жизни и нравственности, суть семья, государство и религія, дающая духовный смыслъ двумъ предыдущимъ формамъ человѣческаго общенія и тѣсно съ ними связанная. Остальные союзы, раскидываясь иногда на цѣлый шаръ земной, касаются лишь отдѣльныхъ сторонъ жизни и потому глубо-

каго вліяння нармальна імѣць не могуць: постоянныя отступленія отъ ихъ правилъ и требованій совершенно неизбѣжны, хотя бы вслѣдствіе невозможности дѣйствительнаго контроля и въ силу неодолимаго разнообразія мѣстныхъ условій.

Высшею изъ наиболѣе обширныхъ группировокъ челоѣчества, осуществляемою съ наибольшею полнотою и жизненностью, является государство, требующее притомъ здоровой семьи и здоровыхъ отношеній между общественными слоями. Если челоѣчество и придумало инья, болѣе широкія группировки, то во всякомъ случаѣ до полнаго реального ихъ осуществленія дѣло не дошло, и, по всей видимости, не доидеть ранѣе появленія новыхъ небесъ и новой земли.

Всякій челоѣческой союзъ даетъ нравственныя права и налагаетъ нравственныя обязанности, т. е. повышаетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ повышать нравственный уровень челоѣка, облегчая ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, земное существованіе. Въ семьѣ права и обязанности несложныя, подсказываемыя природою; осуществлять ихъ легко и естественно, ибо для этого требуется минимумъ общественной нравственности, минимумъ усилій разума и сердца, для подчиненія личнаго эгоизма высшему объединяющему началу. Кому это не по силамъ, тотъ, едва-ли способенъ достигъ высокаго гражданскаго уровня, для котораго требуется болѣе серіозная побѣда надъ эгоизмомъ. Бываютъ, конечно, исключенія, но они всегда носятъ характеръ случайный, иногда роковой: когда семейная жизнь слагается неудачно, помимо воли заинтересованныхъ сторонъ, порознь способныхъ къ хорошей семейной жизни. Когда же личный эгоизмъ является торжествующимъ правиломъ въ семейномъ быту цѣлаго племени, то ни о какой общественной морали, гармоніи и силѣ не можетъ быть и рѣчи. У одного африканскаго племени имѣется цѣлый циклъ народныхъ сказокъ, басенъ и рассказовъ, въ которыхъ сообщается, какъ отецъ семейства воровалъ пищу у жены и дѣтей, наѣдался до пресыщенія и затѣмъ гадостно потиралъ руки и скалилъ бѣлые зубы, точно совершилъ подвигъ. Немудрено, что этому племени приходится подпадать подъ власть всякаго, кому не лѣнь и не противно властвовать надъ подобными гибридами.

Враги государственности прекрасно понимают тѣсную органическую связь между семьей и государствомъ. Недаромъ, во время разрушительной вакханалии 60-хъ годовъ, у насъ торопились упразднить семью, уничтожить стыдъ и довести женщину до истеріи. Недаромъ и въ наши дни въ буйныхъ общественныхъ кругахъ пользуются особою популярностью жрицы того «сверхъ-цыганскаго» искусства, которое служитъ равнузданію страстей и разрушенію семьи. Наполеонъ III думалъ одно время порнографическою опереткою отвлечь своихъ подданныхъ отъ серіозной политики; природа вещей жестоко ему отомстила: исторія отвела ему самому опереточное мѣсто на своихъ безошадныхъ столбцахъ.

Весьма знаменательно, что наиболѣе добросовѣстные и духовно-сильные представители нашего общественнаго движенія 60-хъ годовъ, отрицавшіе и бракъ, и религію, и многое другое,—въ личной жизни поступали иначе. Я зналъ одного изъ такихъ дѣятелей, который, случайно дойдя до близости съ дѣвушкой, не подходившей къ нему ни въ какомъ отношеніи, счелъ долгомъ жениться на ней, *чтобы оградить ее отъ страданій*. Побѣда надъ эгоизмомъ дошла въ этомъ достойномъ человѣкѣ до отступленія отъ доктринъ, которыя онъ проповѣдывалъ. Помимо личнаго благородства, въ немъ говорила и катоновская честность: онъ, очевидно, сознавалъ, что, нѣтъ на свѣтѣ и не можетъ быть общественной нравственности, безъ живого, дѣйствительнаго элемента самоотреченія.

Нравственность велитъ не только быть справедливымъ къ ближнимъ, но и любить ихъ; любовь же, какъ и вѣра, безъ дѣлъ мертва. Осуществлять любовь по отношенію ко всѣмъ ближнимъ безусловно невозможно, такъ какъ даже кругъ человѣческаго знакомства ограниченъ, и въ предѣлахъ этого круга большинство отношеній поневолѣ поверхностны. Можно въ теоріи (хотя бы даже не только умомъ, но и сердцемъ) любить всѣхъ людей, но на практикѣ возможно проявлять это чувство лишь по отношенію къ тѣмъ немногимъ, которыми судьба окружить человѣка на жизненномъ пути.

Слово имѣетъ цѣну, когда не расходится съ дѣломъ,—и настоящая любовь провѣряется на дѣлѣ именно по отношенію къ ближайшей средѣ человѣка. Если онъ для нея не умѣ-

рять своего эгоизма, то можно смѣло не вѣрить его словамъ о любви къ ближнимъ. Въ любви, въ побѣдѣ надъ эгоизмомъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо, необходимо *упражненіе*, потому что она иначе изъ области сердца переходитъ въ область воображенія, отъ живой жизни удаляется въ пустыню теорій.

Человѣкъ, который бы отдалъ постороннимъ то необходимое, чего вправѣ ожидать отъ него присные, нарушилъ бы основной законъ элементарной нравственности; съ другой стороны, человѣкъ, который далъ бы своимъ приснымъ всякихъ благъ въ излишествѣ и вмѣстѣ безучастно глядѣлъ бы на голодную смерть чужого дитяти подъ окномъ,—одинаково прегрѣшилъ бы противъ нравственности; въ первомъ случаѣ онъ былъ бы рабомъ эгоистичнаго увлеченія теоріей (хотя бы и возвышенной по своимъ задачамъ), а во второмъ—онъ, какъ семьянинъ, явился бы представителемъ того *семейнаго эгоизма*, который свойственъ животнымъ и низшимъ человѣческимъ расамъ и заслуживаетъ названія *Affenliebe*, обезьяней любви. Нравственное рѣшеніе вопроса, очевидно находится посрединѣ между обѣими крайностями.

Изложеннымъ, надо полагать, достаточно доказывается необходимость существованія *достойной*, человѣчной семьи, какъ первоначальной ячейки, очага и школы для общественной нравственности.

Перейдемъ теперь къ вопросу о государствѣ; созидателемъ этого послѣдняго является то или иное сильное племя, способное къ культурнымъ формамъ жизни, вслѣдствіе чего вопросъ государственный, строго говоря, неотдѣлимъ отъ племенного. Какъ бы ни были разнообразны элементы, входящіе въ составъ государства, *одинъ изъ нихъ* непремѣнно долженъ имѣть преобладающее, рѣшающее значеніе. Иногда онъ самъ представляетъ нѣчто сложное, производное отъ слиянія двухъ-трехъ племенъ на разсвѣтѣ ихъ культурно-политической жизни. Но, такъ или иначе, онъ составляетъ особую человѣческую *породу*, отъ психическаго склада которой зависятъ формы и судьбы политической жизни даннаго народа.

Это элементъ, созидающій и окрашивающій все главное въ жизни,—и остальные племена, входящіе въ составъ госу-

дарства, подчиняются, болѣе или менѣе добровольно, тѣмъ нормамъ, которыя онъ частью стихійно, частью сознательно вырабатываетъ во время своего историческаго роста и развитія.

Безъ объединяющей идеи, безъ общей окраски, безъ извѣстной доли благоразумнаго племеннаго эгоизма, нѣтъ и не можетъ быть серьезнаго государства. Подобно тому, какъ семьянинъ долженъ заботиться прежде всего о своихъ присныхъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ объ остальныхъ ближнихъ, могущихъ нуждаться въ его помощи,—и государство должно заботиться прежде всего о томъ созидательномъ и окрашивающемъ элементѣ, которому оно обязано своимъ существованіемъ, и о тѣхъ пріемныхъ дѣтяхъ, которыя имѣютъ право на любовь и попеченіе, при условіи повиновенія законамъ и традиціямъ пріютившей ихъ семьи. Затѣмъ уже открывается область задачъ міровыхъ, общечеловѣческихъ, служеніе которымъ не должно наносить ущерба прямымъ интересамъ подданныхъ этого государства: въ противномъ случаѣ оно свідѣтельствовало бы о доктринерствѣ или эгоистическомъ славолюбіи правителей.

Сфера государственно-національной жизни гораздо болѣе обширна, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ людямъ, у которыхъ засѣлъ въ мозгу отвлеченный человѣкъ. Въ этой сферѣ есть гдѣ развернуться самымъ полнымъ возвышеннымъ проявленіямъ общественной нравственности и любви къ людямъ. Строго говоря, за предѣлы этой сферы лишь въ рѣдкихъ, частныхъ случаяхъ бываетъ возможно человѣку перешагнуть реально, т. е. дѣломъ, а не мечтой, не пустыми словами.

Если, положимъ, русскій человѣкъ думаетъ, что любить все человѣчество, то пусть онъ докажетъ эту любовь именно *русскому человечеству*, т. е. той многомилліонной средѣ, съ которою онъ связанъ не только юридическими, но и нравственными правами и обязанностями. Если онъ этого не сдѣлаетъ—то и вѣрить ему не стоитъ.

Отвлеченный человѣкъ является врагомъ общественной нравственности, потому, что, устраняя наиболѣе широкую изъ тѣхъ сферъ, гдѣ она сколько-нибудь осуществима, онъ загоняетъ общественную нравственность въ пустыню теорій,

гдѣ она, за отсутствіемъ реального примѣненія, атрофируется, теряетъ жизненную силу, сводится къ нулю.

Человѣкъ и гражданинъ, утрачивающій этотъ очагъ тепла и свѣта, дѣлается особаго рода переодѣтымъ варваромъ: это осмѣянный Щедринымъ «желудочно-половой космополитъ», прикрывающій иногда лохмотьями истрепанныхъ фразъ свой грубый, чисто-животный индивидуализмъ.

Переходъ отъ мнимо-возвышенныхъ, безпочвенныхъ мечтаній отвлеченнаго человѣка къ животной философіи Ницше и анархическому цинизму его лубочнаго послѣдователя г. Максима Горькаго—есть явленіе неизбѣжное, требуемое, если можно такъ выразиться, логикою самой природы. Этотъ переворотъ имѣетъ свою аналогію въ растительномъ царствѣ: есть такіе цвѣты, ароматъ которыхъ смѣняется нестерпимымъ зловоніемъ, какъ только они начнутъ увядать. А можетъ ли не увядать все то, что лишено реальной почвы?..

Увяданіе теорій, доселѣ пригнетающихъ многія головы російской интеллигенціи, спокойному наблюдателю легко можно было предвидѣть еще въ ту пору, когда онѣ у насъ шумно и безцеремонно воцарялись. Больно много было наглядной лжи и вопіющихъ противорѣчій. Такъ, напримѣръ, отвлеченный человѣкъ сталъ предметомъ культа одновременно съ увлеченіемъ общества естественными науками и, отчасти, благодаря этому послѣднему, хотя именно въ естественныхъ наукахъ и содержится прежде всего авторитетнѣйшее опроверженіе этой мистификаціи. Въ періодъ рьянаго увлеченія демократизмомъ и призракомъ равенства, отвергаемаго природой,—любимымъ научнымъ авторитетомъ мнимо-образованныхъ людей явился Дарвинъ, тотъ самый Дарвинъ, который говорилъ о значеніи *подбора*, т. е. объ *аристократическомъ* принципѣ въ природѣ. Вѣдь если цѣнить іоркширскихъ свиней, то почему не цѣнить оксфордскихъ людей, т. е. такія семьи, въ которыхъ высокая культура достигнута преемственною работою и духовнымъ совершенствованіемъ нѣсколькихъ поколѣній, не озабоченныхъ элементарными насущными нуждами?! Однимъ изъ апостоловъ демократизма Дарвинъ явился, вопреки собственнымъ выводамъ, вопреки очевидности, именно потому, что порадовалъ наступательныхъ демократовъ пріятнымъ извѣстіемъ о самомъ

что ни на есть демократическомъ родствѣ, а именно съ обезьяной: они сочли это вполне достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы сбросить всякія стѣсненія и превратиться въ необузданныхъ прогрессистовъ... озвѣренія.

Такихъ примѣровъ очень много; они бросались и доселѣ бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Съ этой точки зрѣнія весьма интересно человѣку, знакомому съ тою эпохой, теперь еще разъ перечитать Щедрина, любимаго сатирика и, въ нѣкоторомъ родѣ, пророка той партіи, которая прошла все фазисы поклоненія отвлеченному человѣку, отъ пышныхъ фразъ до откровеннаго зловонія включительно. Помимо приведеннаго мѣткого словца о космополитахъ, у него можно найти изрядную толику такихъ мыслей и образовъ, отъ которыхъ не поздоровилось бы многимъ изъ слѣпыхъ поклонниковъ этого, зачастую невольно-прозорливаго художника...

Возможно ли отказаться отъ признанія человѣчества единою семьей и отъ свѣтлой надежды на мирное сближеніе ея собирательныхъ членовъ между собою? Скажу больше: нравственно ли не стремиться, въ мѣрѣ возможности, къ осуществленію этой великой задачи?

Разумѣется, отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Но надо помнить, что нравственность гражданина зиждется на нравственности семьянина и частнаго человѣка, что уровень всечеловѣческихъ понятій и отношеній находится *въ прямой зависимости отъ уровня націй*. Владиміръ Соловьевъ основательно находитъ, что народы—суть органы вселенскаго единенія, и что національную идею нужно не упразднить, а лишь подчинить идеѣ религиозной (т. е. нравственной по своимъ практическимъ послѣдствіямъ), что народамъ не нужно пренебрегать своими матеріальными интересами и забывать о своемъ особомъ назначеніи, а лишь надо, чтобы они не въ это полагали душу свою. Стало быть, для общественной нравственности, для того, чтобы роду людскому жилось хорошо и мирно, нужна *достойная* семья, нужно *достойное* государство, дорожащее не только силою, но и правдою и честью своею; необходимо національное самосознаніе для наиболѣе естественнаго и успѣшнаго осуществленія правды и добра въ самобытныхъ формахъ, отвѣчающихъ народному міросозерцанію.

Конечно, существенное значеніе имѣть здѣсь *степень* и форма подчиненія національной идеи религіозно-нравственному идеалу. Мѣра вещей опредѣляется исторіей и запросами дѣйствительной жизни. Въ частности, самъ Владиміръ Соловьевъ, въ разные періоды своей дѣятельности, «отмѣривалъ» различно, потому что не былъ достаточно знакомъ съ дѣйствительною жизнью.

Не надо забывать, что образованные правящіе классы являются въ нѣкоторомъ родѣ опекунами или отвѣтственными старшими членами народной семьи и должны особенно заботиться о родныхъ ея дѣтяхъ, которымъ предстоитъ воплотить, ограждать и развивать великія семейныя традиціи. Отвѣтственные люди не вправѣ слишкомъ ограничивать національный эгоизмъ во имя высокіхъ теорій: это было бы сентиментальностью на чужой счетъ, убыточною для опекаемыхъ и примѣняемою безъ ихъ сознательнаго согласія. Да сознательное согласіе, кстати сказать, почти никогда и недостижимо тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о большихъ народныхъ массахъ! Космополитизмъ правящихъ классовъ, примѣняемый къ общественно-государственной жизни, есть преступленіе передъ народомъ, исторически выработавшимъ самобытныя жизненныя начала; это грѣхъ противъ общественной нравственности въ реальномъ, жизненномъ ея значеніи.

У насъ это грѣхъ отчасти невольный: это грѣхъ для меньшинства, а для большинства интеллигентовъ—несчастье, какъ результатъ цѣпи событій, отъ нихъ не зависящихъ. Но само собою разумѣется, что когда все сдѣлано для выясненія истины, а ложь продолжаетъ господствовать, въ силу недобросовѣстнаго упрямства или умственной халатности своихъ невольниковъ,—то несчастье становится несомнѣннымъ грѣхомъ.

Отвлеченный человѣкъ существо упорное и вкрадчивое; его сила отчасти въ томъ, что онъ потворствуетъ умственной лѣности и усыпленію совѣсти, воспрещая думать самостоятельно и строго, и даже угрожая иногда жестокою карой за нарушеніе такого запрета...

Владиміръ Соловьевъ, очевидно, глубоко понималъ это, когда имѣлъ мужество обратиться къ нашему обществу съ нижеслѣдующими приснопамятными словами: «Мы, имѣющіе

несчастье принадлежать къ русской интеллигенци, которая, вмѣсто образа Божія, все еще продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны, — мы должны же, наконецъ, увидать свое жалкое положеніе, должны постараться *возстановить въ себѣ русскій народный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идейки!..»

Не удивительно ли, что нашему философу пришлось говорить такія вещи просвѣщеннымъ классамъ народа, который пережилъ въ XIX вѣкѣ цѣлый рядъ знаменательныхъ историческихъ событій, поднимавшихъ національное чувство?! И отечественная война, и безсмертная кавказская эпопея, и долгая борьба за освобожденіе славянъ (вновь разгоравшаяся въ моментъ произнесенія приведенной рѣчи), и освобожденіе крестьянъ, и празднованіе тысячелѣтія Россіи, — это ли не великія событія?! Что же творилось въ головахъ той интеллигенци, которая черезъ четыре года послѣ приведенной рѣчи стала до извѣстной степени психическою соучастницей позорной катастрофы 1-го марта?!

Творилось нѣчто недоброе: ей замѣнили натуральную, здравомыслящую русскую голову поддѣльною, приспособленною къ водворенію въ ней отвлеченнаго человѣка.

И доселѣ продолжается эта фальсификація такого существеннаго продукта, какъ человѣческая голова: молодымъ людямъ съ очень раннихъ лѣтъ *дѣлаютъ голову*, съ такою же холодною жестокостью, какъ странствующие акробаты уродуютъ ворованныхъ дѣтей, для балаганно-коммерческихъ цѣлей. Сравненіе вполне подходящее, ибо людей съ искусственными головами можно считать украденными у матери-Россіи.

Какъ дѣлають голову.

Чрезвычайно грустно въ этомъ признаваться, но констатировать это необходимо: если вы теперъ встрѣтите на Руси человѣка самобытно-умнаго, мыслящаго не по шаблону и вдумчиво относящагося къ жизненнымъ явленіямъ, то можно почти безошибочно сказать, что этотъ человѣкъ либо не получилъ высшаго образованія, либо обладаетъ указанными выше качествами, несмотря на таковое образованіе, *вопреки* ему. Современный «дипломированный» господинъ, съ обманчивымъ значкомъ въ петлицѣ пиджака, далекъ отъ жизненной правды и лишенъ самостоятельной культурности. Отъ него можно услышать доктринерскія фразы, вычитанныя въ мнимо-либеральномъ повременномъ изданіи, фразы до того истрепавшіяся, что въ мало-мальски нервномъ слушателѣ онѣ вызываютъ тошноту. Досаднѣе всего то, что онѣ произносятся тономъ искренняго убѣжденія, иногда съ паэосомъ, точно извѣстія о только что состоявшемся открытіи Америки. Попробуйте оспорить одинъ изъ тезисовъ, приобрѣтенныхъ въ томъ или иномъ «магазинѣ готовыхъ мыслей»,—и въ отвѣтъ не трудно получить даже дерзость.

Положимъ, большинство современныхъ «интеллигентовъ» принадлежитъ къ семьямъ безъ культурнаго прошлаго, и потому сѣтовать на слабость результатовъ образованія у этихъ господъ особенно не приходится: уровень нашей школы совершенно не таковъ, чтобы достигать быстро хорошей переработки умственного сырья. Но вотъ обидно бываетъ, когда выходятъ банально-мыслящіе люди изъ такой среды (какъ, напримѣръ, дворянство, духовенство), гдѣ умственное развитіе въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ было традиціонною, естественною потребностью. Тутъ уже нѣтъ оправданія ни для семьи, ни для школы, выпускающихъ на свѣтъ Божій такіе слабые экземпляры.

Одинъ чиновникъ, производившій ревизію департамента, былъ пораженъ рѣзкою качественною разницей, проявившейся въ трудахъ дѣлопроизводителей; этихъ послѣднихъ пришлось

въ указанномъ отношеніи раздѣлить на агнцевъ и козлищъ. За рѣдкими исключеніями, оказались настоящими дѣльными работниками люди, выслужившіеся изъ писарей, отставные офицеры, недопеченные гимназисты и т. п.,—словомъ, всѣ тѣ, кто усвоилъ канцелярскія знанія практическимъ путемъ, привыкъ считать дѣло для себя почетнымъ и серіознымъ, и сразу въ министры не мѣтить. Около $\frac{4}{3}$ состава лицъ съ высшимъ образованіемъ оказались въ дѣловомъ отношеніи «козлищами» даннаго департамента: даже по части грамотности оказался у нихъ изъянъ, не говоря уже объ отсутствіи какого-бы то ни было творчества, необходимаго во всякомъ дѣлѣ. Ни тѣни состраданія къ интересамъ живого обывателя, представляемымъ его бумагою; знаніе законовъ самое диллетантское; трудолюбіе такое же, какъ если бы эти господа считали свое мѣсто постоялымъ дворомъ, гдѣ приходится сидѣть, покуда лошади будутъ выкормлены и запряжены. Сидѣніе на столахъ, куреніе папиросъ, сплетни о начальствѣ и актрисахъ, да по временамъ политическіе разговоры, въ которыхъ очень торопливо и самонадѣянно рѣшаются,— конечно, въ смыслѣ весьма прогрессивномъ, — жизненные вопросы цѣлой страны... къ счастью, не окончательно...

Можетъ быть, картина даннаго департамента не составляетъ общаго правила, но несомнѣнно, что приведенные типы—далеко не исключенія: ихъ можно встрѣтить на каждомъ шагу, въ любомъ учрежденіи, не исключая значительной части нашей печати, гдѣ настоящаго, толковаго работника приходится искать «днемъ съ огнемъ», а самостоятельно и добросовѣстно мыслящаго человѣка и того труднѣе найти.

Въ частности, знаніе Россіи величайшая рѣдкость. Ну, пусть бы столичные жители, не выѣзжавшіе дальше Павловска или Шувалова, страдали этимъ незнаніемъ! А то, вѣдь, и сынъ елатомскаго мѣщанина, и дочь вязниковскаго протоіерея, пройдя черезъ школьный фильтръ, оставляютъ въ немъ и зачатки знакомства съ родиной, и прирожденный здравый смыслъ, и дисциплину характера, а пріобрѣтаютъ какую-то, по кавказскому выраженію, хурду-мурду, запасаются болѣзненнымъ самолюбіемъ, эгоизмомъ и жаждою некультурной свободы. Когда подумаешь, что это будущіе дѣятели, судьи, врачи,

публицисты, статистики, столовачальники и другіе вершители народныхъ судебъ, то не позавидуешь народу, надъ которымъ такіе господа будутъ производить свои эксперименты...

Отчего произошелъ такой упадокъ живого знанія Россіи? Покойникъ Лѣсковъ любилъ цитировать А. Ѡ. Писемскаго, который полу-шутя относилъ это къ винѣ желѣзнодорожнаго строительства. Прежде, молъ, проѣдетъ человекъ, бывало, тысячи полторы верстъ въ тарантасѣ, или на перекладной, русскимъ воздухомъ обдышется, насмотрится, наслушается нивѣсть чего, особливо, если съ тарантасомъ раза три поломка случится. А теперь верстъ двадцать пять проѣхаль— и желѣзнодорожная станція съ буфетомъ; пріѣхаль въ одинъ городъ,—тамъ гостиница «Парижъ», въ другой—«Лиссабонъ», а въ крупныхъ центрахъ все «Грандъ-Отели»; взглянетъ въ окно вагона,—вдали мелькаютъ какія-то соломенные да тесовыя крыши матушки Россіи; въ поляхъ мужички сошками землю царапаютъ. На платформахъ станцій неизбѣжныя барышни въ мордовско-малороссійскихъ костюмахъ, или неуклюже-модныхъ лифахъ, въ сопровожденіи неизбѣжно-влюбленнаго телеграфиста, да кучки полусонныхъ простолюдиновъ-зѣвакъ. Помилосердуйте! Русскій народъ состоитъ не изъ однихъ зѣвакъ. Жизнь сосредоточивается не въ однихъ «Грандъ-Отеляхъ»...

Писемскій глубоко правъ, и за его шуткой слѣдуетъ признать серіозное значеніе: она указала на одинъ изъ симптомовъ того тяжкаго недуга, который можетъ быть названъ культурнымъ оскуднѣніемъ деревни. Истинное, живое знаніе родины только тамъ. Города, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, могли бы только подводить итоги дарамъ помѣстнаго знанія и обобщать его. Да горе въ томъ, что и отношеніе къ дѣлу, въ большинствѣ случаевъ, недобросовѣстное.

Въ городской семьѣ ребенокъ слышитъ рѣчи, являющіяся отголоскомъ преимущественно безпочвенной и, въ большинствѣ, противонаціональной печати. Старшіе члены семьи заняты торопливымъ добываніемъ средствъ къ жизни, либо прожиганіемъ жизни, или, наконецъ, копченіемъ неба. Некогда ни самостоятельно и серіозно мыслить, ни систематично

воспитывать дѣтей. Дай Богъ, чтобъ эти послѣдніе попали въ школу, переходили безъ переэкзаменовокъ, получили дипломы, пристроились затѣмъ на службу и свили бы себѣ потомъ столь же неблагоустроенныя семейныя гнѣзда. Семейныя разговоры на общественныя темы отличаются крайнимъ, и притомъ поверхностно-критическимъ отношеніемъ ко всему существующему; правительство оказывается виноватымъ почти безусловно во всемъ. Такія-то высокія лица достойны всякаго сочувствія, потому что фрондируютъ, или ведутъ свою особою политику. Печать оказывается чуть не задавленою «произволомъ», самоуправленіе и учащаяся молодежь—тѣмъ паче. А тутъ еще какая-то латынь, какая-то хронологія! Приходится брать для Коли репетитора, тратить деньги, на которыя можно было бы пріобрѣсти абонементъ въ «Акваріумъ», наряду съ прочими земноводными! Еслибы «настоящая» реформа, то можно бы и безъ репетитора обойтись. Затѣмъ, «побольше бы свободы», нѣкоторая удача въ биржевой игрѣ,—и можно было бы провести лѣто въ Аббаціи, куда теперь укатилъ Иванъ Ивановичъ.

Правда, Иванъ Ивановичъ человѣкъ недюжинный, настоящій американецъ: онъ нагрѣлъ казну на крупную сумму и притомъ умудрился получить повышеніе! Это человѣкъ, прямо созданный для манчжурской дороги! Кстати: какъ жаль, что «манчжурка» будетъ уже окончательно выстроена къ тому времени, когда Коля кончитъ курсъ. Вообще, Колянка, будь похожъ на Ивана Ивановича! Онъ такой дѣльный, умный... и передовой: изъ газетъ онъ можетъ держать въ рукахъ только «Русскія Вѣдомости», изъ журналовъ только что-нибудь марксистское. А при этомъ получилъ вторую звѣзду и собирался надѣть ее, чтобы поздравить Максима Горькаго съ избраніемъ въ академію, но только вышли какія-то «независящія обстоятельства», и поздравлять не пришлось. Кстати, читали вы, господа, рассказъ Горькаго «Трое»? Это удивительно, удивительно смѣло! На-дняхъ генеральша Z., прочитавъ эту гениальную вещь, сказала, что она завидуетъ ея героямъ. И чего ей завидовать? Ея мужъ, какими-то таинственными способами забралъ въ руки своего начальника и недавно получилъ отвѣтственное порученіе; она можетъ развлекаться

тѣмъ временемъ, а онъ напумить! О, это человѣкъ тоже весьма прогрессивный: онъ говоритъ, что не въ состояніи держать въ рукахъ иной газеты, кромѣ «Иностранческихъ Вѣдомостей». Его второе слово: «Господа, гдѣ вы откопали какой-то національный вопросъ?»... и т. д., и т. д.

Столь же принципиальныя рѣчи слышитъ Коля и въ знакомыхъ домахъ, у друзей своихъ родителей. Поступивъ въ гимназію, онъ старается приносить хорошія отмѣтки, потому что за это его повезутъ въ циркъ, или на «Дочь Фараона». Когда онъ, по общепринятому обычаю, обманываетъ учителя, жлетъ начальству, а затѣмъ рассказываетъ объ этомъ дома, то домашніе одобрительно хохочутъ. Школа является прежде всего школою лжи и фальшивыхъ понятій. Даже такія благородныя въ основѣ чувства, какъ товарищеская солидарность, испорчены тѣмъ, что товарищеская среда является однимъ лагеремъ, а педагогическій персоналъ—другимъ. Эхъ, хорошо надуть начальство или учинить ему, по возможности, безнаказанную непріятность! Для маленькаго Коли начальство является правительствомъ, казною. Казну онъ инстинктивно не любитъ: казенные пироги непременно невкусны, а пирожки изъ маргарина съ сахариномъ, покупаемые въ сосѣдней булочной,—объяденіе! Если можно ножичкомъ испортить парту,—Коля такого случая не упуститъ. Изъ учителей ему миль именно тотъ, который очень забавно перекиривляетъ директора и ругаетъ латиниста: такой храбрый и чрезвычайно передовой! Когда ученики не хотятъ отвѣчать, онъ охотно болтаетъ о постороннихъ предметахъ. Хорошо, что онъ въ V классѣ будетъ преподавать словесность!

Годы идутъ, и на смѣну отрывочнымъ впечатлѣніямъ является нѣчто *систематичное*. Кое-кто изъ учителей, нѣсколько «передовыхъ» товарищей, да два-три знакомыхъ студента-«развивателя» дѣлаютъ Колѣ голову. Ему даютъ хитро составленный списокъ книгъ и статей для прочтенія: прочесть ихъ обязательно, «если онъ хочетъ быть развитымъ и свободнымъ человѣкомъ, а не обскурантомъ». Можно съ увѣренностью сказать, что въ Россіи почти нѣтъ дипломированнаго человѣка, которому бы, еще въ гимназическіе годы, не подсунули списка книгъ и повременныхъ изданій для односторон-

няго «саморазвiтiя». Одновременно прiучають Колю кь рѣв-
кимъ, безапелляціоннымъ сужденiямъ о томъ, чего онъ не
знаеть. Писаревъ, Шелгуновъ и г. Михайловскій (а въ по-
слѣднее время великій Максимъ Горькій)—геніальныя, благо-
роднѣйшія умы, источники свѣта немеркнущаго. Пушкинъ—
устарѣль, Лермонтовъ — герой безвременья; жаль, что онъ
былъ дворяниномъ и офицеромъ. Гоголь подавалъ надежды,
но подъ конецъ впалъ въ религіозное помѣшательство, тѣмъ
болѣе досадное, что религія столь же устарѣла, какъ и
Пушкинъ. Вотъ Чернышевскій—это настоящій восторгъ! Онъ
запрещень, но его можно будетъ достать. А потомъ и Карлъ
Марксъ! Остерегайтесь мракобѣсія, пуще всего остерегайтесь
этого ужаса! Подобно тому, какъ сумасшедшій римскій цезарь
пожалѣлъ, что у человѣчества не одна голова, которую онъ
разомъ могъ бы отсѣчь, нѣкій князь Мещерскій скорбитъ о
томъ, что у человѣчества....., что человѣчество нельзя сразу
высѣчь! И это навѣрное! Онъ спитъ и видитъ, какъ бы это
устроить! Это прямо позоръ для современной цивилизаціи!
О чемъ бы ни заговорили во время оно Катковъ и Аксаковъ,
а въ наши дни кн. Мещерскій, г. Грингмутъ и имъ подоб-
ныя,—знайте, Коля, что они непремѣнно неправы и не-
искренны: они никогда, ни въ чемъ не могутъ быть правы,
потому что это было бы неприлично и нелиберально. Глав-
ное, будьте либеральны, потому что иначе васъ заплюють.
Развѣ прiятно быть заплеваннымъ?! У васъ, Коля, несомнѣнно,
большое дарованіе! Вы можете стать извѣстнымъ человѣкомъ,
прославиться въ Россіи и за границей, повлiять на судьбы
отечества. Помните же, ради собственнаго блага, что правы
только Шелгуновъ, Михайловскій, Карлъ Марксъ, Максъ
Нордау, Ницше и вообще порядочные люди; а люди, смотрящіе
иначе, чѣмъ мы,—конечно, непорядочные, и упоминать ихъ
имена безъ бранныхъ эпитетовъ прямо неприлично: васъ не
только ни въ одно «честное» изданіе не пустятъ, если вы
не проявите настоящихъ гражданскихъ убѣжденій, но всѣ
передовые люди будутъ на васъ пальцами указывать, какъ
на позорное явленіе!...

Коля даже вздрагиваетъ отъ ужаса: лучше смерть, чѣмъ
такой позоръ! Онъ уже почитываетъ газеты и видѣлъ, какъ

«передовые» люди умѣють травить ближнихъ на башибузукскій манеръ.

Годамъ къ 18-ти Коля уже думаетъ, прежде чѣмъ говорить: думаетъ не о томъ, какъ бы не погрѣшить противъ объективной истины, а о томъ какъ бы не отступить отъ навязанной ему и терроризирующей его программы. У него въ душѣ вырастаетъ нѣчто въ родѣ пузыря съ рабымъ страхомъ, и этотъ новый органъ остается при немъ, большею частью, на всю жизнь, превращая ее въ безпринципное, безвольное и безплодное прозябаніе. Уста шепчуть прописныя партійныя формулы, спина гнется передъ каждымъ наглцомъ, произносящимъ ихъ болѣе громко и задорно, а личность Коли превращается въ какую-то безформенную, болѣзненно-самолюбивую слизь...

Но постойте, Коля, программа еще не кончена. Вамъ еще нужно кое-что задолбить. Помните, что правительство себѣ на умѣ: оно желаетъ задержать развитіе народа. При иныхъ условіяхъ вы въ 25 лѣтъ могли бы быть министромъ (вѣдь Алкивіадъ и Периклъ были очень молоды!), а при теперешнихъ—дай Богъ вамъ въ 35 быть начальникомъ отдѣленія и трепетать передъ какимъ-нибудь вице-директоромъ,—диллетантомъ съ протекціей. Все, что дѣлаетъ бюрократія,—непремѣнно скверно; все, что дѣлаетъ общество,—непремѣнно хорошо! Положимъ, въ газетахъ пишутъ иногда о неправильномъ счетоводствѣ въ той или иной городской или земской управѣ, но, вѣдь, это же сущіе пустяки, или нелѣпыя инсинуаціи. Всякая общественная самодѣятельность, не исключая уличныхъ демонстрацій,—ведетъ къ добру, къ гражданскому развитію. Если кого-нибудь наказали за крайнія мнѣнія, выраженные крайнимъ способомъ, то знайте, что это навѣрно гениальный человѣкъ и великій гражданинъ: иначе бы ему дали орденъ и теплое мѣстечко. Если какое-нибудь общественное учрежденіе стѣснено или закрыто, то знайте, что оно непремѣнно было сосудомъ истины. Могли быть у него и отрицательныя стороны, но вы не смѣете о нихъ упоминать, потому что это было бы нелиберально, и вы попали бы на дурной счетъ! А быть на дурномъ счету у передовыхъ людей—не только позорно, но и невыгодно; вамъ повредятъ на любомъ поприщѣ: если вы маленькій, нуждающійся литераторъ, то вамъ ни от-

куда пособія не выдадутъ; если вы напишете хорошую книгу, то ее замолчатъ; а если захотите «безсмертія»,—то васъ въ академію не пустять и на порогъ; тамъ крѣпко засѣли представители «свободы мнѣній»,... конечно, только собственныхъ... Даже, если вы чиновникъ,— и то можетъ выйти бѣда!...

Погодите, это еще не все. Вамъ простятъ многое, особенно при условіи надлежащаго покаянія; но есть вещь, которой никто не проститъ это — «мракобѣсіе» въ національномъ вопросѣ. Помните, что «пестротканная» Россія есть не нація, а винегретъ изъ множества націй, изъ которыхъ русскіе должны все уступать прочимъ, во имя цивилизаціи, гуманности и прогресса. Если гдѣ-нибудь расцвѣтетъ, благодаря просвѣщенной благосклонности единичныхъ дѣятелей, молодая Якутія, Черемисія или Меря,—то вы должны привѣтствовать этотъ отрадный фактъ, а не выражать неудовольствіе. Если русскимъ людямъ, которымъ эти націи дозволятъ жить на ихъ древнихъ или вновь возникшихъ территорияхъ, окажется тѣсно или тяжело, то не смѣйте быть выразителемъ ихъ нуждъ или сѣтованій! Они, какъ представители великаго народа, должны все терпѣть: въ этомъ весь смыслъ существованія Россіи...

Особенно, милый, благородный, передовой Коля, будьте любезны съ интеллигентными евреями: это священнѣйшая изъ заповѣдей современной цивилизаціи, насущнѣйшее изъ условій современнаго благополучія. Поймите, что они—настоящіе страдальцы: у нихъ нѣтъ ни денегъ, ни связей, ни банкирскихъ конторъ, ни комиссіонныхъ предпріятій, поощряемыхъ финансовымъ міромъ, ни газетъ, которыя бы хоть когда-нибудь въ ихъ пользу слово сказали! Это кроткіе идеалисты, совершенно разрозненные между собою, всюду преслѣдуемые и всюду желающіе только служить прогрессу и торжеству гуманитарныхъ идей надъ средневѣковыми предрасудками. Они—спасеніе для русской литературы, какъ элементъ высоко-нравственный, талантливый, передовой и кроткій. Любовь ихъ къ знанію прямо изумительна. И какое безкорыстіе! Въдъ еврейскіе интеллигенты готовы давать свои послѣднія сбереженія на поддержаніе повременныхъ изданій, которыя бы захирѣли въ невѣжественныхъ русскихъ рукахъ. Есть даже

такіе примѣры, что изданіе идетъ явно въ убытокъ, не взирая на громадную подписку,—и эти ревнители просвѣщенія и свободы поддерживаютъ его! Кстаті: хотите, я васъ познакомлю съ Исаакомъ Абрамовичемъ или Филиціаномъ Борисовичемъ, а то и съ обоими? Оба они — премилые люди, весьма общественные, одновременно адвокаты, журналисты, биржевики, химики, шахматисты и гипнотизеры; одинъ изъ нихъ—иниціаторъ «обѣдовъ безупречныхъ людей»: тамъ прेमילו, и вамъ непремѣнно слѣдуетъ тамъ занять мѣсто, отвѣчающее вашимъ дарованіямъ. Не забудьте, что это имѣетъ и посмертное значеніе. *Тогда*-то вамъ, положимъ, будетъ все равно, потому что загробная жизнь есть мнѣ, но теперь, конечно, пріятно сознавать, что васъ послѣ смерти расхвалитъ въ какомъ-нибудь этакомъ универсальномъ или литературномъ словарѣ! А кто благоговѣнно собираетъ наслѣдія прошлыхъ дарованій, неугасимыя мысли угасшихъ умовъ? Все *они!* Русскіе для этого слишкомъ вялая раса! Да-съ, молодой другъ мой, извольте съ ними тѣсно сблизиться, если не хотите, чтобы...

Но Коля уже не нуждается ни въ угрозахъ, ни въ поощреніяхъ: *его голова готова*. Уста его превращаются въ граммофонъ и услаждаютъ слушателей мотивами, хорошо запечатлѣвшимися на омертвѣлыхъ пластинкахъ его сознанія.

Граммофоны ѣдутъ и въ Калугу, и въ Моршанскъ, и въ Нахичевань, и въ Сморгонь, и въ Портъ-Артуръ. И вездѣ слышится голосъ Шелгунова, рычаніе Михайловскаго, нецензурная брань болѣе современныхъ корифеевъ. И вездѣ шипитъ вкрадчивое подсказыванье Исааковъ Абрамовичей, возвышающееся до самыхъ рѣзкихъ нотъ, когда граммофону кажется, что это можно сдѣлать безнаказанно.

Школа, пройденная Колей, создаетъ въ немъ потребность въ соотвѣтственной печати; печать такого сорта влияетъ на школу, въ которой будутъ дѣлать голову тысячамъ, сотнямъ тысячъ такихъ граммофоновъ, какъ этотъ Коля. Получается нѣкоторое *perpetuum mobile*, приносящее предпринимателямъ этого производства не меньшія выгоды, чѣмъ финляндскіе водопады—спичечнымъ фабрикамъ. Въ обоихъ случаяхъ, кстаті, накапливается горючій матеріалъ...

Всегда ли такъ будетъ? Надо надѣяться, что нѣтъ. Помилосердитесь! Въ Америкѣ, говорятъ, есть такія машины, что если въ одинъ конецъ всунуть обыкновенное бревно, то изъ другого конца выходитъ чуть не докторъ философіи. У насъ наоборотъ: живой, здравомыслящій русскій мальчикъ, пройдя чрезъ городскую семью и дипломно - публицистическіе эксперименты, превращается въ манекена.

А жизнь идетъ своимъ чередомъ, требуетъ рѣшенія насущныхъ, неотложныхъ задачъ, требуетъ искренняго, вдумчиваго къ нимъ отношенія. Единичныя явленія, повторяясь часто и упорно, даютъ массовые итоги, окрашиваются опредѣленнымъ цвѣтомъ, образуютъ эпическія картины, создаютъ исторически-безопасныя цѣпи событій, съ неразрывною связью между отдѣльными звеньями. Это надо отмѣчать, истолковывать, наконецъ, умѣрять крайности, предотвращать предвидимыя пагубныя послѣдствія, — словомъ беречь и воздѣлывать свою родину, дружными усиліями правительства и общества.

Когда Коля, немножко пробуждаясь отъ столкновенія съ дѣйствительною жизнью, хочетъ сдѣлать самостоятельное обобщеніе, подвести реальный итогъ живымъ фактамъ, — и закончится, напримѣръ, хотя бы о вліяніи еврейскаго элемента на русскую интеллигенцію, — сотни голосовъ кричатъ ему: «Тише, тише, мракобѣсъ эдакій! Если Максимилианъ Борисовичъ уличенъ въ печатномъ служеніи мошенническому грюндерству, или Альбертъ Ароновичъ въ плагиатѣ, то можете обрушиться на нихъ, но не проявлять расовой нетерпимости въ обобщеніяхъ».

Если при этомъ у Коли есть долги, то векселя подаются ко взысканію.

Коля смиряется, но несовсѣмъ. Онъ прекрасно чувствуетъ, что никакой расовой нетерпимости у него нѣтъ, и что самъ онъ немедленно готовъ помочь бѣдному еврею, какъ всякому ближнему, гонимому судьбою или людьми, но онъ сознаетъ что у всякой расы есть свои дурныя и хорошія стороны и соответствующая окраска и историческая миссія, что можно подвести вѣрные итоги фактамъ, подтверждающимъ такое наблюденіе. Мало-по-малу видитъ онъ также, что работа прави-

тельствственныхъ учреждений бываетъ и очень хороша, а общественныхъ—плоха и предосудительна; не все то вѣрно, что прикрывается либеральною фразой, и не все то невѣрно, что стоитъ выше фразъ. «Жупелы», которыми Колю пугали, «либеральные» гонители самобытной мысли, оказываются зачастую драконами, намалеванными на стѣнахъ китайскихъ крѣпостей, для устрашенія непріятели.

Многое видитъ онъ ясно, при болѣе близкомъ столкновеніи съ реальною жизнью. Сорвался бы, улетѣлъ бы отъ всей этой лжи, да вотъ бѣда: крыльевъ нѣтъ! Измалодушествовался. Характеръ свой въ три погибели скорчилъ изъ страха передъ цензурою непрошенныхъ опекуновъ; юные годы, предназначенные природой для исканія истины, посвятить онъ рабскому заучиванію чужихъ... даже не убѣждений, а условныхъ формулъ. Не разъ, во имя свободы науки, отказывался онъ отъ занятія наукой; во имя свободы мнѣній, отказывался отъ выработки собственного мнѣнія и пассивно участвовалъ, какъ жалкій фигурантъ, въ пригнетеніи и оклеветаніи чужихъ взглядовъ, даже не давъ себѣ труда съ ними ознакомиться.

А народъ ждетъ, чтобы интеллигентный работникъ, не мудрствуя лукаво, пришелъ къ нему на помощь, во всеоружіи знанія и любви, съ проникновеннымъ пониманіемъ основъ и живыхъ силъ самобытнаго русскаго строя, которымъ народъ дорожить, потому что голова у него *своя*, многотумная и свѣжая, а не напичканная всякимъ мусоромъ.

Пора устыдиться, пора понять, что чаша нелѣпостей переполнена, что русская культура дошла въ такъ называемомъ образованномъ классѣ до нищенски-малыхъ размѣровъ, характеры измельчали до предѣловъ, когда комизмъ дѣлается отвратительнымъ!

Достойно замѣчанія, что суровый режимъ императора Николая I, столь несправедливо осужденный нѣкоторою частью нашей печати, выдвинулъ цѣлую плеяду людей съ могучей волею и гармоничнымъ развитіемъ духа: это были сподвижники Царя-Освободителя, создавшіе крестьянскую реформу, воздвигнувшіе крестовый походъ за славянъ; а поколѣніе, возникшее въ эпоху реформъ, не дало и десятой доли

такихъ самобытныхъ силъ. Утомилась ли природа? Нуженъ ли русскому обществу болѣе суровый режимъ? Дѣло, можетъ быть, не въ суровости, а именно въ *последовательности* режима, въ разумной систематичности школы и, главное, въ освобожденіи образованнаго класса отъ гнета утопическихъ теорій, отъ гипноза инородческихъ и зарубежныхъ тенденцій, забравшихъ слишкомъ большую силу во всѣхъ общественныхъ слояхъ, во всѣхъ проявленіяхъ сознательной жизни. Эта оздоровительная задача не по силамъ одному правительству: рука объ руку съ нимъ должно идти русское общественное самосознаніе, вдохновленное стремленіемъ не разрушать нашу дѣйствительность въ угоду врагамъ Россіи и въ ущербъ народному достоинству,—а *улучшать ее*. Гдѣ вы, тоскующіе по загнанномъ въ темный уголъ здоровомъ смыслѣ, по утраченной истинной свободѣ исповѣданія *русскихъ* взглядовъ, не правящихся еврейскимъ интеллигентамъ и ихъ прислужникамъ! Гдѣ вы, хоть смутно сознающіе, что стыдно представителямъ русскаго образованнаго класса быть какими-то младо-турками, болѣе похожими на буйныхъ или лукавыхъ рабовъ, чѣмъ на людей духовно-свободныхъ! Не прячьтесь, не бойтесь, откликнитесь, объединяйтесь и выходите на работу!

Такая освободительная работа не легка: она по плечу лишь тѣмъ, кто раздѣляетъ, или хоть ясно видитъ страданія родной стихіи. Побѣда здраваго смысла и праваго дѣла—только вопросъ времени. Не всякому дано дожидаться ея, но стѣдуетъ увѣрывать въ нее, чтобы не жаль было за нее лечь костьюи.

Конечно, это дѣло вкуса: иному непріятно думать, что, вотъ, завтра же начнутъ и до конца дней не перестанутъ трепать его имя въ передовыхъ (т. е., по настоящему, отсталыхъ) изданіяхъ, да и послѣ смерти отведутъ ему помойную ямочку въ какомъ-нибудь гешефтмахерскомъ словарѣ, а русское общество этому всему повѣритъ и будетъ подпѣвать въ хорѣ инсинуацій. Но волка бояться—въ лѣсъ не ходить! Наконецъ, всякій человѣкъ понимаетъ по своему высшее благо жизни, высшую роскошь ея: одинъ прельщенъ рысаками, другой улыбкою госпожи Кавальери,

третій золотымъ шитьемъ, четвертый шумомъ популярности...

Мнѣ кажется, что самая дорогая и желанная роскошь, или, точнѣе, *высшее счастье* заключается въ высказываніи завѣтныхъ думъ.

Духовная сущность и свобода писателя.

Въ предыдущей главѣ мнѣ пришлось говорить о томъ, какъ русскому обществу «дѣлають голову». Въ числѣ «дѣлателей головы» особо видное мѣсто занимають писатели. Взаимодѣйствіе общества, школы и литературы такъ непрерывно и сильно, что мудрено сказать, какая изъ этихъ, то союзныхъ, то борющихся силъ проявляется могущественнѣе и рѣзче; трудно бываетъ порою, въ этомъ круговоротѣ и «обмѣнѣ веществъ», отличить даже причину отъ слѣдствія. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что въ каждую данную минуту общество состоитъ изъ людей, подготовленныхъ школою и затѣмъ ведомыхъ по пути развитія литературой. Но, съ другой стороны, литература, какъ показываетъ жизненная практика, сильно вліяетъ на школу, въ лицѣ ея руководителей и питомцевъ. Въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются даже педагоги, восторгающіеся Максимомъ Горькимъ и обучающіе своихъ питомцевъ на государственный счетъ пугачевской морали босячества. Съ третьей стороны, общество, дающее школѣ контингентъ учащихся и учащихся, а литературѣ ея жрецовъ,—стихійно вліяетъ на тѣхъ и другихъ. Когда нравы общества грубы и бытовой, практической матеріализмъ преобладаетъ надъ возвышенными стремленіями,—понижается культурный уровень школы, становящейся ареною явленій, унижительныхъ для ея достоинства, да и для достоинства всего класса, претендующаго на образованность; когда служащее низкимъ стремленіямъ общество побѣдоносно вліяетъ на писателя, то этотъ послѣдній можетъ дойти до уровня пьянаго влота.

Картина такого паденія достойна гамлетовской скорби, ибо писатель есть учитель по преимуществу, прямой потомокъ первоучителей челоѳчества,—и роль илота столь же мало ему подобаешь, какъ и священнику.

Весьма замѣчательно, что такое общество, которое понижаетъ уровень писателя, утрачиваетъ, въ наказаніе себѣ, самое понятіе призванія и назначенія литературы, перестаетъ ее уважать, т. е., по просту говоря, *хаметъ*; слѣдую за вождяи модными, а не уважаемыми по заслугамъ, оно становится всею своею грузной массой на наклонную плоскость, ведущую къ помойной ямѣ.

Нѣчто подобное, увы, замѣчается у насъ теперь, да и не у насъ однихъ, а въ образованномъ обществѣ почти всѣхъ странъ, воспріявшихъ такъ называемую европейскую цивилизацію. Только у насъ это явленіе рѣзче, во-первыхъ потому, что мы моложе и воспримчивѣе ко всякой инфекціи, а во-вторыхъ потому, что зарубежные враги и домашніе смутьяны упорно и умѣло прививаютъ намъ ядъ, разлагающій не только жизненныя формы, но и самые идеалы, безъ которыхъ и общество, и школа, и литература утрачиваютъ творческую силу. Вопросъ объ этомъ печальномъ явленіи у насъ необходимо, поѣтому, разсматривать въ связи съ общественной и духовной эволюціей другихъ народовъ. Необходимо свести несущественныя разновидности къ одному знаменателю, выяснить сущность писательскаго призванія и характеръ отношеній писателя къ обществу.

За послѣднія нѣсколько лѣтъ очень часто обсуждаются вопросы о сущности литературы, особыхъ примѣтахъ писателя и т. д. Во Франціи и Англійи этимъ вопросамъ посвящена цѣлая литература; и русское общество не изъ одной только подражательности интересуется ими,—но повинуется въ данномъ случаѣ чувству, которое можно назвать инстинктомъ самосохраненія. Кромѣ ряда помѣщавшихся въ «Книжкахъ Недѣли» весьма интересныхъ статей М. О. Меньшикова, вышедшихъ затѣмъ отдѣльною книгой, извѣстной статьи графа Л. Н. Толстого объ искусствѣ и множества другихъ изслѣдованій и очерковъ, посвященныхъ тѣмъ же предметамъ, во многихъ засѣданіяхъ здѣшняго неофилологическаго общества

поднимались эти вопросы, съ цѣлью не только научною, но и поневолю практическою: въ наше время духовнаго кризиса они носятъ болѣзненный характеръ. Пока сердце не болитъ, мы забываемъ о немъ; а начнутся перебои—и вспомнимъ невольно!..

Дѣло неладно: понятія спутались, руководящія начала и священныя традиціи потонули въ «пѣнистомъ океанѣ печатнаго слова», какъ выражается Томасъ Карлейль. И публика, и даже сами писатели обходятся безъ этихъ руководящихъ началъ и традицій, которыя, по некультурному мнѣнію многихъ, представляютъ собою устарѣвшій хламъ. Даже среди талантливыхъ писателей встрѣчаются люди, смотрящіе на дѣло съ ремесленной, промышленной точки зрѣнія. Интересный примѣръ такого непониманія я приведу ниже, а покуда замѣчу, что обиліе разсужденій о сущности писательскаго призванія, будучи вызвано печальнымъ состояніемъ современной литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно признакъ хорошій: язва найдена, лекарство противъ нея изыскивается и, съ Божьей помощью, найдется. Цѣлебные элементы есть въ душѣ у каждаго писателя, который достоинъ этого высокаго имени.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышли въ «Книжкахъ Недѣли» интересныя воспоминанія г. Фаресова о покойномъ Н. С. Лѣсковѣ; авторъ близко зналъ его и совершенно точно приводитъ его слова, которыя мнѣ не разъ приходилось слышать отъ Лѣскова за время моей долгой пріязни съ этимъ глубоко-характернымъ художникомъ слова.

— «Писатель — это мученикъ, — говаривалъ Лѣсковъ, — кто смотритъ иначе, тому лучше не вступать въ литературу; отличительной чертой литератора я считаю *готовность страдать за свои убѣжденія*... Онъ не напишетъ ни одной строчки ни за какія деньги, если усомнится въ ея достоинствѣ. Только бездарности бываютъ всегда довольны своими произведеніями. Но не стоитъ останавливаться на литературномъ пруженіи тѣхъ писателей, которые говорятъ, что у публики желудки луженые и все переварятъ. Настоящій литераторъ никогда не будетъ такимъ циникомъ. Служа перомъ безсмертнымъ истинамъ, онъ ощущаетъ писательскую гордость, — *и хотя бы вокругъ него все, симпатизирующее ему, вымерло, не умретъ*

ничего въ немъ самомъ. Съ этимъ ему легко нести свой крестъ»...

Будучи подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ своего тернистаго писательскаго пути, Лѣсковъ впадалъ даже въ нѣкоторую крайность и находилъ, что писатель «долженъ *всегда* идти противъ господствующихъ взглядовъ», имѣя лучшій и болѣе критическій взглядъ на положеніе вещей.

Это не всегда вѣрно само по себѣ и не ко всякому писателю примѣнимо. Напримѣръ, *опережать* какое-либо теченіе— не значить идти противъ него.

Гордясь тѣмъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ числу писателей «фаворитныхъ» и «добродѣтельныхъ» въ партійномъ смыслѣ, покойный Лѣсковъ говаривалъ: «Мнѣ всегда подозрителенъ писатель, никогда не выносившій на своей груди гнѣва толпы и вазнавшійся отъ ея восторговъ».

Нѣкоторымъ диссонансомъ наряду съ этими возвышенными словами звучитъ помѣщенное на другой страницѣ указанныхъ воспоминаній слѣдующее разсужденіе Лѣскова, которое можетъ быть объяснено только случайною неловкостью выраженія:

— «Мы не получаемъ,—говоритъ онъ,—ни чиновъ, ни жалованья, ни пенсій. Всѣ наши радости сосредоточены во вдохновенныхъ нашихъ занятіяхъ. *Ничего почти въ награду*»...

Это сопоставленіе вдохновенныхъ радостей съ отсутствіемъ награды отдастъ неудовлетвореннымъ матеріализмомъ.

По поводу всѣхъ этихъ реченій одинъ извѣстный романистъ написалъ тогда же въ большой газетѣ фельетонъ въ болѣе «современномъ» духѣ и пришелъ къ выводамъ, которыхъ никакъ нельзя было бы ожидать отъ человѣка, обладающаго талантомъ и поэтому, казалось бы, призваннаго служить истинѣ, добру и красотѣ.

По его мнѣнію, во-первыхъ, готовность страдать за свои убѣжденія не является характерною принадлежностью писателя, а необходима во всякой дѣятельности. Трудъ писателя, какъ и всякаго другого представителя свободной профессіи, какъ на примѣръ, *ремесленника*, оплачивается различно, смотря по степени его таланта. Въ чинахъ нѣтъ никакой надобности. Надо устроить только всякія учрежденія взаимно-

помощи, быть талантливымъ и усерднымъ, — и «можно жить безбѣдно».

Причемъ же тогда страданія? И какія, молъ, тутъ страданія, если все обстоитъ столь благополучно?! Можно бы возразить, однако, что сапожнику меньше приходится страдать за убѣжденія, чѣмъ писателю. Между этими «профессіями», смѣю думать, есть нѣкоторая идейная и бытовая разница, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ людей, уважающихъ литературу.

Чтобы «радикально» опровергнуть взглядъ Лѣскова, фельетонистъ приводитъ характерный случай изъ жизни Достоевскаго.

Отецъ одного молодого поэта принесъ геніальному писателю стихи своего сына и пожелалъ услышать мнѣніе о нихъ.

Достоевскій прочелъ и нахмурился:

— Зачѣмъ все это пишется? *Для того, чтобы быть писателемъ, надо прежде всего страдать!*..

Обиженный отецъ, привыкшій смотрѣть на всякую дѣятельность, и въ томъ числѣ на литературную, какъ на *карьеру*, взялъ тетрадку обратно и ушелъ, а Достоевскій закричалъ ему вдогонку: «Лучше не быть тому писателемъ, кто самъ не страдалъ и не хочетъ страданій!»..

Эта фраза кажется автору фельетона верхомъ нелѣпости: ну какой здравомыслящій человѣкъ хочетъ страданій?! Всякому хочется побольше радостей, — а писатель такой же человѣкъ, какъ и всѣ! Ему нуженъ-де только талантъ и талантъ: «писатель съ талантомъ — свѣтильникъ во тьмѣ; писатель безъ таланта — жалкій писатель!»!

Такъ называемой большой публикѣ этотъ некультурный фельетонный взглядъ, вѣроятно, понравился: въ немъ нашли много успокоительнаго здраваго смысла и писательской скромности. Припомнили, кстати, что Достоевскій «былъ человѣкъ ненормальный!» Ну какъ представить себѣ господина, который собирается стать писателемъ и потому «хочетъ страданій»?! Въ буржуазной головѣ такое понятіе не укладывается. Съ ея точки зрѣнія ясно, что и самъ великій Пушкинъ былъ не въ своемъ умѣ, когда сказалъ: «я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!»

Да-съ, господа, талантъ прежде всего,—а въ остальномъ писатель такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Особыхъ примѣтъ у него нѣтъ, кромѣ развѣ потертаго костюма и нервно-безцеремоннаго выраженія; даже длинные волосы встрѣчаются все рѣже...

Но лишь божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется...

Позвольте-съ! Во-первыхъ, что такое «божественный глаголь»? Наборъ словъ въ державинскомъ духѣ, высокопарная чепуха!

Такъ думаетъ большая часть людей поверхностныхъ, особенно съ легкой руки г.г. фельетонистовъ, толкующихъ съ кондачка объ этомъ важномъ предметѣ и предпочитающихъ поддѣлываться подъ ходячіе взгляды, нежели повышать ихъ.

Казалось бы, что не стоитъ и возражать противъ такихъ сужденій. Но вопросъ объ особыхъ примѣтахъ писателя и борьбѣ его за духовную свободу представляетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей культуры; то или иное рѣшеніе его влечетъ за собою различныя глубокія послѣдствія, какъ принципиальныя, такъ и практическія, ибо литература, питаясь жизненными фактами, вмѣстѣ съ тѣмъ гипнотически вліяетъ на общество и создаетъ жизненные явленія, наряду съ ихъ описаніемъ и критикою.

Поэтому надо выяснить, что такое писатель, каковы его признаки и историческія судьбы, въ связи съ развитіемъ общества; неизбѣжны ли страданія въ борьбѣ за духовную свободу и возможно ли оградить эту свободу въ нашъ вѣкъ своеобразнаго экономическаго рабства и умственнаго опошленія.

1.

Что такое писатель? Начну съ такого опредѣленія, которое какъ будто носитъ анекдотическій характеръ, но, въ сущности, содержитъ указаніе на самый генезисъ вопроса.

Къ одному беллетристу приходилъ перебѣлять рукописи старый сенатскій писарь, типичнѣйшая канцелярская машина

дореформенныхъ времяхъ: въ фризовой шинели, бритый, съ тонкими губами, безжизненными глазами маньяка и жидкою сѣдиною, зачесанною впередъ на виски.

Старикъ не писалъ, а рисовалъ буквы, могъ работать до безконечности и отличался убійственною молчаливостію. Однажды онъ, во время перерыва работы, оглядывая мутнымъ взоромъ стѣны кабинета, вдругъ обратилъ вниманіе на одинъ портретъ:

— Кто это?—спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ, памкая губами и растягивая слова.

— Пушкинъ...

— Не слыхалъ... онъ что же... служить гдѣ-нибудь?

— Служить... въ царствіи небесномъ.

— Аа... значитъ, въ государственной канцеляріи?—спросилъ старикъ не безъ юмора, предположивъ, очевидно, что беллетристъ упомянулъ о самомъ что ни на есть хорошемъ мѣстѣ службы.

— Нѣтъ, онъ умеръ... Вѣдь это Пушкинъ, писатель Пушкинъ...

— Аа... пи-са-тель? Это хо-ро-шо...

Пауза. Старикъ сталъ внимательно вглядываться въ лицо великаго поэта: губы и подбородокъ выбриты, взоръ спокоенъ, руки сложены на груди.

Все, кажется, въ порядкѣ. Вдругъ писарь сдѣлалъ брезгливую гримасу:

— А почему же волосы... того?

— Что?

— Прическа не въ аккуратѣ... Вѣрно зашибалъ?..

Вздохнувъ, онъ продолжилъ, пріосаниваясь:

— Вотъ, у насъ, въ сенатѣ, былъ писатель... Скоропостижный...

— Что? Умеръ?

— Нѣтъ, спился. Фамилія Скоропостижный... Изъ духовныхъ былъ. Любилъ, хе-хе, за галстухъ. А ужъ вотъ былъ писатель! Тремя почерками писать могъ: и прямо, и съ отвальцемъ назадъ, а ужъ если для богатыхъ купцовъ прошеніе, по полтиннику за листъ по широкому номеру,—такъ онъ вамъ такого эльзевирцу подпуститъ, что прямо слеза прошибаетъ.

И я замѣчалъ-съ, что начальство, при всей своей строгости, признавало такія прошенія подлежащими удовлетворенію-съ! Талантъ... Вотъ ужъ именно это отъ Бога-съ!..

И бросивъ брезгливый взглядъ на курчавую голову Пушкина, канцелярскій философъ углубился въ работу...

Отъ Бога-съ! Не только сущность, но и самая техника писанія—высшій даръ Божій человѣку. Животныя, такъ или иначе, переговариваются между собою; но только человѣку дано посредствомъ письменности побѣждать время и пространство.

Называя созданіе письменности *героическимъ трудомъ*, Томасъ Карлейль говоритъ: «Книга запечатлѣваетъ въ себѣ душу всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Все, что человѣчество дѣлало, о чемъ мыслило и чѣмъ оно было,—все это покоится, какъ будто бы объятое магическимъ сномъ,—тамъ, на страницахъ книгъ. Книга—величайшее сокровище человѣка! Литература, постольку, поскольку она литература, есть апокалипсисъ природы, раскрытіе открыто лежащей тайны, или, какъ выражается Фихте въ своихъ эрлангенскихъ лекціяхъ,—непрерывное откровеніе божественнаго въ земномъ и человѣческомъ»...

Итакъ, литература есть не только отраженіе жизни, но и *откровеніе*.

Она—*сама по себѣ жизнь*, болѣе тонкая и духовная, чѣмъ то, что принято называть жизнью въ обычномъ смыслѣ слова. Она не только создаетъ свои, отвлеченно-литературныя явленія: нѣтъ, ея власть простирается и на факты реальной жизни! Она создаетъ монархіи, парламенты, революціи, поддерживаетъ или разрушаетъ семью, общину, церковь и т. д. Отвлеченныя литературныя произведенія порождаютъ живыхъ, реальныхъ людей, съ тѣмъ или инымъ духовнымъ и даже физическимъ обликомъ.

Такого взгляда держались сотни мыслителей и критиковъ, начиная съ авторовъ священнаго писанія и кончая злополучнымъ «декадентомъ въ своей жизни», Оскаромъ Уайльдомъ, который въ своихъ «Intentions» весьма интересно говоритъ о силѣ внушенія литературы. И впрямь: развѣ Гамлетъ навязался въ цѣльномъ видѣ Шекспиру и сдѣлалъ его творцомъ

одного изъ величайшихъ въ мѣрѣ художественныхъ произведеній? Нѣтъ! Шекспиръ, собравъ изъ жизни матеріалъ по крупницамъ, создалъ Гамлета, какъ типъ,—и потомъ отъ этого типа народилось и продолжаетъ нарождаться множество Гамлетовъ, большихъ и малыхъ.

А нашъ Марлинскій?! Далеко ему до Шекспира, какъ до звѣзды небесной,—а сколько онъ расплодилъ такъ называемыхъ «московскихъ черкесовъ», незаконныхъ духовныхъ дѣтей Амалать-бека! Если всмотрѣться въ авторскую личность Лермонтова и попытаться воспроизвести ея писательскую родословную,—то не найдетъ ли безпристрастный критикъ, что въ жилахъ даровитаго «невѣдомаго избранника», отрекавшагося отъ байроническаго плаща, текла художественная кровь Марлинскаго?!

А какое огромное потомство у самого Лермонтова! Какъ песокъ морской! Я уже не говорю о такъ называемыхъ «ноющихъ поэтахъ», произведенія которыхъ—вода изъ лермонтовской ванны! Нѣтъ, обратите вниманіе на то, сколько мирныхъ обывателей, начиная съ кандидатовъ на судебныя должности, продолжая юными рабами латинской грамматики и кончая наиболѣе развязными изъ штабныхъ писарей, Лермонтовъ силою внушенія превратилъ въ каррикатуры Демона и Печорина! Сколько титулярныхъ совѣтницъ, томныхъ институтокъ и шустрыхъ бѣлошвеекъ пустилось играть небезопасныя роли Тамары и княжны Мери!...

Внушеніе—слишкомъ жалкое, плоское, привать-доцентское опредѣленіе великой тайны человѣческаго духа, или точнѣе одной изъ тайнъ мірозданія! Недаромъ въ священномъ писаніи сказано: *Въ началѣ бѣ Слово.*

Что же такое писатель? Кто этотъ магъ и волшебникъ, владѣющій словомъ и, даже послѣ своей смерти, заставляющій людей проникаться этимъ словомъ, родиться отъ него?

Въ древнія времена, когда все знаніе (иногда весьма обширное и глубокое, какъ въ Индіи и Египтѣ) сосредоточивалось въ рукахъ могущественнаго меньшинства, тщетельно охранявшаго тайну этой силы,—жизнь подчиненнаго большинства отличалась животнымъ характеромъ, была полна животныхъ радостей и страховъ. Тогда появлялся человѣкъ, проис-

ходившій, очевидно, изъ меньшинства, одареннаго знаніемъ, или просто «избранникъ небесъ»—и *безъ всякой надобности для своего матеріальнаго, животнаго благополучія*, говорилъ народу великія слова. Смертнымъ онъ говорилъ о безсмертіи, преходящимъ—о вѣчности, невольникамъ лжи—о высшей правдѣ. Онъ говорилъ отъ имени бога, кто бы ни былъ этотъ богъ: умершій ли предокъ, Ормуздъ, Зевесъ или Іегова. Онъ былъ непремѣнно *искрененъ*: увѣровавъ въ высшую силу, или, хотя бы, въ отвлеченную идею (какъ, на примѣръ, Сакья-Муни) онъ *заговорилъ, потому что не могъ не заговорить*.

Будучи исключеніемъ изъ массы, этотъ непрощенный проповѣдникъ являлся *ненормальнымъ* человѣкомъ съ точки зрѣнія современныхъ ему матеріалистическихъ понятій. Если же считать животную жизнь и невѣжество ненормальными для человѣка, а общеніе съ божествомъ и стремленіе къ проникновенію въ тайны міровыхъ законовъ естественнымъ человѣческимъ призваніемъ,—то упомянутый проповѣдникъ былъ праотцемъ истинно-культурнаго человѣка. Онъ являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, *прототипомъ, праотцемъ писателя*.

Человѣческое стадо признавало его, въ широкомъ смыслѣ слова, ненормальнымъ, т. е. или божественнымъ, или преступнымъ, или... безумнымъ, т. е. «одержимымъ». Въ первомъ случаѣ отъ него требовались *чудеса*, и онъ основывалъ просвѣтительные культы.

Во второмъ, особенно когда онъ былъ непріятенъ властному меньшинству,—его прогоняли или побивали камнями. Надо полагать, что это случалось нерѣдко.

Въ указанной выше, весьма своеобразной и въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрной статьѣ объ искусствѣ, графъ Толстой говоритъ, что въ каждое данное историческое время существуетъ высшее пониманіе смысла жизни, выражающееся *въ религіозномъ сознаніи*, ясно высказанномъ передовыми людьми и чувствуемомъ всѣми. Эти слова, приложимыя, однако, далеко *не ко всякому времени*, въ полной мѣрѣ должны быть отнесены къ началу исторіи, когда вся умственная и нравственная жизнь людей проникалась и опредѣлялась религіей. И врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что письменность, изобрѣтенная человѣкомъ, котораго непосредственное потомство обо-

жествляло, котораго Карлейль называетъ героемъ, а мы просто назовемъ первымъ писателемъ—первыя строки свои посвятила Богу.

Такъ было вначалѣ, такъ оно въ тайникахъ своей сущности осталось и до сихъ поръ. Недаромъ Жуковскій говорить о высшемъ родѣ литературы: «поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!» Лучшаго опредѣленія до сихъ поръ не придумано.

Первая рукописная книга была плодомъ безкорыстнаго акта, являлась или послѣдствіемъ проповѣди, или замѣной ея. Изъ почтенія къ безсмертной идеѣ авторъ даже нерѣдко скрывалъ свое смертное имя.

Когда расширился кругъ людей, способныхъ не только читать, но и критиковать, картина мѣняется и начинается *искушеніе* для первобытнаго писателя. Раздаются хвалы и порицанія, появляется спросъ на книгу, возникаетъ *зародышъ книжнаго рынка*. Тщеславіе и корысть посягаютъ на душу писателя. Требования критики и рынка, въ связи съ упадкомъ тѣхъ или иныхъ вѣрованій и наступленіемъ скептицизма, порождаютъ свѣтскую литературу, свѣтскую не только по формѣ и сюжетамъ, но и по внутреннимъ тенденціямъ.

Постепенно происходитъ рядъ явленій, который можетъ быть названъ *демократизаціей духа*. Высокая истина, ставъ достояніемъ толпы, не подготовленной къ ея воспріятію, извращается, утрачиваетъ свой истинный смыслъ и чистоту; объективное знаніе, будучи благотворною зиждительною силою во власти благого разума, становится силою безразличною или вредною во власти разума безпринципнаго, или низкихъ инстинктовъ.

Въ этомъ *трагизмъ исторіи писателя*. Имъ создана аудитория, которая качественно ниже его и слабѣе его вначалѣ, а потомъ подавляетъ его своей массой, диктуетъ ему свои законы, превращаетъ слабаго писателя въ раба или гаера, посредственнаго мучить и заставляетъ бороться за авторскую личность и покоряется только сильному. Матеріализмъ, не философскій, а инстинктивный, бытовой, животный,—становится, какъ чудовище, передъ писателемъ и преграждаетъ ему путь.

Писатель самъ вызвалъ его изъ мрака безсловесности, онъ самъ положилъ начало демократизаціи духа, выполняя свою трагическую миссію, сообщая многимъ то, что было вполнѣ доступно ему одному, да и то въ мысли и чувствѣ больше, чѣмъ въ словахъ.

2.

Соблазны растутъ,—и нѣкоторые писатели начинаютъ колебаться, *писать для тщеславія или корысти*, ostentationis aut quaestus causa. Сильнѣйшіе, какъ Гомеръ, Эсхиль, Виргилій и другіе вѣчные творцы, остаются вѣрными себѣ, и даже въ свѣтскихъ произведеніяхъ не порываютъ связи съ божественнымъ источникомъ литературы. Положимъ, искушенія, которымъ подвергаются первые писатели, вначалѣ не особенно велики: книга, въ силу своей рѣдкости, дороговизны и глубины содержания, а также вслѣдствіе тогдашней медленности социальныхъ перемѣнъ, доступна лишь умственной аристократіи того времени. Но демократизація духа уже началась.

Она, строго говоря, началась съ того момента, когда прототипъ писателя, проповѣдникъ, провозгласилъ равенство людей передъ высшею силой, или идеей. Отъ принятія этого тезиса до признанія полного равенства людей между собою оставался одинъ шагъ—и онъ сравнительно скоро былъ сдѣланъ въ смутномъ дотолѣ сознаніи нѣсколькихъ людей. Солнце этой благородной фикціи взошло, и оно должно было совершить свой путь.

Въ сущности, весь историческій процессъ, направленіе котораго должно считать уже опредѣлившимся, можетъ быть названъ гигантскою попыткою людской семьи разрѣшить богочеловѣческую задачу: опредѣлить отношеніе людей къ создавшей ихъ Силѣ, къ природѣ и между собою. Тайны науки похищаются у завладѣвшихъ ею монополистовъ, письменность развѣтвляется на неисчислимыя, частью прикладныя отрасли; но главный тройственный стволъ ея,—философія, религія и искусство (служеніе истинѣ, добру и красотѣ) стремится къ небу, несмотря на всѣ препятствія.

Въ области социальной демократизація духа, какъ это ни странно на первый взглядъ, создаетъ монархію. Монархъ есть, въ сущности, первый вѣнчаный демократъ, первый вооруженный носитель идеи равенства людей передъ Божествомъ и земною властью, а стало быть, и между собою. Эта идея явно противорѣчитъ земной дѣйствительности, но по задачѣ божественна, — и вотъ въ чемъ, быть можетъ, коренится происхожденіе словъ «Божіей милостью», вытекающихъ изъ самой сущности вещей. Демократизація духа, съ цѣлью *очеловѣченія челоуька*, сообщеніе высшихъ знаній и правъ возможно большому числу людей, остававшихся дотолѣ въ пренебреженіи, есть богочеловѣческая задача литературы, — и, быть можетъ, поэтому великихъ жрецовъ искусства называютъ «поэтами Божіей милостью», какъ монарховъ мысли.

Но, какъ выше сказано, *сообщить знаніе и высокія понятія легче, нежели воспринять ихъ*, особенно если воспринимающій зараженъ наслѣдственными пороками и душевными недугами, внушенными природой, выработанными многовѣковымъ рабскимъ или животнымъ состояніемъ. Тотъ, кого природа и исторія предназначили для рабства, *остается и по освобожденіи только разнузданнымъ*, т. е. болѣе лукавымъ или буйнымъ рабомъ.

Истинная перемѣна къ лучшему достигается лишь *перемльною правовъ*, а послѣдняя отнюдь не обезпечивается прогрессивными реформами, которыя нерѣдко на дѣлѣ понижаютъ культурный уровень массы, вмѣсто того, чтобы повышать его. Сущность жизни, оставаясь неизмѣнною, побѣждаетъ и извращаетъ какія угодно новыя ея формы. Припомню случай, который я уже пересказалъ стихами въ своемъ сборникѣ «Восточные мотивы». Какой-то миссіонеръ прибылъ однажды на острова далекаго океана, населенные людоедами. Когда онъ сталъ отговаривать этихъ людей отъ людоедства, они возразили ему, что сами природныя условія заставляютъ ихъ придерживаться этого гнуснаго обычая: бываютъ мѣсяцы, когда у нихъ очень много рыбы и птицъ, но бываетъ и время, когда буквально ѣсть нечего; тогда они садятся въ челны, совершаютъ набѣгъ на сосѣдніе острова, мужчинъ убиваютъ, молодыхъ женщинъ берутъ на племя, а старыхъ.. ѣдятъ.

Миссіонеръ научилъ дикарей заготовлять рыбу и птицъ впрокъ, чтобы устранить печальную необходимость ѣсть старухъ. Обративъ всѣхъ въ христіанство и благословивъ ихъ на новую жизнь, онъ отплылъ. Прошло нѣсколько лѣтъ—и благодушный патеръ вновь пріѣхалъ къ своимъ прозелитамъ и былъ принятъ ими, какъ истинный благодѣтель, какъ насадитель спасительныхъ познаній: «Дай вамъ Богъ здоровья,—сказали ему дикари,—вы насъ воистину просвѣтили! Теперь, благодаря вамъ, у насъ имѣются всегда въ запасъ соленья... старухи»!..

Въ непомѣрно-быстромъ увеличеніи аудиторіи, состоящей преимущественно изъ людей, духъ которыхъ исторически неподготовленъ къ воспринятію истины и передачѣ ея слѣдующимъ поколѣніямъ,—въ этомъ роковомъ явленіи заключается главная опасность для писателя, да и для истинной культуры. *Въ храмъ идеала вторгаются инстинкты—и начинается торъ.*

Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія производитъ какъ бы татарское нашествіе душевно-грубыхъ цѣнителей, покровителей и покупателей книги. Писатель взятъ врасплохъ: онъ заражается общественнымъ недугомъ, какъ врачъ въ больницѣ. Когда праотецъ писателя шелъ проповѣдывать истину, онъ видѣлъ передъ собою открытаго врага и былъ готовъ на муки. А тутъ ему приносятъ *тайную заразу* тѣ социальныя условія, которыя онъ самъ же, отчасти, вызвалъ къ жизни.

Положимъ, въ историческій моментъ этого перваго кризиса онъ былъ во всеоружіи христіанской религіи, открыто руководившей жизнью. Но самое религіозное пониманіе было такъ грубо, что нерѣдко истанно-христіанская, истинно-человѣчная мысль задыхалась подъ гнетомъ формальнаго культа, а носитель ея погибалъ въ мукахъ. Въ одномъ словѣ «инквизиція» все сказано.

Въ тотъ же роковой моментъ поднялась изъ праха вѣковъ античная красота и зажгла зарю Возрожденія. Въ ней было много матеріалистическаго, язычески чувственнаго—и удесятерились соблазны, туманившіе душу писателя. Папскія вакханаліи, подрывавшія самую вѣру, всеобщая роскошь образованныхъ классовъ и пресыщеніе породили *скептицизмъ*, который, по мѣткому замѣчанію Карлейля, представляетъ собою

черную немочь, губительный недугъ жизни, ея духовный параличъ.

Писатели одни изъ первыхъ заболѣли этимъ недугомъ и предали не сжиганію, а пощипанію все, чему дотолѣ поклонялись люди. Западная аристократія нравственно пала и утратила инстинктъ самосохраненія, которымъ въ высочайшей мѣрѣ обладала поднимавшая уже голову корыстная буржуазія. Народная масса изнемогала подъ гнетомъ неумѣло-привилегированныхъ утѣснителей. Одни писатели пошли въ услуженіе къ буржуазіи, другіе искренно возмущались народнымъ стономъ, третьи продолжали забавлять аристократію разрушеніемъ и осмѣяніемъ прежнихъ святынь. Всѣ вмѣстѣ вызвали стихійное теченіе, которое ихъ обезличило, свалило и понесло, какъ полая вода.

Писатели посѣяли революцію, народъ потрудился на этой кровавой нивѣ, а буржуазія собрала всѣ плоды въ свои житницы. Она воцарилась надолго и жестоко.

Въ первое время она обладала большимъ духовнымъ содержаніемъ, такъ какъ находилась подъ обаяніемъ побѣжденнаго врага, считала себя въ долгу у своего союзника-народа и, какъ всякая молодая сила, вѣрила въ свое призваніе. Она сразу, повидимому, искренно провозгласила формальное равенство всѣхъ передъ закономъ. Истинная сущность буржуазнаго міросозерцанія проявилась только впоследствии, съ развитіемъ техники и образованіемъ денежнаго феодализма. Тогда же обнаружилась и вся *ограниченность воздѣйствія объективнаго правового порядка*, играющаго преимущественно роль культурной *изгороди*, по обѣ стороны которой фактически могутъ совершаться всякія нарушенія права въ смыслѣ болѣе глубокомъ и жизненномъ, — *нарушенія кровныхъ человѣческихъ интересовъ*. Обнаружилось также, что идеализмъ буржуазіи — поверхностный, школьный, взятый на-прокатъ и весьма легко уступающій голосу страстей, облеченныхъ въ форму приличную, съ виду мирную и, главное, безнаказанную.

Особенно жирнымъ пятномъ буржуазное міросозерцаніе разлилось по Франціи, гдѣ традиціонныя перегородки ранѣе перегнили. Въ Германіи, благодаря всесловной практичности ея населенія, социальная борьба приняла болѣе мирный ха-

рактёръ, вслѣдствіе чего тамъ могъ развиваться, по крайней мѣрѣ на время, истинный идеализмъ, нынѣ уступающій мѣсто наступательному безпринципному ницшеанству.

И французскіе, и нѣмецкіе писатели, почувявъ тлетворное дыханіе «матеріи», вначалѣ попытались сдѣлать все, чтобы не угашать духа. Французскія попытки, большею частью, не удавались, быть можетъ, потому, что служители аполонова алтаря подходили къ нему съ волею, ослабленною страстями и суетой, съ нечистою душою и руками.

Плодами этихъ попытокъ явились ложный сентиментализмъ и романтическій прыжокъ въ окно изъ душевной буржуазной комнаты. Все это было крикливо, пестро и мишурно. Лакей Рюи Блазъ, совсѣмъ не типичный для своей профессіи, попираетъ душевнымъ величіемъ вельможу. «Дама съ камеліями»,—камелія сама,—оказывается такой героиней, что хорошимъ матерямъ семейства передъ нею приходится прятаться въ кусты.

Почему непременно лакей и гетера? Если писатели хотѣли не просто льстить и продавать свои книги выдвигавшимся лакеямъ и гетерамъ, а дѣйствительно реабилитировать чело-вѣческую натуру, возжечь надежду на торжество духа,—то это имъ не удалось! Такая священная задача доступна только здоровому, искреннему, *реальному* творчеству, проникнутому религіознымъ духомъ. Но такое творчество появляется лишь послѣ того, какъ искренній, серьезный идеализмъ сдѣлалъ свое дѣло.

Въ Германіи подъемъ идеализма въ началѣ прошлаго вѣка, героическая борьба съ надвигавшеюся тучей буржуазнаго міросозерцанія, самоотверженныя, пламенные попытки очеловѣчить чело-вѣка,—все это вмѣстѣ составляетъ грандіознѣйшее въ мірѣ зрѣлище. Въ воспоминавіи объ этой титанической борьбѣ за идею будущіе представители духа почерпнуть силу, найдутъ вѣрный компасъ для плаванія среди «океана печати», все болѣе мутнаго и пѣнистаго!..

Германская метафизика озаряетъ немеркнущими лучами безконечное пространство. Лессингъ, Шиллеръ, Гёте бросаютъ въ міръ огненныя слова, направляютъ противъ несмѣтныхъ полчищъ темной силы свои безсмертныя художественныя во-

площениа богатырей. И богатыри вначалѣ побѣждають, но потомъ ихъ томятъ изморомъ и... берутъ въ плѣнъ. Въ плѣну, впрочемъ, съ ними обходятся прилично: одѣвають въ красивые тисненые машиной переплеты и заключаютъ въ темницы банальныхъ полированныхъ шкаповъ. Ихъ изрѣдка провѣтриваютъ, съ ними ведутъ холодно-почтительныя бесѣды, — а дѣтей даже заставляютъ говорить съ ними, чтобы дѣти знали естественныхъ враговъ нормальнаго буржуазнаго чело-вѣка.

И умныя, хорошія дѣти не шумятъ, не мѣшаютъ папашѣ фальсифицировать вино, придумывать неофициальные и незамѣтные налоги на обывателя, или свершать мнимо-безкровную жертву—стричь грюндерскіе купончики... Дѣти бесѣдуютъ съ мертвыми богатырями, въ ожиданіи болѣе «благоразумной» дѣятельности и болѣе скотски-живыхъ развлеченій.

Портреты великихъ творцевъ, заключенные въ багетныя золоченыя рамы, глядятъ со стѣнъ, оклеенныхъ пошлыми обоями. И чело-вѣку, понимающему весь трагизмъ ихъ пребыванія въ этихъ лавочкахъ, просто удивительно: какъ они языка не высунуть и не покажутъ его своимъ тюремщикамъ?...

3.

Матеріализмъ бытовой воцарился, къ сожалѣнію, не только надъ умами, но и надъ нравами, найдя въ нихъ готовую животную подпочву. Прикладныя стремленія замѣняютъ безкорыстную мысль, техника оттѣсняетъ искусства, мертвая машина не только замѣняетъ живого чело-вѣка, но воцаряется надъ нимъ, немедленно понижая его творческій уровень. Общество чело-вѣческое подвергается особой казни, передъ которою египетскія казни были дѣтскою забавою.

Провозглашается *единовластіе матеріи*, матеріализмъ возводится въ культъ, посягая не только на карманы, но и на самую душу обывателя, устанавливается рабство, и даже нѣчто худшее, чѣмъ рабство: *вольная и невольная продажа свободы, чести и чего угодно*. Правовыя понятія этому не препятствуютъ, потому что они слишкомъ объективны и формальны для жизненныхъ запросовъ.

Буржуазія одѣла право въ свою ливрею, заковала его въ свои кандалы.

Идеаломъ вольной химіи и техники является замѣна простого и естественнаго искусственнымъ,—то есть, говоря по просту, *фальсификація*. Идеаломъ матеріалистическаго культа является *превращеніе челоуѣка въ дрессированное и практично-мыслящее животное, или въ звѣря*,—смотря по различію характеровъ и настроеній. Представители этого миленькаго культа, служа, въ сущности, интересамъ большихъ капиталистовъ, располагаютъ и большими средствами, и полчищемъ герольдовъ, и умѣніемъ воздѣйствовать на публику, вступая въ союзъ съ ея слабостями. Тутъ пріобрѣтаютъ особое разлагающее значеніе *еврейская* психологія, еврейскій расовый культъ *золотоу тельца*.—своего рода Ваала, пожирающаго или уничтожающаго носителей идеала и попирающаго цѣлые народы. Зыблются нравственныя начала, зыблется или подгниваетъ арійская государственность и общественность подъ натискомъ или просачиваніемъ этой мутной волны.

Добрая половина людей, примыкающихъ, по недоразумѣнію или по инерціи, къ модному разлагающему теченію,—въ сущности духовно принадлежить къ числу друзей народа, государственнаго порядка и христіанскихъ началъ; зараза овладѣла ими случайно, по ихъ недомыслію или неосторожности. Такъ умѣренный и трезвый, но не опытный челоуѣкъ можетъ отравиться поддѣльнымъ виномъ.

Знаменитые ученые фальсифицируютъ питательные продукты, вытѣсняютъ нравственныя понятія изъ области права, торгуютъ знаніемъ и вдохновеніемъ. Тѣ, на кого общество смотритъ съ надеждою, оправдываютъ ее лишь на словахъ, а на дѣлѣ измѣняютъ ей...

Но совѣсть не умираетъ, душа челоуѣческая томится. Одни, подобно алкоголикамъ, жаждутъ окончательнаго озвѣрѣнія—и невѣрно понятая вѣсть о физиологическомъ родствѣ челоуѣка съ обезьяной принимается ими съ шумнымъ восторгомъ, какъ благодѣтельное открытіе: они даже идутъ дальше и, такъ сказать, громко хрюкаютъ!... Другіе жаждутъ выхода, или хоть воплей отчаянія. Такому спросу отвѣчаетъ небезуспѣшно и предложеніе.

Писатель уже не такъ выдѣляется, какъ прежде: по вѣрному замѣчанію Карлейля, онъ идетъ въ густой толпѣ людей, столь поразительно похожихъ на него, что подлинника отъ поддѣлки почти никто не отличаетъ.

Графъ Л. Н. Толстой совершенно правильно указываетъ, что само общество, въ виду обилія поддѣлокъ и извращенія вкуса, утрачиваетъ способность отличать брилліантъ отъ стекла. Еще болѣе вѣрно замѣчаніе того же автора, что искусство, ставъ профессіей, значительно ослабѣло, *вслѣдствіе утраты искренности*. Одни писатели пускаются во всѣ тяжкія, открываютъ *торговлю мыслями и чувствами* распивочно и на выность; другіе, болѣе или менѣе искренно, испускаютъ вопли отчаянія, и общество, вопреки своему матеріализму, прислушивается къ нимъ. Чувство міровой скорби не менѣе властно, чѣмъ самый матеріализмъ.

Байронъ сыгралъ свою трагическую симфонію, потрясающее впечатлѣніе которой кое-гдѣ нарушается почти промышленною разсчитанностью эффектовъ; занылъ Леопарди; Шелли, въ отчаяніи, залетѣлъ въ поднебесные туманы; Мюссе съ горькой ироніей спросилъ: «Dors-tu content, Voltaire?!»...

Третьи, какъ бы въ изступленіи, хохочутъ надъ всѣмъ, все выпыгиваютъ и пачкаютъ грязью. Это похмелье матеріализма, въ связи съ ненавистью къ нему! Таковъ Гейне, этотъ сильный, но больной пересмѣшникъ, жонглирующий великими идеями и издѣвающійся надъ всѣмъ,—причемъ, однако, трудно выяснитъ, гдѣ кончается похмелье и гдѣ начинаются еврейскія торговыя соображенія, въ расчетъ на бойкій спросъ. Онъ вообще представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ, мучительнѣйшихъ загадокъ литературной клиники. Гдѣ-же ему исцѣлить наболѣвшую человѣческую душу?! Эта задача уже не по силамъ ни старому идеализму, которому не хватаетъ реальныхъ словъ для народившихся новыхъ понятій,—ни міровой скорби, которая сама себя выколола глаза въ тотъ моментъ, когда нужно было зрѣніе особенно напряженное, зрѣніе мистическое, чтобы видѣть во тьмѣ!

Духовная природа человѣка, среди полнаго торжества животной жизни, не разъ требовала *мистицизма*; и онъ появлялся,—но неосмысленный, чувственный, болѣзненный, въ

формѣ глупыхъ суевѣрій и кликушества, съ которыми и было ошибочно связано понятіе мистицизма. Его зрячесть во тьмѣ была зрячестью кошки, а кошка не можетъ замѣнить пророка!

Чтобы зачерпнуть воды живой и утолить духовную жажду общества, литература должна была искренно, сердцемъ вернуться къ мистическому первоисточнику истины и добра, — къ *религій*. И заслуга самаго смѣлаго, самаго яркаго почина въ этомъ дѣлѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ принадлежитъ русской литературѣ. Геній Достоевскаго съ мистической прозорливостью нашель, во мракѣ и грязи, искру божественнаго огня, показалъ ее и зажегъ ею сердца! Гигантская работа Владимира Соловьева является рѣшительнымъ шагомъ въ области пророческой мысли, по пути къ тому синтезу, который Б. Н. Чичеринъ удачно называетъ *универсализмомъ*, т. е. высшимъ соглашеніемъ разнообразныхъ элементовъ человѣческаго духа, съ указаніемъ мѣста и значенія каждаго въ общей системѣ. Тотъ же Чичеринъ въ своей «Соціологіи» бодро глядитъ въ будущее, предвидитъ наступленіе такой гармоніи и въ литературѣ, и въ обществѣ. Герберту Спенсеру, рѣзко предсказывающему побѣду социализма и «грядущее рабство» личности, русскій мыслитель отвѣчаетъ не менѣе рѣзко: «Соціализмъ неосуществимъ, и именно потому, что онъ слишкомъ низокъ, а не слишкомъ высокъ для человѣческой природы»...

4.

Названные русскіе писатели слишкомъ крупные люди, чтобы по нимъ можно было судить о современномъ положеніи большинства писателей и о трудности ихъ борьбы за духовную свободу. Внѣшнія матеріальныя условія, въ которыхъ находится письменность, до крайности затрудняютъ борьбу. Въ доброе старое время существовала *рукопись*, потомъ появилась *книга*. Книгу вытѣсняетъ такъ называемый *толстый журналъ*, вытѣсняемый въ свою очередь *журналомъ иллюстрированнымъ*, который даетъ и беллетристику, и картинки,

и популярно-научныя свѣдѣнія, и олеографіи, и вышитыя подушки, и все, что хотите, въ видѣ премій, начиная съ контрамарки дешевой столовой, продолжая выпиленной рамочкой и кончая чуть не билетомъ на кладбищенское мѣсто.

Послѣднее слово печати принадлежитъ, однако, не ему, а ежедневной газетѣ, этой всемогущей нынѣ мелочной лавочкѣ мысли. Содержаніе лавочки стоитъ дорого, и предпринимателю нужно расширять кругъ потребителей, т. е. угождать имъ. Ясно, поэтому, что газета, сравнительно съ книгой, является менѣе высокимъ органомъ литературы; въ большинствѣ случаевъ она отрицательно вліяетъ и на писателя, и на публику. Даже самая честная газета есть все-таки не лучшей видъ серьезной письменности, сопряженный съ особенною трудностью служенія истинѣ и добру, хотя бы потому, что газета даетъ свѣдѣнія, собранныя на-скоро, не подвергнутыя зрѣлой оцѣнкѣ!

А если она находится въ рукахъ людей безъ серьезнаго нравственнаго и умственнаго ценза, какъ нынѣ большая часть популярнѣющей уличной прессы, или крупныя органы, пристраивающіеся къ финансовымъ тузамъ и стачкамъ?

Легко можно себѣ представить, какіе ужасы она можетъ вытворять, какимъ орудіемъ шантажа и систематическаго развращенія она можетъ быть въ грязныхъ рукахъ. Во что можетъ превратиться критика! Она можетъ похоронить въ молчаніи какое угодно крупное произведеніе и раздуть наглуго бездарность. И чѣмъ больше полуобразованныхъ, лѣниво-мыслящихъ читателей, получающихъ свѣдѣнія о вѣшнемъ мірѣ и крохи кое-какихъ познаній исключительно при посредствѣ газетъ,—тѣмъ хуже для истинной литературы, которая отдѣлена отъ толпы своевольными газетными феодалами. Захотятъ—пропустятъ, захотятъ—убьютъ, или надолго заключатъ произведеніе глубокой мысли въ темницу неизвѣстности.

Никогда не забуду послѣдняго свиданія своего съ покойнымъ Бестужевымъ-Рюминымъ, происшедшаго незадолго до его смерти. Разговорившись о литературѣ, онъ вдругъ сдѣлалъ болѣзненную гримасу и, указавъ на газету, брезгливо спросилъ: «Вамъ это не внушаетъ суевѣрнаго страха?!!».

Еще бы не внушать страха, когда вся серьезная книжная литература состоит почти въ крѣпостной зависимости отъ разбойничьихъ становъ, именуемыхъ газетами! Намъ, русскимъ, сравнительно еще хорошо, такъ какъ у насъ, по крайней мѣрѣ, есть еще газеты, русскія не только по имени—и эта часть печати стоитъ значительно выше иностранной; на ней скажутся въ большей или меньшей мѣрѣ религіозныя основы, народолобіе, честность мысли и тотъ особенный универсализмъ, который свойственъ русскому духу.

Обществу должна быть особенно дорога газета честная, въ достойномъ веденіи которой есть несомнѣнный *героизмъ*, отказъ отъ барышей, готовность на всякія неприятности.

Такъ или иначе, газета вызвана жизнью и неустраима. Поэтому, конечно, все изложенное должно являться для наиболѣе идейныхъ писателей стимуломъ только къ тому, чтобы *идти въ газеты*, съ цѣлью умѣрять наносимое ими зло и не давать ему разрастаться,—идти съ цѣлью сѣять «разумное, доброе, вѣчное»!...

А разрастись газетному злу недолго. Плоды уличной прессы встрѣчаются на каждомъ шагу, и какіе пышные, махровые! Цѣлая вакханалія лжи и издѣвательства надъ чѣмъ угодно! Мѣщанка NN, служащая днемъ въ суровской лавкѣ, а вечеромъ надѣвающаяся модный лифъ, отправилась отдыхать душой въ какой-нибудь танцклассъ и раскроила тамъ своему пріятелю черепъ глинянымъ кувшиномъ изъ-подъ оранжъ-амера. Затѣмъ она не убѣжала, а гордо отдалась въ руки правосудія: она *хочетъ суда*, потому что воеена помоями «развивающей» уличной по духу прессы и практически понимаетъ современную жизнь. Ее оправдаютъ! Адвокатъ,—духовно близкій автору прочитаннаго ею уголовного романа,—скажетъ, что эта женщина—Гамлетъ въ юбкѣ, или Офелія, но только не въ тихомъ, а въ болѣе энергичномъ экстазѣ или помѣшательствѣ! Не все же тихо съ ума сходить! Подобно героинѣ любой пошлой модной пьесы, новая Офелія произнесетъ «я жить хочу!» — и дѣло въ шляпѣ. Ее непременно оправдаютъ, на страхъ другимъ обывательскимъ черепамъ и во славу чело-вѣкоубійственнаго сентиментализма!...

Все охвачено духомъ лжи, находится въ чаду, парализую-

щемъ чувствилища, которыми здоровый человѣкъ воспринимаетъ истину. И найдется доморощенный поэтъ, обезьяна Французскаго декадента, который придетъ въ восторгъ отъ «жеста съ кувшиномъ оранжъ-амера!» Le geste est beau! Ахъ, какой удивительный символизмъ въ словахъ «Orange-amère!» «Orange»—апельсинъ... словно музыка изъ «Миньоны!»... А затѣмъ слово «amère»,—*горькій!* Какое пророческое сочетаніе, какая раздвоенность, какая художественная недосказанность!

Положимъ, убійство—поступокъ противообщественный... Но вѣдь «все противообщественное прекрасно и все прекрасное противообщественно!» Остальное пошлость! Послѣднія слова декадентъ произнесетъ особенно торжественно, подобно тому, какъ Гамлетъ произноситъ свое «The rest is silence!».

Мудрено писателю отстаивать духовную свободу, когда, по выраженію Карлейля, «герои ушли, шарлатаны остались!».

5.

Какъ только заходить рѣчь о свободѣ писателя, обыкновенно первымъ долгомъ выдвигается вопросъ о *цензурѣ*, причемъ проявляется превеликая путаница понятій. Во-первыхъ, принято считать, что и de facto цензура одна; а между тѣмъ ихъ три. Первая изъ нихъ, правительственная, исходя изъ коренныхъ государственныхъ принциповъ, говорить: *такъ* нельзя. Кто признаетъ цѣлесообразность государства, какъ учрежденія воспитывающаго общество и руководящаго имъ, тотъ долженъ признавать и необходимость цензуры, вооруженной знаніемъ общественной психологіи, проникнутой идеалами гуманнаго государства и, *въ крайнихъ случаяхъ*, ради огражденія общественнаго спокойствія, говорящей во имя ихъ: «*Такъ* нельзя». Она нерѣдко стѣсняла публицистическіе порывы нервныхъ или мятежныхъ жрецовъ временной печати, мѣшала иногда торопливому, горячему служенію вопросамъ дня, прикрывала порою то, что для блага страны слѣдовало обнаружить; но безусловно никогда она не наносила вреда высшимъ формамъ литературы: *ни одно великое произведеніе*

не осталось подъ спудомъ и не пошло по виль этой цензуры. На ряду съ этимъ можно указать много примѣровъ, когда ея умѣряющее воздѣйствіе приносило пользу обществу, въ которомъ готовы были разыгаться дикія страсти.

Писатель, желающій *разумной*, а не хаотической свободы печати и вмѣстѣ, конечно, добра и покоя обществу, можетъ желать только *свободы содержанія* литературныхъ произведеній, *свободы мысли*, а не *формы ихъ*. Государству и обществу нужна свобода мысли, свобода критики,—но именно разумная свобода въ культурныхъ формахъ, а не вакханалія или заразительная истерія, вносящая смуту, а не ясность мысли. Во всякомъ случаѣ, слава Богу, что постепенно проходятъ времена, когда запрещались въ поваренной книгѣ «цыплята на вольномъ духу», но это не значитъ, что умная и проникнутая гражданскими идеалами правительственная цензура вовсе не нужна. Кстати, надо отмѣтить, что у нея есть важное положительное качество: она касается *одного* опредѣленнаго произведенія, не предрѣшая судьбы слѣдующихъ, могущихъ вылиться изъ-подъ того же смѣлаго пера.

Совершенно лишена какихъ бы то ни было положительныхъ чертъ *другая цензура*, неофициальная и замѣтная только тѣмъ, кому понятна сущность общественной жизни. Эта цензура *послаетъ прямо на содержаніе письменности*, не стѣсняясь притомъ въ выборѣ средствъ для своего давленія. Она обыкновенно находится въ рукахъ преобладающаго общественнаго класса, овладѣвшаго большинствомъ газетъ и разными модными многолюдными учрежденіями. Она стѣсняетъ свободу самой мысли и старается упразднить ее, чтобы всѣхъ и все привести къ одному знаменателю. Во времена реакціонныя она мысли объ освобожденіи крестьянъ называетъ преступленіемъ и на каждомъ шагѣ указываетъ на необходимость тѣлеснаго наказанія. Въ такъ называемыя либеральныя времена она требуетъ молчанія о промышленныхъ стачкахъ и эксплуатаціи одного класса или народа другимъ, порицаетъ религіозность и преданность государственной идеѣ.

Эта цензура, при посредствѣ принадлежащихъ ей органовъ печати и болтуновъ, кричитъ: «Это низость, проповѣдь мракобѣсія, шпіонство. Ату его! Душить его надо, мстить ему и

памяти его!» Или: «Это нигилизмъ, трясеніе основъ, измѣна отечеству! Арестовать его!»... Начинается съ преувеличенія и сейчасъ доходить до лжи. Мстительная ложь проникаетъ даже въ исторію литературы, въ хрестоматіи и словари, чуть не въ руководства!...

Большая часть печати, нуждающейся въ матеріальномъ сочувствіи толпы, раболѣпствуетъ передъ этой цензурой, совершенно забывая о призваніи литературы. Это одна изъ гнуснѣйшихъ формъ *террора*, передъ которою, если строго разобрать, меркнуть ужасы инквизиціи... Писатель робѣетъ, ежится, вступаетъ въ позорные компромиссы. Пуще огня онъ боится «передовыхъ» студентовъ, бойкотирующихъ «писемъ въ редакцію», боится утраты популярности и тѣмъ самымъ зачастую пріобрѣтаетъ только его фикцію.

Авторская личность уменьшается, эскамотируется, исчезаетъ, точно шарикъ въ рукахъ у фокусника. Кругъ читателей грубѣетъ, смѣется фокусамъ и обращается къ прежнему своему пророку съ наглымъ требованіемъ: «Circenses! Забавляй меня, такой-сякой!»...

Естественнымъ продуктомъ этой цензуры является *третья*, которую проще назвать *рыночной* и которой принадлежитъ еще, увы, большое будущее. Это *цензура издательская*, которая не столько запрещаетъ, сколько требуетъ и *заказываетъ*, уже всецѣло руководясь только вкусами большой публики, или, вѣрнѣе, слабостями ея. Ея угрозы—голодъ и отсутствіе извѣстности; ея даръ—низведеніе писателя на уровень холопа и шута.

Къ этому дару, къ этой низкой роли его приготовила вторая, партійная цензура, лишившая его духовной самобытности; третья затѣмъ велитъ ему «потрафлять хорошимъ господамъ». Онъ и потрафляетъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ сама публика не уважаетъ податливаго писателя, а къ самостоятельному зачастую проявляетъ грубую нелюбовь; дурнымъ общественнымъ элементамъ, вродѣ гоголевскаго городничаго или разбойниковъ промышленности и темныхъ общественныхъ дѣльцовъ, ненавистны рѣдкіе независимые писатели, которыхъ, вдобавокъ, систематически травитъ и опорочиваетъ вторая, партій-

ная цензура, большею частью *двусторонними доносами*: по начальству и публикѣ, а лучшая часть общества перестала относиться съ уваженіемъ къ писательской профессіи, въ рядахъ которой насчитывается слишкомъ много всякаго сброду. Да и какъ отличить добросовѣтнаго слугу правды отъ продажнаго писаки, когда послѣдній пишетъ зачастую болѣе «заятно»? Личность неизвѣстна, интонаціи не слышно, бумага не выдаетъ лжи, а вдумываться въ писанія некогда, такъ какъ въ завтрашнемъ номерѣ газеты будетъ новый калейдоскопъ фактовъ и бойкихъ фразъ.

Положеніе воистину трагическое и требующее настоящаго героизма отъ писателя, — героизма ежедневнаго, ежеминутнаго, въ теченіе всей жизни. Писателю временъ упадка римской имперіи или при инквизиціи было легче, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что расправа была коротка и самолюбіе не такъ страдало. Да и величайшій бичъ истинной литературы, — рыночное отношеніе къ книгѣ, — почти не существовалъ въ ту пору, когда писательство было не профессіей, а призваніемъ.

6.

Послѣ всего вышеизложеннаго, надо полагать, само собою выясняется, что такое писатель и каковы его особыя примѣты. Карлейль, считающій его героемъ, и Фихте, называющій его пророкомъ, требуютъ отъ него глубокаго проникновенія божественной идеей, требуютъ извѣстной *святости*. Л. Н. Толстой тоже требуетъ религіозности, но какъ настоящій мрачный сектантъ суживаетъ ея сферу, *отрицая красоту*, косвенно пробуждающую «чувства добрыя».

Названные выше мыслители правы въ принципѣ. Но можно ли требовать святости въ началѣ духовно-старога двадцатаго вѣка? Можно ли требовать отъ всякаго просто-талантливаго писателя, чтобъ онъ былъ большимъ героемъ или пророкомъ?

Обязательна можетъ быть религіозность только въ болѣе широкомъ и провозводномъ смыслѣ слова. Во-первыхъ, писа-

тель долженъ считать свое дѣло святымъ, писать только по призванію; стало быть, у него должна быть вѣра въ Высшую Истину и любовь къ людямъ, т. е. тѣ мысли и чувства, которыя являются истинными стимулами и духовнымъ содержаніемъ благороднаго литературнаго творчества. Эти мысли и чувства неизбѣжно приведутъ писателя къ религіи, если онъ человѣкъ послѣдовательный: *випъ религии нельзя найти ни критерія нравственности, ни источника любви*. Если же онъ и не дойдетъ до религіи, то все-же возвышенный взглядъ его на свое дѣло, и все то, что онъ скажетъ искренно и безкорыстно, послужитъ, такъ сказать, «проведенію дороги черезъ хаосъ». Самъ того не зная, онъ будетъ, если не носителемъ, то слугою божественной идеи.

Стало быть, сущность вопроса заключается, прежде всего, въ отношеніи писателя къ своему дѣлу. Есть, напримѣръ, благородные матеріалисты-теоретики, такъ сказать, рыцари матеріализма, одушевленные любовью къ человѣчеству и жаждой правды. Конечно, они заслуживаютъ полнаго почтенія и объективнаго сочувствія. Ихъ было много у насъ въ 60-е годы и ихъ работою добыто много полезнаго фактическаго матеріала. Если согласиться съ такимъ мнѣніемъ о плеядѣ этихъ дѣятелей, то надо признать, что однимъ изъ основныхъ принциповъ писательской дѣятельности должна быть *терпимость* и даже *объективное уваженіе ко всякой непродажной искренней мысли*, благодарное признаніе плодовъ ея. Съ этой точки зрѣнія можно одинаково уважать за искренность и прямоту людей самыхъ различныхъ лагерей, не раздѣляя взглядовъ того или другаго, но признавая, что каждый изъ нихъ даетъ частицу истины.

Идеаломъ писателя, мыслящаго возвышенно и справедливо, долженъ быть *универсализмъ*. Ему, по выраженію Чичерина, ничто не можетъ быть чуждо, такъ какъ онъ призванъ указать и вызвать къ жизни высшую гармонию Сущаго. Всѣ великіе писатели универсальны для своего времени; само собою разумѣется, что *содержаніе универсализма постоянно осложняется*, сообразно съ историческимъ развитіемъ человѣчества,—и чѣмъ дальше, тѣмъ эта задача становится труднѣе; оттого подобные писатели такъ рѣдки. По нимъ можно про-

слѣдить всю исторію человѣческаго развитія, какъ по неугасимымъ маякамъ.

Остальные, менѣе крупные писатели, достигаютъ этой полноты лишь по приближенію,—а таковыхъ большинство. Поэтому остановимся на болѣе широкой и скромной формулѣ, подъ которую могли бы подойти истинные писатели всѣхъ направленій и калибровъ: писатель есть человѣкъ, пишущій *исключительно по призванію то, что онъ считаетъ истиннымъ и полезнымъ для людей.*

Ясно, что онъ всегда *страдалъ* и съ каждымъ днемъ его страданія должны увеличиваться. Во-первыхъ, отличительныя свойства идеала, побуждающаго его писать, суть абсолютность и недостижимость, и, стало быть, на языкѣ жизненной практики, *идеалъ—синонимъ страданія.* Каждый шагъ, приближающій къ нему, все болѣе обнаруживая земныя несовершенства, усугубляетъ разнь между мечтой и дѣйствительностью, вызываетъ тревогу, предвѣщаетъ неравную борьбу съ тѣми, кому эта дѣйствительность выгодна или дорога.

Во-вторыхъ, самое *творчество есть страданіе*, если согласиться съ тѣмъ, что усиліе, не вполне успѣшное, всегда мучительно. Отъ смутнаго чувства нужно перейти къ единственной лучшей мысли, отринувъ прочія, и облечь ее въ единственную лучшую форму, также отринувъ прочія. Въ обоихъ случаяхъ происходятъ процессы выбора и передачи или превращенія, и для обѣихъ функцій аппаратъ не годится: творческое чувство неизмѣримо полнѣе и шире, чѣмъ мысль, а мысль неизмѣримо обширнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ ея литературное выраженіе. Иногда творческое чувство безусловно передается мыслью и словами и доступно только музыкѣ, у которой, въ свою очередь, есть свои крайніе предѣлы.

Итакъ, мысль есть страданіе, какъ сказалъ Флоберъ; а нашъ великій художникъ слова Тютчевъ, сѣтуя на узкіе предѣлы литературной передаваемости, даже говоритъ: «Мысль изреченная есть ложь». Втеченіе всей своей работы писатель ведетъ отчаянную *борьбу съ языкомъ*, изобрѣтаетъ новыя слова, устраняетъ опошленные выраженія, придумываетъ новыя сочетанія. Недаромъ великій Гете, въ разговорѣ съ Эккерманомъ, называетъ языкъ *чудовищемъ* (Ungeheuer).

Въ борьбѣ съ языкомъ необходима строгая критическая дѣятельность ума, а между тѣмъ она нерѣдко слабѣетъ именно во время творческаго возбужденія. Оттого великіе писатели даютъ вылежаться своимъ произведеніямъ. Когда покойному жанристу Фодотову сказали по поводу какого-то этюда: «ахъ, какъ просто!»—онъ отвѣчалъ: «Да, просто, когда переѣлаешь разъ со-сто». Вспомните Гоголя, сжигающаго свою рукопись!

Стоитъ взглянуть на любую черновую тетрадь серіознаго писателя, прочесть его письма, обнародованныя нескромными людьми,—и откроется цѣлый океанъ страданія. Возьмемъ, напримѣръ, весьма интересную во многихъ отношеніяхъ переписку Флобера. Вотъ, что говоритъ онъ Луизѣ Коллэ, которую называетъ своей музой: «Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я сознаю свою неспособность къ выраженію идеи... Я совершенно изнемогъ отъ постоянного раздраженія, вызываемаго во мнѣ этою работой... Гдѣ граница между вдохновеніемъ и помѣшательствомъ, между идіотствомъ и экстазомъ? Развѣ не нужно быть художникомъ, чтобы видѣть иначе, чѣмъ другіе люди? Искусство не игра ума, а специальная атмосфера... Оно, подобно іудейскому Іеговѣ, требуетъ жертвоприношеній. Рви же плоть свою, бичуй себя, валяйся въ пеплѣ, унижай прахъ, плюй на свое тѣло, вырви сердце изъ груди! Ты будешь одинокъ, ноги твои будутъ окровавлены, адское чувство отвращенія будетъ твоимъ спутникомъ; ничто, радующее другихъ, не будетъ радовать тебя; что для нихъ является ничтожнымъ уколомъ, то станетъ для тебя мучительною раной! Ты затеряешься въ толпѣ. Только вдали, на горизонтѣ, будетъ сіять для тебя слабый свѣтъ. Но онъ будетъ все расти, сдѣлается громаднымъ, какъ солнце, золотые лучи его озарятъ твое лицо, проникнуть въ тебя, ты весь просвѣтлѣешь, почувствуешь себя воздушнымъ, состоящимъ изъ одного духа!».

Развѣ каждая строка въ этихъ отрывкахъ не говоритъ о страданіи? Положимъ, здѣсь кстати замѣтить, что Флоберъ, какъ видно изъ той же переписки, натура неуравновѣшенная, раздвоенная. Какъ личность, онъ буржуазный, прозаичный эгоистъ, даже по отношенію къ любимой женщинѣ.

Авторъ въ немъ неизмѣримо выше человѣка и борьба между обѣими натурами доходитъ до настоящей пытки...

Неуравновѣшенность и двойственность природы есть одинъ изъ серіознѣйшихъ источниковъ писательскаго страданія. У человѣка, ставшаго писателемъ, появляется какъ бы вторая духовная природа, управляемая собственными законами и большею частью стоящая выше личной природы того же человѣка, съ которою она ведетъ ожесточенную борьбу. Напримѣръ, Дѣсковъ былъ очень физическій человѣкъ съ кипучими страстями и нравственнымъ обликомъ матеріалиста, а въ литературѣ онъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей идеализма. Нерѣдко творецъ возвышенныхъ произведеній является безнравственнымъ, какъ Мюссе, или мелко-тщеславнымъ и стяжательнымъ, какъ Гюго или Фетъ. Весьма характерно, что біографіи крупныхъ писателей всегда наносятъ ущербъ обаянію ихъ произведеній.

Случаи, когда частная личность писателя подавляетъ авторскую, встрѣчаются все чаще въ наше время, какъ результатъ демократизаціи духа, убывающей волю, и господства матеріализма, замѣняющаго призваніе профессіей. Эти явленія привели бы къ смерти литературы, еслибы литература не была бессмертна и не выдвигала хоть изрѣдка крупныхъ характеровъ. У Некрасова огромный талантъ былъ подавленъ сравнительно малою личностью; все недолговѣчное, некрасивое и фальшивое въ его произведеніяхъ, т. е. большая часть этихъ послѣднихъ, есть плодъ именно личной слабости, а все возвышенное создано талантомъ. А на-ряду съ этимъ не очень крупное дарованіе Алексѣя Толстого, при посредственномъ умѣ, создало бессмертныя произведенія, благодаря возвышенной личности. Геніальныя произведенія гр. Л. Н. Толстого принадлежатъ *огромному художнику*, а слабыя попытки фальсификаціи или произвольнаго извращенія христіанства *гораздо меньше крупному личному характеру его*, обуянному самомнѣніемъ и другими слабостями.

У истиннаго писателя есть еще страданія, происходяція отъ того, что онъ пишетъ, т. е., что онъ духовно переживаетъ. Что долженъ былъ испытывать авторъ Карамазовыхъ? А Данте? Недаромъ жители Вероны, встрѣчая Данта и глядя

на это царственно-печальное лицо, говорили: «Вотъ человѣкъ, который побывалъ въ аду». Что было на душѣ у Шекспира, глубже другихъ постигшаго трагизмъ человѣческой жизни? *Все великое печально, какъ выраженіе духа, томящагося въ земной неволе.*

Жизнь писателя въ обществѣ также нелегка. Литературная среда не вполнѣ нормальна, какъ среда: подлѣ настоящихъ писателей трутся поддѣльные, очень ловко замаскированные,—и у всѣхъ нервы разстроены страданіями тщеславія, срочною работою; много недобрыхъ чувствъ и мало прочныхъ радостей. Не только для того, чтобы черпать сюжеты и краски, но и для того, чтобы жить душою,—надо вращаться въ обществѣ. Но и тамъ скверно: скучно, мелкіе расчеты, отсутствіе искренняго интереса къ литературѣ! Партийная или просто банальная газета загнипнотизировала умы и подчинила самую публику цензурѣ партійной или торгашеской.

Несомнѣнно, что въ этомъ *виноваты*, въ значительной мѣрѣ, *сами писатели*. Такъ называемый успѣхъ достигается тремя способами: или писатель подлаживается подъ модные вкусы, когда онъ духовно низокъ; или онъ отвѣчаетъ на запросы общества, которому духовно равенъ, отличаясь только способностью болѣе или менѣе красиво выражать настроенія того же общества,—и тогда шумность успѣха обратно пропорціональна его прочности; таковъ, напримѣръ, Надсонъ. Или, наконецъ, писатель, безцензурный въ широкомъ смыслѣ слова, мыслящій вполнѣ свободно, силою таланта и стойкостью убѣжденій покоряетъ публику. Таковъ русскій вѣтязъ Достоевскій, зажегшій тысячи сердець во время почти всеобщаго, всесторонняго отрицанія и скептицизма.

Врядъ ли чувства публики къ нему можно назвать любовью! Юбилей можно справить пьянымъ обѣдомъ, могилу забросать цвѣтами и даже «освятить» демонстраціей; но рознь между героемъ и толпой, скрытая или явная,—фактъ неизбѣжный. Не надо забывать, что Пушкина, въ сущности, загубилъ свѣтскій кругъ, не знавшій, «на что онъ руку поднималъ!» А такъ называемый «либеральный лагерь» по временамъ покушается произвести насиліе надъ самою тѣною

геніальнаго поэта, посмертно вербуя въ ряды своихъ крикливыхъ гусей этого могучаго орла, созданнаго для воли на лазурномъ просторѣ небесъ!...

7.

Итакъ, англійскій мыслитель правъ, требуя героизма отъ писателя. Чтобъ не ходить далеко, напомнимъ, что наша родная литература богата примѣрами героизма. Жуковский и Гоголь,—первый устами, второй перомъ,—говорятъ правду грозному Императору. Писатели сороковыхъ и 50-хъ годовъ пишутъ противъ крѣпостничества во время его преобладанія. Чичеринъ бросаетъ смѣлый укоръ всеильному Герцену за недостатокъ истиннаго патріотизма и терпѣливой любви къ народу; графъ Ал. Толстой одинаково смѣлъ и честенъ по отношенію къ сильнымъ міра и господствующимъ общественнымъ теченіямъ.

Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія,—

говоритъ онъ звучнымъ стихомъ.

О титанѣ-Достоевскомъ и говоритъ нечего. Ученикъ и другъ его Владиміръ Соловьевъ жертвуетъ всѣмъ благополучіемъ земнымъ: во время разгара естественной послѣ 1 марта реакціи онъ напоминаетъ о христіанскомъ всепрощеніи, а затѣмъ, что еще возвышеннѣе, рискуетъ популярностью въ наиболѣе шумныхъ интеллигентныхъ кругахъ, указывая на духовныя основы *христіанскаго самодержавія*... Онъ думаетъ такъ или иначе—и говоритъ, не справляясь ни съ чьими взглядами и не боясь ничьего гнѣва!

Это все герои, люди большіе. А что дѣлать болѣе скромнымъ труженикамъ печати? Какъ отстоять святыню своего дѣла и цѣльность своей, хотя бы маленькой, авторской личности?

Отвѣтъ одинъ: *вырабатывать личный характеръ*, вопросъ о которомъ, почему-то, за послѣднее время, въ пренебреженіи. *Даже школа о немъ совершенно забыла,—и въ этомъ ея главный, тягчайшій грѣхъ, въ этомъ ея позорное безсиліе*...

Надо идти на страданія и умѣть ихъ выносить безъ лишняго крику. Не надо забывать, что неумѣнье страдать зачастую комично, а иногда вызываетъ не только зѣвоту, но и ожесточеніе въ публикѣ. Міровая скорбь хороша, да и то въ свое время,—а банальное нытье на давно исчерпанныя темы, корнящееся иногда только въ убожествѣ авторской мысли, въ страданіи тщеславія, желудка или кармана, является признакомъ дурного литературнаго тона. Оно еще больше дискредитируетъ литературу въ глазахъ общества.

Чтобы матеріальныя условія не душили писателя, надо, по возможности, освободить отъ нихъ свое святое дѣло, не принимать ихъ въ серіозный расчетъ: не надо смотрѣть на литературу, какъ на источникъ дохода, а надо находить отраду въ самомъ процессѣ творчества. Зарабатывать можно и другимъ ремесломъ, а въ литературѣ, въ служеніи высокому призванію, надо искать духовныхъ радостей и мукъ!.. Въ крайнемъ случаѣ,—если призваніе и профессія совпадаютъ—надо сократить свои потребности. Ясно, что писатель, предающійся фактически многоженству, посвящающій досуги прожиганію жизни и склонный вообще къ роскоши, будетъ всегда интриганомъ, кондотьеромъ еврейскихъ и иныхъ финансистовъ, фальсификаторомъ какихъ угодно понятій, идеаловъ и программъ. Этотъ типъ, къ сожалѣнію, насаждается именно крупными газетами, огромные бюджеты которыхъ развиваютъ «лихачество пера», нерѣдко съ шантажнымъ оттѣнкомъ и во всякомъ случаѣ съ утратой уваженія къ высшимъ идеаламъ литературы.

Жестокій кризисъ литературы, какъ профессіи, даже весьма желателенъ: тогда всѣ ремесленники и торговцы, именующіе себя литераторами, перешли бы къ болѣе выгоднымъ и нормальнымъ для нихъ занятіямъ. Эта сторона дѣла, впрочемъ, еще не такъ опасна.

Гораздо опаснѣе *жажда популярности*. Партиійная цензура зиждется на этой жаждѣ, одною рукою раздавая незаслуженныя вѣнки, а другою—подавляя свободныхъ авторовъ или шантажно имъ угрожая. Нужно побѣдить это искушеніе,—и такая побѣда по плечу не однимъ только знаменитымъ героямъ. Могутъ же безымянные солдатики умирать за отечество, зная, что о нихъ даже исторія скажетъ коротко: «Выбыло

изъ строя столько-то нижнихъ чиновъ». Они дѣлають это не потому, чтобы каждый солдатъ хотѣлъ и непременно надѣялся быть генераломъ: они выше этого, потому что служатъ великой идеѣ.

Только на такомъ служеніи основано все прочное и возвышенное на землѣ. Только оно даетъ духовную свободу.

Пусть каждый, вступающій въ священный храмъ литературы, скажетъ себѣ: «Не хочу быть яркимъ электрическимъ фонаремъ на дверяхъ растлѣннаго кафешантана. Я предпочитаю быть *еле видной восковой свѣчечкой предъ алтаремъ моей Святыхи!!!*»

Самоуправленіе и самодѣятельность.

1.

Переживаемый нами періодъ русской жизни можетъ быть безошибочно названъ «періодомъ пересмотра». Не только пересматриваются явленія производныя и учрежденія, выполняющія на практикѣ тѣ или иныя привиліиальныя программы, но и многія основы нашей жизни анализируются, а нерѣдко и подвергаются сомнѣнію. Давно уже наша печать не говорила такъ напряженно и порою даже нервно о цѣломъ рядѣ вопросовъ, дотолѣ стоявшихъ внѣ спора.

Возможность говорить въ подобающей, пристойной формѣ о существенныхъ для страны вопросахъ особенно цѣнна въ такомъ государствѣ, какъ наше, въ которомъ безпристрастіе Верховной власти, при условіи всесторонней освѣдомленности, является болѣе надежною, чѣмъ западныя народоправства, гарантіей успѣшнаго служенія благу народа. Давно ли по главному вопросу нашей жизни, по вопросу о школѣ, нельзя было и слова сказать? Часто ли бывали у насъ столь подробны тѣ разсужденія, устные и печатныя, которыя вызваны работою особаго совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности? Теперь все это привлекло вниманіе общества,—и хорошо, что такъ, не взирая на многія высказанныя и напечатанныя легковѣсныя, доктринерскія сужденія, не взирая

на то, что большая часть нашей печати можетъ быть съ точностью названа нерусскою по направленію и источникамъ вдохновенія. Что-жь? *Audiatur* не только *altera*, но хотя бы *millesima pars* нашего плохо воспитаннаго, неуравновѣшеннаго общественнаго мнѣнія.

Сочувствуя общему пересмотру жизненныхъ явленій, ведущему къ чисткѣ и освѣженію жизни, необходимо, однако, помнить, *что съ вопросами, затрагивающими самыя основы нашей государственности, необходимо обращеніе сугубо-осторожное и вдумчивое.* Основы эти могутъ быть сравнены съ такими драгоценными нѣжными частями организма, какъ мозгъ, сердце, легкія, по отношенію къ которымъ необходимо соблюдать особую осторожность. Долгое обнаженіе этихъ органовъ, защищаемыхъ самою природою посредствомъ костей и крѣпкихъ тканей, прикосновеніе къ нимъ рукою неумѣлой и не безусловно чистой можетъ повлечь за собою роковыя для организма осложненія. Какъ въ единичномъ физическомъ, такъ и въ государственномъ организмѣ имѣется нѣчто неприкосновенное, обладающее значеніемъ аксіомы и пересудамъ не подлежащее. Вотъ почему чрезвычайно важно отличать основные принципы отъ всего производнаго, что относится къ области спорнаго и необходимо-измѣняемаго въ зависимости отъ запросовъ жизни.

По незнанію или политической невоспитанности всегда возможны вторженія изъ одной сферы въ другую, но ясно, что частое ихъ повтореніе, привычка къ нимъ являлись бы уже аномаліей, несомѣстимою съ разумнымъ патріотизмомъ и съ устойчивостью какой бы то ни было политической системы.

Вопросъ объ огражденіи и упроченіи этой послѣдней касается прежде всего правительства. Но живому, великому народу при какихъ бы то ни было условіяхъ немыслимо обходиться безъ постояннаго мирнаго взаимодѣйствія между правительствомъ и обществомъ, между регулирующими предначертаніями власти и свободнымъ творчествомъ обывателя, ей подчиняющагося. Въ частности, печать, когда она не служить чьимъ-либо личнымъ, классовымъ, или, наконецъ, зарубежнымъ интересамъ, должна не только добросовѣстно

участвовать въ искреннемъ обсужденіи жизненныхъ фактовъ, но и поддерживать часто нарушаемыя, при безпорядочной стычкѣ мнѣній и сутолокѣ торопливаго пересмотра, принципиальныя грани, отдѣляющія область спорнаго и измѣняемаго отъ тѣхъ устоевъ, которые ни *сомнѣнію*, ни *поколебанію* не подлежатъ, которые столь же необходимы государственному организму, какъ высшіе органы человѣческому тѣлу, или какъ религіозно - нравственные категорическіе императивы—живой душѣ.

Область русскаго самоуправленія представляетъ много скользкихъ наклоновъ для совершенно добросовѣстнаго впаденія въ принципиальныя ошибки и тенденціознаго вовлеченія въ таковыя людей поверхностно мыслящихъ. О недобросовѣстныхъ «подталкивателяхъ» я говорить не стану, изъ уваженія къ типографской краскѣ, которую слѣдуетъ употреблять цѣлесообразно. Съ людьми же, любящими родину и желающими, чтобы Россія была здоровымъ и могущественнымъ государствомъ, поговорить по вопросу о принципиальныхъ граняхъ теперь весьма своевременно. Какихъ бы взглядовъ они ни придерживались по отношенію къ вопросамъ дня, въ чемъ бы они ни видѣли путь для достиженія блага Россіи, какъ *самобытнаго* и мощнаго государства, — съ людьми, стоящими на такой основѣ, уговориться всегда возможно, съ пользою для дѣла.

Формальные грани между неизмѣннымъ и подлежащимъ измѣненію на практикѣ нельзя, однако, считать не-гибкими, такъ какъ онѣ зависятъ отъ состоянія государственнаго организма и характера его жизни. Многое изъ того, что не влекло за собою никакихъ осложненій и даже было полезно въ допетровскія времена, или хотя бы въ дореформенное время, теперь можетъ оказаться нецѣлесообразнымъ, а въ худшемъ случаѣ и вреднымъ, въ виду того, что нашъ національно-государственный организмъ еще не оправился отъ сдѣланныхъ ему прививокъ и операций. Для того, чтобы сужденія по вопросу о русскомъ самоуправленіи носили характеръ не доктринерскій, а жизненно-реальный, необходимо всѣмъ, кто не является предвзятымъ врагомъ государственнаго порядка и разумной правительственной системы,

поближе присмотрѣться къ нашему прошлому и вдуматься въ теперешній историческій фазисъ, переживаемый Россіей.

При царяхъ московскихъ мы видимъ, съ одной стороны, довольно слабую централизацію и относительную автономию помѣстной жизни, которыя были возможны при тогдашнемъ несложномъ государственномъ укладѣ; между прочимъ, даже помѣстные органы центрального правительства, до извѣстной степени обособлялись отъ своего начальства, получая «въ кормленіе» города и области, на восточный манеръ. Съ другой стороны, общество помогало царю править государствомъ, причемъ народную стихію представляли не только выборные люди, вершившіе помѣстные дѣла домашняго характера, но и бояре, составлявшіе думу (нерѣдко крамольную и корыстную), и патріархъ, какъ воплощеніе начала устойчиваго, нормировавшаго религиозно-нравственныя понятія народа и ярко окрашивавшаго этими понятіями нашу государственность, съ немалою пользою для этой послѣдней. Само собою разумѣется, что русское національное самосознаніе было гораздо сильнѣе и глубже при патріархахъ и благодаря ихъ высокому оздоровляющему авторитету; при патріархахъ, на примѣръ, было бы невысказанно широкое распространеніе растлѣнныхъ шато-кабаковъ, заповѣданіе цѣлыхъ вѣдомствъ инородцами и иновѣрцами, преобладаніе въ правящихъ классахъ и народившейся затѣмъ печати еврейско-космополитическихъ тенденцій, и вообще весьма многое. При тогдашнихъ условіяхъ, —но *только* при тогдашнихъ условіяхъ, —созывавшіеся по временамъ земскіе соборы были явленіемъ нормальнымъ, не подрывавшимъ идеи самодержавія и служившимъ дѣлу царской освѣдомленности, для достиженія которой, вдобавокъ, тогда не было такихъ простыхъ и вмѣстѣ сильныхъ средствъ, какъ печать.

Съ воцареніемъ Петра и до самаго послѣдняго времени идетъ сильный территоріальный и культурный ростъ нашего необъятнаго государства, обусловленный, съ одной стороны, западными прививками и надстройками, наряду съ разрушеніемъ такихъ органическихъ устоевъ, какъ патріаршество и какъ единство всесословныхъ, всенародныхъ бытовыхъ тра-

дицій, а съ другой—неизбѣжной централизаціей, которая необходима каждому собирательному организму, находящемуся въ поступательномъ движеніи или свершающему напряженную работу. Если мы кое-что приобрѣли по части такъ называемой «цивилизаци», то въ отношеніи почвенно-культурномъ многое потеряли и доселѣ страдаемъ, какъ страдаетъ единичный организмъ отъ быстрого роста и негигіеничнаго образа жизни. Многое изъ приобретеннаго не усвоено, не переработано на русскій ладъ; многое *не-усвояемое*, чуждое намъ, не отброшено, потому что глупая мода на него еще держится по инерціи, или искусственно поддерживается врагами русской силы. Таково положеніе дѣла почти во всѣхъ сферахъ, начиная съ духовной и кончая даже территоріальной, такъ какъ почти на всѣхъ окраинахъ нашихъ образовались организаціи, враждебныя русскому государственному единству, т. е., въ итогѣ, столь же вредныя организму Россіи, какъ «отеки» или «затвердѣнія» въ различныхъ частяхъ тѣла, мѣшающія правильному кровообращенію. Послѣднее обстоятельство краснорѣчиво говорятъ въ пользу необходимости сильной центральной власти, безъ помощи которой самому единству нашей имперіи грозила бы опасность. Необходимость такой власти еще болѣе очевидна для того, кто понимаетъ, что наша миссія на ближайшемъ Востокѣ, столь затрудненная нынѣ германскими происками, далеко еще не выполнена, и государственный ростъ не завершенъ.

Еще менѣе завершеннымъ слѣдуетъ признать то духовное броженіе, которое было занесено къ намъ до Петра кіевскими насадителями іезуитской премудрости и нѣмецкою слободою, потомъ петровскими реформами, нѣмецкимъ служилымъ нашествіемъ, масонами—литературными первоучителями, кокетствомъ Екатерины съ энциклопедистами, Лагарпомъ, нашествіемъ французовъ,—и цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ прививокъ и инфекцій, принесшихъ официальные плоды въ рядѣ реформъ, частью почвенныхъ и жизнеспособныхъ, какъ самый фактъ освобожденія крестьянъ, частью доктринерскихъ по законодательному ихъ замыслу или по ихъ пониманію современнымъ обществомъ. Въ послѣднемъ случаѣ дѣйствуютъ оба фактора, ибо законодатель, не сообразующійся со взгля-

дами общества, которому даетъ законы, является, по меньшей мѣрѣ, невольнымъ доктринеромъ.

Идея земства, могущая быть русскою въ основѣ и по историческимъ традиціямъ, вполне законная, благая и плодотворная съ національной точки зрѣнія,—была понята большинствомъ земскихъ дѣятелей и множествомъ безпочвенно-интеллигентныхъ русскихъ людей именно не въ національно-русскомъ, а въ западническомъ смыслѣ, въ основномъ противорѣчii съ идеей самодержавія. Иначе и быть не могло: съ одной стороны пониманіе *русской* государственности, затуманивавшееся въ теченіе двухъ вѣковъ, было недостаточно ясно у самихъ редакторовъ закона; съ другой,—наше общество, въ теченіе тѣхъ-же вѣковъ воспитывалось въ духѣ гипнотическаго, почти автоматическаго (исключающаго національную критику) поклоненія западнымъ идеямъ и, главное, формамъ, которыя доселѣ невѣжественно смѣшиваются съ ихъ отсутствующимъ творческимъ содержаніемъ.

Таково пониманіе этого вопроса и доселѣ. Значительная часть людей, воспитанныхъ безпочвенною школою и космополитическою печатью, смотритъ на земство какъ на *переходную ступень* къ западному парламентаризму, водвореніе котораго въ Россіи было бы равносильно распаденію нашей имперіи, а потому столь желательно нашимъ инородцамъ, съ евреями во главѣ, и зарубежнымъ врагамъ. Эти послѣдніе, въ лицѣ иностранной и русско-революціонной печати, не скрываютъ своихъ стремленій и надеждъ. Послѣднее неизвѣстно большей части нашего общества лишь въ силу его тупого невѣжества, а внутренними врагами Россіи и своекорыстными дѣльцами замалчивается. Между тѣмъ, это понимаютъ даже мало-мальски чуткіе русскіе простолудины; никогда не забуду, какъ одинъ изъ нихъ, по поводу уличныхъ безпорядковъ въ Петербургѣ, сказалъ мнѣ буквально слѣдующее: «И чего они хотятъ? Хотятъ сдѣлаться рабами всякихъ иностранцевъ?!...»

Непониманіе національно-государственныхъ устоевъ и связанныхъ съ нимъ недоразумѣнія держатся упорно въ различныхъ областяхъ мысли и жизни и, въ частности, въ вопросѣ о земствѣ.

Броженіе, порожденное приведеннымъ рядомъ историческихъ факторовъ, продолжается непомѣрно-долго, обостряясь по временамъ, какъ, на примѣръ, за послѣдніе года, отмѣченные прискорбнымъ недостаткомъ твердой опредѣленности и цѣльности въ нѣкоторыхъ обособляющихся сферахъ нашей государственной политики.

Если бы сравнить нашу государственно-общественную жизнь съ винодѣліемъ, то любой опытный винодѣль развелъ бы руками, изумляясь такому ненормально долгому броженію. Онъ нашель-бы, что въ данномъ случаѣ недостаетъ какихъ-то необходимыхъ элементовъ, ускоряющихъ и регулирующихъ этотъ процессъ, или что доза бродила искусственно увеличивается. Я думаю, что наша жизнь и впрямь обладает обоими условіями. Во-первыхъ, даже въ нѣкоторыхъ правящихъ сферахъ недостаетъ *рускаго* самосознанія и патріотизма, которые придали бы общегосударственной политикѣ и общественной жизни необходимую стройность и здоровье; во-вторыхъ, о томъ, что элементы, вызывающіе броженіе, у насъ распространяются искусственно, едва-ли стоитъ подробно говорить: театры, «боевые вечера сезона», огромная часть печати, народныя чтенія, экономическія мѣропріятія, вердикты судовъ, факты частныя и офиціозныя, за счетъ кагала и даже казвы,—все это представляетъ специфическую, огромную картину, *стройно организованную систему*; она не видна или непонятна только мнимымъ и настоящимъ слѣпцамъ; система настолько сложная и дальновидная по замыслу, что косвенно и безсознательно ея орудіями иногда служатъ даже нѣкоторые люди, мнящіе себя консерваторами и русскими патріотами. О тѣхъ подкупныхъ, которые носятъ личину консерватизма или русскаго патріотизма, нечего и говорить: проходимецъ—вездѣ проходимецъ, какимъ бы «безъ лести преданнымъ» онъ ни притворялся и въ какія бы ризы онъ ни облакалъ свою ненасытную утробу.

Въ неправильномъ, *не-русскомъ* пониманіи идеи самоуправленія играетъ, помимо всего изложеннаго, видную роль весьма серіозный жизненный факторъ, которому слѣдуетъ посвятить особое вниманіе, такъ какъ онъ затрагиваетъ самую глубь общественной психологіи.

Западныя идеи, положенныя въ основу реформъ 60-хъ годовъ, измѣнили нашъ соціальный строй не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, въ западномъ направленіи. Если вдуматься въ эти факты, въ связи съ ихъ послѣдствіями, то необходимо придется признать, что между названными мирными реформами и кровавою французскою революціей конца XVIII вѣка есть поразительное соціологическое сходство: оба эти явленія погубили родовую аристократію и, наряду съ злоупотребленіями, затоптали ея полезныя традиціи; оба эти явленія выдвинули на первый планъ *буржуазію* и развязали руки *евреямъ*, постепенно все громче и успѣшнѣе диктующимъ ей свое противонаціональное и противохристіанское міросозерцаніе.

То, что произошло во Франціи, было грознѣе, но, можетъ быть, законнѣе, такъ какъ тамъ дворянство было въ политическомъ смыслѣ подорвано еще кардиналомъ Ришелье, а въ соціально-бытовомъ—монархическимъ самодурствомъ Людовика XIV; долго презирая свои *обязанности* передъ землею, оно постепенно изжило основу своихъ историческихъ *правъ* и въ моментъ взрыва утратило ихъ навсегда. Наряду съ этимъ, буржуазія давно уже выдвигала тамъ сильныя характеры и вырабатывала правовыя и инныя культурныя основы жизни, вслѣдствіе чего отчасти и заслуживала побѣды, выпавшей ей на долю. Однако, какъ видно изъ послѣднихъ событій, переживаемыхъ Франціей, даже тамошняя буржуазія оказалась духовно слабою съ наступленіемъ оргіи народоправства и попала въ цѣпкія лапы разныхъ Ротшильдовъ, Дрейфусовъ, Рейнаковъ и тому подобныхъ героевъ, наемники которыхъ дурачатъ великую націю истрепанными словами, вслѣдствіе чего властные евреи и пожираютъ ее подъ всевозможными соусами...

У насъ было срублено дерево не усохшее, а покрытое листвою и плодами, и притомъ срублено не по требованію какого-либо сильнаго и зрѣлаго общественнаго класса, выдвигаемаго на первыя роли самою жизнью, а нивѣсть почему, нивѣсть для кого. Быть можетъ, по-просту, еще дѣйствовалъ гипнозъ Лагарпа, бродили элементы, подсыпанные масонами екатерининскихъ временъ, вліяло нашептываніе служилыхъ инородцевъ, сознательно или инстинктивно враждебныхъ органической силѣ русскаго государства.

Такъ или иначе,—совершена ошибка непростительная и, можетъ быть, непоправимая. Я разумѣю здѣсь, конечно, не самый фактъ освобожденія крестьянъ, весьма желательный, благой и національно-цѣлесообразный, а то, *какъ онъ былъ осуществленъ*. Нельзя выбрасывать за бортъ, отрывать отъ какой-бы то ни было почвы, и дѣлать игралищемъ рѣзко наступающихъ соціально-экономическихъ превратностей цѣлое сословіе, игравшее первостепенную роль въ экономіи государственнаго организма. Это даже не хищническое, а самоубійственное отношеніе къ дѣлу, объясняемое лишь чрезвычайною слабостью русской государственной науки и чрезвычайною интенсивностью западныхъ подсказываній. Плоды этого мы пожинаемъ и по-сейчасъ и, повидимому, долго еще будемъ пожинать, напримѣръ, въ видѣ такихъ нелестныхъ фактовъ, какъ затруднительность нахождения надежныхъ государственныхъ умовъ, даже для высокихъ, почетныхъ и отвѣтственныхъ должностей: это прямой результатъ упадка или отмиранія словія, въ которомъ исторически вырабатывался государственный смыслъ. Не менѣе вреденъ упадокъ служилаго и всякаго иного идеализма, упадокъ вообще безкорыстія, которое вырабатывается на почвѣ долгаго наслѣдственнаго довольства. Стало быть, затрогиваемый здѣсь вопросъ—*не узко-сословный*, а общегосударственный, такой же органической, какъ вопросъ о личности сливокъ въ хорошемъ, густомъ молокѣ.

Реформъ ожидали давно, а тѣмъ не менѣе не воспитали русскаго руководящаго сословія въ соотвѣтственномъ смыслѣ, *не подготовили* его къ новымъ условіямъ жизни. Только литература дала *сентиментальную* и рѣзко-окрашенную западными тенденціями *идеологію* этихъ новыхъ условій. Даже когда они наступили, даже когда ихъ послѣдствія сказались быстрымъ оскудѣніемъ культурнѣйшаго русскаго класса и таяніемъ его земельныхъ владѣній—мѣры помощи и приспособленія, въ силу какой-то не соціальной (ибо буржуазіи въ настоящемъ смыслѣ не было), а нигилистической тенденціи, долго не принимались.

Участились невольные прыжки съ высоты соціальной лѣстницы въ помойную яму; дворянство отслоило довольно значительный контингентъ людей, мѣтко называемыхъ по-

нѣмецки *Lumpenproletariat*. На высокія государственныя должности пробрались болѣе или менѣе крещеные евреи; былъ моментъ, когда фактически былъ облеченъ огромною властью армянинъ, болѣе или менѣе безкорыстно служившій западно-европейскимъ тенденціямъ, а русской государственной идеи не понимавшій ни сердцемъ, ни умомъ. Пошло нестроение во всѣхъ слояхъ народа, во всѣхъ сферахъ русской жизни, все болѣе обостряемое отсутствіемъ національной экономической политики.

Съ воцареніемъ Императора Александра III начинается продолжаемая и нынѣ тяжкая, неблагоприятная, непоказная и потому въ основѣ *самоотверженная* работа оздоровленія нашего національнаго организма. Сколько разъ приходилось ея исполнителямъ вспоминать пословицу о волосахъ, по которымъ плачуть, «снявши голову»... Дешевый земельный кредитъ дарованъ черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ многія земли «запутались» непоправимо; организованная помощь земледѣлію пришла въ моментъ, когда бытовыя условія деревенской жизни представляютъ печальную картину нестроения; здравыя государственно-педагогическія предначертанія, сгруппированныя въ знаменательномъ рескриптѣ 10 іюня 1902 года, появляются въ моментъ, когда педагогическая традиція сильно замутилась въ школьномъ быту, и воспитательскіе таланты и призванія стали рѣдкостью въ полинялой, обезличенной и беспочвенной средѣ, стоящей у этого дѣла; наконецъ, твердо провозглашенные и провозглашаемые въ нужныхъ случаяхъ съ высоты престола оздоравлиющіе принципы національной идеи, въ широкомъ смыслѣ этого слова, встрѣчаютъ интеллигентную среду, надъ умами которой, нерѣдко противъ ея воли, властвуютъ промышленники печати, служащіе своимъ торговымъ интересамъ и потому, прямо или косвенно, творящіе волю все того же еврейства, завладѣвшаго предприимчивыми деньгами.

Картина невеселая. Россія переживала, однако, и не такія затрудненія и не такіе недуги. Запасъ ея силъ значительнѣй, чѣмъ думаютъ злорадные враги. Радостно уже само по себѣ одно то, что микробъ болѣзни найденъ, діагнозъ поставленъ вѣрно, и остается только работать. Надо только пожелать, чтобы эта работа велась возможно систематичнѣе, безъ пре-

пятствій со стороны какихъ-либо обособляющихся вѣдомствъ или единичныхъ вліятельныхъ людей, и чтобы эта работа совершалась дружными усилиями правительства и общества, наиболѣе живою и авторитетною силою котораго являются земскіе люди, въ широкомъ и патріотическомъ значеніи этого слова.

Отсюда ясно, какъ насущно необходимо этимъ послѣднимъ здоровое русское самосознаніе, взамѣнъ столь распространеннаго нынѣ западно-буржуазнаго взгляда на задачи русскаго самоуправления.

Упорство этого взгляда объясняется тѣмъ, что у насъ народилось нѣчто вродѣ западной буржуазіи, но только болѣе хилое и, за отсутствіемъ культурныхъ классовыхъ традицій, болѣе доступное постороннимъ отрицательнымъ вліяніямъ.

И въ данномъ вопросѣ есть свой историческій элементъ, осложненный очень оригинальнымъ «превращеніемъ силъ». По мѣткому замѣчанію одного изъ умнѣйшихъ, образованныхъ русскихъ людей, К. Ф. Головина, довольно многіе наши дворяне-земцы склонны придавать земству окраску политическаго народоправства, чтобы найти примѣненіе исторически выработаннымъ сословнымъ способностямъ и привычкамъ: продолжаетъ, въ сущности, дѣйствовать *психологія времени крѣпостнаго права*, только въ менѣе спокойныхъ, въ менѣе устойчивыхъ и, вдобавокъ, въ совершенно неожиданныхъ формахъ.

Взглядъ глубоко-правильный. Такъ или иначе, прежняя роль дворянства, какъ сословія наслѣдственно-служилаго и облеченнаго помѣстно-административными правами и обязанностями, должна быть названа ролюю *политическою*.

Въ 60-хъ годахъ эта роль упразднена, а способности и наклонности остались: ну, вотъ, онѣ себѣ инстинктивно и ищутъ примѣненія,—именно инстинктивно, потому что это сословіе, воспринимая тревожную западническую политику, хотя и въ слобомъ растворѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ остается и въ душѣ и сознательно вѣрнымъ другому своему назначенію,—быть надежнѣйшею опорою Престола. Стало быть, весь вопросъ въ томъ, чтобы найти *разумное* и отвѣчающее современнымъ условіямъ примѣненіе первой изъ указанныхъ склонностей.

Мнѣ возразятъ, что дворянство и въ прежнія времена, когда оно состояло изъ десятковъ тысячъ наслѣдственныхъ администраторовъ надъ милліонами русскихъ простолюдиновъ, не прочь было порою расширять эту политическую сферу, начиная съ пресловутыхъ «верховниковъ» и кончая новѣйшими временами, когда мало-мальски родовитый дворянинъ склоненъ былъ «показывать языкъ» губернатору и смѣялся надъ чиновниками вообще.

Но, во-первыхъ, еще вопросъ: явились ли «верховники» сознательными носителями тенденцій боярщины съ феодально-конституціоннымъ отгѣнкомъ, и не было ли затѣванное ими дѣло вызвано основательнымъ во многихъ отношеніяхъ страхомъ передъ надвигавшимся нѣмецкимъ бюрократическимъ нашествіемъ вообще и бироновщиной въ частности. Событія, послѣдовавшія за низверженіемъ верховниковъ, вполне оправдали такія опасенія. Во всякомъ случаѣ, частный и инстинктивный характеръ затѣи нѣсколькихъ вельможъ, уже въ силу самой ея непрочности, бросается въ глаза и особыхъ доказательствъ не требуетъ.

Что касается до отношеній между дворянствомъ позднѣйшихъ временъ и администраціей, то, за исключеніемъ кучки мечтателей, дворяне противопоставляли себя чиновникамъ не какъ сила, ограничивающая Самодержавіе, а какъ элементъ наслѣдственно служилый по преимуществу и заслуживающій сугубаго довѣрія, сравнительно съ разночинцами, вышедшими въ люди. Зачастую неудовлетворительный уровень этихъ послѣднихъ давалъ поводъ лучшимъ представителямъ дворянства считать свои традиціи болѣе высокими, чѣмъ дореформенный укладъ бюрократіи. Вѣдь недаромъ же правительству пришлось учреждать привилегированныя учебныя заведенія для борьбы со взяточничествомъ и вообще для повышенія уровня служилаго класса. Отрицать заслугу этихъ заведеній въ области служилой этики никоимъ образомъ нельзя, какъ нельзя отрицать и проявленной ихъ питомцами неизмѣнной приверженности къ нашему политическому строю.

Итакъ, западническое пониманіе земской задачи нѣкоторыми дворянами-земцами начинается съ того момента, когда у этого сословія была отнята исконная, или, по крайней мѣрѣ,

весьма давнишняя его домашняя политическая роль. Не надо забывать, что этими западническими тенденціями повѣяло *сверху*: ближайшіе совѣтники Государя и исполнители Державныхъ распоряженій весьма кокетничали въ такомъ стилѣ, побавлялись Герцена и вообще сильно напоминали того министра, котораго гр. Алексѣй Толстой такъ мѣтко изобразилъ въ знаменитомъ «Снѣ совѣтника Попова». Печать строила «дворцы изъ алюминія», а все прежнее разрушала безъ разбору, и не только по слѣпому увлеченію утопіями, но и потому, что она почти вся сразу оказалась въ рукахъ разночинцевъ и, во всякомъ случаѣ, людей *безъ традицій*.

Дворянамъ-земцамъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, со всѣхъ сторонъ—и сверху, и сбоку, и снизу—подсказывалось то, что теперь для большинства сдѣлалось автоматически-исповѣдуемымъ догматомъ. Можно ли имъ это ставить въ вину. Чѣмъ хуже шли ихъ денежныя дѣла, тѣмъ больше, наряду съ этимъ, стала выдвигаться тенденція пошире пользоваться общественнымъ пирогомъ. Это прискорбно, но вполне естественно. Западническое отношеніе къ задачѣ самоуправленія при такихъ условіяхъ становится частью нервнымъ, частью дѣловымъ. Весьма естественна, поэтому, напимѣръ, популярность камергера Стаховича въ такой губерніи, гдѣ онъ хотѣлъ даже монополизировать въ рукахъ обѣднѣвшихъ дворянъ нѣкоторыя должности «по винной части». Люди, которымъ плохо живется, очень склонны къ законодательнымъ перемѣнамъ, «обѣщающимъ» какія-либо новыя права и возможность извлекать выгоду изъ этихъ послѣднихъ. Когда почва уходитъ изъ-подъ ногъ, то человѣку не до традицій. Новыя чувства и мысли заполняютъ душу его, оттѣняютъ въ темный уголокъ то, что было *основнымъ* при другихъ условіяхъ и что лишь изрѣдка прорывается въ полунамеки или вздохѣ сожалѣнія. Весьма характерно, между прочимъ, что даже у Щедрина, бывшаго недавно излюбленнымъ писателемъ нашей пестрой буржуазіи, иногда прорывается еле-замѣтный, невольный «дворянскій вздохъ», находящійся въ логическомъ противорѣчій съ тенденціями, которымъ онъ служилъ слишкомъ усердно для такого крупнаго таланта.

Значительная часть земцевъ-дворянъ психически (въ поли-

тическомъ смыслѣ, а не по части самодѣтельности) превратилась въ буржуазію, ряды которой стали быстро пополняться снизу, съ одной стороны, людьми умѣлыми и зубастыми (щедринскіе Колупаевы, Разуваевы, Іуды Стрѣльниковы и т. п.), съ другой, — несомнѣнно благородными и самоотверженными идеологами западническаго самоуправленія или просто горячими друзьями народа (земскіе врачи, учительницы и т. п.) и съ третьей, — крикунами-карьеристами, опирающимися на печать.

Русскій человѣкъ, какъ сынъ народа *не-политическаго* (въ западномъ смыслѣ этого слова), пасуетъ передъ крикунами, робѣетъ, не находитъ словъ для возраженія и принимаетъ пустыя фразы, какъ дѣловыя формулы. Недаромъ сложилась у насъ пословица: «кто палку взялъ, — тотъ и капралъ». И чѣмъ «либеральнѣе» человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе робокъ, потому что прошелъ особую «муштру»; за послѣднее время только въ этомъ лагерѣ и имѣется строгая муштра, осложняемая еврейскою нетерпимостью печати, въ которой крѣпко засѣли эти «угнетенные» угнетатели. Указанная прискорбная психическая черта завелась у насъ, повидимому, еще при татарщинѣ и Іоаннѣ Грозномъ и поддерживается тѣми, «кто палку взялъ». Средній земскій дѣятель боится «жупела» на земскомъ собраніи, — боится, чтобы не сочли его ретроградомъ: онъ подобенъ человѣку, который бы носилъ въ своемъ нутрѣ легко-лопающійся «пузырь со страхомъ»; точно ждетъ каждую минуту, что кто-нибудь прикрикнетъ на него: «Ты чего здѣсь?! Пшоль!» Вотъ его врасплохъ и берутъ, и дрессируютъ!.. Это особенно наглядно тамъ, гдѣ онъ сталкивается съ инородцами.

Наряду съ этимъ идетъ и другого рода дрессировка, или, точнѣе, «покореніе подъ ношѣ». Формально, во главѣ земствъ стоятъ дворяне-землевладѣльцы, но фактически хозяевами этого дѣла и руководителями его направленія являются довольно часто не они, а жадные, экономически-сильные и беспощадные представители помѣстнаго кулачества всевозможныхъ калибровъ.

Въ великорусскихъ губерніяхъ крупный фабрикантъ, вродѣ «Маски» Чехова, или хлѣботорговецъ, даже и не входя въ составъ управы (ему и мараться не стоитъ съ такими пустяками), держитъ ее въ своемъ кулакѣ; въ южныхъ губерніяхъ чаще всего властвуетъ еврей. И это давно уже такъ. Въ виду

этого, въ нашемъ самоуправленіи и не сложилось традиціи строго-добросовѣстнаго отношенія къ общественной коплькѣ, а если есть какая-нибудь традиція, то скорѣй противоположная.

Людымъ, идеализирующимъ наше самоуправленіе, весьма полезно было бы посмотрѣть, напрымѣръ, какъ иногда «принимаются» г.г. членами управы матеріалы для дорожныхъ сооружений, дѣлаемыхъ съ подряда. Во-первыхъ, самая организація этихъ подрядовъ зачастую чрезвычайно сложна, причемъ номинально числится подрядчикомъ одно лицо, а фактическимъ исполнителемъ дѣла—десятый человекъ, получившій его путемъ цѣлой цѣпи «передовѣрій» и сепаратныхъ договоровъ; обыкновенно это кулакъ-хищникъ того района, въ которомъ производится работа; уѣздъ охваченъ сложною паутиной, которую между собою раздѣлили пауки для высасыванія соковъ изъ общественныхъ и частныхъ «мухъ». Во-вторыхъ, самая процедура «браковки» матеріаловъ тоже весьма характерна; для этого дѣла «выѣзжаетъ» обыкновенно либо членъ управы изъ крестьянъ-кулаковъ (другого рода крестьянина въ члены управы не выберутъ), либо прогорѣвшій дворянчикъ и, въ качествѣ эксперта, земскій техникъ. Если этотъ послѣдній не утратилъ еще поверхностнаго глянца общественныхъ идеаловъ, или если при этомъ есть посторонніе интеллигентные свидѣтели, то экспертъ бракуетъ строго, а членъ управы сперва слабо, потомъ все откровеннѣе отстаиваетъ интересы подрядчика. Въ результатѣ—принимается матеріалъ средняго качества, а то и ниже средняго. При мало-мальски осторожномъ отношеніи къ этому дѣлу, ответственности за такіе компромиссы никакой, а «либеральная» печать усмотритъ въ указаніи такихъ фактовъ стремленіе «набросить тѣнь на принципъ самоуправления». Печатно напасть на интендантство—вотъ это гражданскій подвигъ, потому что тамъ чиновники. А въ земствѣ—въ земствѣ «дѣятели».....

Эти дѣятели, однако, зачастую оказываются въ рукахъ у кулаковъ, подобно прочему населенію, испытывающему на себѣ иго воцарившейся буржуазіи. Трудненько имъ, бѣднымъ, приходится: если неурожай, то землевладѣльцу нечѣмъ проценты въ банкъ платить, а крестьянину нечего ѣсть; если урожай, то цѣны падаютъ,—и скупщики продуктовъ сельскаго хозяй-

ства начинаютъ опять-таки «строга обращаться» со своими клиентами. Куда ни глянь,—ездѣ хозяевами положенія являются именно люди указанной категоріи.

Мнѣ даже думается иногда, что именно *они* выдвинули модный нынѣ вопросъ о «мелкой земской единицѣ», ради собственнаго удобства: имъ можно будетъ обдѣлывать свои дѣлишки, сидя дома, не прибѣгая къ «передовѣряймъ» и къ поѣздкамъ въ уѣздный городъ. Впослѣдствіи къ этой ватѣ примазались и стали ее муссировать уже сторонники такого «прогресса», при которомъ рушились бы устои крестьянской организаціи и деревню заволокли бы всякаго рода «пиджачники». Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о возрожденіи прихода (ибо, съ точки зрѣнія упомянутыхъ прогрессистовъ, религію пора замѣнить «міровѣдѣніемъ») и не о такой мелкой земской единицѣ, разумная организація которой внесла бы въ деревенскую жизнь большій порядокъ и дисциплину и открыла бы помѣстнымъ дворянамъ (гдѣ они уцѣлѣли) возможность благотворно вліять на жизнь деревни, вдали отъ людныхъ говорилень, гдѣ расточается лезть моднымъ буржуазнымъ тенденціямъ, подъ видомъ гражданскаго служенія. До такой, т. е. до *хорошей* мелкой земской единицы, мы еще, повидимому, не доросли.....

При внимательномъ наблюденіи помѣстной жизни нельзя не замѣтить, что специально-хозяйственная сторона земской дѣятельности зачастую страдаетъ подчиненіемъ интересовъ дворянскихъ и крестьянскихъ выгодамъ кулаковъ и торговцевъ, т. е. помѣстной буржуазіи. Главною причиною этого явленія слѣдуетъ признать малую практичность земцевъ-идеалистовъ и непомѣрную практичность людей своекорыстно-реальнаго направленія. Въ итогѣ, вмѣсто желательнаго удешевленія помѣстной жизни и наибольшей выгоды занятія сельской промышленностью, зачастую получается обратное явленіе. Въ частности, земское обложеніе проявило такую наклонность къ быстрому росту, что правительство вынуждено было положить ему предѣлъ. Надо надѣяться, что послѣдняя мѣра, противорѣчащая принципу хозяйственной самостоятельности земства, будетъ отмѣнена или замѣнена другою, болѣе гибкою мѣрой, когда уровень земской самодѣтельности надлежащимъ образомъ поднимется.

Склады сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій, питомники, оптовая выписка отборныхъ сѣмянъ и строительныхъ матеріаловъ, сношенія коммисіоннаго свойства по вопросамъ труда, сбыта, потребления и т. д.—вотъ, между прочимъ, предметы заботъ, могущихъ, при надлежащемъ усилѣхъ, удешевить и улучшить помѣстную жизнь и поставить въ надлежащія рамки ея современный недугъ,—кулачество.

Въ заботахъ о своемъ излюбленномъ дѣтищѣ, народной школѣ, земство, въ большинствѣ случаевъ, также не стоитъ на вполнѣ надежной почвѣ. Безусловно было бы несправедливо отрицать самоотверженную любовь земства къ дѣлу народнаго образованія: оно тратило и тратитъ на это массу денегъ (расходы на школу явились одною изъ причинъ предѣльнаго обложенія), не скупится на пособія, на увеличеніе жалованья педагогическому персоналу, его дѣятели не щадятъ времени на творчество въ области школьно-административной.

Все это такъ. Но слѣдуетъ признать, что окрашивающею характерною чертой школьной дѣятельности земства является доктринерское увлеченіе идеей быстрой и поверхностной умственной эмансипаціи народа, тогда какъ народъ нуждается въ *гармоничномъ, почвенно-русскомъ духовномъ развитіи*. Необходимо воспитать достойнаго гражданина, а не буйнаго или циничнаго вольноотпущенника, все мнимое развитіе котораго заключалось бы въ одномъ усвоеніи верхушекъ элементарнаго знанія и въ поправленіи авторитетовъ. Статьи газетъ, проповѣдующихъ именно послѣдняго рода фальсификацію прогресса, зачастую сильно вліяютъ на земскихъ дѣятелей, которымъ надлежало бы, *во всеоружіи деревенскаго опыта* глядѣть на дѣло трезвѣе и относиться къ нему вдумчивѣе.

Среди учителей народныхъ школъ, наряду съ настоящими подвижниками, нерѣдко можно встрѣтить людей бесполезныхъ и даже вредныхъ, пренебрежительно относящихся къ религіи и нравственности, осмѣивающихъ власть родителей и стариковъ, склонныхъ сѣять рознь между сословіями, и скверною личною жизнью заводящихъ соблазнъ въ селѣ.

Самый типъ деревенскаго учителя (помимо указанныхъ плохихъ экземпляровъ) выработался не тотъ, какой желателенъ. Сельской школѣ надобенъ или учитель-крестьянинъ, смирен-

номудрый и простой, не выдѣляющійся изъ своей деревенской среды, или, когда средства позволяютъ,—настоящій, хорошій педагогъ, глубоко понимающій и значеніе созидательныхъ началъ русской жизни, и родную исторію, и настоящія нужды крестьянина. Къ сожалѣнію, учителя такого уровня и настроенія встрѣчаются весьма рѣдко, а преобладаетъ наименѣ полезный для деревни типъ полуинтеллигента, колеблющагося между двумя сферами понятій, а потому и не могущаго достигать иныхъ результатовъ, кромѣ насажденія грамотности, да распространенія безпринципной умственной эмансипаціи.

Такой типъ могъ стать преобладающимъ лишь въ силу ревностнаго, но вмѣстѣ *некультурнаго* отношенія земцевъ къ школьному вопросу. И этого, строго говоря, нельзя ставить земскимъ дѣятелямъ въ вину, такъ какъ вѣдь *вся* наша школа, не исключая высшей, носитъ наглядные признаки некультурности. Но когда противопоставляютъ земскую школу правительственной и поютъ первой хвалебные гимны, доходя до пожеланія «несмѣняемости» земскихъ учителей, то въ таковой крайности нельзя не отмѣтить микроба западническаго взгляда на русское самоуправленіе.

Покуда такой ненормальный взглядъ держится въ земствѣ, то врядъ ли было бы полезно, какъ того желали нѣкоторые зарпортовавшіеся члены недавняго учительскаго съѣзда, предоставлять безконтрольному вѣдѣнію органовъ самоуправления народную школу, т. е. ту почву, на которой заблуждающіеся люди склонны сѣять свои заблужденія. Правильнѣе было бы рационально разверстать правительственныя и общественныя права въ священной области народнаго образованія. По самой задачѣ своей,—создавать такихъ гражданъ, какіе нужны строю даннаго государства,—школа первѣе всего должна находиться въ непосредственномъ вѣдѣніи представителей правящей системы, *спеціалистовъ* этого дѣла, связанныхъ, вдобавокъ, опредѣленнымъ государственнымъ взглядомъ, а не дилетантовъ, которые могутъ быть весьма достойными людьми, но мало смысливъ въ педагогіи.

Забота земства о народномъ образованіи похвальна и патриотична; нельзя, напримѣръ, не сочувствовать проекту псковскаго земства, предлагающаго обложить водку, съ цѣлью подъема

народнаго образованія; но, когда эта работа связана съ завершеніемъ, что педагогія есть *спеціальность* и наблюдать за школьнымъ дѣломъ слѣдуетъ только людямъ свѣдущимъ,—то здѣсь уже начинается *некультурное* отношеніе къ дѣлу. Выражается оно и въ «принципіальномъ» несочувствіи весьма многихъ земствъ къ церковно-приходскимъ школамъ, даже когда послѣднія прекрасно поставлены. Тутъ уже нѣтъ никакого оправданія, а есть либо плохая форма земско-бюрократическаго вѣдомственнаго соревнованія, либо плохая политическая тенденція въ *еврейскомъ* духѣ: несочувствіе дѣлу Церкви, поклоненіе пресловутому міровѣдвію и т. п.

Гдѣ церковно-приходскія школы слабы, за недостаткомъ средствъ, тамъ земство должно бы помочь, если оно считаетъ себя дѣйствительно *передовымъ* органомъ русской культуры, а не обособленнымъ вѣдомствомъ или «маленькимъ правительствомъ». Тяжело глядѣть на эту рознь, которой народная масса ни одобрить, ни понять не можетъ, ибо она ждетъ здоровой, дружной помощи со стороны всѣхъ гражданственно развитыхъ элементовъ Россіи.

Въ некультурномъ отношеніи многихъ земствъ къ вопросу о народной школѣ слѣдуетъ признать отчасти также воздѣйствіе пестрой, безформенной и, въ итогѣ, безпринципной буржуазіи, вліяющей на экономическую сторону земской дѣятельности.

Одною изъ причинъ большинства отрицательныхъ явленій русской жизни вообще и русскаго самоуправленія въ частности слѣдуетъ признать пестроту и расплывчатость буржуазіи и полное отсутствіе какихъ-либо коренныхъ, созидательныхъ традицій въ этомъ разрастающемся классѣ. Старозавѣтныя понятія, царившія въ ядрѣ его, т. е. въ купеческомъ сословіи, особенности его быта, психическій складъ,—все это колоритное, живое и жизнеспособное весьма быстро вывѣтрилось и полиняло подъ натискомъ новыхъ понятій.

Давно ли торговецъ-кредиторъ грозилъ должнику, что сотретъ его имя съ доски, гдѣ мѣломъ записаны долги людей добросовѣстныхъ? Давно ли въ средѣ того-же купечества была суровая, но прочная семья, а книги религіознаго содержанія были настольными? Сколько здраваго, живого ума было въ

этихъ типичныхъ, почвенныхъ людяхъ, потомки которыхъ съ невѣроятной быстротою мельчаютъ физически и духовно и, отрѣшившись отъ старыхъ завѣтовъ, новыми не обогащаются!

Наконецъ, сколько поналѣзло въ эту разсыпавшуюся хранину всевозможныхъ элементовъ, и сверху, и снизу, и сбоку! Сколько инородцевъ, въ особенности евреевъ! Посмотрите хотя бы на Москву: вѣдь она наполовину уже *нерусскій* городъ! На вывѣскахъ чужія имена, активные капиталы въ чужихъ рукахъ, крупное инородческое, особенно еврейское, домовладѣнiе разрослось непомѣрно; наконецъ, вся почти безъ исключенiя печать находится въ еврейскихъ рукахъ и служитъ ихъ разрушительной племенной политикѣ, травить и устрашаетъ, кого ей угодно, распространяя пошлость, продажность, грюндерство, издѣваясь надъ всѣмъ, что необходимо русской силѣ, русскому государственному здоровью.

Безспорно, у той части нашей буржуазiи, которая называется интеллигенцiей, есть и высокiя мечты, и благородныя стремленiя, и вообще много разрозненныхъ творческихъ началъ. Но какъ все это хаотично, какъ мало-мальски опредѣленные взгляды носятъ характеръ *заученности*, теоретичности, незнакомства съ родиной! Традиции никакой, да и неоткуда ей было взяться!....

Созидательныя традиции создаются долею работы. Творческiя силы того или иного класса накаплиются *медленно*. Рѣзкiя реформы могутъ скорѣе разрушить плодъ исторической работы, нежели создать что-либо новое.

Въ одномъ изъ нашихъ буржуазно-либеральныхъ журналовъ было употреблено выраженiе «традиции 60-хъ годовъ», причемъ во главѣ этого понятiя ставился пресловутый «правовой порядокъ». Авторъ этой фразы неточно понимаетъ слово «традициия»: традицией нельзя назвать упорную приверженность отвлеченнымъ формуламъ, проявляемую, вдобавокъ, людьми, оторванными отъ исторической почвы: традиции съ неба не падаютъ по прихоти законодателя или кучки публицистовъ, и не десятилѣтiями мѣрится время развитiя всего того, что заслуживаетъ названiя традиции!

Неправильно смотритъ авторъ приведеннаго мнѣнiя и на «правовой порядокъ»: право есть понятiе, по преимуществу

регулирующее, а не творческое. Когда же оно, разрушая традициі, добрые нравы и обычаи, мало-по-малу вытѣсняетъ въ безпочвенной средѣ начала религиозно-нравственныя,—то оно становится даже *разрушительнымъ* элементомъ, подѣ предложемъ формальнаго урегулированія отношеній, слагавшихся прежде жизненнѣе и нравственнѣе.

Нельзя отрицать, что право отчасти сыграло такую роль въ русской духовной жизни, особенно въ жизни буржуазіи: иначе на смѣну людямъ, боявшимся, что ихъ имя сотрутъ съ доски добросовѣстныхъ должниковъ, не появились бы грюндеры и злостные банкроты, да и самое исчезнувшее явленіе не исчезло бы, еслибы соблазнительный правовой формализмъ не посягнулъ на добрые нравы и обычаи. Когда эти послѣдніе исчезаютъ или гниютъ,—уровень общественной жизни повижается, и становится необходимымъ тотъ пересмотръ, которымъ занято въ настоящее время наше общество. Недаромъ одинъ изъ видныхъ и искреннихъ ревнителей права, А. Ф. Кони, за послѣднее время столь озабоченъ поднятіемъ *судебной этики*, т. е. одухотвореніемъ *содержанія* права.

То, что выше было невѣрно названо традиціей 60-хъ годовъ, скорѣе можетъ быть сравнено съ алкоголизмомъ: люди стали втягиваться въ понятія и тенденціи, противорѣчащія русскому жизненному укладу, и, страдая отъ похмѣлья многихъ дозъ, думаютъ поправить дѣло новыми приѣмами того-же напитка.

Тутъ и самообманъ, и нѣкоторый изъяснъ въ логикѣ, если практически посмотрѣть на положеніе дѣла. Дѣятели самоуправления охотно говорятъ: «Мы признаемъ многіе крупныя изъясны русскаго самоуправления; но они объясняются тѣмъ, что самоуправленію не дано должнаго простора и естественнаго развитія: оно стѣснено административнымъ контролемъ, и т. п.».

По этому поводу можно задать вопросъ: неужели административный контроль можетъ мѣшать хорошо вести общественное хозяйство? Когда же и гдѣ онъ мѣшалъ этому? Онъ могъ мѣшать лишь плохимъ тенденціямъ въ школьномъ дѣлѣ и неумѣренному политическому элементу въ дѣятельности земства.

Политика затрогиваетъ, между прочимъ, обще-государствен-
ное хозяйство, масштабъ котораго грандіозенъ по сравненію
съ помѣстнымъ общественнымъ хозяйствомъ, и органы котораго
должны быть спеціально подготовлены. Можно ли предпола-
гать, что учрежденія, не вполне справившіяся со своей скром-
ной помѣстной задачей, будутъ успѣшнѣе выполнять задачу
болѣе сложную, широкую и многотрудную? Къ такому пред-
положенію нѣтъ основаній,—ни логическихъ, ни бытовыхъ.

Можетъ быть, г.г. передовые ревнители экстенсивнаго само-
управленія не чувствуютъ достаточнаго вдохновенія и подъема
усердія по отношенію къ узкой сферѣ помѣстной дѣятельности?
Они хотятъ быть сразу министрами, государственными дѣяте-
лями, «представителями страны», подъ тѣмъ или инымъ соу-
сомъ? Но тогда они, во-первыхъ, люди не солидные, а во-вто-
рыхъ, эгоисты. Вѣдь люди, дѣйствительно понимающіе обще-
государственныя нужды и способные къ большимъ дѣламъ,
выдвинутся сами собою, и войдутъ въ составъ правительства:
за послѣднее время довольно много помѣстныхъ, въ широ-
комъ смыслѣ, земскихъ дѣятелей призвано къ власти и об-
лечено возможностью проявлять свои творческія дарованія,
говорить живую правду, на основаніи знакомства съ нуждами
земли. А вѣдь только это и требуется для того, чтобы Вер-
ховная власть получала взаимно-провѣряющіяся свѣдѣнія изъ
разныхъ источниковъ!..

Если бюрократія не замѣчаетъ какихъ-либо выдающихся
дѣятелей, а иныхъ сознательно, не по заслугамъ оставляетъ
въ тѣни; если она проявляетъ недостаточную чуткость и патріо-
тическую принципиальность,—то это вопросъ объ усовершен-
ствованіи бюрократическаго механизма, а не о расширеніи
полномочій той не сформировавшейся, не установившейся пе-
строй среды, въ которой случайно выдвигаются дѣятели само-
управленія и изъ которой пополняется контингентъ той-же
бюрократіи! Если какой-нибудь напитокъ нехорошъ, то онъ не
станетъ лучше отъ перелитія изъ рюмки въ стаканъ, или на-
оборотъ. Уровень какихъ бы то ни было учреждений, незави-
симо отъ того, правительственныя ли они или общественныя,
находится въ тѣснѣйшей связи съ *правами и обычаями дан-*
наго общества.

Нужно *воспитаніе*, отвѣчающее духовному складу и историческимъ традиціямъ народа. Нужна *культура*, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ поверхностными, непрочными благами «цивилизациі», усвояемыми на скоро и безъ разбору, какъ плохой ресторанный обѣдъ голоднымъ и разсѣяннымъ горожаниномъ.

Среди ревнителей нашей государственной силы есть достойные, искренніе люди, кореннымъ образомъ, однако, отрицающіе самый принципъ русскаго самоуправления и выборное начало, а потому относящіеся къ земству враждебно и не надѣющіеся на возможность его развитія. Миѣ кажется, что это скорѣе не взглядъ, а нервное чувство, вызванное слишкомъ торопливымъ обобщеніемъ изъяновъ земской и городской дѣятельности. Русскому сердцу, вѣрующему въ творческія силы народа, мудрено примириться съ такимъ взглядомъ, опровергаемымъ и самою жизнью. Развѣ нѣтъ земствъ, работающихъ успѣшно? Развѣ,—если даже взять средній уровень нашихъ земствъ,—не найдется тамъ массы благороднаго труда, искренней любви къ народу и вѣры въ правду, чуждую политиканства и фразы? Помѣстная работа дѣло не показное; рѣзче всего бросаются въ глаза ошибки и глупости, а не скромное, будничное добро, творимое смиренномудрыми тружениками.

Боже упаси отрицать полезность земства или совмѣстимость его съ нашимъ государственнымъ строемъ. Вопросъ именно *въ мѣрѣ вещей*, въ точномъ *разграниченіи* правъ и обязанностей и въ трезвомъ отношеніи къ дѣйствительности.

Недавно была у меня въ рукахъ очена хитро написанная анонимная записка о земствѣ, приписываемая какому-то значительному должностному лицу, но, повидимому, апокрифическая. Въ ней хотя прямо и не высказывается пожеланіе упраздненія существующаго земства, но говорится, между прочимъ, что между земствомъ и Самодержавіемъ есть коренное внутреннее противорѣчіе. Самодержавіе-де зиждется на одномъ бюрократизмѣ—и только.

Взглядъ *нерусскій* и *лукавій*. Нерусскій потому, что противорѣчить и нашей исторіи, и нравственнымъ основамъ нашего строя. Самодержецъ, какъ лицо, поставленное своимъ саномъ превыше цѣлаго ряда соблазновъ и обособленныхъ

интересовъ и ограниченное лишь религіозно-нравственными нормами, глубочайше озабоченъ *всестороннимъ* ознакомленіемъ съ нуждами государства, получаемымъ многоразличными, независимыми другъ отъ друга путями. Одною бюрократическою машиною обойтись въ этомъ случаѣ нельзя,—и высшіе представители ея, считающіе свою работу не вѣдомственнымъ, а *государственнымъ* служеніемъ Царю и Отечеству, сами идутъ навстрѣчу голосу земли, прислушиваются къ нему и стремятся установить доброе взаимодѣйствіе между правительствомъ и обществомъ. Это было, напримѣръ, весьма ясно выражено г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, по поводу юбилея названнаго министерства.

Цѣлью упомянутой анонимной записки могло быть либо желаніе автора ложно зарекомендовать себя ультраконсерваторомъ передъ властями, либо внести смуту и безпокойство въ среду ревнителей самоуправленія, а зарубежнымъ революціонерамъ подать поводъ прокричать (если авторъ записки—видное лицо), что русскій строй враждебенъ-де всякому прогрессу, всякому развитію жизни—и потому подлежитъ разгрому. Изъ этихъ заднихъ мыслей мнѣ показалась особенно ехидною и противною вторая: въ моментъ пересмотра многихъ взглядовъ и фактовъ она настраиваетъ на нервное брюзжаніе, вмѣсто того, чтобы призывать къ серіозной работѣ.

Не надо поддаваться такимъ нашептываніямъ! Земство, какъ исконно-русское учрежденіе, не противорѣчитъ нашему строю, а является органическою, составною частью его.

Оно не можетъ и остаться на точкѣ замерзанія, ибо, что не идетъ впередъ,—то идетъ назадъ. Нашему самоуправленію непремѣнно предстоитъ развитіе, но не въ западническомъ, а въ *русскомъ* направленіи, не экстенсивное, а интенсивное,—не расширеніе, а углубленіе задачи, болѣе дѣловое и патріотически-вдумчивое отношеніе къ ней.

Подобно тому, какъ намъ нужно не жадное и быстрое высасываніе соковъ изъ земли, мѣтко названное нѣмцами *Raubwirtschaft*, т. е. хищническимъ хозяйствомъ,—намъ нужно и самоуправленіе, которое бы подъемомъ хозяйственной техники и солидной гражданственности содѣйствовало поднятію культурнаго уровня Россіи. Задача высокая и отвѣтственная!

Ниже надѣюсь подробнѣе выяснить вопросъ о томъ, что жизненною силой и задачей русскаго самоуправленія можетъ быть *только* творческая самодѣятельность, не ослѣпленная формами и фразами, а проникнутая жаждою *реально* добра народу, во всеоружіи знанія и вдумчивой любви.

2.

Представьте себѣ двухъ работниковъ, которымъ бы хозяинъ поручилъ вспахать плугомъ поле и которые значительную часть времени удѣляли бы спору и борьбѣ изъ-за ролей своихъ въ руководствѣ плугомъ. Нива осталась бы недопаханной къ сроку. Опоздали бы и посѣвъ, и урожай,—и злорадно смѣялись бы надъ хозяиномъ корыстные сосѣди, у которыхъ онъ въ трудную минуту занимаетъ деньги подъ большіе проценты и подъ залогъ своей кормилицы-земли. Плохо пришлось бы хозяйскимъ дѣтямъ, и съ малыхъ лѣтъ превратились бы они въ попрошайекъ, не умѣющихъ ни работать систематически, ни съ достоинствомъ вести свои дѣла...

До такого трагизма, слава Богу, картина русской жизни не дошла; но несомнѣнно, что между правительственными учрежденіями и обществомъ довольно часты несогласія и недоразумѣнія, на разрѣшеніе которыхъ приходится неизменно тратить много дорогого времени, въ ущербъ народному благополучію.

Это именно недоразумѣнія, а не какая-либо естественная, коренная рознь. Тутъ много искусственнаго, либо насаждаемаго врагами русской силы, либо механически усвоеннаго людьми, не знающими русской помѣстной жизни.

Нерѣдко приходится присутствовать при открытіи «Америкъ», вродѣ нижеслѣдующей: «Чиновниковъ не нужно, такъ какъ это все люди бездушные, своекорыстные, пустые и не знающіе Россіи! Царь и земля—вотъ живая русская, или, пожалуй, даже исконно-русская творческая формула!».

Какъ она осуществилась бы, и насколько она вообще осуществима *неполитическимъ* русскимъ народомъ, многомиллионная меньшая братія котораго считаетъ для себя Божиимъ наказаніемъ даже исполненіе должности старосты или десятикаго,—объ этомъ не говорится, или говорится на основаніи столичныхъ кабинетныхъ бесѣдъ, да пустозвонныхъ фельетоновъ. Удивительно, какъ хорошо все выходитъ, все укладывается легко и удобно, «точно волосы на супѣ», какъ сказалъ бы французъ, держащій неопрятную кухарку. Слово нѣтъ: формула очень благозвучна и плѣняетъ своею краткостью; она такъ-же легко запоминается, какъ пресловутое «непротивленіе злу» графа Толстого или приписываемое безъ оговорокъ Прудону изреченіе «собственность есть кража»...

Ну, а какъ дойдетъ до дѣла, то надо считаться и съ принципами государственности вообще, и, въ частности, съ характеромъ населенія. Прежде, чѣмъ провозглашать краткія соблазнительныя формулы, не мѣшаетъ ознакомиться и съ соціологіей, и съ исторіей, всеобщей и русской.

Никакая власть, особенно же монархическая, не можетъ обходиться безъ органовъ, безусловно ей подчиняющихся и работающихъ по опредѣленной программѣ. Если монархъ будетъ непосредственно имѣть дѣло съ пресловутою «землею», то онъ окажется совершенно излишнимъ, а съ другой стороны—и «земля» окажется въ сильнѣйшемъ заблужденіи, если предположить, что фактически она управляется сама собою.

Какъ неотразимо доказалъ Гастонъ Бержере въ своей замѣчательной книгѣ «Principes de politique», государствомъ править всегда *меньшинство*. Стало быть, дисциплинированные іерархически соподчиненные *органы* необходимы всюду, гдѣ не господствуетъ полнѣйшая анархія; да и анархія есть лишь ненормально быстрая смѣна случайныхъ властныхъ людей, сопряженная съ безпорядками, кровопролитіемъ и полною разнузданностью всяческихъ страстей. Нужно ли доказывать, что центральная власть безъ дисциплинированныхъ органовъ можетъ быть лишь сравнена съ головою, отрѣзанной отъ туловища и не повелѣвающей умѣлымъ рукамъ?!... Пошли бы гг. ревнители приведенной формулы послушать

оперу «Русланъ и Людмила»: они бы увидѣли, какой печальный жребій постигаетъ отрубленную голову...

Формы и предѣлы политическаго народоправства при нормальныхъ условіяхъ нарастаютъ и опредѣляются сами собою, какъ *естественный продуктъ народнаго характера*, а не по почину ослабѣвшей или усыпленной центральной власти и не по волѣ публицистовъ съ сомнительнымъ источникомъ вдохновенія. Когда перемѣны слагаются иначе, какъ, на примѣръ, во Франціи, то благополучію и даже цѣлости государства, силѣ и достоинству націи грозитъ серіозная опасность. Недаромъ у насъ такъ неумоимо работаютъ въ этомъ направленіи евреи и прочіе враждебные намъ инородцы, къ услугамъ которыхъ всегда имѣются наемники, болѣе или менѣе умѣло носящіе овечью шкуру.

Инородческая интрига у насъ тѣснѣйшимъ образомъ связана съ проповѣдью неумѣреннаго народоправства и съ отульненнымъ отрицаніемъ самаго принципа бюрократіи. Все доктринерское, все упраздняющее исторически выработанныя и соціально необходимыя перегородки, все не могущее привиться естественно къ народной средѣ и приобрѣсти созидательное значеніе—служить лишь врагамъ Россіи и въ значительной мѣрѣ подсказывается ими. Какъ ни маскируютъ это нѣкоторые ихъ покорные слуги «русскимъ стилемъ»,—шило торчитъ изъ мѣшка, и проекты носятъ западническую окраску, «style Necker»...

Разумѣется, среди ревнителѣй той или иной практически неосуществимой программы или отвлеченно вредной доктрины, кромѣ людей, заслуживающихъ имени «дрейфусаровъ» въ широкомъ смыслѣ этого слова, есть и немало добросовѣстныхъ жертвъ недомыслія, искренно думающихъ, что серіозная, прочная политическая культура можетъ подниматься искусственно снизу, вопреки всей исторіи, не только нашей, но и зарубежной. Такимъ людямъ можно только посовѣтовать всмотрѣться и вдуматься въ жизнь: они видѣли бы, что если теперь тѣ или иныя функціи государственной жизни неудачно выполняются плохими или равнодушными чиновниками,—то случайными избранниками «земли» онѣ выполнялись бы еще хуже, менѣе аккуратно и умѣло.

Всякое дѣло требуетъ специализаціи, подготовки, школы, традиціи. Наша бюрократія весьма несовершенна, но у нея все это есть въ большей степени, чѣмъ у земства. Бываютъ, конечно, примѣры, что какой-нибудь безсодержательный господинъ, не обладающій даже тѣнью административнаго и дѣловаго ценза, попадаетъ губернаторомъ въ совершенно незнакомый край, потому что состоитъ въ родствѣ съ важнымъ лицомъ, смотрящимъ на службу, какъ на арену своихъ прихотей и семейно-имущественныхъ расчетовъ. Но вѣдь это же исключеніе, злоупотребленіе, а не правило. Наконецъ, даже еслибы подобныя явленія встрѣчались и довольно часто, — всетаки это не подрывало бы ни принципа необходимости подчиненія служилыхъ органовъ и лицъ единому источнику государственной власти, ни принципа специализаціи и вѣдомственной выработки, свойственнаго правительственнымъ учрежденіямъ въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ общественнымъ.

Естественное призваніе общества—оцѣнивать по достоинству работу тѣхъ или иныхъ правительственныхъ учрежденій на основаніи своего пестраго опыта, помогать ей въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ роли помѣстнаго эксперта и *критика*, а отнюдь не замѣнять собою политическія учрежденія. Опытъ западныхъ конституцій наглядно свидѣтельствуетъ въ пользу такого взгляда: сильны только тѣ народы, у которыхъ, при значительномъ уровнѣ общественной самодѣтельности, силенъ государственный механизмъ и политическія функціи правильно распределены. Въ Германіи, напримѣръ, конституція ступевывается передъ сильною волей монарха, а стремленія и дарованія общества направлены на сферу культурно-экономическую, неизмѣримо болѣе производительную, чѣмъ тревоженія внутренней политики. Во Франціи, наоборотъ, политиканствомъ убивается производительная самодѣтельность. Наиболѣе конституціонною странною, въ хорошемъ смыслѣ этого слова, можетъ быть названа Англія, но она такова именно вслѣдствіе того, что англичане сильны производительной самодѣтельностью, которая *естественно* переливается у нихъ за предѣлы частной жизни. Къ тому же въ Англіи авторитетъ власти, установленной закономъ, стоитъ чрезвычайно высоко,

и никому не приходять въ голову его оспаривать. Такъ или иначе, англичане, какъ въ политическомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, представляютъ собою своеобразнѣйшее исключеніе среди европейскихъ народовъ, которые всегда дорого платились за попытки подражать Англій въ области политическаго строя.

На материкъ Европы, какъ выше сказано, культурно-политическое развитіе государствъ шло сверху. Особый интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ исторія Пруссіи и, въ частности, державная созидательная работа короля Фридриха-Вильгельма I. Этотъ замѣчательный монархъ положилъ краеугольный камень прусской гегемоніи и германскаго могущества. Онъ *насаждалъ*, создавалъ культурно-экономическія явленія: равномерно распредѣлялъ населеніе, поддерживалъ земледѣліе и связывалъ съ нимъ обрабатывающую промышленность; но главнымъ его историческимъ подвигомъ и величайшимъ даромъ, какимъ онъ облагодѣтельствовалъ свою родину, необходимо признать улучшение качества и системы бюрократической работы.

Фридрихъ-Вильгельмъ I *выковалъ* прусскую бюрократію, сдѣлалъ ее добросовѣстною, умѣлою и *глубоко-національною*; этотъ человекъ, котораго можно бы назвать воплощенною противоположностью всякой сентиментальности, воплощеннымъ презрѣніемъ къ жалкой политической болтовнѣ и доктринерству, — дѣйствовалъ, когда нужно, а порою, когда и не нужно, мѣрами столь крутыми, что теперь про нихъ даже и читать странно. Онъ считалъ призваніемъ монарха ясно сознанное, реальное служеніе родинѣ и *дисциплинированіе ея правящихъ силъ*.

Не будь у Германіи сильной, умѣлой и честной бюрократіи, — не появились бы тамъ ни Бисмаркъ, ни Мольтке, ни десятки, сотни, тысячи энергичныхъ пионеровъ германскаго государственнаго дѣла на всевозможныхъ поприщахъ и во всѣхъ странахъ міра.

Русскимъ людямъ пора бы это понять и принять къ свѣдѣнію. Когда имѣешь дѣло съ сосѣдомъ, который на-дняхъ еще былъ только сравнительно скромною силою близъ части нашей западной границы, а сегодня вытѣсняетъ насъ съ

Ближняго Востока, а на Дальнемъ Востокѣ дѣлаетъ намъ затрудненія,—то, право, пора въ области внутренней нашей организаціи отрѣшиться отъ пустого доктринерства и туманныхъ фразъ. Пора понять, что мы превратимся въ нѣмецкую факторію, утратимъ и хлѣбъ, и мощь, и національный духъ, если наши общественныя силы будутъ тратиться на фронтірованіе съ властями, на треніе, а не на производительную *хозяйственную* работу, и если, вмѣсто дикаго, огульнаго «младотурецкаго» отрицанія бюрократіи, мы не перейдемъ къ патріотичному, культурному стремленію улучшить, *выковать* ее. Вотъ въ чемъ заключаются творческія и критическія задачи здоровой общественности, а не въ томъ «смотрѣніи въ лѣсъ», подмигиванія, брюзжанія и болѣе или менѣе переодѣтомъ политиканствѣ, которое покойный Владиміръ Соловьевъ добросовѣстно и мѣтко называлъ «*среднимъ вздоромъ*».

Если человѣкъ любитъ только самого себя, служить корысти и тщеславію, а не благу родины, то ему все равно, во что обойдутся этой послѣдней политическія авантюры, о которыхъ онъ мечтаетъ, лаская свое воображеніе «олеографіями», западнческаго народоправства, распространяемыми еврействующей печатью. Если же для него слово «родина» не звукъ пустой, то онъ долженъ честно себя спросить, что нужно этой родинѣ въ данный моментъ, при настоящихъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ.

Нужна прежде всего *культура*, необходимо улучшить технику всѣхъ російскихъ занятій и дѣлъ. Землю надо обрабатывать разумно, а не хищнически: тогда крики о мало-земельѣ и кочевой образъ жизни большихъ народныхъ массъ станутъ болѣе рѣдкими явленіями. Нужно, чтобы обрабатывающая промышленность являлась вѣнцомъ промышленности добывающей, а не чужеяднымъ растеніемъ, высасывающимъ соки изъ народа. Нужно, чтобы народная школа служила не мостикомъ отъ крестьянскаго наивнаго невѣжества къ пиджачному нигилизму, а живымъ органомъ, повышающимъ духовный уровень народа. Нужно, чтобы суды не были рассадниками недоразумѣній въ области нравственности и здраваго смысла, а бытовая сторона бюрократической машины не подавала частыхъ поводовъ къ справедливымъ нареканіямъ.

Менѣ всего допустимы такія аномаліі, какъ профессора—виновники волненій молодежи (одни—удушливою скукой своей бездарности, другіе — холопскимъ либеральничаньемъ), или какъ служилые люди, присягавшіе служить опредѣленному строю и на каждомъ шагу ему измѣняющіе, не только безнаказанно, но *даже съ пользою для своей карьеры*. Вообще, надо поменьше лжи, виланья, смутныхъ недомолвокъ и скрытаго яду; побольше простой и честной созидательной работы.

Было бы недобросовѣстно утверждать, что все наше самоуправленіе, или хотя бы большая часть его представителей отличается перечисленными гражданскими пороками. Наоборотъ, въ активѣ ихъ дѣятельности имѣется масса почтенной созидательной работы. Иного настроенія и иныхъ правилъ держатся, главнымъ образомъ, единичные крикуны; если можно на что-либо сѣтовать,—такъ лишь на то, что крикуны не встрѣчаютъ должнаго *общественнаго* отпора и что представленіе о компетенціи и границахъ самоуправления недостаточно ясно въ общественномъ сознаніи.

Что дѣлать интеллигентнымъ представителямъ нашего самоуправления? По прежнему, какъ доселѣ нѣкоторые ретивые мечтатели, стремиться урвать что-нибудь изъ компетенціи губернаторской, министерской или верховной власти и тѣмъ доказывать свою «политическую зрѣлость»? Лѣзть въ жирондисты изъ страха передъ трагическими формами аграрнаго нестроенія и въ явно нелѣпой надеждѣ, что учрежденіе нѣсколькихъ большихъ и малыхъ говорилень, съ еврейскими адвокатами во главѣ, удлучшитъ соціально-экономическое положеніе деревни и водворитъ въ ней миръ? Этимъ господамъ не мѣшало бы вспомнить, какая участь постигла жирондистовъ!...

Народъ экономически захирѣлъ, духовно слабъ сталъ, по-падаетъ часто въ руки кулаковъ и смутьяновъ. Плоды его трудовъ баснословно дешево скупаются зарубежными потребителями, помѣстная жизнь уродливо дорожаетъ, подъ влияніемъ стачекъ эксплуататоровъ, безъ пользы для производителей естественныхъ продуктовъ. Необъятная нива разнообразнаго труда ждетъ практически-сильныхъ, умѣлыхъ дѣлателей, а не резонеровъ мечтательныхъ или нервныхъ. Сердце радуется при видѣ такихъ практичныхъ и продуманныхъ заботъ о народ-

номъ благѣ, какими проявили себя, напримѣръ, земства пермское и вятское. Это не чета лохвицкимъ телефонамъ, которые сооружены въ ущербъ дорогамъ и больницамъ; по недоразумѣнію, въ погонѣ за показными формами пресловутаго прогресса, или ради удобства нѣсколькихъ помѣщиковъ, любящихъ играть въ винтъ, да нѣсколькихъ евреевъ, любящихъ играть цѣнами на сельско-хозяйственные продукты.

Надо поднять благосостояніе земледѣльца, который былъ значительно богаче, покуда обязанъ былъ работать и не смѣлъ безнаказанно пьянствовать, и покуда искусственно насажденная и искусственно поощряемая фабричная промышленность не убила многихъ отраслей народного труда и благосостоянія.

Кто знаетъ: быть можетъ, придется когда-нибудь установить благожелательный контроль надъ сельскимъ хозяйствомъ и *требовать* добросовѣстнаго отношенія къ землѣ. Лѣсоохранный законъ—не очень удачный и весьма запоздалый, но въ основѣ правильный шагъ на этомъ пути.

Можетъ быть, сама же здравая земская самодѣятельность выдвинетъ на очередь и многое другое, въ томъ числѣ вопросы объ установленіи болѣе строгой отвѣтственности за несоблюденіе рабочими условій и обязательствъ, за нарушение права собственности, вопросы о разумныхъ предѣлахъ покровительства обрабатывающей промышленности, и т. п. Нужны же, въ самомъ дѣлѣ, какая нибудь логика, стремленіе къ справедливости и порядокъ въ соціально-экономическихъ отношеніяхъ.

Не нужно быть особенно внимательнымъ и зрячимъ, чтобы видѣть рядъ вопіющихъ экономическихъ аномалій. Почти каждый день можно читать телеграммы, вродѣ нижеслѣдующей: «Кіевское сахарное товарищество *Городокъ* выдало дивиденда 35 процентовъ». Во-первыхъ, почему 35 процентовъ—не признакъ косвеннаго ростовщичества? Во-вторыхъ, страдаютъ, очевидно, производители и потребители продукта, цѣннаго для народного питанія, а благоденствуетъ лишь кучка дѣльцовъ, пользуясь специальнымъ содѣйствіемъ близкихъ ей финансовыхъ сферъ. Земскимъ людямъ заинтересованныхъ районовъ это не можетъ быть безразлично, да не должно быть оно безразлично и правительству, которому такія аномаліи *невыгодны* даже въ политическомъ отношеніи. Возьмемъ другую теле-

грамму, изъ любимой резиденціи шайтана,—изъ Баку: «Спекулянтами расхищена огромная часть казенныхъ и общественныхъ земель, *при помощи приговоровъ, выманившихъ у крестьянъ*». Положимъ, въ Баку земства нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ населеніе къ нему совершенно не подготовлено. Но *земскіе люди* въ глубокомъ смыслѣ слова, т. е. ревнители простой государственной правды и народного блага, могутъ найтись.—и нельзя имъ молчать о такихъ ужасахъ!...

Куда ни глянь,—вездѣ нужна не политиканская, а именно *гражданственная самодѣятельность*,—и земская работа, какъ область, широко доступная гласности и критикѣ, должна быть источникомъ, очагомъ этой самодѣятельности.

Далѣе, какъ было указано выше, почему живой земской силѣ не принять поэнергичнѣе всѣхъ доступныхъ ей мѣръ для удешевленія жизни и для подъема доходности хозяйствъ: выписывать оптомъ сѣмена, строительные матеріалы, орудія, утварь и т. д., входить въ непосредственныя сношенія съ крупными потребительскими рынками, брать и успѣшно исполнять кустарные и иные подряды, заказы и т. п.? Въ слабой мѣрѣ это уже дѣлается частью земствами, частью же постепенно разрастающимися сельско-хозяйственными обществами.

Если принять во вниманіе російскую помѣстную общественную психологію, то придется, пожалуй, признать, что сельско-хозяйственнымъ обществамъ, какъ не отвлекаемымъ никакою политикою отъ прямыхъ задачъ экономической самодѣятельности, предстоитъ значительное развитіе, въ ущербъ земствамъ, а можетъ быть, если земства поглубже вникнуть въ свою задачу,—то болѣе тѣсное сближеніе, почти сляніе съ этими послѣдними. Я знаю нѣсколько примѣровъ ироническаго отношенія сельско-хозяйственныхъ обществъ къ земскимъ управамъ, которыя начинаютъ опасаться здоровой хозяйственной критики съ ихъ стороны. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ: земство не чинило моста на транспортной дорогѣ, не взирая на тщетныя деликатныя напоминанія администраціи и сѣтованія обывателей; какъ только возникло въ этомъ мѣстечкѣ сельско-хозяйственное общество, то предсѣдатель послѣдняго, умный и популярный священникъ, пригрозилъ членамъ управы, что официально отъ имени общества подниметъ вопросъ о дорож-

ныхъ безобразіяхъ въ данномъ районѣ: средство подѣйствовало магически, такъ какъ управцы поняли, что, не взирая на значительныя родственныя связи въ уѣздѣ, они на слѣдующій срокъ выбраны не будутъ, если противъ нихъ выступитъ такая организованная и практически авторитетная сила, какъ сельско-хозяйственное общество.

Великій актъ 19 февраля, освободивъ русскій народъ отъ формальной крѣпостной зависимости, выполнилъ далеко еще не все то, что нужно для обновленія народной жизни. У насъ, больше чѣмъ гдѣ-либо, нельзя оставлять безъ ухода и дальнѣйшей разработки создаемыя учрежденія и новые порядки, такъ какъ всѣ слои народа въ теченіе вѣковъ привыкли къ заботѣ и попеченію *сверху*. Стоило народу оказаться безпастушнымъ стадомъ, чтобы онъ сразу очутился въ жестокой зависимости у кулаковъ, міроѣдовъ, всяческихъ эксплуататоровъ и темныхъ дѣльцовъ.

Незабвенный Императоръ Александръ III своимъ истинно-русскимъ сердцемъ повялъ это и *положилъ начало освобожденію* народа отъ этой экономической и бытовой зависимости, горшей, чѣмъ первая. Въ Бозѣ почившій Царь началъ работу неблагодарную, исполинскую, многотрудную и не всѣми тогда понятую; на примѣръ, учрежденіе земскихъ начальниковъ, на практикѣ не всегда удачное и вообще недостаточно разработанное, но въ принципѣ глубоко-цѣлесообразное, не было оцѣнено по достоинству значительною частью нашего общества. Царемъ Миротворцемъ выдвинуты долго забывавшіяся понятія *національной почвы* и непосредственнаго *интереса русской народности*, съ ея традиціями, вѣрованіями и духовными запросами. Онъ понялъ необходимость положить предѣлъ *отвлеченымъ* нелѣпостямъ. *Эту освободительную по существу* работу должно бы продолжать земство, рука объ руку съ правительствомъ, выдвигая элементы безкорыстные и народолюбивые...

Какой отрасли земской дѣятельности ни коснетесь, вездѣ наглядно проявляется необходимость работы болѣе интенсивной, болѣе близкой къ народному быту, къ народнымъ нуждамъ. Возьмемъ, на примѣръ, земскую медицину; въ рядахъ ея дѣятелей есть люди прямо замѣчательные по самоотверженной любви къ дѣлу и готовности безъ устали помогать народной

бѣдѣ; и все-таки ихъ усилія — капля въ морѣ этой бѣды. Любой помѣщикъ или священникъ, сердечно близкій къ народной средѣ и обладающій кое-какими практическими свѣдѣніями по части лѣченія болѣзней, бываетъ заваленъ просьбами крестьянъ о медицинской помощи, не взирая на сравнительную близость больницъ и врачебныхъ пунктовъ. Это происходитъ не отъ равнодушія врачей и не оттого, что большинство фельдшеровъ, получая ничтожное жалованье, подкармливаются фальсификаціей хинина, а оттого, что крестьянину нужна *больше патріархальная форма медицинской помощи*; ему важно не отрываться надолго отъ срочной работы, не тратить денегъ на лѣкарство, важно и дорого, чтобы съ нимъ поговорили не только о болѣзни, но и о дѣлишкахъ, и о горестяхъ его; онъ подобенъ дитяти, которому нужна въ минуту болѣзни родственная, близкая цѣлительная рука. Можетъ быть, это бы и достигалось, если бы врачебныхъ пунктовъ завелось вчетверо, вдесятеро больше и еслибы земскіе врачи не были такъ ужасно обременены работой.

Недурно бы сыновьямъ уцѣлѣвшихъ въ деревнѣ помѣщиковъ, собирающимся работать дома, изучить медицину, и притомъ не формально, а толково, т. е. усвоить широкій взглядъ, допускающій примѣненіе домашнихъ и народныхъ средствъ, а не исключительно дипломный педантизмъ латинской кухни. Въ доброе старое время обходились въ деревнѣ безъ дипломовъ и педантизма и весьма успѣшно лѣчили, руководствуясь популярными лѣчебниками; и помѣщики, и священники, и вдовья «матушки». Правда, народъ меньше болѣлъ, потому что не ходилъ за сифилисомъ ни на фабрики, ни на «Таврій», ни въ большіе города, гдѣ, кстати, и пища дорога и не свѣжа. Не было экономическихъ авантюръ, а пьянство было наказуемо, — и народъ питался лучше, былъ, въ итогъ, неизмѣримо здоровѣе. Разумѣется, вышеприведенныя соображенія по вопросу о народномъ здоровіи обосновываютъ призывъ не къ знахарству, а лишь къ *опрощенію* земской медицины и приспособленію ея къ народному быту.

Теперь, у насъ вообще вялый, скучный, печальный помѣстный бытъ. Производительность народнаго труда значительно упала, если принять во вниманіе численный ростъ населенія.

Многopредметная, практично-поставленная профессиональная школа, какою являлась прежняя помѣщичья усадьба, теперь не существуетъ, — и огромныя области труда и источники благоденствія отняты у народной массы крупною промышленностью, россійскою и, въ особенности, иностранною.

Русскій народъ, сверху до низу, изнемогаетъ подъ гнетомъ *перепроизводства законовъ*, избытка статей, не только нормирующихъ, но зачастую безъ надобности тормозящихъ каждый шагъ. Истиннымъ благодѣяніемъ, особенно для народной массы, было бы упрощеніе жизненныхъ и административныхъ формъ, *приближеніе ихъ къ тому патріархальному строю*, который болѣе близокъ и понятенъ русской натурѣ, не склонной къ крючкотворству.

Подавленность русской народной жизни сознается всѣми. Одни усматриваютъ спасеніе въ пресловутомъ прогрессѣ, т. е. въ возможно большемъ еще удаленіи государственной и общественной жизни отъ русской реальной почвы, хотя именно этому удаленію мы и обязаны современными общественными недугами; другіе, въ преувеличенномъ и, вдобавокъ, теоретичномъ стремленіи къ почвенности, идеализируютъ наше допетровское прошлое и призываютъ его, забывая, что исторія вспять не возвращается. Это «психологія больныхъ» или стариковъ, которымъ грезится невозвратно-улетѣвшая молодость въ дымокъ розоваго тумана. Россія, однако, не стара, она вступаетъ въ возрастъ мужественной зрѣлости, когда надо все основывать на здоровомъ, безъ мечтаній, пониманіи *дѣйствительности*.

Пора искать третьяго выхода; надо повнимательнѣе всмотрѣться въ современную народную психологію, принять русскаго человѣка такимъ, каковымъ онъ является *теперь*, взвѣснить внутреннія и внѣшнія политическія и экономическія условія, припомнить исторію русской государственности и сообразовать со всѣмъ этимъ законы и порядки, призванные нормировать народную жизнь.

Кто же, какъ не земскіе люди, можетъ и долженъ явиться честнымъ и свѣдущимъ экспертомъ на мѣстахъ во всѣхъ такихъ вопросахъ?! Если мы доселѣ почти не получаемъ положительныхъ результатовъ такой экспертизы, если десятки,

сотни земскихъ статистиковъ занимались преступною пропагандой, вмѣсто того, чтобы честно исполнять свой гражданскій долгъ,—то это показываетъ, что земство, въ лицѣ своихъ наиболѣе словоохотливыхъ дѣятелей, болѣе воодушевлено западническими мечтаніями, нежели *сознательною* любовью къ народу и активной заботой о его насущныхъ интересахъ.

Было бы несправедливо, однако, обвинять земство въ недостаткѣ идейной и даже самоотверженной любви къ народу: цѣлый рядъ благородныхъ тружениковъ несомнѣнно проявляетъ ее. Но *этой любви*, какъ выше сказано, *недостаетъ именно сознательности*, вдумчивости, уравновѣшенности. Можетъ быть, таково свойство русской духовной природы, а вѣрнѣе,—таковы черты нашей *поверхностной культуры*, объясняемая нѣсколькими десятилѣтіями колебаній и доктринерства, создавшаго превеликую путаницу.

Все это поправимо, *пока есть любовь къ народу*, любовь не ослѣпляетъ, какъ страсть: она даетъ прозрѣніе и духовную силу, какъ *чувство вѣщее*. Надо поддерживать ея священный огонь въ русскомъ самосознаніи, — и тогда она повыситъ мельчающіе характеры, выдвинетъ превосходство непоказного, будничнаго гражданскаго долга надъ шумихою пустыхъ модныхъ фразъ и рѣшительно поведетъ земскую работу не въ болото западническихъ мечтаній, безцѣльнаго фрондерства и унижительнаго брюзжанія,—а на путь здоровой русской мысли и плодотворнаго труда.

Говорить ли отдѣльно скольконибудь подробно о городскомъ самоуправленіи? Говоря по совѣсти, оно стоитъ у насъ значительно хуже, чѣмъ земство, что объясняется господствомъ некультурной буржуазіи и сильною окраскою своекорыстія въ нашихъ думахъ. Благородной вѣдомственной традиціи не выработано: даже въ приличіяхъ сильный недостатокъ. Положимъ, занимаетъ кто-нибудь въ городскихъ учрежденіяхъ скромное мѣстечко, доставленное ему вліятельнымъ представителемъ самоуправления; стоитъ послѣднему покинуть свой постъ, чтобы и перваго мгновенно прогнали безъ всякихъ разговоровъ, если кто-нибудь зарится на его окладъ. На казенной службѣ въ такихъ случаяхъ хоть сколько-нибудь церемонятся.

По поводу недавняго обсуждения городских вопросов въ особой коммисіи и предположенія учредить должность городского головы по назначенію, одинъ московскій купецъ сказалъ мнѣ такъ:

— Хотя бы даже все городское хозяйство перешло въ руки правительства,—наши городскіе заправилы и усомъ бы не повели, потому что они большіе милліонщики и *этимъ не живутъ*. Въ Питерѣ—другое дѣло: тамъ каждый крѣпко за свою копѣйку стоитъ.

Привлеченіе сословныхъ представителей и представителей разныхъ вѣдомствъ къ дѣлу городского самоуправления, въ принципѣ, конечно, весьма желательно и справедливо, такъ какъ вопросы городской *шюены* (въ прямомъ и переносномъ смыслѣ) только при такомъ условіи будутъ поставлены рѣшительно. Увы! *гражданской дѣловитости* у насъ покуда немного! Если своекорыстная буржуазія склонна обдѣлывать свои дѣлишки за обывательскій счетъ, то господа интеллигенты-квартиронаниматели, «случайные люди», пожалуй, стремились бы осуществлять за тотъ-же счетъ свои мечтанія... Привлеченіе квартиронанимателей къ городскому дѣлу цѣлесообразно и даже настоятельно необходимо лишь на окраинахъ Имперіи, гдѣ эта мѣра дала бы, безъ формальныхъ стѣсненій кого бы то ни было, значительные шансы русскому элементу въ отстаиваніи нашихъ національно-государственныхъ интересовъ отъ инородческихъ стачекъ. Но это уже вопросъ специальный, о которомъ подробнѣе придется говорить въ другомъ мѣстѣ.

Городское самоуправленіе, вслѣдствіе сугубой сложности городской жизни, требуетъ и соотвѣтственной интенсивности работы, и серьезнаго контроля. Въ большихъ городахъ много-милліонные бюджеты, сложное счетоводство, гигантскія предприятия. Успѣшность, не то, что руководительства такими дѣлами, а даже простой критики въ роли гласнаго, обуславливается значительными практическими свѣдѣніями въ различныхъ отрасляхъ городской дѣятельности. Въ частности, надо бы гг. членамъ управъ и даже гласнымъ порядочно знать и бухгалтерію, и строительную технику, и различныя справочныя цѣны. Между тѣмъ, развитіе городской жизни пошло

у насъ значительно быстрѣе, чѣмъ распространеніе указанныхъ знаній. Диллетантизмъ въ хозяйственной области— прескверное дѣло; а онъ въ городскомъ самоуправленіи— явленіе почти повальное. Вотъ почему, на примѣръ, Варшава, управляемая опредѣленными лицами, обладающими необходимымъ практическимъ ценомъ и связанными строгою служебною отвѣтственностью, благоустроеннѣе, чѣмъ самоуправляющаяся Москва...

Будущность городского, какъ и земскаго самоуправления зависитъ отъ подъема *Самодѣтельности* участвующихъ въ немъ общественныхъ классовъ. Практически-честное отношеніе къ обывательскимъ интересамъ и нуждамъ, строгая бережливость и умѣлость въ распоряженіи общественными деньгами, тактичное пользованіе правительственною помощью, вмѣсто безцѣльной оппозиціи предначертаніямъ этого правительства,— вотъ единственный достойный и надежный путь для самоуправления, которое лишь заслугами въ области такой самодѣтельности стяжаетъ прочное довѣріе власти и народа и выполнить *русскую* мирно-политическую роль въ экономіи нашей государственной жизни.

Не отрицать принципъ самоуправления слѣдуетъ въ наши дни, когда народу необходимо развивать и сосредоточивать свои творческія силы! Нѣтъ, надо чаще и возможно-убѣдительно напоминать, что *въ идеѣ русскаго самоуправления заключается не политическая тенденція, а призывъ къ честной и толковой самодѣтельности*. Надо, съ глубокою вѣрою въ будущность русскаго народа, призывать къ общественному труду и развитію, не колеблющему его исконныхъ государственныхъ устоевъ, а дающему народной жизни яркость, мощь и полноту.

Вопросъ о рабочихъ.

Гг. доктринеры, которымъ грезится, если не Парижъ, то «Петербургъ въ Америкѣ», усмотрятъ въ заглавіи настоящей статьи возмутительную ересь, такъ какъ слѣдовало бы употребить, по ихъ мнѣнію, ходячій терминъ «рабочій вопросъ». Положимъ, отъ термина «не станется», если употребить его безъ задней мысли; но слишкомъ многіе пользуются имъ тенденціозно, а потому установленіе точной терминологіи весьма полезно, особенно въ виду малой освѣдомленности и легковѣрности нашего образованнаго класса, который, съ жадностью плотвы и окуней, идетъ на удочку громкихъ словъ.

Точный терминъ «вопросъ о рабочихъ» изобрѣтенъ покойнымъ П. А. Гайдебуrowымъ, еще въ ту пору, когда фабрики и фабричныя рабочіе были у насъ большою рѣдкостью, даже по сравненію съ нынѣшнимъ временемъ; тѣмъ не менѣе, покойному писателю изрядно досталось тогда отъ разныхъ «ортодоксальныхъ» ревнителей прогресса и «либеральнаго безпорядка». Отъ такой газетной экзекуціи онъ не умеръ, а наоборотъ, прожилъ еще много лѣтъ, благодушно редактируя свою «Недѣлю». Ну, вотъ и я надѣюсь, что меня не «убьютъ» тѣ господа, которые считаютъ себя вершителями судебъ современной печати, верховными судьями ея совѣсти и непрекаемыми авторитетами въ какихъ угодно общественныхъ вопросахъ, разсматриваемыхъ ими съ культурно-еврейской точки зрѣнія. Вѣдь самозванцы не страшны съ той минуты, когда обнаруживается ихъ самозванство, а ложь не страшна послѣ ея разоблаченія. Мудрая грузинская пословица—«у лжи короткія ноги», хотя и нѣсколько устарѣла для нашего лживаго времени, но значенія своего не утратила: ложь теперь можно завести подальше, чѣмъ въ тѣ времена, когда было поменьше газетъ, но до конца довести она не можетъ, даже теперь.

Если мы скажемъ «вопросъ о рабочихъ», то останемся на почвѣ бытовыхъ явленій, существующихъ, подлежащихъ

разумной оцѣнкѣ и разрѣшенію, а не замалчиванію или сокрытію, коль скоро люди, власть имущіе, или просто склонные мыслить и любящіе родину, желаютъ дѣйствовать на чистоту.

Когда, потряхувъ слишкомъ длинными волосами, или сверкнувъ безпокойными очами, кто-нибудь заговорить о «рабочемъ вопросѣ въ Россіи», то сейчасъ выступаетъ на сцену «политика» и даже политическая натяжка, не сообразованная съ условіями мѣста и времени.

Врядъ ли можно не согласиться съ тѣмъ, что Россія— государство по преимуществу земледѣльческое, а не промышленное,—Agrarstaat, а не Industriestaat,—если ужъ нужны иностранныя слова. Фабричная промышленность у насъ отчасти насаждена искусственно, и притомъ не всегда осторожно, весьма часто неудачно и почти повсюду безъ должнаго сообразованія съ добывающей промышленностью, съ потребностями и складомъ народной жизни. Въ частности, слѣдуетъ отмѣтить, что нѣкоторыя отрасли крупнаго производства (Groszbetrieb) развились на дрожжахъ вѣдомственного покровительства въ явный ущербъ обширнымъ сферамъ народнаго труда, и подорвали экономическое благополучіе цѣлыхъ районовъ, въ пользу нѣсколькихъ толстосумовъ; таковы, напр., мукомольное дѣло и отчасти даже фабрики хлопчато-бумажныхъ матерій (см. статью С. А. Короленко: «Торговый договоръ съ Германіей» въ декабрьской книгѣ «Русскаго Вѣстника за 1902 г.»). Тѣмъ не менѣе, процентъ фабричныхъ рабочихъ по отношенію къ остальной народной массѣ довольно незначителенъ, составъ этихъ рабочихъ неособенно постояненъ, и фабричная работа для многихъ русскихъ простолюдиновъ является не столько специальностью, сколько отхожимъ промысломъ. Устойчивыя рабочія колоніи, въ которыхъ было бы должное благоустройство, связанное съ настоящей осѣдлостью, представляютъ далеко еще не правило. Поэтому рабочій вопросъ, въ западномъ смыслѣ слова, поднимается у насъ столь же «на-фуфу», какъ и быстро наросшія промышленныя предпріятія, грюндерскія, хищническія по отношенію къ производительнымъ силамъ страны, и всякія иныя. Палаты депутатовъ, въ чистомъ или замаскированномъ видѣ, у насъ,

слава Богу, нѣтъ, какъ нѣтъ и не должно быть политической «рабочей партіи», которая бы по временамъ шумѣла и строила баррикады, а въ прочее время живота своего предавалась бы самообману доктринъ всеобщаго имущественнаго и соціального равенства, — равенства машинныхъ гвоздей, пуговицъ и папиросныхъ гильзъ. Конечно, и у насъ есть попытки прививать такой соціальный недугъ, причемъ на эту агитацію наглядно тратятся довольно большія деньги неизвѣстнаго происхожденія, а многіе мнимо-интеллигентные люди считаютъ «служеніемъ народу» идіотски-машинальное повиновеніе свое разнымъ темнымъ интригамъ.

До самаго послѣдняго времени рабочая среда являлась у насъ «не огражденнымъ огородомъ», въ который очень ужъ легко пускали всякаго рода «козловъ». Но не въ «козлахъ» настоящая опасность, а въ недостаткѣ правды и добра. Надо сдѣлать, что можно, для народной среды, съ чуткою любовью вникая въ ея нужды и осуществляя то, что разумно и дѣйствительно осуществимо въ области улучшенія ея быта.

Будучи слабо ограждены отъ искусственныхъ внѣшнихъ психическихъ воздѣйствій, рабочіе во многихъ другихъ отношеніяхъ обставлены далеко не такъ, какъ бы слѣдовало. Строго говоря, положеніе рабочаго вопроса на Западѣ и вопроса о рабочихъ у насъ *зависитъ прежде всего отъ общей финансовой политики* даннаго государства. Представители буржуазно-космополитической печати, даже когда они прикрываются маской прогрессивнаго народолюбія, охотно ратуютъ за принципъ невмѣшательства правительства въ область промышленности и склонны даже самое резонное вмѣшательство называть чуть не соціализмомъ. Между тѣмъ, оно весьма необходимо: регулирующая власть должна умѣрять размѣры и формы однихъ производствъ и поощрять другія, въ зависимости отъ государственныхъ нуждъ; прежде всего она должна препятствовать возникновенію дутыхъ предприятий, за которыя приходится платиться тысячамъ рабочихъ и сотнямъ тысячъ иныхъ обывателей; необходимо также поближе присмотрѣться къ быту, къ укладу профессиональныхъ условій рабочей среды. Искусственное ограниченіе производства такого важнаго для народнаго питанія продукта, какъ сахаръ, примѣняемое въ

интересахъ экспорта и капиталистовъ, врядъ ли заслуживаетъ сочувствія, ибо зачѣмъ же, въ самомъ дѣлѣ, заграничной свиньѣ питаться лучше и дешевле, чѣмъ русскому человѣку?! Столь же нежелательны покровительственныя мѣры по вывозу керосина, препятствующія дешевому распространенію свѣта и тепла по лицу русской земли. Но, наряду съ этимъ, нежелательное и отсутствіе *политико-экономическаго* контроля надъ неумѣреннымъ перепроизводствомъ, грозящимъ бѣдою людямъ неповиннымъ. Вотъ, напримѣръ, довольно типичный для фабричнаго міра случай на одной изъ фабрикъ лодзинскаго района. Приѣхалъ какой-то нѣмецъ, построилъ фабрику, хорошенько застраховалъ ее и предался перепроизводству ея продуктовъ, не соображаясь съ условіями рынка. Когда затѣмъ крупную партію товара пришлось продать въ убытокъ, то весь городокъ заранѣе зналъ, что будетъ пожаръ, а нѣкоторые дальновидные люди указывали, съ какой именно стороны онъ начнется. Вскорѣ пророчество сбылось съ удивительною точностью. Предварительное слѣдствіе, веденное неопытнымъ юношей съ сильною протекціей, либо сильно полинялымъ и утомленнымъ дѣятелемъ безъ должной принципіальности, не привело ни къ чему. Нѣмецъ получилъ крупную страховую премію за фабрику и товаръ, гордо раскланялся и на время уѣхалъ въ свой фатерландъ. Нѣсколько сотенъ рабочихъ остались на мели. Можно ли удивляться, если эти люди предали не только нищенству и пьянству, но и волненіямъ, прислушавшись къ голосамъ смутьяновъ?

Замѣйте, что указанный иностранецъ опять можетъ пріѣхать, опять начать свое почтенное дѣло и такъ - же завершить его, и притомъ даже преднамѣренно, съ прямою корыстною цѣлью, или по порученію иностранной фирмы, не стѣсняющейся способами конкуренціи съ предметами россійскаго производства! Не ясно ли, что въ законѣ, или въ практикѣ заинтересованныхъ вѣдомствъ есть какой-то пробѣлъ, какой-то изъянъ?!

Не нужно такого рѣзкаго (хотя и типичнаго) случая, чтобы отмѣтить въ быту рабочихъ многія ненормальныя явленія. Во-первыхъ, *настоящихъ хозяевъ* довольно мало: они либо предаются свѣтскимъ удовольствіямъ и поощряютъ опе-

ретоchnые таланты, а дѣло свое ввѣряютъ наемнымъ управляющимъ, либо, состоя при дѣлѣ, зачастую не довольно вдумчиво относятся къ вопросу о рабочихъ. Но и такіе хозяева все-таки лучше, чѣмъ акціонерныя общества. Единоличный хозяинъ, даже когда онъ неособенно дальновидный и серьезный человѣкъ, дорожить и репутаціей фабрики, и спокойно непрерывностью ея работы; это, конечно, заставляетъ его поближе присматриваться къ дѣлу и внимательное относиться къ нуждамъ рабочихъ. Акціонерное общество—существо безличное и не обладающее нравственной волей. Оно обыкновенно (особенно у насъ, въ Россіи) состоитъ изъ людей трехъ категорій: кучки «стригущихъ» (преимущественно иностранцы, инородцы, наипаче же евреи), «стригомыхъ», т. е. остальныхъ акціонеровъ, и, наконецъ, *бюрократовъ капитализма*, начиная съ управляющихъ и кончая такъ называемыми «мастерами», подборъ которыхъ зачастую основывается не на ихъ профессиональныхъ достоинствахъ, а на личной ихъ услужливости по отношенію къ разнымъ категоріямъ фабричнаго начальства. Последнее явленіе, строго говоря, невыгодно какъ для труда, такъ и для капитала, ибо авторитетъ мастера или десятника насущно необходимъ въ любомъ дѣлѣ, а любая народная среда признаетъ такой авторитетъ лишь при условіи значительнаго профессиональнаго и нравственнаго уровня.

Бюрократы капитализма (старшіе изъ нихъ преимущественно не русскіе люди) относятся и къ своему дѣлу въ полномъ объемѣ, и, въ частности, къ вопросу о рабочихъ далеко не съ такою заботливостью, какъ настоящій хозяинъ или хорошо контролируемый имъ управляющій. Агентамъ безхозяйнаго общества, конечно, нежелательно, чтобы кормящее ихъ предпріятіе погибло, но временная приостановка работы иногда имъ даже кстати, какъ нѣчто вродѣ неожиданнаго каникулъ съ сохраненіемъ содержанія. Если получится нѣкоторый убытокъ, то онъ отразится въ данномъ случаѣ на безгласномъ стадѣ акціонеровъ.

Замѣшанъ тутъ и племенной вопросъ. Нехорошо, когда русская фабрика фактически находится не въ русскихъ рукахъ. Не говоря уже о довольно частыхъ проявленіяхъ ан-

типаті і прызр'яччя чуждых намъ эаонамічэскіхъ хозязевъ къ нашэй народноў сродѣ,—даже і пры отсутствіі такіхъ непачтэнныхъ чувствъ, даже пры аб'ектыўноў благонамѣреннасті інародныхъ заправіль, гэтыя послѣдніе менѣе пазлезны съ точки зр'яччя быта рабочыхъ. Імъ сэрца не падказываеь ні доброй заботы о релігійна-нравственнаму развіціу рабочыхъ въ духу роднаго намъ праваславія, ні даже той уютной прастоты абраценія, котарая сама по себѣ являеься хорашымъ гігіенічэскімъ сродствамъ протівъ недаразум'яній. Недаразум'янія же могуь прайзойці на кождому шагу, і любой пустякъ можеь павесці къ озлобленіу.

На адной фабрыкѣ прайшоель такой тыпічнэй сучай: срочна выконня заказъ, управляючы прадолжаель работу по ночамъ, і цѣлая партія рабочыхъ труділась, съ непамѣрна-краткымі прамежуьткамй для адыха, почти двое сутоку. Одын утомленнэй рабочій заз'явался, зацѣпілся за какою-то зубецъ і едва не былъ ізуродованъ машынаю. По счастьу, другой дагадаель мгновенна астанавіть машыну, прычёмъ іспортілся ея валъ. Подошедшій туда начальнкій нѣмецъ началъ громкія препірательства ізъ-за машыны, забывъ, что за мнгъ до того висѣла на волоскѣ челоўчэская жызнь. Немудрено, что агітаторы, суляціе рабочему люду всякія недостыжымыя блага, сейчасъ же нашлі благодарную почву для своого темнаго дѣла.

Умѣстна также прасмотрѣься къ тому, что і какъ дѣлаеь наша фабрычная інспекція. Прэжде всего надо прызнаць, что гэто учрэжденіе должно быць особенно жывымъ, а не формальнымъ. Оно должно быць возможно чаще доступно і фабрыкантамъ, і рабочымъ. Случылось, положымъ, какое-нбуьдъ мелкое недаразум'яніе (беру нарочно мелкое, потому что псіхалогія всякой толпы не прызнаеь мелочей: отъ іскры можеь разгорѣься огромнае пламя). Тутъ-то і нуженъ вдумчывій, добрый челоўкъ, который погасіль бы недаразум'яніе въ самомъ началѣ. Между тѣмъ, фабрычнэй інспекторъ «прынімаеь» въ адномъ раёнѣ разъ, въ другомъ два раза въ недѣлю, і прытомъ нерѣдко въ рабочіе часы; послѣднее ограждаеь его, быць можеь, отъ ізлшыней докукы, но дѣлу міра не пазлезно. На бумагахъ-то онъ всегда еьсть, а въ жызні іногда і не хватаеь фабрычнаго інспектора. Послѣднее по-

даетъ поводъ рабочимъ предполагать, далеко не всегда основательно, что фабричная инспекція держитъ руку фабрикантовъ. Малый успѣхъ теперешнихъ фабричныхъ инспекторовъ отчасти также набрасываетъ тѣнь на ихъ благонадежность: вѣдь если разгорѣлось осложненіе, которое можно было бы своевременно предотвратить, то такая мысль правдоподобна, даже когда она невѣрна...

Во всякомъ учрежденіи весьма важную роль играетъ *духъ*, отвѣчающій истинному пониманію его задачъ. Задача фабричнаго инспектора заключается прежде всего въ огражденіи мира и спокойствія на фабрикѣ; не ясно ли, что онъ долженъ черпать руководящія начала именно въ томъ вѣдомствѣ, которое специально знакомо съ методами огражденія спокойствія и безопасности? Вѣдь не финансовыя же вопросы надлежитъ ему разрѣшать и направлять, а стало быть, и мѣсто ему не въ вѣдомствѣ министерства финансовъ; тутъ нуженъ чело-вѣкъ иныхъ традицій и совершенно иной школы...

Жилища, физическая и духовная пища, развлечения, складъ жизни въ рабочее и свободное время, въ добромъ здравіи и на одрѣ болѣзни,—развѣ все это не требуетъ серіознаго вниманія, ближайшаго разсмотрѣнія? Это все бытовые, жизненные вопросы, забвеніе которыхъ можетъ привести къ поднятію вопросовъ политическихъ.

Многія темныя стороны быта рабочихъ объясняются, прежде всего, именно искусственнымъ ростомъ нашей фабричной промышленности и новизною даннаго вопроса въ Россіи. Строго говоря, всякая фабрика должна бы занимать болѣе обширныя пространства земли, чѣмъ тѣ, которыя мы видимъ теперь хотя бы въ Петербургѣ; желательны гигиеничныя домики для рабочихъ, а малоземельнымъ фабрикамъ строить ихъ негдѣ, такъ что рабочимъ приходится подвергаться всѣмъ невгодамъ петербургской квартирной дороговизны и безвоздушной, зловонной тѣсноты. Рабочіе могутъ утѣшиться: вопросы о жильѣ, воздухѣ и свѣтѣ тяготеютъ мучительнымъ гнетомъ надъ девятью десятками населенія нашихъ столицъ, и, пока пошире не разовьется общественная самодѣятельность въ этой области, дѣло будетъ обстоять столь же плохо. Въ частности, самъ собою, конечно, напрашивается вопросъ объ

устройствѣ на нѣкоторомъ разстояніи отъ городовъ сѣти гигиеническихъ рабочихъ колоній: отъ фабричнаго шума, пыли, копоти и жары этимъ людямъ, хотя нѣсколько часовъ въ сутки, необходимо отдыхать на чистомъ воздухѣ, поближе къ природѣ. Русскому человѣку нужны и свѣтъ, и травка, и пѣсня птички, и лучъ солнца: безъ этого онъ хирѣетъ не только физически, но и духовно. Его тянетъ въ трактиръ, гдѣ свѣтло, гдѣ музыка гремитъ и разливается пьяное веселье. А большіе города и крупныя промышленныя центры вообще—очаги ненормальной, безнравственной жизни. Соблазны для всѣхъ общественныхъ классовъ цинично выставляются на показъ и, такъ сказать, зазываютъ человѣка. Для русскаго городского рабочаго эта опасность двойная, потому что онъ по натурѣ, въ душѣ, деревенскій человѣкъ, волевые центры котораго слабѣютъ и гибнутъ отъ такого склада жизни: ему недолго превратиться въ босняка! Въ частности, легкій доступъ къ водкѣ имѣетъ для него роковое значеніе. Положимъ у насъ гдѣ водка, тамъ непременно и общества трезвости: гдѣ «преизбыточествуетъ грѣхъ», тамъ и праведность; но ея мѣсто, по сравненію съ грѣхомъ, крайне ничтожно, да и сама-то она подъ сомнѣніемъ, ибо трезвость физическая, вдобавокъ, иногда слишкомъ дорого оплачивается нетрезвостью духовной. Умственная пища, которою въ нѣкоторыхъ случаяхъ насадители трезвости селятся вытѣснять повально распространяемое пьянство, зачастую больно ужъ тенденціозна и заставляетъ вспомнить о французскомъ выраженіи «le remède est pire que le mal». Что предлагается, а иногда и навязывается въ нѣкоторыхъ «трезвенныхъ» бібліотекахъ, читальняхъ? Чего только не высказываютъ порою въ этихъ «чтеніяхъ», съ туманными картинками и безъ оныхъ?!.. Дѣло дошло до того, что сами рабочіе, среди которыхъ немало здравомыслящихъ русскихъ людей, сознаютъ ненормальность и тенденціозность подобнаго «развитія» и утрачиваютъ довѣріе къ своимъ «развивателямъ». Ясно, что пора и учрежденія «трезвыхъ развлеченій» и народнаго развитія вѣрять другому вѣдомству, людямъ другой школы, другихъ, болѣе разумныхъ и ясныхъ задачъ.

Наиболѣе близко приходилось мнѣ наблюдать это дѣло нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тифлисѣ, гдѣ народныя чте-

нія велись по изумительно-нелѣпой и безсовѣстно-тенденціозной программѣ, и притомъ людишками, которыхъ не слѣдовало бы и на пушечный выстрѣлъ подпускать къ народной массѣ. Читалось и о Вашингтонѣ, и о хижинѣ дяди Тома, и объ астрономіи, и объ обезьянахъ на Суматрѣ, и о социальномъ строѣ нильскихъ крокодиловъ, и вообще о чемъ угодно, кромѣ того, что насущно-необходимо знать россійскому простолюдину. Изъ нашихъ литературныхъ произведеній избирались обыкновенно тенденціозно-мрачныя, и такое же понятіе давалось о русской исторіи, съ особеннымъ напираниемъ на жестокость Іоанна Грознаго и «красоты» смутныхъ дней. Ни крошки, ни капли здоровой *русской* пищи! А потомъ, когда происходили стачки, или беспорядки съ красными флагами, то мѣстное начальство охало, кричало, изумлялось такой «неожиданности». Хороша неожиданность, когда всему этому, по формальному равнодушію однихъ и преступному попустительству другихъ дѣятелей, дали разростись до глупыхъ размѣровъ! Чтобы пасомые жили недурно и спокойно, необходимо пасущимъ проявлять больше служилой принципіальности, больше логики въ поступкахъ!... При иныхъ условіяхъ самыя благія начинанія легко превращаются въ источникъ востроенія и смуты. Достаточно взглянуть теперь хотя бы на здѣшній «Народный домъ»: въ основу этого учрежденія положена великодушнѣйшая мысль, а на практикѣ у «Народнаго дома» нарастаютъ уже темныя стороны; не дай Богъ, чтобъ онъ сталъ очагомъ разврата и мѣстомъ, гдѣ разжигается *соціальная зависть* (самое анархическое изъ всѣхъ классовыхъ чувствъ) и жажда наслажденій не по средствамъ. Благоразумные простолюдины порою сознательно избѣгаютъ этого учрежденія, чувствуя, что атмосфера въ немъ не совсѣмъ-то здоровая....

Какъ въ медицинѣ все болѣе наглядно отвоевываетъ себѣ выдающееся мѣсто гигиена, стремящаяся къ устраненію плохихъ физическихъ условій, удобныхъ для развитія болѣзнетворныхъ микробовъ,—такъ и въ области соціальной необходима тоже своего рода гигиена. Микробамъ-агитаторамъ трудно будетъ достигать большихъ результатовъ на оздоровленной почвѣ. Между условіями общественной и личной жизни ра-

бочихъ, какъ и всѣхъ другихъ людей, существуетъ тѣснѣйшая связь. Въ частности, безсемейность и отсутствіе домовитости очень скверно вліяютъ на нихъ и дѣлаютъ ихъ весьма податливыми по отношенію ко всякимъ мечтаніямъ и острымъ внушеніямъ; жизнь выше средствъ, происходящая отъ недостатка хорошихъ дешевыхъ квартиръ и здоровой дешевой пищи, на ряду съ чрезмѣрнымъ обиліемъ водки и развращающихъ соблазновъ, приводитъ къ той духовной неуравновѣшенности, которая имѣетъ роковое значеніе для русской нервной натуры, не закаленной вѣками политическаго развитія и экономической самодѣятельности. Слѣдуетъ отмѣтить *типичное явленіе*: фабричныя управляющіе и мастера какъ бы нарочно *разрушаютъ семью*, почти всегда заставляя мужа и жену работать въ разныхъ смѣнахъ, а не вмѣстѣ, не взирая на усиленные просьбы рабочихъ. Мужъ и жена цѣлыми мѣсяцами живутъ врозь и почти не видятся. Въ этомъ безобразіи есть нѣчто безчеловѣчно-тенденціозное. Недаромъ революціонныя партіи всѣхъ временъ и народовъ стремились разрушать семью, начала нравственности и домовитости, и шли рука объ руку съ *искусственнымъ вздоржаніемъ жизни и искусственнымъ повышеніемъ бытовыхъ потребностей*. Если «управлять—значитъ предвидѣть», если о тѣхъ или иныхъ экономическихъ и соціальныхъ явленіяхъ судить по неизбѣжнымъ ихъ плодамъ, то слѣдуетъ признать, что искусственное (при помощи нечестныхъ городскихъ самоуправленій и стачекъ торговцевъ) вздоржаніе мяса, хлѣба, дровъ и т. п. суть явленія *глубоко-революціонныя*. Бюджеты всѣхъ категорій пролетаріата (до служилаго класса включительно) колеблются и трещатъ. Всюду растетъ смутное недовольство. Богатѣютъ одни посредники, — пѣнокосниматели и аферисты. Развѣ можно этого явленія не изслѣдовать и не умѣрять?! Къ этой же категоріи необходимо отнести и непомѣрное развитіе капитализма вообще.

Недаромъ господа неомарксисты сочувствуютъ ему, какъ органу *разрушенія*, если только это сочувствіе не есть просто «репильное» служеніе за деньги, подобное такому же служенію французскихъ социалистовъ банкирамъ-евреямъ. Напрасно сторонники такого соціально-экономическаго нечестія, обыкновенно находящаго поддержку въ сферахъ, которыя должны бы

его умѣрять, оправдываютъ себя надеждою, что народная масса, пройдя сквозь «огонь, воду и мѣдныя трубы» капитализма, политически выростетъ и отвоюетъ себѣ потребное число кувертовъ на жизненномъ пиру. Еслибъ эта масса, развращенная, спившаяся, сбита съ толку и утратившая не только соціальный смыслъ, но и обликъ человѣческой, оказалась способною къ разрушительнымъ «взрывамъ», то на созиданіе у нея не хватило бы ни физическихъ, ни духовныхъ силъ: она попала бы лишь въ рабство къ людямъ жестоковѣрнымъ, столь же озвѣрѣлымъ духовно, какъ и она сама. Съ природою шутить не слѣдуетъ: и грѣшно, и опасно.....

Огромное отрицательное значеніе, доселѣ не понятое русскимъ обществомъ и лучшею частью нашихъ правящихъ сферъ, принадлежитъ печати, и притомъ не подпольной, крикливо и грубо призывающей къ смутѣ, а печати формально цензурной, проникнутой заднею мыслью, выполняющей либо дальновидную еврейскую программу, либо соображенія безпринципной, циничной торговли словомъ. Эта печать отравляетъ народную массу медленнымъ, еле уловимымъ ядомъ, приучаетъ выщигивать всѣ политическіе и нравственные устои, говорить въ дурномъ тонѣ, съ бездоказательными нападками на личность, возбуждаетъ нервы массы читателей картинами замысловатыхъ и рѣзкихъ преступленій, питаетъ ее плодами растлѣнной фантазіи и наступательно-грубой пошлости. Напрасно принято у насъ не бояться пошлости: она понижаетъ не только нравственный, но и политическій уровень человѣка. Между тѣмъ, если мы вспомнимъ исторію нашей цензуры, то увидимъ, что высоко-честный и даровитый Аксаковъ и глубокій государственникъ Катковъ претерпѣвали порою тяжкія гоненія, а безпринципно-распивочная торговая печать развивалась не только безпрепятственно, но даже при мало скрытомъ содѣйствіи нѣкоторыхъ сферъ, доступныхъ еврейскимъ вліяніямъ. Въ своей прекрасной книгѣ «Исторія второй республики» г. Пьеръ де ла-Горсъ основательно утверждаетъ, что однимъ изъ серіознѣйшихъ факторовъ революціи 48 года была мелкая французская пресса, въ которой видное мѣсто занимала газета «Petit Journal» съ яркими фельетонными романами Эжена Сю. Съ этой книгой пора бы поближе

ознакомиться тѣмъ, кто *искренно* сочувствуетъ развитію соціальной гігіены.

Вопросу о подпольной агитаціи я посвящу лишь немного строкъ, такъ какъ это вопросъ спеціальныи, наиболѣе знакомый самимъ агитаторамъ и лицамъ, преслѣдующимъ ихъ, а я не принадлежу ни къ одной изъ этихъ категорій. Основываться же на литературѣ вопроса, не освѣщенной собственными наблюденіями, также не хотѣлось бы. Меня только поразили нѣкоторые интересные факты и соображенія. Такъ, мнѣ довелось слышать отъ нѣсколькихъ благоразумныхъ рабочихъ, что въ ихъ средѣ возрастаетъ за послѣднее время интересъ къ сочиненіямъ Лѣскова и Крестовскаго,—писателей, которыхъ прогрессивные руководители народнаго развитія усердно кладутъ подъ спудъ. Особенный успѣхъ имѣетъ «Панургово стадо», одинъ изъ героевъ котораго, Ардальонъ Поляяровъ, оказывается «очень даже знакомымъ господиномъ». Ясно, что необходимо облегчать обращеніе такихъ книгъ въ средѣ, которая начинаетъ сознавать, что ее до сихъ поръ дурачили. Любопытно также, что въ рабочей средѣ за послѣднее время самостоятельно возникло слѣдующее соображеніе: агитаторскіе «журавли въ небѣ» больно высоко летаютъ, а синица изъ рукъ уходитъ! Кому наиболѣе выгодны безпорядки и вообще раздоры между капиталомъ и трудомъ? Мало-мальски вдумчивые рабочіе понимаютъ, что *на этомъ наживается иностранная, въ особенности нѣмецкая, промышленность*: она является тѣмъ «troisième larron», который пожинаетъ всѣ плоды чужой экономической распри...

Глубоко-радостно замѣчающееся за послѣднее время проявленіе здраваго самосознанія у рабочихъ. Создаются группы людей, свободныхъ отъ воздѣйствія агитаторовъ и стремящихся улучшить свой бытъ мирнымъ, законнымъ путемъ. Эти люди сознаютъ, что капиталъ и трудъ—элементы, слишкомъ тѣсно связанные другъ съ другомъ и взаимною зависимостью, и самымъ происхожденіемъ, чтобы быть по существу враждебными другъ другу. Когда подобная враждебность, какъ плодъ домашнихъ недоразумѣній или внѣшнихъ воздѣйствій, достигаетъ своей цѣли и то или иное производство прекращается, то наиболѣе сильно страдаютъ именно рабочіе, лишаящіеся

насушного хлѣба. Даже внезапныя стачки, внушенныя несбыточною надеждою на улучшеніе экономическихъ условій, наносятъ интересамъ рабочихъ тягчайшій убытокъ. Очевидно, есть другіе пути для улучшенія этихъ условій,—пути болѣе достойныя и цѣлесообразныя. Организация взаимопомощи, страхованіе на случай увѣчья, болѣзни, старости или случайнаго, не зависящаго отъ рабочихъ прекращенія производства; подъемъ религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія рабочихъ, наряду съ улучшеніемъ техники ихъ труда,—вотъ факторы, которые сдѣлаютъ фабричную промышленность болѣе доходною, создадутъ естественныя условія для повышенія заработной платы и улучшенія быта рабочихъ. Но все это вопросы сложные,—и недаромъ благомыслящіе рабочіе въ Москвѣ и Петербургѣ обратились къ высшимъ гражданскимъ и церковнымъ властямъ съ ходатайствомъ объ оказаніи имъ помощи духовной, а въ случаѣ надобности и матеріальной. И Августѣйшій московскій генераль-губернаторъ, и г. министръ внутреннихъ дѣлъ, и высокопреосвященные митрополиты московскій и с.-петербургскій отнеслись съ полною отзывчивостію къ этому благому начинанію, солидный успѣхъ котораго въ значительной степени зависитъ отъ вдумчивой работы свѣтскихъ и духовныхъ представителей нашего образованнаго общества. Пора смутьянамъ отправиться въ яму для отбросовъ, пора искреннимъ ревнителямъ порядка и народнаго блага потрудиться по мѣрѣ силъ на этой благодарной нивѣ! За послѣднія нѣсколько десятилѣтій наше духовенство страдаетъ отъ нареканій и отъ расхищенія пасомыхъ разными лжепророками. Пусть же оно теперь отвѣтитъ благимъ дѣломъ на злыя слова, съ благородною гордостью сознаетъ высокое призваніе свое, послужитъ дѣлу мира и русской культуры! Интеллигенція наша охотно бичуетъ себя заслуженнымъ обвиненіемъ въ беспочвенности, въ забвеніи родныхъ устоевъ и завѣтовъ; вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ не только припомнить, но и поддержать ихъ работою непоказною, негромкою и не награждаемою ничѣмъ, кромѣ живительнаго сознанія исполненнаго долга передъ Царемъ и отчизной. Гдѣ вы, скучающіе отъ отсутствія интересовъ и цѣли жизни? Гдѣ вы, машинально повторяющіе, въ увывлой лѣности своей, слова поэта-пессимиста, что жизнь

«такая пустая и глупая шутка»? Присмотритесь: жизнь— *академия*, въ которой надо многому поучиться и многое создать! Дай Богъ, чтобы на все хватило времени до того неизбежнаго дня, когда придется отдавать Всевышнему отчетъ въ поступкахъ своихъ!...

Но вернемся къ рабочимъ. По поводу проявляющагося среди нихъ мирнаго движенія кое-гдѣ слышится то смутно формулированное неодобреніе, то безформенное неодобрительное рычаніе. Этимъ пренебрегать не слѣдуетъ, ибо у всякаго явленія есть свои темныя и опасныя стороны. Есть несомнѣнно умные и опытные люди, которые находятъ, съ политической точки зрѣнія, что о бытѣ рабочихъ безспорно подумать необходимо, но что все это должно идти, такъ сказать, сверху, а не изъ нѣдръ самой рабочей среды. Движеніе «снизу», даже самое мирное, все-таки равносильно тому, что французы называютъ «выходомъ чорта изъ коробки»; сперва, молъ, кричатъ «ура», а потомъ «караулъ», сперва лстивы, а потомъ наступательны. Такое мнѣніе далеко не лишено основанія, и его необходимо постоянно имѣть въ виду, «непрестанно памятовать» при разрѣшеніи выдвинувшихся вопросовъ. Надо *знать психологію толпы*, даже при наличности полного довѣрія къ теперешнимъ инициаторамъ мирнаго движенія. Бываютъ минуты и обстоятельства, когда какая угодно мирная организація человѣческихъ группъ можетъ внезапно перемѣнить направленіе и... вспыхнуть. Необходимы, стало быть, разумный *уходъ* и осторожность. И взрывчатое вещество полезно въ рукахъ дѣльныхъ людей!... *Вопросы выдвинуты самою жизнью, а не придуманы*; съ фактами надо считаться—и блаженъ, кто найдетъ во-время для нихъ регулирующее начало; упрятать ихъ въ коробку нельзя, а прикрывать ихъ казенною фразой «все обстоитъ благополучно» было бы недобросовѣстно и передъ народомъ, и передъ его Державнымъ Вождемъ, которому равно дороги интересы всѣхъ сыновъ родной земли.

Суть въ томъ, что здѣсь необходимо вдумчивое *творчество*, а не торопливая формальная работа по казеннымъ образцамъ или моднымъ мнимо-прогрессивнымъ шаблонамъ. Всякій *истинный* прогрессъ развивается медленно и спокойно. На засѣданіи совѣта «Русскаго Собранія», куда были приглашены какъ

нѣсколько рабочихъ, такъ и авторитетные государственные и общественные дѣятели, я уже имѣлъ случай высказать, что прежде всего *не надо увлекаться модностью вопроса*. Боже упаси, чтобы здравые представители рабочего класса вошли въ роль ораторовъ-гастролеровъ, а образованные люди соблазнились случаемъ поиграть въ «мирабошекъ» и «робеспьерчиковъ»! Вспомнимъ, сколь много вредной путаницы эти торопливые «крошки-мирабошки» внесли въ русскую общественность со времени превратно или черезчуръ распространительно понятыхъ ими такъ называемыхъ великихъ реформъ; сія комедія продолжается кое-гдѣ и въ наши дни. Не мѣсто комедіи тамъ, гдѣ нужно серіозное дѣло, а не вредный вздоръ.

Прежде всего нужно ясно установить ту грань, которая полагается разницею между понятіями «рабочаго вопроса» и «вопроса о рабочихъ». Первое понятіе носить непримѣнимый въ неограниченной монархіи политической характеръ, предполагая двухсторонніе переговоры и договоры между организованной политической силой, въ лицѣ рабочей партіи, и правительствомъ. Почвы для этого у насъ нѣтъ,—и слава Богу, потому что борьба организованныхъ партій вездѣ и всегда происходитъ въ ущербъ государственной силѣ и народнымъ интересамъ. Мы можемъ принять лишь формулу *бытовую* и обратить особое вниманіе на то, чтобы она соотвѣтствовала на практикѣ основамъ русскаго строя и черпала жизненность въ созидательныхъ сторонахъ именно русскаго народнаго быта. Необходимо сознать, что эти стороны слабѣютъ и въ земледѣльческой массѣ народа: вліяніе Церкви не достигаетъ своей полноты; въ деревенскомъ обиходѣ поколебленъ авторитетъ «стариковъ», умныхъ, степенныхъ, честныхъ и религіозныхъ людей. И власть, и образованные обыватели, любящіе народъ, должны всѣми силами поддержать и укрѣпить въ сельской средѣ институтъ стариковъ, не говоря уже о поддержаніи и оживленіи работы Церкви, какъ первоисточника вѣчной истины и нашей національной мудрости. Тотъ-же самый принципъ долженъ быть положенъ въ основу постепеннаго рѣшенія вопроса о рабочихъ. Добросовѣстная инспекція и внимательное духовенство сумѣютъ отличить, выдвинуть, и не по прихоти, а наглядно, по заслугамъ, поддержать въ рабочей

средѣ людей такого типа, который соотвѣтствуетъ понятію «стариковъ». Пусть имъ помогутъ въ этомъ представители того новаго движенія въ рабочей средѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Отличить степеннаго человѣка отъ ненадежнаго опытного глазу можно, и не дожидаясь поступковъ: нагляднымъ отрицательнымъ признакомъ почти всегда является «лакейское краснорѣчіе», избыливающее мудреными словами и чужими мыслями; русская почвенная мысль всегда находитъ краткое, простое и вмѣстѣ колоритное выраженіе.

Рабочимъ желательна организація, потому что разумное отношеніе къ своимъ интересамъ и даже обязанностямъ менѣе достижимо при разрозненности, открывающей просторъ случайнымъ группировкамъ. Русскій народъ и, въ частности, мастеровой людъ уже выработалъ исконную артельную форму, причемъ у артелей постоянныхъ есть и недвижимость, и церковные праздники, и увеселенія, и вообще добрый укладъ жизни, а о какой-либо смутѣ тамъ и слыхомъ не слыхать. Примѣнительно къ такимъ примѣрамъ и слѣдуетъ созидать, конечно, съ измѣненіями, отвѣчающими особенностямъ фабричнаго быта. Начать съ того, что фабрика многолюднѣ артели, а *многочисленность*, при которомъ участники общаго дѣла мало знаютъ другъ друга, представляетъ собою *наклонную плоскость отъ бытовой почвы къ политической*. Численный составъ рабочихъ организацій долженъ быть обдуманно опредѣленъ специалистами; покуда же необходимо отмѣнить, а ргогі, что онъ не долженъ быть слишкомъ великъ и, во всякомъ случаѣ, не долженъ обнимать рабочаго населенія цѣлыхъ промышленныхъ районовъ, такъ какъ это привело бы къ невужному риску западническихъ формъ. Организація обширной кассы взаимопомощи, дѣйствующая тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ больше въ ней участниковъ, можетъ охватывать хотя-бы и обширные районы, но бразды главнаго управленія такою крупною экономическою силою должны находиться въ рукахъ у особо надежныхъ правительственныхъ лицъ, по отношенію къ которымъ представители болѣе мелкихъ и самостоятельно дѣйствующихъ рабочихъ организацій должны являться въ роли присяжныхъ экспертовъ или членовъ учетнаго комитета. Настоящая и болѣе широкая самодѣятельность рабочихъ врядъ-

ли должна выходить за предѣлы единичныхъ фабрикъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подѣ непосредственнымъ правительственнымъ контролемъ, можетъ обнимать отдѣльные производства даннаго района. Последнее можетъ быть полезно въ интересахъ подъема производственной техники, въ которой здравомыслящіе рабочіе-практики нерѣдко больше смыслятъ, чѣмъ дипломированные специалисты.

Мирная организація сравнительно небольшихъ рабочихъ группъ, при надлежащемъ направленіи, можетъ содѣйствовать устраненію недоразумѣній и непосредственному общенію между рабочими и фабрикантами. Путемъ такого общенія легче достигается обоюдная выгода. Не надо забывать, что великіе полководцы всегда были непосредственно близки солдату; точно также и дальновидный фабрикантъ долженъ быть близокъ къ своимъ рабочимъ, быть живымъ человѣкомъ, а не мѣломъ на резиновыхъ шинахъ. Прежде всего не мѣшало бы ему быть русскимъ по крови и духу. Надо надѣяться, что это достигнется, когда наша финансовая политика приметъ болѣе національную окраску. Вѣдь не только изъ лѣнтяевъ и трусовъ состоятъ наши толстосумы, занимающіеся стрижкою купоновъ. Когда они повѣрятъ въ патріотическую солидность системы, то и раскошелятся. Не мѣшало бы имъ, конечно, поторопиться и теперь,—да для этого не хватаетъ имъ пока самосознанія, и нужна еще долгая, убѣдительная проповѣдь, чтобы прервать летаргію русскихъ капиталовъ.

Рабочіе хотятъ развитія, образованія. Но какого? Въ какихъ предѣлахъ? Въ какомъ направленіи? Сами себѣ они въ томъ, конечно, яснаго отчета не отдають. Оно и немудрено: вѣдь и наша интеллигенція не составила себѣ объ этомъ опредѣленнаго понятія; вѣдь иначе мы не переживали бы школьнаго кризиса, а дорогая русскимъ сердцамъ и въ основѣ неизмѣнно-благородная молодежь училась бы добросовѣстно и съ толкомъ, вмѣсто того, чтобы отвлекаться отъ своихъ обязанностей вреднымъ вздоромъ. Чего же можно требовать отъ простолюдиновъ? Врядъ-ли я ошибусь, однако, сказавъ, что у простаго русскаго человѣка здраваго смысла больше, чѣмъ у духовно измельчавшей интеллигенціи. Онъ навѣрное пойметъ, что истинное развитіе заключается не въ запоминаніи многихъ

фактовъ, а въ ихъ *усвоеніи*. Городской интеллигентъ, при встрѣчѣ съ толковымъ мужикомъ, является такимъ глупымъ, именно потому, что мужикъ основательно «переварилъ» усвоенныя имъ элементарныя знанія, а интеллигентъ объѣлся чужими мыслями, наглотался неразжеванныхъ фактовъ и страдаетъ несвареніемъ умственного желудка. Природа вездѣ вѣрна себѣ и законы ея неумолимы.

Ясно, что всякое развитіе, даже художественное или вышешенно-научное, нужно для *примѣненія*; если рабочій хочетъ развитія для того, чтобы оставаться рабочимъ и улучшить свой бытъ, а не идти непремѣнно въ Ломоносовы, то и нужно программу его развитія мѣрить масштабомъ средняго человѣка его круга, а не ломоносовскимъ масштабомъ. Въ великіе люди Богъ выводитъ, когда нѣтъ тому рѣзкихъ кастовыхъ препятствій, а за уши тянуть на высоту было бы нелѣпо. У насъ нѣтъ кастовыхъ перегородокъ—и слава Богу,—но классовыя различія и классовая культура насущно-необходимы. Жалокъ и ничтоженъ тотъ народъ, у котораго нѣтъ классовъ съ обезпеченною и потому безкорыстною умственною аристократіею во главѣ. Жалокъ и слабъ тотъ народъ, у котораго низшіе слои лишены соотвѣтственной ихъ положенію, облагораживающей *культуры!*...

Рабочему нужна грамотность, и притомъ не объективная, а въ связи съ сильнымъ интересомъ къ родной исторіи и горячею любовью къ вѣрѣ отцовъ. Нужно счетоводство и нуженъ сильный подъемъ профессиональныхъ знаній. Технические способности нашего народа громадны, и пора бы развить ихъ. Сами рабочіе начинаютъ сознавать, что только подъемъ техники, ведущій къ улучшенію и распространенію удешевленныхъ хорошихъ продуктовъ, можетъ послужить основаніемъ къ подъему заработной платы, въ справедливой параллельности съ обогащеніемъ фабрикантовъ. Искусственныя основанія всегда непрочны, потому что они подрываютъ корни тѣхъ отраслей промышленности, которыми кормятся рабочіе въ данный моментъ.

По временамъ поднимаются вопросы о рабочихъ коопераціяхъ, и нѣкоторыя учрежденія, созданныя группами рабочихъ на артельныхъ началахъ, существуютъ недурно, но богатая

опытомъ западная экономическая наука не имѣетъ иллюзіи на этотъ счетъ: достаточно появиться въ какой-нибудь отрасли производства дорого стоящей машинѣ, чтобы слабая денежно кооперация мгновенно рухнула. Въ вопросѣ о рабочихъ нѣтъ и не можетъ быть иного надежнаго рычага прогресса, какъ повышеніе ихъ духовнаго и профессиональнаго уровня; регуляторомъ экономическихъ отношеній, препятствующимъ тому, чтобы всѣ барыши отъ такого подъема доходности предпріятій явились неправымъ стяжаніемъ одного только капитализма, можетъ быть *только государство съ неограниченною монархическою властью*, одухотворяемое Божіей милостью. Америка изнемогаетъ въ борьбѣ съ трѣстами, потому что управляется выборными лицами, а почти повсемѣстно выборы основаны на подкупѣ, прямомъ или косвенномъ. Россіи, когда она сознаетъ свою мощь, такая борьба будетъ по силамъ, ибо ея Вождь избранъ неподкупнымъ Богомъ и стоитъ выше земныхъ интересовъ.

Собственность, а потому, въ частности, и неприкосновенность имущественныхъ правъ фабриканта должны ограждаться во всякой странѣ; заработная плата не можетъ подвергаться колебаніямъ, въ угоду одностороннимъ аппетитамъ, а не объективнымъ условіямъ рынка. Но надо, чтобы условія такого сложнаго явленія, какъ рынокъ, были хорошо изслѣдованы съ точки зрѣнія національныхъ интересовъ, и чтобы правительственные органы блюди *дѣйствительную*, а не формальную только объективность указанныхъ условій. И стачка рабочихъ, и стачка капиталистовъ (какимъ бы мирнымъ названіемъ ее ни маскировали) есть *противозаконное дѣяніе, заговоръ* противъ государственнаго и обывательскаго интереса. Стачка капиталистовъ опаснѣе потому, что она развращаетъ и бюрократію, и печать, и кого угодно, а развращенное государство не крѣпко даже тогда, когда у него есть высоты, недоступныя растлѣнію.

Рабочіе интересуются политической экономіей,—и тѣ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть въ «Русскомъ Собраніи», а затѣмъ у себя на дому, проявляютъ несомнѣнную склонность къ здоровымъ взглядамъ въ этой области. Но имъ, увы, придется подождать, пока появятся у насъ настоящіе, сильные эконо-

мисты. Въ здравомыслящей Германіи оспариваютъ другъ у друга пальму первенства такіе титаны, какъ Вагнеръ и Шмоллеръ, а среди нашей оскудѣвшей интеллигенціи громче всѣхъ кричатъ какіе-то «марксята»,—и пискъ этихъ марксятъ никому не поучителенъ.

Къ счастью, именно та рѣдѣющая среда, которая именуется себя интеллигенціей, все менѣе можетъ быть отождествлена съ наростающей семьею настоящихъ образованныхъ русскихъ людей. Здравый смыслъ и русское сердце постепенно берутъ верхъ надъ утопіями. Спросъ создаетъ предложеніе. Великъ спросъ на русскихъ дѣятелей, мыслящихъ честно и вѣрно, дорожащихъ основами родного строя, любящихъ народъ, какъ душу живую, а не какъ обезьянку, которую можно рядить во фригійскій колпакъ и заставлять плясать карманьолу, или хотя бы и національный танецъ, и въ тенденціозно-русской одеждѣ, да только подъ еврейско-масонскую дудку!.. Ждутъ добрыхъ сѣятелей и деревня, и фабрика, и канцелярія, и редакция, и синклитъ. Пусть они приходятъ, сильные и смиренномудрые, да, перекрестясь, берутся за служеніе Царю и землѣ, оставивъ рознь и личныя цѣли и твердо рѣшивъ: «возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмы»!...

Инородцы и окраины.

Наиболѣе инороднымъ изъ всѣхъ инородцевъ у насъ является еврейское племя. Вопросъ о евреяхъ въ Россіи чрезвычайно сложенъ и трудно разрѣшимъ, такъ какъ еврей—элементъ разлагающій, противосоціальный, съ точки зрѣнія какой бы то ни было арійской государственности, особенно же русской, которая зиждется на стихійно-ненавистныхъ всякому типичному еврею православіи и самодержавіи Божіей милостью.

Степень крѣпости и самочувствія русской Державы въ наши дни обратно пропорціональна степени успѣшности еврейскихъ идей и стремленій, относящихся къ нашему строю такъ, какъ воспалительная болѣзнь относится къ живому

организму. Чѣмъ здоровѣе государственный организмъ, тѣмъ менѣе рѣзки и экстренны должны быть противоеврейскія мѣры.

Особенно необходимы эти послѣднія въ періоды нестроенія и смуты, и, въ частности, въ такіе переходные моменты, какъ переживаемый нынѣ. Только успокоеніе разныхъ волнующихся слоевъ русскаго общества, только успѣшное выполненіе внутреннихъ и внѣшнихъ задачъ нашего государства можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы смягчать еврейскія ограниченія и, такъ сказать, дать волю доброму русскому сердцу по отношенію къ загадочному народу, который искони является врагомъ себѣ и другимъ.

При иныхъ условіяхъ отвлеченная гуманность граничила бы или съ непониманіемъ дѣйствительности, или съ малодушіемъ, а иногда и съ продажностью. Безпочвенность,—или, какъ выразился авторъ прекраснаго предисловія къ переводу книги г. Мюрэ «Еврейскій умъ», — *экстerrиторіальность* этихъ инородцевъ, ихъ летучесть представляетъ сама по себѣ грозную опасность, которая можетъ быть умѣрена лишь строгимъ соблюденіемъ черты осѣдлости; этою послѣднею обуславливается наличность извѣстной территоріи, на которой всѣ вообще расовыя черты, такъ сказать, отстаиваются, наглядно обрисовываются и кристаллизуются, а въ частности черты отрицательныя *локализуются*.

Вотъ почему появившійся въ газетахъ слухъ о проектируемомъ будто бы фактическомъ упраздненіи черты осѣдлости,—слухъ, къ счастью, не оправдавшійся,—не могъ не встревожить всѣхъ, кому дороги интересы русской народности. Осуществленіе такой самоубійственной мѣры было бы равносильно закономѣрному распространенію заразныхъ болѣзней, основанному на несбыточной надеждѣ, что эти болѣзни отъ такого приволья сами собою прекратятся...

Россіи, какъ государству сильному въ военномъ отношеніи и далеко еще не вышедшему изъ завоевательнаго періода, какіе бы то ни было инородцы опасны не столько, какъ политически-обособленные группы, сколько, какъ факторы соціальнаго разложенія. Въ теченіе двухъ вѣковъ наше государство подвергалось цѣлому ряду культурныхъ и соціально-

эканамічных эксперыментаў, изъ которыхъ самымъ серіознымъ и, при неблагопріятныхъ условіяхъ, опаснымъ слѣдуетъ признать циклъ преобразованій, извѣстныхъ подъ именемъ «великихъ реформъ». Недаромъ домашніе легальные враги русской государственной самобытности считаютъ указанные реформы *только началомъ* извѣстнаго рода эволюціи въ западномъ стилѣ, а нелегальные, — какъ подпольно-домашніе, такъ и зарубежные революціонеры, работающіе прежде всего въ буквальномъ смыслѣ слова pour le roi de Prusse, — справедливо съ своей точки зрѣнія видятъ въ тѣхъ же реформахъ и связанныхъ съ ними *потрясеніяхъ* источникъ разложенія и, такъ сказать, операціонный базисъ для своихъ разрушительныхъ махинацій.

Я говорю въ данномъ случаѣ не противъ реформъ самихъ по себѣ: многое въ нихъ, несомнѣнно, полезно, и отрицать ихъ созидательное значеніе было бы грѣшно. Но вѣдь не менѣе грѣшно отрицать, что во время и послѣ какихъ бы то ни было крупныхъ перемѣнъ, потрясающихъ жизненный строй, *государственный организмъ становится воспріимчивымъ ко всякой заразе*, доступнѣе всякому недугу, особенно, когда дальнѣйшая соціально-экономическая эволюція съ достаточною дальновидностью не предусматривается, и опасныя стороны ея не предотвращаются, а даже искусственно развиваются съ чрезвычайною быстротой.

Если за какой-нибудь десятокъ лѣтъ рѣзко мѣняется картина народнаго хозяйства, подъ вліяніемъ искусственныхъ воздѣйствій или неудачныхъ мѣропріятій, то къ слову «эволюція» сама собою напрашивается неблагополучная буква «р». Въ такихъ случаяхъ само собою выдвигается значеніе элементовъ, враждебныхъ прочности русскаго государства. Когда два исторически-почвенныя сословія (въ данномъ случаѣ дворянство и крестьянство) отдаляются другъ отъ друга и слабѣютъ вслѣдствіе такого отдаленія, то въ образовавшійся между ними пробѣлъ вторгается и поднимаетъ голосъ пестрый по составу классъ, обнимающій нѣсколько категорій людей, начиная съ утратившихъ національныя и сословныя традиціи представителей торговли и промышленности и кончая разными формами болѣе или менѣе неблагополучнаго всесословнаго по

паспорту пролетаріата. Образуется особаго рода общественная муть, безъ созидательныхъ устоевъ, безъ связи съ землей, безъ уваженія къ чему бы то ни было, кромѣ денегъ. Инородцамъ приволье въ этой средѣ, для которой они усердно сочиняють новый кодексъ морали, или, точнѣе, деморализаціи. Это они ввели, напримѣръ, афоризмъ, что «у денегъ запаха нѣтъ». Афоризмъ невѣрный: у насъ цѣлый рядъ учреждений, органовъ печати и общественныхъ явленій явно пахнетъ еврейскими, инородческими и зарубежными деньгами!... Это запахъ тлѣнія, или, точнѣе, *растлѣнія!*..

Роль инородцевъ растетъ сама собою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда русскому человѣку говорятъ, что нашъ строй устарѣлъ, и что надобно, очертя голову, нестись по наклонной плоскости все новыхъ преобразованій. Подобныя рѣчи звучать особенною искренностью, а потому и наиболѣе кажутся убѣдительными въ устахъ именно тѣхъ людей, которые не связаны русскими преданіями и традиціями, и у которыхъ нѣтъ въ крови инстинктивной приверженности къ тому, что имѣетъ для Россіи созидательное значеніе.

Инородцы,—какіе бы то ни было,—не представляютъ серьезной, или, точнѣе, роковой опасности для нашего отечества, какъ сила помѣстно-инсurreкціонная. У насъ до сихъ поръ не было, да, вѣроятно, никогда и не будетъ неподавленнаго инородческаго мятежа. Но это, конечно, не причина, чтобы «почивать на лаврахъ» и отрицать необходимость работы, которая привязала бы окраины попрочнѣе къ руководящему центру, а населяющія ихъ народности—къ русскому дѣлу.

Вопросъ объ инородцахъ, обладающихъ территоріей и самобытно-государственнымъ прошлымъ, пожалуй, сложнѣе вопроса еврейскаго, но, въ итогѣ, гораздо разрѣшимѣе съ соціальной точки зрѣнія, такъ какъ у подобныхъ инородцевъ имѣются положительныя черты, полезныя всякому государству, а также есть природная, такъ сказать, органическая склонность къ общественной гармоніи, обусловливаемой именно государственною. Эти инстинкты составляютъ расовую черту, и народности, ими отличающіяся, могутъ дать нашему государству хорошій «строительный матеріалъ»,—конечно, при наличности благоприятныхъ условий.

Благоприятными условиями в данном вопросе надлежит считать: 1) сильное национальное самосознание в русском правительстве и обществе, 2) отсутствие у различных инородческих групп, на их исторических территориях, сильной организации обособления, с ее экономическим базисом, ярким символизмом и иными условиями, действующими на быт и нервы инородческого населения; 3) наличие умелой, т. е. твердой по существу, тактичной по форме и благородной по задачам русской правительственной политики на окраинах, причем, конечно, желательное отсутствие резких колебаний в ее направлении и приемах.

Только при этих условиях могут быть надлежащим образом использованы для общегосударственного блага несомненные положительные черты наших инородческих групп, во славу и преуспеяние нашей культуры.

У немецкой расы есть склонность к порядку, аккуратность, умственная уравновешенность; чувство долга и законности; у польской подвижность, талантливость, окрыленная воображением, эстетический вкус и некоторые показные, блестящие рыцарские черты; у финнов—упорство в труде и технические дарования; у грузин, во многом сходных с поляками,—мужество и сердечность; у армян—бережливость, настойчивость, способность к солидарности; у тюркских и монгольских племен—жажда сильной центральной власти, редкое благородство и человеколюбие и неформальная, душевная религиозность. Все это черты весьма ценные, когда они служат общей задаче, а не обособленным тенденциям или мечтаньям.

Некоторые оптимисты находят, что Россия без труда и с превеликою пользою неизбежно усвоит себе все эти элементы, воссоединив обособленные ныне инородческие группы, «перемелеть» их, как хорошо работающая мельница, тогда, мол, получится в полном смысле слова имперско-русская нация, богатая разнообразием характерных различий и творческих начал, создающих живую общественность. От усвоения инородческих элементов наше национальное чувство, мол, значительно обострится и осмыслится, так как все обруселые представители народностей, еще недавно

страдавшихъ духовно отъ отсутствія государственной независимости, живѣе и интенсивнѣе испытываютъ національное чувство, и эту психическую особенность онѣ неизбѣжно положить на алтарь того отечества, съ которымъ сольются навсегда. Оптимисты указываютъ при этомъ на инородческое происхождение большей части нашего дворянства, въ теченіе многихъ вѣковъ бывшаго передовымъ, служилымъ сословіемъ, носителемъ и политически-талантливымъ ревнителемъ русской національной идеи.

Они забываютъ, что инородцы, родоначальники многихъ нашихъ дворянъ, основательно и безповоротно обрусѣли еще въ такія времена, когда *нельзя было не обрусѣть*, когда «привъзжавшіе изъ Орды» и «выходцы изъ Прусь» немедленно принимали православіе и *всецѣло* приобщались къ нашему строю. А теперь мы дожили до такихъ временъ, когда значительная часть даже русской по крови интеллигенціи думаетъ и чувствуетъ не по-русски, когда иностранные языки являются родными и обиходными въ наиболѣе вліятельныхъ кругахъ, когда даже въ нѣкоторыхъ правящихъ сферахъ порою затуманивается вѣра въ незыблемость нашего строя, слабѣетъ живая любовь къ нему, уровень государственной науки понижается и когда вообще «мельница плохо работаетъ»....

Откуда произошла такая разница между временами, и въ чемъ она заключается? Для наглядности возьмемъ нѣсколько недавнихъ примѣровъ. Можно ли себѣ представить извѣстную рѣчь камергера Стаховича «о свободѣ совѣсти» произнесенною во времена царей московскихъ? Едва-ли! Однако, въ ту пору русскіе люди не были лишены ни совѣсти, ни религіознаго чувства, а, пожалуй, того и другого у нихъ было больше, чѣмъ у названнаго оратора. Но они *понимали* сущность русскаго государственнаго склада, понимали, что *вся исторія Россіи вопіетъ противъ отдѣленія церкви отъ государства*. Если намъ что нужно, такъ именно *большее вліяніе церкви* на государственную жизнь, притомъ вліяніе національно-церковное, и не отвлеченно философское. Дѣло церкви—дѣло *богочеловѣческое*, и воздѣйствіе ея сильнѣе, глубже, когда она стоитъ на реальной народной почвѣ. Безъ такого сліянія элементовъ вообще не было бы никакой церкви, а были бы

лишь безформенныя христіанскія чувствованія. Г. Стаховичу, очевидно, неясенъ тотъ великій процессъ, который можетъ быть названъ «дѣломъ апостола Павла». Онъ хотѣлъ бы разрушенія этого дѣла, тогда какъ достаточно позаботиться просто о подъемѣ идейнаго уровня нашего духовенства, достижимомъ иными мѣрами, чѣмъ предоставленіемъ всѣхъ удобствъ распространенія католицизму и все болѣе воинствующему лютеранству.

Я не стану на сторону тѣхъ, которые находятъ, что г. орловскій предводитель дворянства руководился непохвальными побужденіями, произнося извѣстную рѣчь, или даже что выдвинутые имъ идеалы противорѣчатъ христіанству. Нѣтъ, онъ проявилъ просто незнаніе русской исторіи и исторіи религій, непониманіе русской дѣйствительности и безусловное отсутствіе государственнаго смысла. То, что онъ провозгласилъ, какъ немедленно осуществимое, дается лишь *цѣною долой культурной* работы, достигшей значительнаго уровня національно-общественной самодѣятельности. Не понявъ этого всего, г. Стаховичъ блеснулъ ораторскимъ искусствомъ въ глазахъ людей легкомысленныхъ, а на дѣлѣ сыгралъ въ руку враждебнымъ Россіи инородческимъ и зарубежнымъ элементамъ. Что можно было бы сказать о рьяномъ инженерѣ, который бы пожелалъ блеснуть своими зодческими дарованіями и сталъ бы перестраивать крѣпость, разбирать ея стѣны и разбивать скверы съ цвѣтниками въ ту минуту, когда со всѣхъ сторонъ враги лѣзутъ на приступъ? По меньшей мѣрѣ, *несвоевременно!*... Въ такихъ случаяхъ надо укрѣпляться и защищаться, а для перестройки надо ждать лучшихъ дней. Такъ говоритъ здравый патріотизмъ, да и попросту здравый смыслъ.

Крупнаго значенія этотъ инцидентъ не имѣлъ, такъ какъ среда, рукоплескавшая г. Стаховичу, реально воздѣйствовать на русскій строй не можетъ, но, тѣмъ не менѣе, выяснилось, какъ невѣжественны и слабы по части національнаго самосознанія наши такъ называемые образованные классы.

Возьму другой примѣръ, — изъ сферы, близко мнѣ знакомой, изъ кавказской жизни. Еще недавно въ этомъ краѣ былъ военный режимъ. Когда при Ермоловѣ или Воронцовѣ кав-

казскій туземець отдавалъ своего сына въ науку русскимъ властямъ, то результатъ получался положительный съ точки зрѣнія государственнаго единства: молодой человекъ вступалъ въ жизнь *глубоко-русскимъ*, проникнутымъ преданностью Царю и отечеству, потому что тогдашняя военная школа была безусловно національною и основныя положенія свои не подвергала спору или сомнѣнiю. Теперь зачастую сынъ надежнѣйшаго и лойяльнѣйшаго прапорщика милиціи, попадая въ русскую гражданскую школу, выходитъ изъ нея (изъ университета и даже изъ гимназiи) непримиримымъ сепаратистомъ....

У насъ существуютъ цѣлыя вѣдомства, личный составъ которыхъ иногда довольно рѣзко проявляетъ либо незнаніе нашихъ государственныхъ основъ, либо полное къ нимъ несочувствіе; немудрено, что обособляющіеся инородцы, и въ особенности евреи, либо свиваютъ въ такихъ учрежденiяхъ прочныя гнѣзда, либо отмежевываютъ себѣ тамъ обширныя сферы вліянія.

Въ итогѣ, необходимо признать, что *перваго и главнаго условія для благопріятнаго въ государственномъ смыслѣ использованія положительныхъ инородческихъ чертъ, т. е. сильнаго національнаго самосознанія въ правящихъ сферахъ и образованномъ обществѣ, у насъ въ значительной мѣрѣ не хватаетъ*; и происходитъ это отъ состоявшагося въ 60-хъ годахъ вторженія порожденнаго масонско-еврейскою мыслью *отвлеченнаго человека* въ наши учрежденія, законы и общественныя формы. Свѣтлымъ исключеніемъ является покуда наша доблестная *армія*, которую поэтому и слѣдуетъ беречь какъ зѣницу ока, усматривая въ ней не только орудіе защиты отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, но и лучшее (чтобы не сказать единственное) въ Россiи *государственно-воспитательное учрежденіе*.

Какъ выше сказано, вторымъ благопріятнымъ для разрѣшенія инородческаго вопроса условіемъ должно быть отсутствіе сильныхъ организацій обособленія на окраинахъ. Въ основѣ или, вѣрнѣе, изначала ихъ не было, да въ большинствѣ случаевъ и не могло быть, такъ какъ русская власть водворилась по окраинамъ преимущественно на развалинахъ историческихъ организмовъ, а развалины предполагаютъ от-

существовании организации. Среди народностей больше или меньше территориальных исключение из данного правила составляет лишь армянская, в теократическом складе которой политические элементы издавна носили и доселе носят *подпольный* характер.

В большинстве случаев у окраинных инородцев наших изначала не было сколько-нибудь серьезных организаций; они возникли и развились *частью по почину самой русской власти*, порою отрешающейся от наших созидательных государственных традиций (наприм., финляндское обособление искусственно создано при императорах Александр I и Александр II), частью под влиянием таких общих мѣръ, какъ нѣкоторыя, на практикѣ слишкомъ окрашенные западничествомъ, реформы 60-хъ годовъ, бывшія крупнымъ факторомъ русской денационализаціи вообще, а въ особенности же именно на нѣкоторыхъ окраинахъ, гдѣ замѣна гибкой и чуткой административной политики мертвенно-безличнымъ граждански-правовымъ порядкомъ непосредственно и рѣзко повела къ упадку русскаго дѣла. Не за живительныя струи гражданственности, враждебной дореформеннымъ злоупотребленіямъ и всякой неправдѣ, а именно за неудачныя стороны дѣла, за теоретическія и практическія изъяны, парализующіе сосредоточеніе русскихъ національныхъ силъ, принято въ нашей космополитической печати называть эту реформу «великой»; съ точки зрѣнія окраинныхъ русскихъ интересовъ она, вслѣдствіе уродливаго преобладанія тамъ именно изъяновъ, заслуживаетъ термина, изобрѣтеннаго какимъ-то поэтомъ-декадентомъ: «великое безлакое ничто»!

Въ самомъ дѣлѣ, каковъ результатъ объективнаго формальнаго уравниванія всѣхъ правъ на какой-нибудь пестрой окраинѣ, безъ сообразованія съ племенными, историческими и экономическими условіями? Величайшая реальная неправда, неправда и ненормальность всего жизненнаго склада и, ужъ разумеется, полное попраніе русскихъ интересовъ, которымъ надлежало бы тамъ предоставить *привилегированное* положеніе. Элементы, способные сплотиться, неминуемо образуютъ стачку и своего рода заговоръ, сперва бытовой, а потомъ и политическій, который затѣмъ и разрастается въ стройную

организацію, враждебную и небезопасную русскому дѣлу. Напримѣръ, на Кавказѣ армянская организація особенно начала разрастаться со времени введенія въ этомъ краѣ гражданскаго управленія, гражданской школы и пресловутыхъ новыхъ судовъ, быстро утратившихъ тамъ лучшія стороны судебныхъ уставовъ и превратившихся въ нѣчто дореформенно-казуистическое, къ великому соблазну туземцевъ.

Наконецъ, весьма сильнымъ и умѣло дѣйствующимъ факторомъ организацій инородческаго обособленія является систематичная *работа зарубежныхъ враговъ* Россіи. Финскіе сепаратисты находятъ моральную и матеріальную поддержку въ Швеціи, Даніи и Германіи, польскіе—въ Австро-Венгріи, въ Ватиканѣ, по временамъ во Франціи и, какъ это ни странно, даже въ Германіи, при посредствѣ польскихъ евреевъ; кавказскіе—долгое время вдохновлялись Англійей, а за послѣднія 30—40 лѣтъ—Германіей, играющей теперь первенствующую роль въ Передней Азіи. Германія же, разумѣется, сильно влияетъ своимъ воинствующимъ и *дальновиднымъ* націонализмомъ на всѣхъ нѣмцевъ, щедро почтившихъ своимъ присутвіемъ всевозможныя мѣстности нашего отечества и занимающихъ въ Россіи фактически привилегированное положеніе. На нервы нашихъ мусульманъ дѣйствуютъ эмиссары не только изъ независимыхъ, но и изъ вассальныхъ намъ мусульманскихъ государствъ.

Обособленная сплоченность различныхъ инородческихъ группъ находитъ себѣ, прежде всего, прочную опору въ *экономической почвѣ*, которая русскими людьми почти на всѣхъ нашихъ окраинахъ не приобрѣтена, а мѣстами, со времени все тѣхъ-же реформъ, радикально утрачена. Гдѣ нѣтъ экономической почвы у русскаго дѣла, тамъ есть лишь войска и плохо обезпеченные чиновники, тамъ русское владычество можетъ быть названо лишь *оккупацией*. А вѣдь таково положеніе дѣла почти на всѣхъ окраинахъ. Немудрено, что при всѣхъ вышеуказанныхъ условіяхъ, тамъ, за неимѣніемъ крѣпкихъ, *почвенныхъ* русскихъ организацій, развиваются и крѣпнутъ организаціи инородческія съ центробѣжными стремленіями. Любое учрежденіе служитъ имъ почвою, если носятъ характеръ объективнаго безличія. Городская дума въ Тифлисѣ,

мѣстный государственный банкъ и разныя мнимо-ученыя общества являются de facto органами армянской интриги; того-же добиваются теперь гг. Спасовичъ и Пилыць для Привислянскаго края, увѣряя русскихъ людей, что это было бы актомъ русскаго прогресса, а не самоотреченія.

Даже русскія учебныя заведенія, особенно высшія, въ которыхъ педагоги и питомцы находятся подъ сильнымъ духовнымъ и матеріально-бытовымъ вліяніемъ инородческихъ организацій, являются сильными орудіями этихъ послѣднихъ. Недаромъ армянскіе милліонеры такъ усиленно и упорно хлопчуть объ учрежденіи политехникума въ Тифлисъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ столичныхъ радѣтелей, состоящихъ съ ними въ компромиссѣ. Казалось бы для нашихъ правящихъ сферъ долженъ быть отрезвляющимъ урокомъ политическій опытъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній на западныхъ окраинахъ, гдѣ вліяніе польскихъ и еврейскихъ тенденцій болѣе чѣмъ очевидно.

Читатели, знакомые не съ одною только, а съ нѣсколькими инородческими окраинами нашими, вѣроятно, давно ждуть существенной *оговорки*, заключающейся въ томъ, что наши инородцы весьма многообразны, и складъ окраинной жизни далеко не всюду одинаковъ.

Оговорка болѣе чѣмъ необходимая. Боже упаси отрицать *разнообразіе* инородческихъ характеровъ и необходимость соотвѣтственнаго разнообразія въ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ инородческимъ группамъ со стороны нашихъ правящихъ сферъ и руководящихъ классовъ! Вѣдь одни изъ инородцевъ присоединились къ намъ добровольно, какъ напр., грузины; другіе, какъ, напр., поляки и тюрко-татары, состоятъ съ нами въ кровномъ родствѣ; третьи, какъ, напр., нѣмцы, играли видную роль въ нашемъ культурномъ и государственномъ развитіи за императорскій періодъ. Все это надо оцѣнить по достоинству, и каждому изъ отдѣльныхъ инородческихъ вопросовъ мнѣ придется посвятить особые очерки въ дальнѣйшихъ главахъ «Русскихъ рѣчей»¹⁾. Въ настоящей же

¹⁾ Безвременная смерть помѣшала В. Л. Величко довести до конца задуманный имъ трудъ. Ему удалось разработать лишь еврейскій вопросъ, которому посвящены дальнѣйшія главы настоящей книги, и инородческіе вопросы Кавказа, составившіе отдѣльный томъ (т. I) его сочиненій.

главѣ сгруппированы соображенія относительно такихъ общихъ всѣмъ развѣтвленіямъ инородческаго вопроса симптомовъ и явленій, къ которымъ примѣнимо изреченіе: «plus ça change, plus c'est la même chose».

Кстати, пора отмѣтить, что почти всѣ безъ исключенія *инородческія неофициальныя организаціи состоятъ между собою въ тѣсной связи*, и связь эта крѣпнетъ и упрочивается съ каждымъ днемъ. Заведены между ними непосредственныя отношенія, поддерживаемыя какъ въ Петербургѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ излюбленныхъ російскихъ и заграничныхъ курортахъ; на примѣръ, политиканствующие нѣмцы, финны, поляки и армяне весьма охотно сѣзжаются на рижскомъ побережьи; «летучими» посредниками, кромѣ того, являются интеллигенты изъ евреевъ, а объединяющими идейными пунктами—цѣлый рядъ русскихъ повременныхъ изданій, служащихъ инородческому натиску на Россію, въ силу беспочвенности своего отвлеченнаго либерализма, а нерѣдко и подъ вліяніемъ гораздо менѣе принципіальныхъ соображеній. Помимо всего, есть много признаковъ существованія въ нашей столицѣ 2—3 масовскихъ ложъ, работающихъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

Признаковъ сплоченности разныхъ инородческихъ организацій можно въ любую минуту получить сколько угодно. Стоитъ, на примѣръ, кому-нибудь въ Кишиневѣ заикнуться объ отрицательныхъ сторонахъ молдаванской обособленности,—чтобы получить непріятности въ любомъ изъ другихъ инородческихъ центровъ. Очевидно, даются какіе-то общіе сигналы «по всей линіи» или «приказы по инородческому союзу».

Мнѣ лично пришлось испытать это на себѣ, при слѣдующихъ характерныхъ обстоятельствахъ. Въ бытность мою на Кавказѣ, я обратилъ специальное вниманіе на продѣлки мѣстной политиканствующей армянской плутократіи, а къ другимъ инородческимъ вопросамъ относился крайне мягко; въ частности, къ мѣстной польской колоніи, насчитывающей много весьма культурныхъ и симпатичныхъ людей, брезгливо осуждающихъ разныя мѣстныя безобразія, я относился столь дружелюбно, что получалъ неоднократно официальные знаки

ея признательности; между тѣмъ, въ польской «угодѣвой» петербургской газетѣ «Крај» по поводу оставленія мною газеты «Кавказъ», моя кавказская дѣятельность была названа «шкодливою», причеъ авторъ замѣтки сослался на кропанія одного мнимо-русскаго публициста, какъ на своего рода «заключеніе» усерднаго «прокурора инородческаго суда надъ непокорными россиянами»; затѣмъ травля пошла по всей линіи, т. е. во всей инородческой прессѣ, печатающейя русскими и иными буквами. Исполненіе программы было столь дружное, что даже доставляло мнѣ художественное удовольствіе, конечно, наряду съ сожалѣніемъ о томъ, что люди не умѣютъ «спѣться» столь дружно для чего-нибудь болѣе путнаго и полезнаго. Вотъ еще фактъ, не менѣе характерный: послѣ одной изъ первыхъ статей «Кавказа», неприятныхъ армянскимъ политиканамъ, я получилъ угрожающія и порнографически-ругательныя анонимныя письма не только отъ «Великой Арменіи», но и изъ «Финляндскаго государства»; очевидно, существуетъ трогательное единеніе между «хладными финскими скалами» и «пламенною Колхидою».

Слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, что съ точки зрѣнія общепородческаго союза одни инородцы являются «любимыми дѣтьми» (на Кавказѣ богатые армяне), а другіе— «пасынками». Къ послѣдней категоріи принадлежатъ грузины,—за то, что они православные, охотно служатъ въ русской арміи и, хотя пререкаются съ чиновниками, но крѣпко преданы престолу, и мусульмане,—за то, что они стихійно сочувствуютъ самодержавію и въ большинствѣ по духу близки къ русскимъ. Наша мнимо-либеральная печать, находившаяся въ данномъ вопросѣ подъ вліяніемъ армянскаго агитатора Джаншіева, доходила даже до того, что *противилась уравненію правъ мусульманъ съ мнимыми «христианами»* въ городскомъ самоуправленіи. Это уравненіе, введенное было главноначальствующимъ княземъ Голицынымъ на Кавказѣ, было затѣмъ отмѣнено, подъ давленіемъ петербургскихъ сферъ. Фактъ характерный и для русскаго имени нелестный.

Къ какимъ же ближайшимъ цѣлямъ стремятся наши объединенныя инородческія организациі? Что имъ желательно,

какъ переходная ступень къ тому будущему, которое рисуется имъ въ мечтахъ?

На своихъ территоріяхъ они желаютъ введенія тѣхъ объективныхъ и безличныхъ учреждений, при помощи которыхъ они могли бы посильнѣе сплотиться и упрочить свою этнографическую самобытность. Сперва самоуправленіе, городское и земское, потомъ расширение правъ мѣстныхъ языковъ и нарѣчій, а затѣмъ... затѣмъ, можетъ быть, и въ остальной Россіи самоуправленіе приметъ западныя формы,—и тогда затрепичитъ она, матушка, по всѣмъ швамъ. Ну, тогда уже видно будетъ!..

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французскій публицистъ Пьеръ Моранъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, былъ «захваченъ», закормленъ и вообще всячески ублаготворенъ мѣстными руководителями армянской агитаціи, послѣ чего помѣстилъ, очевидно, по ихъ желанію, весьма интересную статью въ журналѣ «Correspondant». Онъ откровенно высказываетъ въ ней, между прочимъ, ярую ненависть къ здоровой политикѣ Императора Александра III и говоритъ, что армянамъ, какъ и другимъ политиканствующимъ инородцамъ, прежде всего желательна *конституція* въ Россіи.

Это не подлежитъ сомнѣнію. Одни инородцы желаютъ конституціи, потому что сознаютъ гибельность ея для Россіи и выгодность ея для какихъ угодно формъ инородческаго обособленія. Другіе желаютъ ея безъ всякой задней мысли и безъ враждебности къ Россіи, а лишь потому, что по происхожденію принадлежатъ къ расамъ, которымъ нашъ исконный строй *органически чуждъ* и непонятенъ. Не дай Богъ, чтобъ ихъ желанія когда-либо сбылись!..

Тогда и впрямь началось бы для нихъ настоящее при-волье,—и на русской шеѣ крѣпко усѣлись бы разные пронырливые «янцы» и «зоны»!.. Нужно отдать справедливость «общинородческому союзу»: онъ работаетъ хорошо, систематично, зачастую оставляя въ тѣни «своихъ», скрывая главныхъ вожakovъ почти непроницаемою тайной и пріобрѣтая себѣ союзниковъ, огражденныхъ вліятельнымъ положеніемъ отъ серіозной отвѣтственности; онъ выдвигаетъ на арену борьбы развязныхъ, наглыхъ, русскихъ по имени людей,

возлагая на нихъ различныя, съ виду между собою не связанныя задачи. Одинъ пишетъ или ораторствуетъ о безпредѣльномъ развитіи народоправства и приучаетъ публику къ нервнымъ вздохамъ по «свободѣ», причемъ подтасовываетъ, какъ будто нечаянно смѣшиваетъ понятія *бюрократіи* и *бюрократизма*, серіозной національной идеи и грубаго націонализма: поверхностно-мыслящіе читатели и слушатели, лишенные *русскаго* политическаго воспитанія, ловятся на эту удочку и не понимаютъ, что *бюрократія нужна каждому государству*, а нежелательны лишь недостатки ея, воплощающіеся въ бюрократизмъ, и что между уравнившею національною идеею и грубымъ, некультурнымъ націонализмомъ есть существенная разница; другой подвергаетъ беззащитному поруганію самую идею русскаго патріотизма, поддерживая одновременно племенной націонализмъ наступательныхъ инородцевъ; третій преподноситъ публикѣ тѣ-же тенденціи и заднія мысли *въ пилюляхъ или облаткахъ русской національной идеи* и, для виду поругивая тѣхъ или иныхъ инородцевъ, на дѣлѣ состоятъ у нихъ въ услуженіи. Инородческіе политиканы, вѣдь, согласны, чтобъ ихъ «поругивали», *лишь бы попутно національная идея «размячалась» и обезцвѣчивалась*, а главное,—лишь бы подрывались основы русской государственной твердыни, покуда наша самодѣятельность еще *не развилась и благоразумная, созидательная общественность еще не окрепла*. Опекаемые слабы, не подготовлены, разрознены, приучены къ фантазерству; снять съ нихъ опеку, показавъ заманчивые горизонты,—и тогда можно будетъ прибрать ихъ къ рукамъ... Дальновидность такихъ расчетовъ и «тонкость работы» свидѣтельствуютъ о наличности стройной системы и изряднаго инородческаго «Reptilienfond'a»...

Это давно пора принять къ свѣдѣнію.

Вообще, прежде, чѣмъ увлекаться какими бы то ни было модными теченіями, русскимъ людямъ полезно взвѣсить, *кому они особенно на-руку*: не инородцамъ ли и ихъ зарубежнымъ вдохновителямъ? Этотъ пробный камень никогда не обманетъ. Человѣку, искренно и безкорыстно стремящемуся къ народному благу, станетъ тогда ясно, *по какому* пути надо стремиться къ улучшенію нашей національной жизни. Какъ бы

ни была въ немъ велика жажда *гражданскаго* развитія Россіи,—онъ пойметъ здравымъ русскимъ умомъ вредную нелѣпность введенія въ нашу общественность такихъ формъ, для которыхъ не готово реальное *русское* содержаніе. Въдѣ нельзя же обобщать личныя чувствованія, не сообразуясь съ дѣйствительными интересами родного народа. Смѣшно и глупо было бы работать въ пользу враговъ Россіи, да еще изъ любви къ ней!

Нѣтъ политиканствующаго инородца, для котораго не было бы святыней имя графа Лорисъ-Меликова, не какъ умѣлаго полководца, а какъ автора неосуществившихся проектовъ. Нѣтъ политиканствующаго инородца, у котораго не роилось бы въ головѣ мыслей о томъ, *что будетъ, если Россію вовлекутъ въ неудачную войну* ¹⁾. Эти мысли они даже склонны подчеркивать, какъ вѣскіе аргументы въ пользу необходимости мягкой и не столько примирительной по настроенію, сколько *слабой по существу* окраинной политики. Авторы такихъ предположеній, строго говоря, поступаютъ безтактно, высказывая ихъ, такъ какъ инородческое упоминаніе о возможности неудачной для Россіи войны есть плохо замаскированная угроза.

Наряду съ такою угрозой, почти всѣ безъ исключенія инородцы любятъ напирать на свою лояльность и даже вырабатали особые въ каждой мѣстности термины для своеобразнаго толкованія этого понятія. Такъ, въ Закавказьѣ слово «вѣрнопопданный», въ Варшавѣ «угодовичъ», въ балтійскихъ губерніяхъ «лояльный» и въ Финляндіи «легальный» опредѣляютъ людей, которые вѣрны Главѣ государства, но не склонны подчиняться распоряженіямъ мѣстныхъ властей и даже нѣкоторымъ законамъ, санкціонированнымъ верховною властью. Подъ всѣмъ этимъ, очевидно, скрывается «австрійская» идея личной уніи, дающей просторъ всякимъ формамъ инородческаго обособленія и даже случайнымъ капризамъ.

Вотъ почему всѣмъ рѣшительно окраиннымъ политиканамъ крайне симпатична идея *намѣстничества*; они сознаютъ, что при такой формѣ управленія окраиной открывается наиболѣе широкая возможность обособленія. У намѣстника, осо-

1) Написано въ декабрѣ 1902 г.

бенно, если онъ человѣкъ очень высокаго происхожденія, образуется дворъ, въ которомъ играютъ роль разныя личныя (нерѣдко женскія) вліянія,—и исходящія отъ центральной власти предначертанія легко могутъ быть искривлены или даже сведены къ нулю. Вышній блескъ даетъ иллюзію отдѣльнаго вассальнаго государства; иллюзія затѣмъ зажигаетъ воображеніе,—и, въ результатѣ, можетъ получиться даже инсurreкціонная вспышка, какъ это и было въ Польшѣ. Опытъ настолько поучительный, что намѣстничество, надо полагать, отошло навѣки въ область преданій...

Идея личной уніи предполагаетъ со стороны инородцевъ враждебное, или, во всякомъ случаѣ, отрицательное отношеніе ихъ къ русскому народному элементу и, за почти повсемѣстнымъ на окраинахъ его отсутствіемъ,—къ окраинному русскому служилому классу. У этого факта есть очень своеобразная психологія. Съ одной стороны, безспорно, что русскій служилый классъ на окраинахъ въ значительномъ большинствѣ не стоитъ на высотѣ своего патріотическаго призванія; съ другой—характерно, что инородческіе политикавы *не любятъ хорошихъ*, безупречныхъ окраинныхъ дѣятелей, не рады имъ. Конечно, рѣчь идетъ только о политиканахъ, а не о народной массѣ.

Въ окраинной служилой средѣ наиболѣе часто встрѣчаются слѣдующіе три типа: 1) люди корыстнаго компромисса, къ которымъ примыкаютъ и «либеральные» хулители нашей государственности и отрицатели нашей національной идеи; 2) равнодушно-лѣнныя люди 20-го числа и 3) нервныя російскіе патріоты (нѣкоторые съ отгѣнкомъ неудовлетвореннаго карьеризма). Уравновѣшенныхъ, политически-образованныхъ и вдумчивыхъ людей на окраинахъ сравнительно мало, ибо жизнь, уродуемая плохою школою, безпочвенною печатію и сбившеюся съ пути общественностью, за послѣднее время весьма мало выдвигаетъ такихъ людей даже въ чисто-русскихъ центрахъ. Для окраинъ ихъ не хватаетъ.

Коренною мѣстною причиною низкаго уровня служилыхъ людей на окраинахъ является малая ихъ обеспеченность и вообще *отсутствіе* у нихъ благопріятной *экономической почвы*. Размѣры содержанія, даже съ окраинными прибавками, обычно-

венно возрастають медленно, чѣмъ цѣны на предметы необходимости, особенно, когда эти послѣднія находятся въ сильной зависимости отъ инородческой «политики», при отсутствіи русскихъ капиталовъ, промышленныхъ предприятий и вообще русской буржуазіи на окраинахъ. Наконецъ, «предложеніе» людей корыстнаго компромисса въ значительной мѣрѣ объясняется сильнымъ, почти назойливымъ «спросомъ» на нихъ.

Чѣмъ болѣе интенсивно обособленіе на той или иной окраинѣ, тѣмъ больше готовы заплатить главари такого движенія за незаконныя дѣйствія служилыхъ людей, а потому степенью доступности служилаго класса «звону злата» можетъ даже отчасти измѣряться и степень политической благонадежности той или иной окраины. Иной чиновникъ, который во внутренней Россіи навѣрное остался бы честнымъ человѣкомъ, на подобной окраинѣ впадаетъ въ корыстные компромиссы всякаго рода, потому что его охватываетъ и подчиняетъ себѣ систематично подготовленная обстановка: его и въ долги втянуть, и въ карточную игру, и въ пристрастіе къ Бахусу, и эффектную чаровницу подsunуть ему, и на семейство его повліяють,—словомъ, найдутъ слабую струну и умѣло на ней поиграють.

На окраинахъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, имѣетъ значеніе для служилаго класса уровень *личной нравственности*, уровень достоинства личной и семейной жизни. Только тотъ можетъ быть *крѣпкимъ русскимъ дьятелемъ*, кто совладалъ со своими страстями и страстишками, которымъ во внутренней Россіи можно предаваться съ меньшею опасностью для дѣла. Попадетъ, напримѣръ, какой-нибудь любитель прекраснаго пола на окраину—и живо его тамъ приберутъ къ рукамъ, и поступится онъ служебнымъ долгомъ, важную тайну выдастъ врагамъ, темное дѣло прикроетъ!.. Горе и тѣмъ, чьи жены и дѣти мало-мальски неустойчивы. Инородцы скоро это увидяють—и до «паденія» одинъ шагъ!..

Инородцы любятъ такихъ податливыхъ людей, во-первыхъ, какъ людей услужливыхъ, а во-вторыхъ, какъ русскихъ илотовъ, на которыхъ можно ссылаться, обобщая это, далеко не повальное, явленіе, и говоря, что Россія посылаетъ на свои окраины исключительно «всякій сбродъ».

Людей, которые безкорыстно поступаются, въ силу одного только фальшиваго либерализма, русскими національными интересами на окраинахъ, инородцы по внѣшности уважають, но въ душѣ-то не могутъ не презирать, какъ умственныхъ калѣкъ или кастратовъ съ чьей угодно національной точки зрѣнія. Кромѣ того, у нихъ бываетъ опасеніе: а что, какъ вдругъ подобный господинъ опомнится и станетъ чувствовать болѣе патріотично? Чтобы этого не случилось, они стараются скомпрометировать его тѣмъ или инымъ способомъ и взять на свой арканъ, поставить на него свою мѣтку, что нерѣдко и удается.

Неумѣренныхъ русскихъ патріотовъ инородцы, конечно, не любятъ изъ-за постоянныхъ непріятныхъ нервныхъ впечатлѣній, но, до извѣстной степени, *цѣнятъ въ нихъ именно неумѣренность* и неуравновѣшенность, которая, съ одной стороны, подаетъ поводъ инородческимъ вожакамъ сильнѣе вліять на своихъ соплеменниковъ, а съ другой—дискредитировать русскій патріотизмъ вообще, передъ власть имущими и общественнымъ мнѣніемъ. Послѣднее достигается довольно легко, въ виду обилія «непомнящихъ родства» въ нашей печати и бюрократическихъ гостиныхъ. «Непомнящіе родства» являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, и *«непомнящими лошки»*, такъ какъ всякое проявленіе, поощреніе и поддержаніе инородческаго узкаго и нетерпимаго націонализма считаютъ доблестью, а русскій патріотизмъ—позорнымъ преступленіемъ. Неумѣренные же и нервные патріоты, какъ явленіе болѣзненное, естественно вызываютъ болѣзненное чувство и въ тѣхъ, кто ихъ наблюдаетъ. Они нерѣдко этимъ играютъ въ руку именно врагамъ и отрицателямъ русскаго патріотизма. Тѣмъ не менѣе, русское общество должно бы повнимательнѣе прислушиваться къ голосу нервныхъ патріотовъ. Въ основѣ-то виноваты не они!

Только когда люди сильно изстрадаются подъ гнетомъ тяжелыхъ окраинныхъ условій, не видя помощи ни откуда, они дѣлаются особенно способными къ нытью и брюзжанію, къ мелочнымъ придиркамъ и безтактнымъ вспышкамъ того великаго чувства, которое должно бы внушить имъ солидарность между собою и дружную культурную работу на благо русскому дѣлу.

«Въ чемъ же она заключается?»—спросять они. Ахъ, Боже мой, да прежде всего въ самообразованіи, въ самоуглубленіи, въ выработкѣ характера и вооруженіи себя всяческими знаніями, въ преобладаніи духовныхъ интересовъ надъ матеріально-животными, въ умѣннн сговориться, спѣться съ другими людьми, поступаясь личнымъ сомолюбіемъ! Затѣмъ сама собою выяснится и программа русской культурной самодѣятельности на окраинахъ, и въ нее войдутъ всякіе виды коопераціи, взаимопомощи, духовнаго взаимодействія, какъ въ какой-нибудь молоканской общинѣ или хорошей полковой семьѣ. Человѣкъ почувствуетъ себя не одинокимъ, станетъ лучше, сильнѣе, достойнѣе. Взывать къ правительственной помощи и опека въ весьма нетрудно, но нельзя уповать только на нее. Она теперь необходима *при нашемъ неумннн группироваться*, но надо этому неумннн положить предѣлъ, сознать, что оно нелестно для русскаго имени, пагубно для русскаго дѣла. Русскіе люди разрознены,—такъ пусть во имя общаго дѣла покрѣпче полюбятъ другъ друга, сплотятся потѣснѣе. Тогда они воистину будутъ *силою*. А они, большею частью, въ этомъ смыслѣ не работаютъ и проводятъ свои досуги маленькими кучками за бутылкой вина или стаканомъ чаю въ пессимистической бесѣдѣ, прерываемой вздохами, возгласами «э-ахъ» и возложеніемъ надеждъ на помощь Николая, чудотворца мирликійскаго.

Многіе изъ такихъ людей оказываются патриотическимъ пустоцвѣтомъ, однако отчасти по винѣ правящихъ сферъ. Если бы имъ облегчить экономическое преуспѣяніе, да помочь имъ сплотиться такъ, какъ это дѣлаютъ нѣмцы въ Познани или славянскихъ земляхъ, то многія разрозненныя и безплодныя нынѣ русскія силы стали бы производительными. По весьма печальной случайности, окраинные бюрократы обыкновенно недостаточно думаютъ объ этомъ *главномъ* изъ русскихъ окраинныхъ вопросовъ. Наоборотъ, они зачастую прежде всего хотятъ формальнаго спокойствія и относятся къ самому понятію патриотизма, если не съ отвращеніемъ, то съ сугубою осторожностью, какъ къ подносу съ посудой: упаси Боже, что нибудь разобьется и на шумитъ!... Высшее начальство узнаетъ и тогда... можно потерять мѣсто, или не

получить очередной награды. *Это* главное, а прочее все... гиль!...

О равнодушно-лѣнливыхъ людяхъ говорить не стоитъ. Они одинаково бесполезны и въ центрѣ, и на окраинахъ. Но вотъ, небезполезно повнимательнѣе остановиться на указанной выше характерной чертѣ окраинной психологіи: нелюбви политиканствующихъ инородцевъ къ хорошимъ, безкорыстнымъ и умѣренно, но осмысленно и твердопатріотичнымъ русскимъ крайнимъ дѣателямъ, т. е. именно къ такимъ, которые тамъ особенно нужны, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ и блага мѣстнаго населенія. «Охота» на нихъ ведется усиленная: если не удастся какъ-нибудь вовлечь ихъ въ компромиссъ, то инородцы, при помощи продажныхъ представителей служилаго класса или умственно-мелкихъ чиновныхъ диллтантовъ, взводятъ на такихъ дѣателей всякіе поклепы, обвиняютъ ихъ въ томъ неумѣренномъ патріотизмѣ, котораго такъ боятся и окраинныя, и столичныя власти,—а затѣмъ газетная «либеральная» травля довершаетъ остальное. Рѣдко какому дальновидному и сильному крайнему дѣателю удалось избѣгнуть такихъ бѣдствій. Какъ на особо-счастливое исключеніе, можно указать на покойнаго Д. С. Сипягина, который, въ бытность свою курляндскимъ губернаторомъ, стяжалъ уваженіе и симпатію всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, не взирая на свой глубочайшій русскій патріотизмъ.

Когда дѣатель такого рода не поддается рѣшительно никакимъ соблазнамъ и обвиненіямъ, то крайнее политиканство ставитъ ему въ укоръ... самый пріѣздъ на службу въ данную мѣстность. Типичные примѣры такого отношенія къ дѣлу попадаютъ въ статьѣ «Варшавское общество», помѣщенной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одной зарубежной польской газетѣ. Авторъ статьи (по слухамъ, знатная аристократка) находитъ, что «честный русскій человекъ не имѣетъ права служить» въ Привислинскомъ краѣ, даже когда онъ воодушевленъ несомнѣннымъ доброжелательствомъ къ мѣстному населенію. Само собою разумѣется, что такой крайній взглядъ можетъ вытекать лишь изъ австрійской идеи личной уніи.

Россія—не Австрія. Въ этомъ пестромъ коврѣ нѣмцы, создавшіе государство, гораздо менѣе многочисленны, чѣмъ

возрождающіеся нынѣ славяне. Подчиненіе кровныхъ интересовъ большинства паразитическому меньшинству—и, вдобавокъ, подчиненіе чисто-случайное,—есть, конечно, нелѣпость, и простыя математическія соображенія вполне умѣстны въ политикѣ, когда выразителемъ ихъ явится значительная народная масса. У насъ не то: наше національное право основывается не только на громадномъ *численномъ* перевѣсѣ надъ какими бы то ни было инородцами, но и на *превосходствѣ того строя*, который выработанъ великимъ русскимъ народомъ.

Мы даемъ нашимъ инородцамъ такую ширь идей, такую глубину чувства, какія и не снились Габсбургамъ, приумножившимъ свои владѣнія посредствомъ разныхъ «счастливыхъ конъюнктуръ» зачастую чужими руками, какъ захватили они, напримѣръ, злополучныя Боснію и Герцеговину. Что получено цѣною народной крови, то цѣнится дороже и должно охраняться посерьознѣе, чѣмъ австрійскіе «свалёбные подарки»....

Говоря о центробѣжныхъ стремленіяхъ различныхъ инородцевъ, нужно разумѣть отнюдь *не ихъ народныя массы*, а только главарей и политиканствующія группы, играющія по отношенію къ своимъ соплеменникамъ не столько тенденціозно-воспитательную, сколько *паразитическую роль*. Политиканство приноситъ этимъ людямъ не только пріятныя ощущенія для самолюбія, но и реальныя выгоды для кармана. У насъ, въ огромной Россіи, даже художественный гений Толстого не сразу получилъ всеобщее признаніе, даже безсмертный Пушкинъ доселѣ одержалъ еще не ту побѣду, которой достоинъ: а въ какихъ-нибудь Шушѣ, Бендерахъ, Кѣльцахъ или Тавастгусѣ банальный, развязный болтунъ легко становится великимъ человекомъ, «доблестнымъ гражданиномъ своей націи». Если онъ пишетъ дѣтски-элементарныя стихи, то ихъ раскупаютъ и учить наизусть весь муравейникъ инородческихъ «литтератовъ»; если онъ умѣетъ рвать зубы, то патріотически настроенные кліенты, пожалуй, способны лѣзть къ нему даже со здоровыми зубами; если онъ адвокатъ или нотаріусъ, то практика растётъ параллельно съ патріотическою популярностью. Даже русское общество, столь мало умѣющее цѣнить своихъ дѣятелей, подчиняется

гипнозу инородческаго шума и проявляет особый респектъ по отношенію къ избранникамъ маленькихъ «націй», входящихъ въ составъ русскаго государства. Инородческій гипнозъ настолько дѣйствуетъ на наше общество, что даже цѣлый рядъ нашихъ, по существу ничтожныхъ, людей пера выдвинулся при помощи шумихи нерусскихъ рукоплесканій.

Выдвигая своихъ «геніевъ», наши инородцы тратятъ на это духовныя и матеріальныя средства, т. е. совершаютъ актъ односторонней и тенденціозно-направленной, но все-таки гражданственности, дѣлаютъ шагъ впередъ по пути политическаго развитія. Умѣнье цѣнить свое, проявлять солидарность, поступаться личными интересами ради какого бы то ни было общаго дѣла—это все положительныя черты, которымъ не мѣшаетъ поучиться кое-какимъ современнымъ русскимъ по имени людямъ.

Все самобытное имѣетъ право на существованіе, на жизнь и развитіе въ предѣлахъ, указанныхъ ему судьбою. Требовать, чтобы всѣ деревья превратились въ дубы или березы, или чтобы соколъ сдѣлался курносимъ,—безусловно нельзя. Такое требованіе было бы и безчеловѣчнымъ, и недостижимымъ. Поэтому проповѣдь «стиранія съ лица земли» инородческихъ особенностей противорѣчила бы и Божьей правдѣ, выраженной въ природѣ, да и русскому духу. Надо желать только сближенія на разумныхъ началахъ, которое (впрочемъ, далеко не во всѣхъ случаяхъ) должно привести къ сліянію.

Эволюція междуплеменнаго сближенія совершается медленно. Надежнѣйшимъ, лучшимъ, органическимъ средствомъ для нея являются смѣшанные браки. Если даже брачующимся птицамъ необходимо *иньздо*, то ясно, что для мало-мальски сильнаго русскаго воздѣйствія на окраинѣ, немыслимаго безъ распространенія смѣшанныхъ браковъ, государственнаго языка и т. д., необходима прежде всего *національно-экономическая политика*.

Предѣлы инородческихъ языковъ указываются, съ одной стороны, сущностью, т. е. созидательными началами государственнаго строя, а съ другой—опредѣляются реальными условіями жизни. Само собою разумѣется, что государственный языкъ не можетъ быть устраненъ изъ какихъ бы то ни было

присутственных мѣстъ, учебныхъ заведеній и тѣхъ органовъ общественнаго самоуправленія, которые такъ или иначе являются делегациейъ правительственной власти. Само сабою разумѣется, что изгнаніе русскаго языка изъ какой-нибудь окраинной городской думы было бы отреченіемъ отъ русскаго дѣла, уродствомъ въ австрійскомъ стилѣ.

Но, наряду съ этимъ, недостаточно внимательное отношеніе къ туземнымъ языкамъ въ начальной школѣ было бы ненужной педагогическою ошибкою. Языкъ — величайшее, первое орудіе человѣческаго духа, проводникъ нравственныхъ чувствъ и понятій и, такъ сказать, *органической рычагъ развитія*, тѣсно связанный съ племенной психологіей и потому не подлежащій искусственному подмѣну. Мальчикъ грузинъ, полякъ или татаринъ будетъ умнѣе, нравственнѣе и живѣе, если родной языкъ будетъ для него первымъ орудіемъ развитія. Русскому мальчику необходимо прежде всего усвоить русскій языкъ, потому что иначе онъ будетъ слабѣе не только съ національной, но съ объективно-духовной точки зрѣнія. Въ данномъ вопросѣ нужно прежде всего *уваженіе къ природѣ*. Русскому дѣлу оно нисколько не помѣшаетъ, хотя и отсрочитъ формальный его успѣхъ.

Когда русскіе люди будутъ на окраинахъ многочисленны, зажиточны, сильны и проникнуты національнымъ самосознаніемъ, то сами собою расширятся сферы нашего языка, нашихъ идей, нашего духовнаго и экономическаго вліянія. Почти на всѣхъ нашихъ окраинахъ уже теперь, и безъ наличности такого условія, разноплеменная туземная народная масса стремится къ знанію государственнаго языка, видя въ немъ ключъ къ своему благополучію и защитѣ отъ административной или судебной неправды. Иностранческіе же вожакі стараются противодѣйствовать распространенію государственнаго языка, предвидя, что пасомое ими стадо тогда значительно сократится. Такое настроеніе ихъ свидѣтельствуетъ, разумѣется, болше о служеніи эгоистическимъ цѣлямъ, нежели о дѣйствительной любви ихъ къ своимъ соплеменникамъ.

Какъ выше сказано, и русскимъ руководящимъ сферамъ, и самимъ иностранцамъ надо предоставить конкуренцію между языками въ частномъ обиходѣ рѣшенію самой жизни. Если

инородческая литература и повременная печать будутъ бѣднѣе, чѣмъ русская, то знакомые съ государственнымъ языкомъ инородцы будутъ предпочитать эту послѣднюю, и предпочтеніе будетъ добровольное, разумное, а потому и богатое добрыми плодами.

Значеніе языка не слѣдуетъ преувеличивать. Съ русской созидательной точки зрѣнія важно не столько формальное распространеніе государственнаго языка, сколько то, чтобы наши окраинные обыватели думали и, главное, *чувствовали* по-русски. Въ настоящую минуту на многихъ окраинахъ государственный языкъ болѣе распространенъ, чѣмъ 40 лѣтъ тому назадъ, а чувства людей, говорящихъ на немъ, пожалуй, кое-гдѣ менѣе благопріятны намъ, чѣмъ прежде. Если же нужно сравненіе между фактами, происходящими одновременно, то можно указать на образованные классы у грузинъ и у армянъ: первые значительно хуже говорятъ по-русски, но къ русскому дѣлу относятся гораздо болѣе сочувственно, чѣмъ вторые.

Посягательство на колоритныя стороны окраиннаго быта, не заключающія въ себѣ ничего противогосударственнаго, также не всегда цѣлесообразны. Наоборотъ, надо бы поддерживать то, что исторически связано съ добрыми нравами и началами гражданственности. У исполнителей русской задачи на окраинахъ непремѣнно должно быть культурно-художественное чутье и развитіе, для того, чтобы они поддерживали символизмъ, духовно объединяющій инородцевъ съ нами, и осторожно устраняли только наиболѣе рѣзкіе символы обособленія. Искреннее доброжелательство къ нашимъ иноплеменнымъ согражданамъ будетъ всегда понято ими, наперекоръ ихъ себялюбивымъ вожакамъ, и примирить ихъ съ тѣми мѣрами, которыя вызываются государственнымъ соображеніемъ, а не невѣжественными капризами....

Такъ какъ окраинная политика, да и всякая политика вообще, есть нѣчто чрезвычайно гибкое по своимъ формамъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и мѣста, то и общаго окраинно-политическаго шаблона для различныхъ временъ и народностей предложить нельзя, а наоборотъ, необходимо настаивать на разнообразіи методовъ, отвѣчающихъ племенному и всякому иному разнообразію. Поэтому, о данномъ вопросѣ

придется подробнѣе говорить по поводу отдѣльныхъ его развѣтвленій, а покуда необходимо только повторить мысль Аксакова, что наши инородцы тогда сдѣлаются вполнѣ надежными сынами Россіи, когда мы сами станемъ крѣпкими, сознательно-русскими людьми. Надо, чтобы иноплеменные сограждане наши крѣпко убѣдились въ нашей устойчивости и получали, въ случаѣ неподобающихъ заигрываній или неуравновѣшеннаго сепаратизма, спокойно-твердый отвѣтъ, выраженный въ малорусской поговоркѣ: «Не юли, бо не покуришь». Тогда все «образуется» само собою.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о серіозной культурной пользѣ, получаемой русскими и инородцами отъ общенія между собою. Всякое государство является воспитательнымъ учрежденіемъ, какъ естественный путь для выработки общечеловѣческихъ сокровищъ духа, и притомъ не отвлеченныхъ, не доктринерскихъ, а дѣйствительно жизненныхъ. Этими качествами особенно обладаетъ пестроплеменная *имперія*, образованная главнымъ элементомъ сильнымъ количественно и духовно. Она даетъ ту ширину взглядовъ, тотъ смѣлый художественный размахъ, который невѣдомъ маленькимъ народамъ. У этихъ послѣднихъ зато есть такая детальная разработка отдѣльныхъ сторонъ и областей жизни, къ какой мы, русскіе, не привыкли; повидимому, она была и у насъ до императорскаго періода, ознаменованнаго гигантскимъ расширеніемъ нашихъ предѣловъ и цѣлымъ рядомъ не завершившихся доселѣ государственныхъ перестроекъ, т. е. условіями, не благопріятствующими детальной работѣ.

Между тѣмъ, эта послѣдняя крайне необходима, потому что безъ нея немислима прочная культура. Теперешняя германская имперія культурно-сильна и глубоко-національна потому, что долгое время она была раздѣлена на мелкія владѣнія, успѣшно и усердно конкурировавшія между собою въ дѣлѣ просвѣщенія вообще и общественной науки въ частности. Умѣнье обывателей сразу, почти безошибочно группироваться во имя практичныхъ, осуществимыхъ задачъ, отличать существенное отъ второстепеннаго и давать перевѣсъ общему надъ частнымъ—вотъ черты, удобнѣе всего вырабатывающіяся въ сравнительно небольшихъ группахъ людей.

Этими чертами наши окраинные обыватели, хотя и ниже насъ стоящіе духовно, отличаются нерѣдко въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы сами, а ихъ неопредѣленное и формально-подчиненное положеніе способствуетъ развитію у нихъ техники этого дѣла. Этой техникѣ намъ не мѣшаетъ поучиться, а попутно и ихъ самихъ многому научить. Такъ, напримѣръ, каждая изъ маленькихъ инородческихъ группъ называетъ себя «націей», забывая, что понятіе *націи* обусловливается понятіемъ независимаго и притомъ большого, сложнаго по составу *государства*. Между тѣмъ, злоупотребленіе указаннымъ терминомъ получило права гражданства даже на столбцахъ русской повременной печати, что свидѣтельствуетъ о ея чрезвычайной податливости инородческимъ вліяніямъ.

Надо бы, наоборотъ, усилить русское духовное вліяніе на инородческія группы, и притомъ ради собственнаго ихъ блага, а не только въ видахъ политическихъ. Это вліяніе избавило бы ихъ отъ узкой и нерѣдко противосоціальной *мелочности*: однихъ — отъ излишняго деспотизма родового начала, другихъ — отъ аристократическихъ предразсудковъ, третьихъ — отъ опяненія своей обособленностью, подавшею, напримѣръ, полякамъ поводъ назвать свою интеллигенцію «товариществомъ взаимнаго восхищенія». Мѣра вещей, ширина и глубина взглядовъ — вотъ добрые плоды мирнаго общенія и взаимнаго пониманія между русскими и инородцами.

Въ настоящій переходный и во многихъ отношеніяхъ неблагополучный для русскаго самосознанія моментъ, у нашего общенія съ инородцами есть весьма важная сторона, дающая много болѣзненно-горькихъ впечатлѣній, но богатая спасительными созидательными результатами. Русскимъ людямъ живется на окраинахъ плохо и приходится часто страдать невыразимо за самихъ себя и за *русское дѣло* вообще. Оно становится имъ дорого и рельефно выдвигается въ ихъ сознаніи. За вспышками и фанатической любви къ роднымъ устоямъ является сама собою любовь вдумчивая, вникающая въ сущность вопросовъ и дѣлающая строгую переоцѣнку всякихъ доктринерскихъ отвлеченностей и заблужденій.

Тяжелый окраинный опытъ, обыкновенно богатый сравнительнымъ народовѣдѣніемъ, даетъ болѣе глубокое пониманіе

истинныхъ русскихъ національныхъ нуждъ, чѣмъ петербургское кабинетное чтеніе. Яснѣ видны тогда тѣ *священные источники*, въ которыхъ русскіе люди должны черпать творческую силу и патріотическое вдохновеніе.

Какою бы дорогою цѣною ни покупалось это великое благо,—надо искать его, надо быть благодарнымъ за него, ибо въ немъ залогъ будущаго культурнаго расцвѣта нашей многострадальной родины.

Роковой вопросъ.

Чрезъ двадцать слишкомъ вѣковъ исторіи европейскихъ народовъ проходитъ красною нитью больной вопросъ, доселѣ неразрѣшенный, мучительный для всего человѣчества и, можетъ быть, неразрѣшимый: вопросъ о евреяхъ.

Яркими красками изображаютъ историческіе писатели и публицисты XIX столѣтія тѣ гоненія, которымъ евреи подвергались въ теченіе столькихъ вѣковъ у разныхъ народовъ.

Многіе образованные люди (особенно тѣ, у которыхъ голова «сдѣлана», а не выросла самостоятельно!) либо вовсе отрицаютъ всякій поводъ къ такимъ гоненіямъ, либо приписываютъ общеизвѣстныя дурныя еврейскія черты *исключительно* многовѣковымъ преслѣдованіямъ, развратившимъ и озлобившимъ евреевъ. Послѣднее не исполнѣ, а лишь въ значительной степени вѣрно: всякій челоѣкъ и всякій народъ дѣлается хуже подъ вліяніемъ жестокаго обращенія и рабскаго или безправнаго состоянія. Если государственною или общественною необходимостью оправдываются, а иногда и требуются стѣснительныя ограниченія для нѣкоторыхъ челоѣческихъ группъ, то безусловно ничѣмъ не можетъ быть оправданъ практиковавшійся до конца XVIII вѣка *безчеловѣчный*, изувѣрскій характеръ такихъ ограниченій. Государство можетъ сильно сдерживать извѣстныя челоѣческія группы и строго наказывать тѣхъ или иныхъ людей, но исключительно въ такихъ предѣлахъ, которые обуславливаются его воспитательною задачею. Такой же характеръ долженъ быть присвоенъ и дѣятельности руководителей общественнаго мнѣнія, ибо несправедливость

или жестокость съ ихъ стороны опорочили бы ту суровую правду, которую они обязаны говорить.

Несомнѣнно, что въ теченіе многихъ вѣковъ европейскія правительства, а въ XIX вѣкѣ и до нашихъ дней многіе представители правящихъ классовъ нарушали это основное правило по отношенію къ евреямъ, обостряя и разжигая тѣмъ ненависть евреевъ ко всѣмъ иноплеменникамъ, ихъ учрежденіямъ и жизненнымъ устоямъ; немудрено, что подъ вліяніемъ такого чувства, еврейскіе расовые недостатки продолжали и продолжаютъ развиваться...

Еврейскій вопросъ отъ этого затемнялся и затемняется, тѣмъ болѣе, что многіе высокіе умы и благородныя сердца не выносятъ несправедливости и жестокости: въ пылу негодованія противъ крайностей, они забываютъ разумныя историческія основанія къ болѣе уравнишеннымъ ограничительнымъ мѣрамъ и, въ итогъ, зачастую становятся защитниками тѣхъ, кого считают *только улетаемыми*. Многіе такимъ образомъ были сбиты съ толку и впали въ сентиментальность, вмѣсто того, чтобы попытаться спокойно и дѣльно разверстать хотя бы національные интересы и права своего народа съ еврейскими...

Отъ одной несправедливости родится десять, а путаница порождаетъ только путаницу. Выбраться изъ этого лабиринта возможно только при изслѣдованіи самаго корня вопроса, ключомъ къ которому является прежде всего, конечно, исторія.

При внимательномъ къ ней отношеніи, неизбеженъ суровый выводъ, что всякій народъ въ значительной мѣрѣ самъ создаетъ свое положеніе. Если единичный человекъ можетъ случайно попасть въ плѣнъ и умереть *рабомъ*, то цѣлый *народъ* отъ такой случайности не зависитъ: это или свободный въ основѣ народъ, или *предназначенный* для рабства въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если народъ первой категоріи попадетъ въ исключительно скверныя условія, то онъ можетъ либо вымереть, какъ вымираютъ американскіе индѣйцы, либо утратить свою государственность или племенную независимость и стать этнографическимъ матеріаломъ для другой націи; либо, наконецъ, долго томиться подъ чуждымъ игомъ, не теряя надежды и духовной возможности сбросить его. Но онъ не

усвоить *правственной* физиономіи раба, не увѣруеть въ подкупъ и ложь, какъ въ главное средство спасенія или могущества, не проявить бросающейся въ глаза способности къ рѣзкимъ переходамъ отъ рабскаго униженія до безумной заносчивости и наоборотъ. Зависть и мстительность не будутъ горѣть неугасимо въ его душѣ, какъ не будетъ въ ней царить и тьма безнадежности.

Рабство, или вообще низшее, стѣсненное положеніе въ окружающей средѣ, происходитъ всегда по винѣ самого народа, подвергающагося ему: либо это его естественное предназначеніе, какъ на примѣръ, у нѣкоторыхъ африканскихъ племенъ, либо не менѣе естественное историческое *наказаніе* за отрицательныя черты, невыносимыя для окружающихъ народовъ: таково именно положеніе евреевъ.

Чтобы объяснить себѣ ихъ тяжелую историческую судьбу, не нужно быть антисемитомъ или пользоваться свѣдѣніями изъ антисемитическаго источника: достаточно внимательно прочесть Библию и иные спеціально-еврейскіе источники.

И въ Библии, и, на примѣръ, у Иосифа Флавія очень легко можно увидѣть, что евреи искони были ненавидимы всѣми сосѣдями за свою нетерпимость и безчеловѣчность къ нимъ. Еще въ тѣ времена сказался еврейскій характеръ, сложилось еврейское міросозерцаніе, обрисовались тѣ рѣзкія, своеобразныя черты, которыя привели сперва къ паденію еврейскаго государства, а затѣмъ и къ дальнѣйшимъ, загадочно-роковымъ судьбамъ и міровой роли этого «жестоковѣйшаго» народа.

Символизмъ Библии удивительно характеренъ, если вникнуть въ неизбѣжную *человѣческую* сторону ея, независимо отъ божественнаго значенія Ветхаго Завета. Начнемъ съ грѣхопаденія: рекомендуется «древо жизни» и воспрещается «древо познанія добра и зла», хотя именно въ отличеніи добра отъ зла и заключается весь смыслъ мірового сознательно-богочеловѣческаго процесса.

Каинъ и Авель: Каинъ *земледѣлецъ*, Авель *пастухъ*,—и Иеговѣ негодна именно жертва перваго. Тутъ несомнѣнно есть *бытовой расовый оттънокъ*, которымъ объясняется даже теперешняя несклонность и малая способность евреевъ къ земледѣлію.

А коммерческія способности, прымѣняемыя *рѣшительно ко всему*, не исключая торговли женскимъ мясомъ, безъ всякаго стѣсненія предѣлами добра и зла! Иаковъ пользуется голодомъ своего брата Исава, чтобы за чечевичную похлебку купить у него первородство, обмануть слѣпота отца,—и послѣ этого остается незапятнанно-свѣтлымъ, приснопамятнымъ патриархомъ еврейскаго народа; братья продаютъ Иосифа въ Египетъ, гдѣ онъ дѣлаетъ карьеру опять таки изворотливостью ума въ области снотолкованія и экономической сообразительности, а не путемъ производительнаго, упорнаго труда; даже шутка братолюбиваго Иосифа съ Веніаминомъ (чаша, подсунутая ему въ мѣшокъ) носить немножко уголовный характеръ.

Уходя изъ Египта, евреи забираютъ у туземцевъ «въ долгъ безъ отдачи» много драгоценностей, изъ-за чего, быть можетъ, и послѣдовала за ними неудавшаяся египетская погоня.

Единобожіе уже принято еврейскимъ народомъ, но какъ фактъ, узанный *скорѣе воображеніемъ, чѣмъ сердцемъ*, и потому мало вліяющій на нравственную сторону жизни, да и самъ по себѣ не особенно прочный. Стоитъ Моисею, такъ сказать, отвернуться, чтобы евреи откровенно поклонились своему всегдашнему божеству и покровителю,—*золотому тельцу*.

Моисей, вдохновенный вождь (повидимому, не вполне еврейскаго происхожденія и, во всякомъ случаѣ, многому научившійся у египтянъ), неизмѣримо выше своего народа, которому онъ даетъ впервые писанный религіозно-нравственный законъ и нѣчто вродѣ политическаго строя.

Основными чертами перваго, особенно по сравненію съ античными религіями, являются недостатокъ нравственно-бытовой тѣсной связи между строемъ жизни и велѣніями Іеговы, или, точнѣе, отсутствіе культурнаго и философскаго обоснованія у новыхъ религіозно-нравственныхъ велѣній: Іегова ихъ даетъ—и нечего разсуждать!

Вторая, чисто-практическая часть Моисеева законодательства ярко окрашена *соціалистическою тенденціей*, свидѣтельствующей о томъ, что народъ, высшіе представители котораго дошли до единобожія, въ массѣ своей былъ крайнимъ *материалистомъ*, и притомъ завистливымъ, нуждавшимся въ радикальныхъ мѣрахъ для установленія сколько-нибудь сноснаго обще-

житія. Очевидно, уже въ ту пору въ средѣ еврейскаго народа было много ростовщиковъ и вообще представителей неправого стяжанія, если пришлось прибѣгать къ такимъ радикальнымъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, установленіе «юбилейнаго года».

Вообще понятіе справедливости у евреевъ было преимущественно формальное и *матеріалистическое*: «око за око, зубъ за зубъ»; а ихъ единобожіе было и доселѣ осталось *узко-племенной идеею*: съ Богомъ, такъ сказать, заключенъ контрактъ, въ силу котораго Онъ непосредственно править народомъ и даетъ ему преобладаніе надъ всѣми сосѣдями, подъ условіемъ отреченія евреевъ не только отъ язычества, но и отъ близости съ языческими народами, нетерпимость къ которымъ становится *религіознымъ* требованіемъ.

Понятіе *договора* въ области религіи весьма характерно.

Въ итогѣ получается *тео-демократія*, мѣшающая развитію государственности: уже тогда евреи по натурѣ своей были врагами всякаго государственнаго строя въ арійскомъ смыслѣ этого слова. Когда, въ силу политической необходимости, или, можетъ быть, изъ зависти къ сосѣдямъ, у которыхъ были цари, евреи также захотѣли получить себѣ царя, то Самуилъ весьма энергично ихъ отъ этого отговаривалъ, причемъ самые аргументы его весьма наглядно свидѣтельствуютъ о коренной *противогосударственности* этого народа.

Царство у нихъ получилось некрѣпкое и не оставившее никакого историческаго слѣда. Держалось оно на наемныхъ войскахъ, и сколько-нибудь серіозныхъ культурно-общественныхъ формъ не выработало.

Теократическія формы оставались въ силѣ, причемъ весьма скоро, повидимому, утратили душу живую и впали въ *жреческій формализмъ*. Нагляднымъ доказательствомъ послѣдняго факта служить *обиліе пророковъ*, истинныхъ носителей идеи религіозно-нравственной, болѣе, чѣмъ религіозно-договорной.

Появленіе пророка вообще можетъ обуславливаться лишь такимъ неблагополучнымъ положеніемъ вещей, когда обыкновенныя средства государственнаго строительства и общественнаго созиданія либо отсутствуютъ, либо далеко не достигаютъ цѣли.

Пророкъ есть явленіе *экстренное*, вызываемое экстренными же обстоятельствами; врядъ-ли противъ этого можно спорить.

А если такъ, то стало быть, не пророковъ и не то, что они говорили, слѣдуетъ признать *духовною сущностью* еврейской народной массы, а именно тѣ повальные жизненные факты, которые вызвали появленіе пророковъ. Это необходимо помнить и въ примѣненіи къ современнымъ евреямъ, т. е. считать ихъ не столько потомками народа, давшего міру пророковъ, сколько *потомками народа, нуждавшимся искони въ появленіи самоотверженныхъ пророковъ*, безъ помощи которыхъ «образъ и подобіе» были бы окончательно утрачены.

Года полтора тому назадъ вышла глубоко-интересная книга Мориса Мюрэ *«L'esprit juif»*, въ нынѣшнемъ году переведенная и на русскій языкъ, подъ неполнымъ заглавіемъ «Еврейскій умъ». Авторъ съ большимъ безпристрастіемъ и знаніемъ дѣла выясняетъ характерныя особенности еврейскаго міросозерцанія, а также роль нѣсколькихъ выдающихся еврейскихъ умовъ на почвѣ и подъ флагомъ такъ называемой европейской цивилизаціи.

Большинство выводовъ этой книги весьма солидны и трудно поколебимы: видно, что это не разъяренный, нетерпимый Дрюмонъ, а спокойный и гуманный мыслитель, лично даже во многомъ сочувствующій евреямъ и предоставляющій читателямъ дѣлать заключенія на основаніи добросовѣстно и спокойно сгруппированныхъ фактовъ. Знакомство съ этой книгой существенно необходимо каждому образованному человѣку, желающему сознательно отнестись къ еврейскому вопросу и вникнуть въ сущность и происхожденіе многихъ преобладающихъ въ европейскомъ (и, въ частности, русскомъ) обществѣ воззрѣній.

Носители этихъ послѣднихъ немало удивятся, узнавъ, какъ много посѣяно въ современныхъ «сдѣланныхъ» головахъ именно *еврейскихъ сѣмянъ*,—и сколько narosло, вслѣдствіе этого, плевелъ отвлеченности, противокультурности и противогосударственности, съ точки зрѣнія національно-почвенной, жизненной правды.

Г. Мюрэ только недостаточно отгѣняетъ крупную духовную разницу между массою еврейства и бичевавшими ее пророками. Эти послѣдніе, такъ же, какъ и идея единобожія, несомнѣнно возникли на еврейской почвѣ; но въ неравной исторической

борьбѣ двухъ элементовъ побѣдили не пророки, *возобладало не то, что они говорили, а именно то, противъ чего было направлено ихъ пламенное вдохновеніе.*

Пророки не только предсказали, но, въ значительной мѣрѣ, и подготовили христіанство: оно явилось, въ человѣческой части своей, *естественною стадіей* богочеловѣческаго процесса, въ которомъ участвовали и пророки, болѣе ранніе единичные лучи возсіявшей затѣмъ міру божественной правды.

Отвергнувъ христіанство, евреи показали отсутствіе духовнаго единенія своего съ пророками. Общими у нихъ остались объективныя лишь черты семитическаго творческаго темперамента, да древній духовный первоисточникъ, который у евреевъ затѣмъ сильно замутился мудрствованіями и «книжничествомъ» талмуда.

Слова пророковъ, да и многія религіозно-бытовыя идеи, при дальнѣйшей эволюціи еврейскаго міросозерпанія, были, такъ сказать, *секуляризованы*, или матеріализованы: мистическій элементъ, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть религіи, либо измельчалъ до уровня суевѣрій, либо выдохся.

Если библейскій еврей, вразумляемый по временамъ пророками, былъ довольно близокъ къ Іеговѣ, хотя и узко-понимаемому, то еврей-талмудистъ уже сталъ подальше отъ древняго источника ветхозавѣтной высшей правды, а современный еврей-интеллигентъ, духовно отдалившійся даже отъ талмуда и не усвоившій искренно иныхъ религіозныхъ началъ, является чаще всего разнузданнымъ воплощеніемъ тѣхъ расовыхъ чертъ своего племени, на которыя негодовали и Моисей, и пророки. Такой господинъ пожимаетъ плечами при упоминаніи о пророкахъ, съ которыми у него ничего общаго нѣтъ, ибо онъ вообще свободенъ отъ какихъ бы то ни было нравственныхъ императивовъ.

Отъ другихъ такихъ же беспочвенныхъ людей, принадлежащихъ къ другимъ племенамъ, онъ отличается лишь неискоренимо-рѣзкими расовыми чертами, расовымъ духовнымъ складомъ.

Если у него есть культъ, то большею частью именно культъ золотого тельца. Проходящая сквозь всю еврейскую исторію красною нитью неспособность и антипатія къ государственности

выражаецца у него въ насмѣшливомъ или враждебномъ отношеніи ко всякому арійскому строю, обостраемомъ какъ первоначальною, такъ и исторически разросшеюся нетерпимостью ко всему иноплеменному.

Какъ истинный потомокъ племени, у котораго былъ введенъ «юбилейный годъ», нынѣшній еврей-интеллигентъ одновременно склоненъ и къ капитализму, и къ неразлучному съ нимъ социализму. Считаая себя представителемъ аристократической расы, призванной подчинить себѣ всѣ остальные народы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прирожденный демократъ и горячій ревнитель демократическаго самоуправления во всѣхъ иноплеменныхъ государствахъ.

Это въ немъ черта и родовая, и благопріобрѣтенная: историческій опытъ показалъ еврейской расѣ, что *именно въ правящей демократіи больше всего царитъ общественная смута, больше всего имѣется той мутной воды, въ которой пронырливымъ людямъ удобно ловить рыбу.* Чѣмъ болѣе формально и юридически-отвлеченно такое народоправство, тѣмъ легче фактически хозяйничать въ немъ обособленной и крѣпко сплоченной стачкѣ евреевъ и ихъ прислужниковъ.

При такихъ условіяхъ даже въ большомъ и сильномъ государствѣ легко создать искусственное парламентское большинство, нелѣпныя и позорныя дѣянія котораго кладутъ пятно на цѣлую націю и ведутъ къ ея разложенію. Наглядный примѣръ этого мы видимъ теперь во Франціи, гдѣ, по проискамъ евреевъ и подчиненныхъ имъ масонскихъ организацій, изгоняется христіанство изъ школъ и даже больницъ...

Христіанство, христіанскій культъ—вотъ предметъ неутолимой ненависти *особенно* интеллигентныхъ евреевъ, чуждыхъ какой бы то ни было вѣры; въ этомъ они гораздо болѣе фанатичны, чѣмъ самые горячіе сторонники талмуда: вѣдь у послѣднихъ есть въ сердцѣ вѣра, а потому они понимаютъ и привязанность иновѣрцевъ къ другимъ религіямъ. А вотъ «*секулярризованный*» еврейскій духъ есть уже цинично проявляющееся разлагающее начало, ничѣмъ не сдерживаемое, кромѣ страха передъ силою.

Чѣмъ отвлеченнѣе, чѣмъ дальше отъ жизненной правды законы и учрежденія какой угодно страны, чѣмъ больше ея

общество занимается «вреднымъ вздоромъ» (выраженіе покойнаго Вл. Соловьева), тѣмъ безпрепятственнѣе идетъ работа соціального разложенія, главнымъ симптомомъ котораго у европейскихъ народовъ является упадокъ или тяжкое положеніе христіанства.

Вотъ почему евреи повсемѣстно выступаютъ ревнителями «отвлеченнаго человѣка», и ихъ интеллигенція энергичнѣйшимъ образомъ участвуетъ въ «дѣланіи головы» иноплеменной молодежи. Это поняла за самое послѣднее время даже наша русская молодежь, лучшіе представители которой возвысили голосъ одновременно и противъ постыдныхъ «обструкцій», и противъ вліянія еврейскихъ интеллигентовъ на товарищескую среду. Мало-мальски серіозный отпоръ этимъ пагубнымъ вліяніямъ сразу же посодѣйствовалъ водворенію спокойствія въ университетахъ. Еврейскіе руководители побоялись болѣе подробнаго выясненія вопроса и предпочли временно перенести свою замаскированную дѣятельность въ другія сферы ¹⁾.

Одною изъ наиболѣе излюбленныхъ ими областей воздѣйствія повсемѣстно является печать, которую они буквально заполонили. Въ любой странѣ громадное большинство органовъ печати явно и тайно руководимо евреями или, по меньшей мѣрѣ, служить идеямъ, распространеніе которыхъ имъ выгодно.

За послѣднее время не имѣется въ Европѣ почти ни одной крупной писательской репутаціи, которая бы создалась безъ ихъ помощи или противъ ихъ воли. Даже нашъ гениальный Толстой, всѣ громадныя заслуги котораго относятся къ художественному періоду его дѣятельности, сталъ предметомъ всемірной еврейской рекламы именно послѣ того, какъ принялся фальсифицировать христіанство. Симпатичный, но по существу своего художественнаго багажа ничтожный Надсонъ, благодаря такой-же усиленной рекламѣ, попалъ одно время въ число «великихъ поэтовъ».

Талантливые и смѣлые изобразители отрицательныхъ чертъ

¹⁾ Эти строки были написаны въ концѣ 1902 года, когда изъ среды самихъ студентовъ раздались голоса, возмущавшіеся насильственно навязываемой имъ обструкціей, и когда въ жизни университета наступило временное затишье.

нашей общественности лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ дерзають отмѣчать эти черты у евреевъ.

Самый характеръ крайней нетерпимости, отличающій многіе органы печати, свидѣтельствуетъ о тѣсной связи ихъ именно съ еврействомъ, для котораго эта черта чрезвычайно типична.

По совершенно вѣрному замѣчанію г. Мюрэ, еврей—неподражаемые *распространители* всего, что они усваиваютъ или считаютъ выгоднымъ себѣ. Это происходитъ, съ одной стороны, вслѣдствіе ихъ восточно-лирическаго темперамента, а съ другой—вслѣдствіе наличности у нихъ *всемірной подпольной организаціи*. Мнѣ случалось, напримѣръ, видѣть совершенно безграмотныхъ и невѣжественныхъ сельскихъ евреевъ въ роли энергичнѣйшихъ распространителей такихъ еврейскихъ по духу изданій, какъ «Сѣверный Курьеръ» и общеинородческія, несмотря на свою пресловутую офиціозность, «С.-Петербургскія Вѣдомости»; очевидно, на то воспослѣдовалъ приказъ какого-нибудь фактически-властнаго еврейскаго учрежденія.

Особенно ревностно распространяется все, что сколько-нибудь вредно христіанству. Почти всѣ тѣ, безъ исключенія, неправые стяжатели преувеличенной писательской извѣстности, которыхъ цитируетъ г. Мюрэ въ своей книгѣ (Спиноза, Гейне, Карлъ Марксъ, Георгъ Брандесъ, Максъ Нордау), являются *заклятыми врагами христіанской морали и всякаго строя, въ которомъ христіанство играетъ живую созидательную роль.* Повсемѣстная популяризація этихъ писателей отличается феноменальною напряженностью; въ частности, у насъ одно время даже Пушкина отѣснялъ ваглый циникъ Гейне, талантливо издѣвающійся надъ христіанствомъ и выцыганивающій всѣ созидательные элементы жизни; распространителемъ его идеекъ, въ слабыхъ переводахъ и подражаніяхъ, явился его собратъ по происхожденію и «душку», П. И. Вейнбергъ, малое писательское значеніе котораго, кстати, весьма раздута.

Недавновъ упомянутыхъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» проводился *чисто-еврейскій взглядъ (прямо входящій въ современную масонскую программу)* относительно необходимости *изгнать изъ школъ религіозный символизмъ* и замѣнить опредѣленную, живительную религіозную основу русской культуры какимъ-то расплывчатымъ «*міровѣдніемъ*». Возрѣніе, совершенно совпа-

дающее съ тѣми гадостями, которымъ подвергается нынѣ христіанство во Франціи со стороны остервенѣлыхъ узурпаторовъ народнаго довѣрія; только тамъ государственность уже приходитъ въ упадокъ, а здѣсь, слава Богу, она еще крѣпка, такъ что у прислужниковъ еврейскихъ тенденцій здѣсь еще языки длинны, но... руки коротка!

Второю характерною чертою еврейскаго міросозерцанія и еврейской пропаганды является *отрицаніе національной идеи въ пользу «отвлеченнаго чловѣка»*, прикрывающаго собою еврейскія расовыя вождельнія. Г. Мюрэ справедливо замѣчаетъ, что типичный представитель секуляризованной еврейской мысли, Спиноза, характерныя положенія своего *«Богословско-политическаго трактата»*, проникнутаго ненавистью къ стройной государственности, почерпнулъ у *еврейскихъ каббалистовъ* и изъ другихъ чисто-расовыхъ источниковъ.

Мечтанія Руссо прямо вытекли изъ этого еврейскаго памфлета. Добавимъ, что чрезъ посредство Руссо, у котораго графъ Л. Н. Толстой многое позаимствовалъ, легко установить, при нѣкоторомъ вниманіи, тѣсную идейную связь между противохристіанскими и противогосударственными теоріями Спинозы и мнимо-христіанскою, противонаціональною проповѣдью русскаго мыслителя. Евреи и являются наиболее ревностными распространителями той искусственной популярности, которою стараются затмить безсмертную славу великаго художника, добытую инымъ путемъ.

Нелюбовь евреевъ къ національной идеѣ вообще наглядно объясняется исторіей. Національно-государственное развитие требуетъ особыхъ качествъ (самоотреченія, храбрости, правдивости и т. д.), которыхъ евреи и у себя дома, въ землѣ обитованной, выработать въ себѣ не могли. Во время же скитаній и неполноправнаго проживанія въ чужихъ странахъ, именно *національное самосознаніе различныхъ народовъ мѣшало евреямъ развивать свое преобладаніе надъ коренными жителями этихъ странъ*. Здѣсь необходимо добавить, что иногда, во время пароксизмовъ ожесточенія, это самосознаніе, увы, выражалось въ формахъ кроваваго насилія и безчеловѣчнаго издѣвательства...

Такъ какъ настоящее національное самосознаніе обусловливается сильною государственностью, или ведетъ къ ея развитію,

то немудрено, что евреи, не достигшіе государственности у себя дома и страдавшіе отъ нея на чужбинѣ, видятъ въ ней лотаго врага,—одни инстинктивно, а другіе, сверхъ того, и сознательно. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что это коренная *расовая* ихъ черта, сравнительно мало доступная, поэтому, даже сколько-нибудь значительному смягченію.

Если принять во вниманіе безпримѣрную способность евреевъ къ популяризаціи своихъ взглядовъ, то нетрудно себѣ представить, съ какою серіозною опасностью въ лицѣ ихъ приходится считаться государствамъ, насчитывающимъ много подданныхъ евреевъ.

Сельскій еврей видятъ въ органахъ власти (зачастую не безъ основанія) притѣснителей, отъ которыхъ надо откупаться взятками. Еврей интеллигентный, при помощи доступныхъ ему средствъ, развиваетъ это воззрѣніе въ глубь и ширь. Если оба они являются ревностными сторонниками такъ называемаго правового порядка, ошибочно принимаемаго многими за признакъ высоко-культурной государственности, то именно въ силу обычнаго несоотвѣтствія между формальною и жизненною правдой такого строя, въ силу большей легкости обойти мертвый законъ, нежели живого, пронизательнаго и неподкупнаго дѣятеля.

Въ этой «прогрессивности» евреевъ, стало быть, играетъ роль не реальній, а мнимый, призрачный прогрессъ, или, по-просту говоря, его мякина, на которой можно провести только такихъ воробьевъ, которымъ основательно «сдѣлана голова».

Такою же прогрессивностью отличаются и близкіе родственники евреевъ по крови и духу—армянскіе дѣльцы, несусвѣтные сутяги, крючкотворцы и растлѣватели, которые обобрали и закабалили себѣ Кавказъ, подчинили себѣ и обывательскіе и казенные интересы цѣлаго края, въ значительной мѣрѣ, именно при помощи нашихъ услужливыхъ и достаточно-мертвенныхъ правовыхъ установленій. Прогрессъ отъ этого получился болѣе, чѣмъ сомнительный.

По справедливости надо, однако, сказать, что *евреи искренно вѣрятъ въ прогрессъ*: эта вѣра является, пожалуй, наиболѣе яркимъ проблескомъ ихъ расоваго идеализма. Простые и простодушные евреи вѣрятъ въ предстоящее пришествіе Мессіи, кото-

рый здѣсь, на землѣ, и въ земныхъ формахъ долженъ исполнить обѣщаніе Іеговы относительно возвеліченія Израіля. Евреи цивилизованные вѣрятъ въ тотъ прогрессъ, который будетъ заключаться въ уничтоженіи расовыхъ различій, антипатій и предрасудковъ, и въ такихъ формахъ самоуправленія, при которыхъ евреи сдѣлаются властителями остальныхъ народовъ, причемъ восторжествуютъ и еврейскіе соціалистическіе идеалы на благо всѣмъ людямъ.

Осуществима ли такая мечта, или нѣтъ, — ей нельзя отказать и въ нѣкоторомъ благородствѣ, но только, разумѣется, низшаго разбора, по сравненію съ христіанскою идеей, дающей человѣку и его жизни иной смыслъ, иное, неугасимо-небесное, озареніе. Глубокій матеріализмъ является отличительною чертою еврейскаго духа.

Вотъ почему врядъ ли можно согласиться съ выводомъ г. Мюрэ, находящаго, что мы обязаны еврейству большею частью нашихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, тогда какъ плодомъ арійской духовной работы является метафизика, наука, искусство и политика. Этотъ взглядъ требуетъ серіозной поправки въ виду того, что религія и нравственность безъ метафизической основы, безъ стройнаго міропониманія, могутъ достигнуть лишь элементарныхъ ступеней развитія.

Пастушеское бездѣлье въ пустынѣ, несомнѣнно, создало психо-физическую обстановку для первыхъ проблесковъ единобожія и эгалитарной морали; столь же несомнѣнно, что любовное, вдумчивое изученіе тайнъ и силъ разнообразно-пышной природы и разнообразно-красиваго человѣка привело чуткихъ сыновъ античнаго міра сперва къ обожествленію этихъ силъ и тайнъ, а затѣмъ уже къ философскому міропониманію, результатомъ котораго является *меньше непосредственная, но болѣе глубокая идея единобожія*. Вѣдь и Сократъ, и Платонъ были уже въ душѣ монотеистами.

Христіанство не могло бы получить полнаго развитія на одной только еврейской почвѣ: говоря психологически, для развитія христіанства потребовалось сочетаніе лиризма еврейскихъ пророковъ съ глубокою вдумчивостью античныхъ мудрецовъ.

Такъ какъ это дѣло богочеловѣческое, то для его понима-

нія необходимо принимать въ разсчетъ и расовыя черты народовъ, воспріявшихъ первые лучи немеркнущаго свѣта. Отрицать заслугу еврейства было бы грѣшно, но и преувеличивать ее, а особенно дѣлать изъ нея несоотвѣтствующіе выводы для нашего времени—было бы по меньшей мѣрѣ неосторожно.

Въ такой неосторожности многіе обвиняли, между прочимъ, незабвеннаго Вл. С. Соловьева, извѣстнаго защитника евреевъ.

Едва ли такое обвиненіе основательно, ибо, если предположить, что его поэтическое чувство приравнивало современныхъ евреевъ къ библейскимъ, и притомъ лучшимъ представителямъ этой расы, то глубокое знаніе вопроса должно было умѣрить въ немъ подобное чувство. Не надо забывать, что Соловьевъ, вступаясь за евреевъ, или, точнѣе, проповѣдуя мягкое къ нимъ отношеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ нанесъ сильнѣйшіе удары именно худшимъ еврейскимъ тенденціямъ, такъ какъ явился пламеннымъ проповѣдникомъ христіанства въ печатныхъ трудахъ, лекціяхъ и всей жизни своей.

Великой дѣятельности его придется еще коснуться при обсужденіи вопроса о томъ, какъ сдѣлать дурныя стороны еврейства менѣе вредными, не погрѣшая существенно противъ нравственности и права. Предварительно же необходимо еще вернуться къ вопросу о еврейской расѣ, нѣкоторыя духовныя особенности которой уже отмѣчены выше.

Г. Мюрэ основательно утверждаетъ, что еврейская раса, при всей рѣзкости своего облика,—подобно всѣмъ остальнымъ племеннымъ группамъ человѣчества, неоднородна: она представляетъ собою нѣчто производное, результатъ скрещиванья коренного элемента съ ханаанскими представителями кавказскаго и даже монгольскаго племенъ, а со времени еврейскихъ странствій по міру,—и со многими другими народами.

Частые библейскіе протесты противъ такого скрещиванья, склонность къ которому съ необычайною яркостью проявляется и у современныхъ евреевъ, наглядно свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи такого факта. Антропология свидѣтельствуетъ о значительномъ физическомъ разнообразіи еврейскаго типа, а вся историческая и современная жизнь этого народа, наоборотъ,—о значительномъ преобладаніи *устойчивыхъ чертъ расовой психологіи*.

Г. Мюрэ указывае на существенную физическую и психическую разницу между двумя вѣтвями еврейскаго народа, испано-португальско-голландскою, или «*Сефардимъ*», и германскою, или «*Ашкеназимъ*», къ которой принадлежать и наши російскіе евреи. Помимо значительной физической разницы, первые, будто-бы, даже чуждаются всякаго духовнаго и дѣловаго общенія со вторыми.

Во-первыхъ, это не вполне точно, такъ какъ «всемирный еврейскій союзъ», несомнѣнно, объединяетъ ихъ противъ остальныхъ племенъ и міровозрѣній, во-вторыхъ, это раздѣленіе обуславливаетъ психическую разницу не столько въ главныхъ чертахъ, сколько въ отбѣнкахъ. Мнѣ случалось встрѣчать нѣсколькихъ испано-португальскихъ евреевъ: нѣкоторая романская метисація на нихъ замѣтна, въ манерахъ больше граціи и достоинства; но, взглянувъ подробнѣе, нельзя не увидѣть *обще-еврейскихъ* духовныхъ и физическихъ чертъ. Я помню, особенно заинтересовало меня это въ португальскомъ офицерѣ изъ евреевъ, у котораго оказалась, вдобавокъ, еще, вторая, комисіонерская профессія: онъ болѣе интересовался распространеніемъ лиссабонскаго вина въ нашемъ отечествѣ, нежели русскою арміею, на которую ему поручило взглянуть португальское правительство...

Помимо всего, раздѣленіемъ евреевъ на указанные племенные вѣтви еще не опредѣляется та, чрезвычайно рѣзкая, разница, которая въ предѣлахъ этихъ исторически раздѣлившихся вѣтвей иногда замѣчается между единичными евреями. Среди нихъ встрѣчаются характеры, являющіеся *воплощенною противоположностью всѣхъ отрицательныхъ чертъ ихъ соплеменниковъ*. По физическому складу, темпераменту и символизму рѣчи они зачастую совершенно похожи на остальныхъ соплеменниковъ, но сердце у нихъ, пожалуй, болѣе христіанское, чѣмъ даже у многихъ христіанъ.

Это, можетъ быть, измельчавшіе и «обезкрыленные» преемники еврейскихъ пророковъ, лишь случайно, или вслѣдствіе задѣятаго расоваго самолюбія открыто не примкнувшіе къ христіанству. Такихъ людей мнѣ приходилось встрѣчать въ разныхъ общественныхъ классахъ: среди врачей, педагоговъ, даже торговцевъ и просто смиренныхъ сельскихъ евреевъ; доброта

и задушевность ихъ доходила до предѣловъ, почти не встрѣчаемыхъ въ нашемъ духовно-измельчавшемъ обществѣ.

Казалось бы, эти различія проще всего объясняются тѣмъ, что во всякомъ племени есть дурные и хорошіе люди, причемъ дѣйствительно-хорошихъ обыкновенно гораздо меньше. Но всѣ мои попытки остановиться на такомъ объясненіи обыкновенно оказывались неудовлетворительными. При ближайшемъ ознакомленіи съ прошлымъ тѣхъ еврейскихъ семействъ, изъ которыхъ происходили такіе люди, почти всегда обнаруживалась весьма продолжительная преемственность тѣхъ нравственно-психическихъ началъ, которыми эти семьи отличались отъ массы своихъ соплеменниковъ.

Съ дѣтства наблюдая евреевъ въ чертѣ ихъ осѣдлости, я настолько присмотрѣлся къ нимъ, что указанные рѣзкія исключенія невольно навели меня на мысль о какомъ-то *давно проявившемся племенномъ различіи въ подразѣ самой еврейской расы*. Такая мысль находитъ подтвержденіе и въ научныхъ изслѣдованіяхъ, выясняющихъ, что колѣна Израилевы были далеко не равноцѣнны въ духовномъ отношеніи, да и въ физическомъ, въ зависимости отъ скрещиванія съ тѣми или другими народами.

И теперь въ Россіи можно различать разнообразныя еврейскіе типы, изъ коихъ нѣкоторые отличаются всѣми признаками арійской расы.

Отчего эти лучшіе люди, считающіе себя принадлежащими къ еврейству и не прерывающіе съ нимъ связи, являются лишь рѣзкими свѣтлыми пятнами на общемъ темномъ фонѣ и не вліяютъ озаряющимъ образомъ на остальную картину жизни своего племени? Отчего не только слабо ихъ вліяніе на соплеменниковъ, но даже почти никогда не пытаются они проявлять и усиливать это вліяніе? Очевидно, они либо считаютъ это безцѣльнымъ, либо *не смѣютъ*; а вѣрнѣе всего, дѣйствуютъ обѣ причины заразъ.

Такое положеніе вещей свидѣтельствуетъ какъ о малой искоренимости племенныхъ чертъ, прирожденныхъ и исторически разившихся, такъ и о *существованіи центральной и помѣстныхъ еврейскихъ организацій*, опирающихся на «одичавшіе» или омертвѣлые религіозные устои, но преслѣдующихъ

преимущественно *политически-расовые интересы*, въ которыхъ служеніе золотому тельцу является одновременно и средствомъ, и цѣлью.

Наличность такихъ организацій и такого сложнаго ихъ характера настолько наглядна, что врядъ ли ее нужно теперь доказывать, особенно пишущей братіи: любой изъ ея представителей можетъ легко въ этомъ убѣдиться, получивъ изъ самыхъ неожиданныхъ мѣстъ цѣлые ушаты непріятностей, не только если погладить евреевъ противъ шерсти, но даже если преступить, не касаясь евреевъ, хоть одну изъ заповѣдей русскаго *ложнаго* либерализма, который по тенденціямъ, задачамъ и многимъ исполнителямъ неизбѣжно долженъ быть названъ *либерализмомъ еврейскимъ*.

Въ одной изъ своихъ глубоко интересныхъ статей Н. А. Энгельгардтъ основательно выяснилъ въ «Новомъ Времени», что еврейская организація, прежде всего, лежитъ тяжелымъ бременемъ на еврейской народной массѣ, угнетаемой своими «козырными тузами». Мысль глубоко-вѣрная—и съ даровитымъ авторомъ нельзя не согласиться, что великому русскому народу, на долю котораго выпала крупная міровая роль, слѣдуетъ выполнять свою *мессіанскую* задачу по отношенію къ той еврейской бѣднотѣ, о которой Спаситель сказалъ: *«misereor supra turbam»*.

Для этого представителямъ правящихъ классовъ надо *знать и обще-еврейское міросозерцаніе, и складъ жизни различныхъ слоевъ этого племени*.

Главнымъ предметомъ настоящей статьи является, собственно, первый вопросъ, какъ основной и общій, затрогивающій наиболѣе существенныя стороны нашей государственной и общественной жизни. Второго же вопроса я здѣсь коснусь только вкратцѣ, такъ какъ подробная разработка его требовала бы многотомнаго сочиненія.

Сельскій или уѣздный еврей простолюдинъ въ чертѣ осѣдлости,—ремесленникъ, извозчикъ, мелкій факторъ и приказчикъ,—представляетъ собою, въ сущности, лучшій изъ еврейскихъ типовъ. Многое внушаетъ искреннюю жалость, а кое-что и уваженіе къ нему. Онъ бѣденъ и скромнень, искренно привязанъ къ своей вѣрѣ и, несмотря на всю талмудическую путаницу и формализмъ, черпаетъ въ ней, или въ своемъ чув-

ствѣ къ ней, возвышающія начала. Живя въ тѣсномъ общеніи съ русскою или, точнѣе, малорусскою народною массою, онъ не чувствуетъ или, по крайней мѣрѣ, не проявляетъ къ ней той фанатической ненависти, на которую слишкомъ огульно склонны указывать наши антисемиты.

Наоборотъ, скорѣе можно наблюдать довольно много примѣровъ большой пріязни между простыми евреями и христианами. Правда, изъ такого «кумпанства» получается почти всегда какое-нибудь нарушеніе закона: либо ростовщическія операціи, либо безпатентная торговля водкой, либо непохвальныя юридическія дѣлишки.

Но расовой ненависти ни съ той, ни съ другой стороны не видно. Даже во время еврейскихъ погромовъ, свидѣтелями которыхъ мнѣ случалось быть, вспышки народнаго буйства отличались юмористически-шаловливымъ оттѣнкомъ; если и встрѣчалась ненависть, то она была направлена, главнымъ образомъ и прежде всего, противъ сравнительно-богатыхъ евреевъ (иногда не безъ подстрекательства со стороны русскихъ конкурентовъ—торговцевъ и кулаковъ), а затѣмъ уже переливалась черезъ край.

Въ нормальное же время бѣдность сочувствуетъ бѣдотѣ, независимо отъ расовыхъ различій. Бываютъ примѣры особосимпатичныхъ формъ дружескаго сосѣдства между простыми евреями и христианами. Напримѣръ, въ одномъ селѣ, послѣ пожара, уничтожившаго множество хатъ, въ числѣ усерднѣйшихъ жертвователей на погорѣльцевъ оказался мелкій лѣсо-торговецъ-еврей.

Въ моей сельской церковно-приходской школѣ прекрасно окончила курсъ еврейская дѣвочка, все время жившая чрезвычайно дружно съ христіанскими дѣтьми. Эта милая малютка даже участвовала въ хоровомъ пѣніи молитвъ и, съ согласія родителей, посѣщала иногда православную церковь, отнюдь не забывая при этомъ своей религіи и не собираясь ей измѣнить. На нѣкоторые вопросы мои по этому поводу, ребенокъ отвѣчалъ, безъ всякаго жеманства или искусственности, что «Богъ одинъ». Разумѣется, это дитя неизмѣримо выше своихъ соплеменницъ, побывавшихъ въ гимназіи или на какихъ-нибудь курсахъ, гдѣ отрицательныя племенные еврейскія

черты проявляются обыкновенно въ очень рѣзкихъ и антипатичныхъ формахъ.

«Маленькій», т. е. сельскій и уѣздно-городской еврей-пролетарій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ играетъ большую роль. Я лично видѣлъ интересный примѣръ: одинъ вновь пріѣзжій вице-губернаторъ въ небольшомъ привислинскомъ губернскомъ городѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней оставался безъ прислуги: люди придутъ, наймутся, а затѣмъ безъ всякой видимой причины отказываются отъ мѣста. Наконецъ, кто-то изъ старожиловъ надумилъ его обратиться къ старой еврейкѣ-факторшѣ Рохлѣ, которая оказалась значительно выше своего имени: мигомъ все устроила,—и у пріѣзжаго оказались тѣ же люди, которые вначалѣ, до участія Рохли, *болѣлись* оставаться у него на службѣ. Они объяснили мнѣ, жеманясь и потупляя взоръ, что его превосходительство уѣдутъ, а Рохля останется—и тогда «бендзе кепско...» Очевидно, у этой госпожи, притомъ живущей впроголодь, есть цѣлая факторская организація, поддерживаемая обширнымъ кругомъ мѣстныхъ евреевъ.

О другого рода факторствѣ, менѣе безгрѣшномъ, и говорить нечего: оно несомнѣнно лежитъ грязнымъ пятномъ на помѣстномъ мелкомъ еврействѣ. Во всѣхъ странахъ міра, особенно-же въ Россіи и Австріи, главный контингентъ торговцевъ «бѣлыми невольницами» состоитъ изъ евреевъ, пускающихъ по этой наклонной плоскости и своихъ соплеменницъ, очень часто даже собственныхъ дочерей; это объясняется, по видимому, не только условіями социально-экономическими, но и *историческою* расовою склонностью еврейскаго племени къ распутству и распространенію распутства; можетъ быть тутъ еще вліяетъ скрещиваніе съ разными ханаанскими народами, у которыхъ имѣли большое значеніе культы, связанные съ необузданностью страстей.

Что касается до ростовщичества,—то еще большой вопросъ, какое ростовщичество и какая вообще эксплуатація темнаго люда вреднѣе,—еврейская или русско-кулачская?! Мелкій еврей-ростовщикъ и надувало—антипатиченъ и жалокъ: онъ одновременно и нервно-корыстенъ, и надоѣдливъ, и трусливъ; народъ не видитъ въ немъ образца себѣ и, если даетъ себя обѣгоривать, то по лѣности или дѣловому неряшеству. Такъ,

по крайней мѣрѣ, обстоить дѣло въ Малороссіи. Православный же кулакъ—персона и, до извѣстной степени, воплощенный идеаль въ невѣжественной деревнѣ. Онъ никому не надѣдаетъ, а къ нему всѣ на поклонъ ходятъ: «Обдери, молъ, насъ, горемычныхъ, ради самого Создателя!» Когда онъ обдираетъ, то словно милость оказываетъ. Онъ и снохачъ, и ростовщикъ, и нигилистъ въ вопросахъ общественныхъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и церковный староста, и «благодотворитель», и «почетный обыватель», пользующійся особымъ довѣріемъ и симпатіей помѣстной полиціи.

Этотъ хищникъ—вреднѣйшій изъ деревенскихъ «плотоядныхъ». Теперь, когда помѣщики частью ослабѣли, частью окончательно сведены къ нулю, кулакъ является истиннымъ хозяиномъ деревни. Еслибы осуществились, напримѣръ, желанія А. А. Папкова относительно развитія приходскаго самоуправления, то, при современныхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, даже священники избирались бы непременно по волѣ подобныхъ кулаковъ.

Хуже всего не самая эксплуатація ими народа, а именно то, что убогій крестьянинъ, вздыхая, мечтаетъ о такой же экономической карьерѣ, какую сдѣлали знакомые ему кулаки; *извращается*, стало быть, *нравственный смыслъ народа*, затуманивается его понятіе о добрѣ и злѣ.

А уподобиться еврею никакой крестьянинъ, тѣмъ паче малорусскій, не имѣетъ ни малѣйшей склонности: расовая разница гутъ весьма спасительна.

Допустимъ, что необходимо признать племенную склонность евреевъ къ ростовщичеству и гешефтамъ; но не развивается ли эта черта отчасти именно подъ вліяніемъ тѣхъ ограниченій и стѣсненій, которымъ подвергаются «маленькіе» евреи даже въ чертѣ ихъ осѣдлости? Напримѣръ, имъ даже воспрещено арендовать земли, запрещено проживать въ селахъ и деревняхъ безъ профессиональнаго предлога, который бы непосредственно оправдывалъ ихъ пребываніе въ томъ или иномъ пунктѣ. Да и этотъ предлогъ обставленъ, какъ будто нарочно, именно такъ, чтобы мелкая полиція могла брать взятки за его примѣненіе; одинъ становой приставъ, съ лукавой улыбкой, откровенно признавался мнѣ, по поводу моего

заступництва за одного такого бѣдняка, что узаконенія и сенатскія рѣшенія по такимъ вопросамъ отличаются *«весьма удобною неопредѣленностью»*...

При такихъ условіяхъ нельзя требовать, чтобы въ «маленькомъ» еврейѣ постепенно укоренялось уваженіе къ закону, а не стремленіе и умѣнье обходить его.... Вѣдь онъ ясно видитъ на каждомъ шагу, что для евреевъ болѣе зажиточныхъ ограниченія сильно смягчаются, а передъ богатыми сынами Израиля даже крупныя должностныя лица считаютъ непостыднымъ расшаркиваться. Попробуйте-ка въ чемъ-нибудь ограничить въ Кіевѣ г. Бродскаго, или въ Варшавѣ г. Блюха, или въ Тифлисѣ армячина Манташева, вліяющихъ не только на мѣстныя «силы», но даже на кое-какія столичныя сферы и органы печати! Такіе тузы кому угодно покажутъ «кузькину мать»!...

Козломъ отпущенія за прошлое, настоящее и будущее является мелкій, бѣдный еврей, гѣснимый и начальствомъ, и своими «китами».. Врядъ-ли такой порядокъ вещей дѣлаетъ честь русскому имени и содѣйствуетъ постепенному разумному рѣшенію еврейскаго вопроса.

Во избѣжаніе односторонности этой бѣглою характеристикой «маленькихъ» евреевъ, необходимо отмѣтить ихъ положительную черту,—*умѣнье быть благодарными*, въ которомъ христіанамъ съ ними даже и сравниваться нельзя. Можетъ быть, это результатъ восточной мудрости, согласно которой «благодарность есть ожиданіе новыхъ благъ»,—но, такъ или иначе, это черта глубоко-симпатичная и достойная подражанія.

Весьма интересно съ художественной стороны чертою является также презабавный юморъ. Не могу забыть, какъ я однажды въ юности, негодуя на мошенническую продѣлку мелкаго торговца-еврея, неосторожно пригрозилъ, что «разнесу» его лавочку. Онъ не обидѣлся, а только пожалъ плечами;

— Ну, цтозе! И васъ оправдаютъ, какъ Вѣру Засуличъ!...

Интенсивная склонность евреевъ къ наживѣ и довольно значительная сплоченность ихъ между собою,—въ итогѣ, представляютъ собою несомнѣнно значительное неудобство

для окружающаго христіанскаго населенія, менѣе умѣлаго въ области экономической, отличающагося малою производительной и промышленной энергіей и разрозненнаго. Если мелкій еврей, проживающій въ томъ или иномъ селѣ, облюбовалъ какой-либо мѣстный продуктъ (хлѣбъ, лѣсъ и т. д.), то можно быть увѣреннымъ, что многіе изъ соплеменниковъ его откажутся конкурировать съ нимъ, не пожелають вторгаться въ районъ его гешефтовъ и аппетитовъ; производитель при такихъ условіяхъ, конечно, несетъ убытки, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ торговля почти исключительно въ еврейскихъ рукахъ.

Наконецъ, мелкій еврей почти всегда является въ той или иной мѣрѣ агентомъ еврея болѣе крупнаго и опаснаго, и самъ, при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ, становится таковымъ.

Большинство еврейской бѣдности, однако, этого не достигаетъ, живетъ впроголодь, въ грязи и униженіи. Оно отличается большею религіозностью, которая, не смотря на значительное нагроможденіе суевѣрій и мелочей формализма, повышаетъ его нравственный уровень, придаетъ этой средѣ опредѣленную *колоритную* физіономію, съ рѣзкими отрицательными, но и положительными чертами. Чѣмъ дальше еврей становится отъ своей вѣры (когда онъ *искренно* не переходитъ въ христіанство) и патриархальныхъ обычаевъ, чѣмъ болѣе онъ утрачиваетъ основной свой расовый колоритъ съ его недостатками и достоинствами, тѣмъ онъ становится *хуже* и *опаснѣе*. Еврей въ рваномъ лапсердакѣ, блюдущій благоговѣнно субботу, неизмѣримо выше своего безпринципнаго соплеменника въ космополитическомъ пиджакѣ или плутократическомъ фракѣ съ купленною звѣздой.

Въ связи съ этимъ, при современныхъ условіяхъ, *наглядное, выпященное обособленіе евреевъ*, почти повсемѣстно являвшееся правиломъ до французской революціи, значительно цѣлесообразнѣе, чѣмъ ихъ кажущееся слияніе съ другою народною и общественною средой, открывающее болѣе широкій просторъ тайнымъ стачкамъ, пропагандѣ секуляризованныхъ еврейскихъ идей, которыя вносятъ элементъ броженія и разложенія въ государственную и общественную сферы арійскихъ

народовъ. А именно на этотъ путь еврейство и стало давно уже, а со времени указанной революціи дѣлаетъ въ такомъ направленіи значительные, *слишкомъ значительные* шаги! Въ этомъ заключается несомнѣнная, быть можетъ, роковая опасность для христіанства и, въ итогѣ, для міросозерцанія и строя европейскихъ народовъ-арійцевъ.

Секуляризація еврейскихъ идей въ народной массѣ особенно быстрые успѣхи дѣлаетъ именно тамъ, гдѣ евреевъ очень много и гдѣ они, поэтому, составляютъ крупную организованную силу. Высказанное выше сравнительно-оптимистическое сужденіе о сельскихъ евреяхъ Малороссіи, поэтому, гораздо менѣе примѣнимо къ губерніямъ бѣлорусскимъ, литовскимъ и польскимъ, гдѣ они почти повсемѣстно полные хозяева края и отличаются особенною наступательностью. Малороссъ человѣкъ упорный, крѣпкій и не особенно податливый; онъ самъ склоненъ къ кулачеству и даетъ себя эксплуатировать еврею въ мѣрѣ довольно выносимой. Въ другихъ мѣстностяхъ черты осѣдлости населеніе болѣе «рыхлое», вялое, да и евреевъ побольше: тамъ съ ними шутки плохи.

Простые, сельскіе и уѣздно-городскіе евреи, какъ бы они ни были невѣжественны и подавлены матеріальными заботами, *любопытно интересуются политикой*: это черта, рѣзко бросающаяся въ глаза. Литовско-польскіе евреи проявляютъ это въ весьма острой формѣ: они даютъ значительный контингентъ *соціалистовъ*, устраивающихъ демонстраціи и заходящихъ еще дальше этого, чему примѣромъ служатъ сравнительно-недавнія событія въ Вильнѣ, Бѣлостокѣ, Витебскѣ и т. д.

Еврейская масса искони легко воспламеняема повсюду, и съ каждымъ годомъ это неприятное свойство ея проявляется все рѣзче, по мѣрѣ настанія еврейской интеллигенціи...

Городской зажиточный еврей въ чертѣ осѣдлости представляетъ собою переходный типъ отъ гонимаго и страждущаго мелкаго еврея къ еврею-властелину, утѣснителю и интеллигенту, истинному микробу общественнаго разложенія. Онъ обыкновенно мало образованъ, но человѣкъ, одѣтый по европейски, бывалый, съ весьма вкрадчивыми манерами и нѣкоторымъ запасомъ либеральныхъ фразъ, вычитанныхъ въ газетахъ и журналахъ, издаваемыхъ евреями и ихъ прислуж-

никами. Супруга его одѣвается весьма изысканно, норовить бренчать на рояли, болтать по французски и выписывать «Вѣстникъ Европы»; сынъ учится въ гимназiи, а въ свободное отъ занятiй время сидитъ въ отцовской лавкѣ или конторѣ; дочь пишетъ стихи или романтическiе дневники, учится также въ гимназiи, а затѣмъ на курсахъ, охотно стрижетъ свои курчавые черные волосы и вообще отличается страстно-либеральнымъ направленiемъ. Почтенное семейство равнодушно къ своей религiи, какъ къ источнику богопознанiя, но крѣпко держится за нее, какъ за кагальную организацiю, въ которой глава такой семьи играетъ видную роль. Гостями и до извѣстной степени клiентами (въ древне-римскомъ значенiи) подобнаго еврея бывають мѣстные чиновники, причемъ ихъ служебный калибръ обыкновенно соотвѣтствуетъ экономическому уровню и влiянiю городского еврея. Основа такой близости, конечно, всегда неместная для достоинства служилаго человѣка, и въ результатѣ всегда то или иное (иногда вопiющее) нарушенiе закона, — чаще всего обходъ ограничительныхъ мѣръ, являющихся, главнымъ образомъ, источникомъ «кормленiя» для помѣстныхъ представителей правительственной власти или самоуправленiя. Личный составъ земскихъ учрежденiй въ чертѣ еврейской осѣдности отнюдь не болѣе свободенъ отъ такихъ отношенiй, чѣмъ уѣздные чиновники; я зналъ, напримѣръ, земскую управу, истиннымъ хозяиномъ которой былъ еврей, подрядчикъ и векселедержатель.

Соотвѣтствiе между рангомъ служилаго клiента и денежнымъ положенiемъ покровителя-еврея иногда рѣзко нарушается въ пользу этого послѣдняго: есть въ нашихъ мѣстахъ странные на первый взглядъ примѣры тѣсной близости между довольно крупными сановниками и довольно мелкими евреями; очевидно, «самъ чортъ ихъ связалъ веревочкой».

Города въ чертѣ осѣдности — прямо еврейскiя цитадели. И въ Полтавѣ, и въ Черниговѣ, и въ Минскѣ, и въ Витебскѣ, не говоря уже объ уѣздныхъ городишкахъ, — по субботамъ, когда еврейскiя лавки закрыты, буквально ничего достать нельзя, точь въ точь какъ въ Тифлисѣ во время армянскихъ праздниковъ!

Просто оторопь беретъ, если подумать, что коренное население такъ неспособно пробиться чрезъ эту сплошную стѣну къ промышленной и торговой дѣятельности. Говорятъ, мудро конкурировать русскому съ евреями; послѣдніе, помимо всего, большіе психологи въ области экономической: умѣютъ заманить покупателя, польстить ему, замѣтить вкусы публики, во время оказать кредитъ и т. д. Кромѣ того, сплоченность помогаетъ имъ и «оборачиваться» въ трудныя минуты, когда русскіе разрозненные люди обыкновенно безпомощны. Наконецъ, умѣлая недобросовѣтность, склонность къ ловкимъ банкротствамъ и т. д. тоже приносить немалые плоды.

Все, что, по нѣмецкому мѣткому выраженію, называется «*Conjuncturgewinn*» (когда человѣкъ не сѣетъ, не жнетъ, а въ житницы собираетъ), относится къ сферѣ еврейской дѣятельности. Евреи умѣютъ и уголовнымъ способомъ создавать такіе «барыши отъ стеченія обстоятельствъ». Извѣстно, напримѣръ, что многіе деревянные города Бѣлоруссіи и Литвы, вродѣ Бобруйска, Полоцка и т. д., очень часто выгораютъ до тла: население открыто высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что *евреи льсопромышленники нанимаютъ поджигателей, чтобы пожарами увеличить спросъ и цѣну на лѣсные матеріалы*. Здѣсь кстати замѣтить, что наиболѣе страдаетъ отъ этого еврейская бѣдность, жалкое стадо, стригомое своими главарями и удачниками. Еврейская буржуазія жестоковѣйна!...

Какъ сказано выше, молодое поколѣніе этой еврейской среды уже принадлежитъ къ такъ называемой «интеллигенціи» и, въ силу своихъ острыхъ расовыхъ чертъ, играетъ тамъ пагубную роль. Ненависть къ христіанству и монархической власти, въ сущности, отрицаніе государства и семьи, увлеченіе денежными аферами (для себя) и социализмомъ (для другихъ), непомерное тщеславіе и самомнѣніе, крайняя нетерпимость къ чужимъ взглядамъ, необыкновенное умѣніе прививать все это къ «рыхлой», слабовольной и ненаходчивой интеллигенціи другихъ народовъ—вотъ повально проявляющіеся признаки еврея-интеллигента, его міросозерцанія и характера.

При этомъ, какъ выше упомянуто, проявляется и плохо вяжущійся, какъ будто, съ напряженною дѣловитостью и край-

нимъ эгоизмомъ несомнѣнный *идеализмъ*,—пламенная *вѣра въ прогрессъ*, не знающій границъ и долженствующій земными средствами дать землѣ райское счастье. Искренность и стихійность такого идеализма свидѣтельствуешь о его глубокой, именно расовой основѣ.

Ревностно служа идеямъ космополитизма, интеллигентные евреи, иногда сами того не сознавая, рѣзко проявляютъ худшія племенные черты свои, осуществляютъ задачи инстинктивнаго племеннаго эгоизма, во вредъ окружающимъ народамъ.

Впрочемъ, ихъ служеніе космополитизму не отличается послѣдовательностью. Во Франціи и Россіи они являются отчасти проводниками *германизма* и слугами германскихъ политическихъ тенденцій. Въ Россіи, кромѣ того, интеллигентные евреи выступаютъ яркими сторонниками всякихъ инородцевъ и ихъ центробѣжныхъ стремленій; наша еврейская и еврействующая печать сочувствуетъ даже финляндскому обособленію, хотя въ Финляндію, по мѣстнымъ исключительнымъ законамъ, строго выполняемымъ, евреямъ доступъ совершенно прегражденъ. Очевидно, стало быть, что еврей-интеллигенты не столько космополиты въ прямомъ смыслѣ этого слова, сколько *враги сильной государственности*, готовые содѣйствовать развитію мелкихъ національностей и племенъ, чтобъ подрывать или парализовать народности крупныя, преобладающія и созидательно-государственныя.

Теперешнее сочувствіе евреевъ германизму объясняется причинами особаго рода, историческими и современными. Во-первыхъ, на лицо имѣется психически-религіозная основа близости, заключающаяся въ томъ, что реформація, основанная на Библии, по духу близка къ Ветхому Завету,—значительно ближе, чѣмъ православіе и католичество; борьба перваго исповѣданія съ двумя послѣдними, принимающая за послѣднее время кое-гдѣ фанатическій характеръ, на-руку прежде всего еврейству, міросозерцаніе котораго непримиримо-враждебно именно къ великимъ религіямъ, проникнутымъ мистическою вѣрой и не дѣлающимъ уступокъ рационализму, главному врагу религіознаго чувства.

Допущеніе браковъ между протестантами и евреями свидѣ-

тельствуетъ наглядно о догматической близости между обоими исповѣданіями; въ послѣднее время оно почти не сдерживается и обычаемъ, долго основывавшимся на предубѣжденіи противъ евреевъ, и служить все болѣе замѣтной *юдаизаціи германской расы*, которая, подъ влияніемъ такого психо-физическаго воздѣйствія, утрачиваетъ многія высокія черты свои, долго давашія ей право на благородную гордость.

Просвѣщенные люди, знавшіе Германію сорокъ лѣтъ тому назадъ и присматривающіеся къ ней теперь, находятъ значительную разницу, заключающуюся, прежде всего, въ упадкѣ христіанскаго идеализма и преобладанія узко-практическихъ стремленій среди современныхъ нѣмцевъ. Это объясняется, съ одной стороны, повсемѣстнымъ господствомъ матеріализма, съ другой—реальнымъ осуществленіемъ германской національной объединительной задачи, на которомъ подтверждается косвенно изреченіе «die Ehe ist der Liebe Grab», т. е. «бракъ—могила любви» (практическое достиженіе идеала). Но несомнѣнно, что скрещиваніе германской расы съ еврейскою не могло также не повліять на характеръ нѣмецкой націи. Отразилось оно и на современной нѣмецкой печати, какъ это признаютъ и сами германскіе патріоты, сколько-нибудь возвышенно смотрящіе на мировую культурную миссію своего народа.

Близость между нѣмцами и евреями въ значительной мѣрѣ объясняется также тѣмъ, что жаргонъ послѣднихъ есть слабо-измѣненная передѣлка языка первыхъ, и они всегда могутъ понимать другъ друга; такая близость, очевидно, достигается лишь весьма долгимъ историческимъ общеніемъ. При такихъ условіяхъ евреямъ нетрудно быть даже искренними сторонниками германизма, тѣмъ болѣе, что нѣмецкая самодѣятельность и практическая «зубастость» отчасти должны были вышколить евреевъ и положить безъ помощи раздражающихъ ограниченій нѣкоторый предѣлъ ихъ паразитическимъ наклонностямъ.

Наконецъ, за послѣднее время въ Германіи сильно развился близкій еврейскому міросозерцанію *соціализмъ* и проявило усиленную политическую дѣятельность *масонство*, *руководимое евреями* и служащее непосредственно ихъ цѣлямъ и

задачамъ. Самъ императоръ германскій, какъ извѣстно, играетъ видную роль въ масонствѣ...

Покуда, временно, такое положеніе вещей политически-выгодно Германіи, но въ недалекомъ будущемъ ей, конечно, придется дорого поплатиться за помощь, оказываемую ей евреями: отъ родства и тѣснаго общенія съ ними германская раса неминуемо утратитъ лучшія духовныя черты свои, источникъ внутренней силы, на которой всегда зиждется и прочное внѣшнее могущество...

Если такая опасность явно грозитъ суровымъ, крѣпкимъ, практичнымъ и пропитаннымъ національною идеей германцамъ, то что же можно сказать о такомъ положеніи вещей, при которомъ въ нашей вялой, исторически-спорвленной и мало-национальной интеллигенціи хозяйничаютъ евреи, неуклонно приваивая ей еврейское міросозерцаніе?

Могло ли бы даже кому-нибудь изъ либеральнѣйшихъ интеллигентовъ нашихъ прійти въ голову отдать своего ребенка на безконтрольное воспитаніе еврею? Многихъ такой вопросъ заставитъ пожать плечами или вознегодовать! А между тѣмъ онъ болѣе чѣмъ умѣстенъ! Вѣдь печать воспитываетъ общество, приучаетъ (иногда чисто-механически) его къ опредѣленнымъ взглядамъ на общественные и государственные вопросы; учрежденія, точно также, во-первыхъ, воплощаютъ извѣстный взглядъ на эти вопросы, а во-вторыхъ, пополняются людьми, возрѣнія которыхъ придаютъ учрежденіямъ ту или иную окраску.

Значительная часть нашихъ учреждений *пересажена* на нашу почву съ Запада, и притомъ *посль-революціоннаго*, испытавшаго на себѣ сильное *воздѣйствіе еврейскаго міросозерцанія*. Печать-же, въ значительнѣйшей части своей, либо, находится непосредственно въ рукахъ евреевъ, либо, — *что еще хуже*, — служитъ еврейскимъ тенденціямъ, распространяетъ еврейское міросозерцаніе даже тогда, когда для виду или искренно высказываетъ предвзятую антипатію къ евреямъ и въ мелочахъ придирается къ нимъ, или насмѣхается надъ ними...

Антисемитизмъ рязкій и бездоказательный даже полезенъ дѣлу «всеріаго еврейскаго союза», когда тратится на мелочи,

а не ведетъ борьбы *съ идеями*: онъ вызываетъ реакцію со стороны людей гуманныхъ и терпимыхъ.

Все, что является у насъ подрывомъ православію или крѣпкой государственности, идетъ на пользу еврейству. Стало быть, союзниками его являются въ данную минуту и апологеты заблужденій графа Толстого, и сторонники неумѣренно-демократическихъ тенденцій, и ревнители пресловутой «единой школы», хотя бы они при этомъ и открещивались отъ еврейства.

Само собою разумѣется, что значительная часть нашей интеллигенція служитъ еврейскимъ тенденціямъ *безсознательно* и противъ желанія, а лишь потому, что ей «сдѣлали голову» и внушили, что порядочнымъ людямъ необходимо быть «либеральными» по извѣстной навязанной программѣ, тѣмъ болѣе, когда это даетъ нравственный и матеріальный успѣхъ! Вотъ, они и стараются... въ пользу тѣхъ, кому не сочувствуютъ, и... какъ всегда, «pour le roi de Prusse».

Умѣніе одурачивать иноплеменниковъ и гипнотизировать ихъ въ желанномъ направленіи у еврейскихъ интеллигентовъ прямо феноменальное.

Въ 1895 году мнѣ довелось быть въ Кутаисѣ очевидцемъ звѣрскаго убійства одного имеретина громадною толпою мѣстныхъ евреевъ, избившихъ его камнями и загнавшихъ его въ Ріонъ, гдѣ онъ и потонулъ. На слѣдующій день весь Кутаисъ, въ справедливомъ негодованіи, учинилъ грандіозный погромъ цѣлаго еврейскаго квартала, отличавшійся чрезвычайно-типичными подробностями. Между прочимъ, толпа (въ которой было и немало дворянъ) требовала «выдачи и униженія» богатаго еврея Ц—и, который, въ виду общеизвѣстной близости своей къ тогдашней администраціи, получилъ даже прозвище «третьяго губернатора».

Вся мстная интеллигенція сочувствовала, если не дикимъ сторонамъ погрома, то побужденіямъ, его вызвавшимъ: кутаискіе евреи всѣмъ глаза намозолили, какъ наглые эксплуататоры и притомъ злые, мстительные люди; отношенія-же названнаго богача къ одному мѣстному довольно крупному чиновнику носили дѣйствительно скандальный характеръ. Помню ватѣмъ, какъ нелюбовь къ евреямъ еще возросла въ мѣстномъ

обществѣ, когда участники погрома были крайне сурово наказаны судомъ, не принявшимъ во вниманіе нравственной подкладки этого печальнаго дѣла...

И вотъ, по прошествіи пяти или шести лѣтъ та-же самая кутаисская интеллигенція «принципіально наскандалила» въ театрѣ, протестуя противъ представленія «Контрабандистовъ» г. Литвина, невинной пьесы, въ которой далеко не во всей полнотѣ и сущности изображены еврейскія продѣлки. Удивительно, съ какой быстротой *tempora mutantur* по волѣ этихъ узурпаторовъ русскаго общественнаго мнѣнія!

А петербургскій «принципіальный скандалъ» въ Суворинскомъ театрѣ по тому-же поводу! Что это такое? Гдѣ мы живемъ?! Почему порочныхъ русскихъ людей можно изображать, а евреевъ *нельзя*? Что-то нелиберально выходитъ!...

Въ обществѣ нашемъ, однако, не любятъ еврейскихъ интеллигентовъ. Даже либерально-мыслящіе представители разныхъ профессій, находящіе, что всѣмъ евреямъ можно дать полныя права, склонны оговариваться, что не мѣшало бы пускать поменьше евреевъ въ среду адвокатовъ, врачей, инженеровъ, банковскихъ дѣятелей, публицистовъ и т. д., смотря по тому, чѣмъ занимается говорящій объ этомъ вопросѣ. Такъ или иначе, у евреевъ-интеллигентовъ недобрая профессиональная слава, очевидно, весьма заслуженная ими, коль скоро даже самые терпимые и передовые люди морщатся при мысли о такихъ собратяхъ по профессіи.

Какъ выше было замѣчено вскользь, еврей-интеллигентъ плохъ и вреденъ обыкновенно прежде всего потому, что онъ человѣкъ *безъ въры*; затѣмъ онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, торжествующій «вольнотпущенникъ», перешагнувшій черезъ разныя ограниченія и склонный мстить за нихъ и обществу, и государству. Мнѣ случилось однажды видѣть на Кавказѣ, какъ еврей-лѣсничій, весьма образованный и на словахъ крайне-передовой и гуманный, деспотически терзалъ бѣдныхъ грузинскихъ крестьянъ жесточайшими измышленіями формализма, придирками, издѣвательствомъ надъ ихъ обычаями и человѣческой личностью. Требуя отъ горскихъ дѣтей билетовъ на собраніе ежевики въ родныхъ имъ горныхъ дебряхъ, онъ проводилъ цѣлые дни въ ловлѣ безбилетныхъ ребятишекъ, кон-

Фисковаль ягоду и, когда она ему не была нужна для наливки или варенья, топталъ ее ногами. Дерево для рубки по билетамъ онъ отводилъ обыкновенно подальше отъ селеній, чтобы перетаскивать его приходилось по неудобнымъ и опаснымъ мѣстамъ; по всякому дѣлу онъ заставлялъ приходиться нѣсколько разъ, что въ краткую рабочую пору иногда прямо невыносимо.

Дѣло дошло до того, что этотъ герой мелкаго тиранства возстановилъ все мѣстное населеніе *противъ русскаго имени* (вѣдь для туземцевъ онъ «русскій чиновникъ»!) и боялся сунуть носъ куда бы то ни было безъ тѣлохранителей, двухъ лѣсныхъ объѣзчиковъ, которыхъ онъ постоянно и отвлекалъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей. А прїѣдетъ, бывало, въ городъ—и разливается на темы о самоуправленіи, административномъ гнетѣ, національной терпимости, братствѣ всѣхъ людей и т. п.!... До сихъ поръ оторопь беретъ, когда вспомню объ этомъ слащавомъ изувѣрѣ, мучившемъ бѣдныхъ горцевъ, *потому что они исповѣдуютъ православную религію*, и потому что ему вообще прїятно было, какъ вчерашнему рабу или неполноправному человѣку, издѣваться надъ кѣмъ бы то ни было. Конечно, онъ мучилъ только слабыхъ и безотвѣтныхъ, потому что, при видѣ сильныхъ и властныхъ, въ этомъ интеллигентномъ космополитѣ просыпался низкопоклонный, лебезящій маленькій еврей въ лапсердакѣ... Въ этомъ положительно былъ какой-то трагизмъ, такъ какъ жестокость являлась болѣзненной, стихійной потребностью этой искалѣченной душонки... Сквозь отвращеніе, къ нему нельзя было не чувствовать жалости.

Нельзя не чувствовать жалости и ко всему еврейству (исключая, конечно, евреевъ слишкомъ торжествующихъ и нагло-наступательныхъ); нельзя не сознавать, что еврейскій вопросъ настоятельно требуетъ справедливаго и вмѣстѣ цѣлесообразнаго рѣшенія, которое бы не унизило нравственнаго достоинства европейскихъ народовъ и особенно нашего, а на ряду съ этимъ не подвергло бы опасности нашихъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ. Ясно также, по крайней мѣрѣ, всякому образованному человѣку, знающему исторію, что передъ нами такой Гордіевъ узелъ, котораго сразу никакъ

нельзя разрубить, а который надо *медленно и умъло развязывать*.

Вопросъ прежде всего, стало быть, *о системъ и направленіи* трудной, вдумчивой работы, степень успѣшности которой можетъ служить мѣриломъ духовныхъ силъ и пробнымъ камнемъ для характера современныхъ европейскихъ народовъ.

Сіонизмъ.

Выше, въ статьѣ «Роковой вопросъ» было отмѣчено, что одною изъ главныхъ, коренныхъ расовыхъ чертъ еврейства является, такъ сказать, органическая ненависть этого народа ко всякой національной идеѣ. Рѣчь идетъ, разумѣется, прежде всего и главнѣйшимъ образомъ, *о чужой для евреевъ* національной идеѣ, напр., русской или французской, какъ это наглядно видно изъ цѣлага ряда событій послѣдняго времени.

По отношенію же къ своей собственной національной идеѣ еврейское міросозерцаніе подлежитъ особому анализу. Евреи исторически показали свою неспособность къ національному развитію въ полномъ и *точномъ* смыслѣ этого термина, т. е. къ развитію, обусловливаемому сколько-нибудь устойчивою и творческою государственностью. Такъ было въ теченіе многихъ вѣковъ, такъ оно осталось и до сего времени, и, вѣроятно, останется навѣки. Еврейскій характеръ органически противится тѣмъ цементирующимъ началамъ, безъ которыхъ государственность немыслима. Но, на ряду съ этимъ, нельзя не признать, что евреи искони, въ особенности же со временъ гоненій и скитанія по свѣту, отличались и отличаются безпримѣрно-сильнымъ развитіемъ національной идеи совершенно иного сорта,—въ смыслѣ религиозно-племенномъ, конспираторскомъ, подпольно-государственномъ, — тамъ, гдѣ она получаетъ широкое примѣненіе, гдѣ имѣются данныя для ея развитія.

Строго говоря, понятіе національности тутъ мало примѣнимо и употребляется въ печати и разговорномъ языкѣ лишь потому, что наша общепринятая терминологія весьма неточна.

Если говорить языкомъ понятій, напоминающихъ историческое прошлое еврейства, то необходимо признать, что лишенный территоріи еврейскій народъ управляется доселѣ теоретическою организаціей, хотя отдѣльные главари и органы ея «секуляризованы» (то есть отрѣшились отъ религіозныхъ основъ) до чрезвычайности.

Происходить это не только при помощи исторически выработавшихся учреждений, но и на почвѣ природныхъ способностей и склонностей. Забросьте въ какую-нибудь пестроплеменную страну нѣсколько десятковъ или сотенъ евреевъ, выходцевъ изъ разныхъ частей свѣта и представителей разныхъ жаргоновъ; они мигомъ познакомятся, стакнутся между собою и составятъ еврейскую организацію; эта черта, конечно, проявится рѣзче и результатъ будетъ полнѣе, если возникнетъ вопросъ о конкуренціи и борьбѣ съ представителями другихъ племенъ. Возьмите также любое учрежденіе, самое безразличное съ національной точки зрѣнія и терпимое по отношенію къ евреямъ, напримѣръ, банкъ или акціонерную компанію: если туда проникнуть нѣсколько евреевъ,—они совершенно естественно, почти безъ уговору, составятъ особую камарилью, подъ главенствомъ какого-нибудь Ротшурка или Вольгеруха.

Солидарность такого рода, очевидно, не доросла до понятія національной идеи, такъ какъ она, въ противоположность этой послѣдней, нравственно безразлична, а въ значительномъ большинствѣ случаевъ и противонравственна, разрастаясь на основѣ тайныхъ соглашеній, т. е. обхода законовъ, правилъ и открыто вырабатываемыхъ постановленій.

За послѣднее время, однако, много говорятъ, безъ должной вдумчивости, о «возрожденіи» еврейской національной идеи. Поводомъ къ такимъ разговорамъ служитъ весьма характерное по внѣшнимъ признакамъ и далеко не выясненное явленіе, извѣстное подъ именемъ *сіонизма*. На немъ необходимо остановиться повнимательнѣе.

Что такое сіонизмъ? Со словъ представителей этого теченія, съ большимъ легкомысліемъ принимаемыхъ многими на вѣру, это—стремленіе къ Сіону, къ возрожденію еврейскаго царства въ Палестинѣ. Первоначально, нѣсколько лѣтъ тому

назадъ, идея сіонизма проникла въ Россію (и была встрѣчена благосклонно административными сферами) въ болѣе скромной формѣ: говорилось объ эмиграціи русскихъ евреевъ въ Палестину, долженствовавшей, будто-бы, умѣрить остроту еврейскаго вопроса въ нашемъ государствѣ. Разговоровъ было много, а дѣла въ желанномъ направленіи почти никакого. Для еврейскаго же вопроса въ Россіи результатъ получился лишь отрицательный: *обостреніе*. Тогда сіонисты громче загаворили—и теперь говорятъ—о «еврейскомъ царствѣ». Людямъ, завѣдомо не понимающимъ ни исторіи, ни социологіи, указываютъ при этомъ на жалкую кучку евреевъ-колонистовъ, приступившихъ уже къ осуществленію задачи сіонизма на практикѣ, «хотя и въ скромныхъ размѣрахъ». Вѣдь и океанъ, моль, составляется изъ капель.

Слушателямъ, менѣе довѣрчивымъ, или требующимъ болѣе правдоподобности объясненій, говорятъ, что непосредственно, ближайшею задачей сіонизма является возрожденіе «Сіона духовнаго», т. е. подъемъ еврейской солидарности и обостреніе племенного сепаратизма, хотя и не опирающагося на опредѣленную территорію. А дѣлается это, будто-бы, съ цѣлью создать, *въ концѣ концовъ*, еврейское государство въ землѣ обѣтованной, Видя и тутъ проблески недоувѣрія на лицѣ слушателя, заинтересованные толкователи сіонизма еще волотятъ эту пилюлю, добавляя, что, «разумѣется, реальное осуществленіе этой великой задачи возможно лишь въ самомъ отдаленномъ будущемъ»...

Подумаешь, какіе идеалисты! Теперь, сейчасъ собираютъ сорокакопѣчные «шекели» съ еврейской бѣдноты всего міра, устраиваютъ съѣзды, пререкаются и тратятъ дорогое дѣловитому еврею время, чтобы когда-нибудь, *въ отдаленномъ будущемъ*, создать свое царство въ Палестинѣ, гдѣ и десятая часть расплодившагося нынѣ еврейства не могла бы умѣститься и совершенна не нашла бы примѣненія своимъ спеціальнымъ способностямъ и привычкамъ! Какого же воробья хотятъ провести на этой мякинѣ? Очевидно, либо вовсе безголоваго, либо такого, который, въ силу своекорыстныхъ побужденій; «vult decipit!»

Приводятся и болѣе простыя соображенія: евреи, моль,

слишкомъ много посвящаютъ труда, способностей и силъ служенію другимъ народностямъ; пора подумать и о собственныхъ племенныхъ интересахъ...

Покорно благодарю за такое «служеніе», выражающееся, главнымъ образомъ, въ гешефтмахерскомъ окрашиваніи всякихъ профессиональныхъ поприщъ и въ систематическомъ подкапываніи политическихъ устоевъ тѣхъ странъ, которыя облагодѣтельствованы подобнымъ служеніемъ.

Еслибы представители этого послѣдняго стали давать преимущественно своимъ единовѣрцамъ то, что они теперь даютъ христіанамъ, то можно бы сказать за это превеликое спасибо. Но вѣдь это опять иллюзія: не покинуть добровольно еврейскіе финансисты нашихъ финансовыхъ сферъ, гдѣ они являются тайными пружинами; не избавится ни русская, ни иностранная печать отъ еврейской нетерпимой «прогрессивности» и ложнаго либерализма; не покинуть пресловутые сіонисты и адвокатскаго поприща, нравственный уровень котораго столь удачно пониженъ, при ихъ благосклонномъ участіи!

Вообще, ни одинъ сосущій не отвалится отъ привычныхъ ему сосцовъ, а наоборотъ, лишь возростетъ его энергія, обостренная еврейскою солидарностью и нетерпимостью. Рѣшительнѣе лишь перешагнетъ такой дѣятель черезъ нравственные преграды, которыя теперь кое-гдѣ, подъ вліяніемъ элементарныхъ требованій чужой культуры, заставляютъ его иногда умѣрять аппетитъ и рѣзкость пріемовъ. Стало быть, сіонизмъ, разобранною выше стороною своего толкованія, *призываетъ къ отказу отъ излишнихъ церемонностей*, къ развитію *еврейскаго ницианства*? Если такъ, то и тутъ необходимо «кланяться и благодарить»!

Крайній предѣлъ откровенности, до котораго доходятъ ревнители этого знаменательнаго движенія, заключается въ признаніи, что сіонизмъ стремится къ поддержанію и усиленію еврейскаго обособленія. Проектируется, молъ, созданіе «еврейской науки» и «національныхъ» храмовъ ея, т. е. среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. При этомъ не говорится, будутъ ли необъятныя отрасли общеизвѣстныхъ наукъ переведены на жаргоны племенъ «ашкеназимъ» и

«сефардимъ», или на древне-еврейскій языкъ, цѣлымъ миллионамъ евреевъ невѣдомый и къ современной научной терминологіи совершенно не приспособленный. Откровенность, стало быть, и тутъ, по меньшей мѣрѣ, неполная!..

Нѣсколько дополняется она сѣтованіемъ сіонистовъ на то, что евреи, молъ, ужъ очень легко ассимилируются съ другими народами и утрачиваютъ свое «національное» (то есть религиозно-племенное) самосознаніе, вслѣдствіе чего еврейство, какъ опредѣленная культурная группа, находится въ опасности. При этомъ указываются единичные примѣры перехода въ христіанство и вытекающихъ отсюда послѣдствій.

Но правдиво-ли приведенное соображеніе? Замѣтна-ли за послѣднее время усиленная внутренняя, *духовная* ассимиляція евреевъ съ арійскими народами? Виденъ-ли успѣхъ арійскихъ и христіанскихъ идей въ еврейской средѣ оттого, что лацсердакъ смѣнился фракомъ, пейсы отрѣзаны, а бородки острижены по модѣ? Нѣтъ, *тысячу разъ нѣтъ*. Наоборотъ, съ конца XVIII вѣка, со времени французской революціи, въ которой коренное значеніе имѣли масонско-еврейскія тайныя пружины, европейская государственно-общественная жизнь даетъ рядъ чрезвычайно-яркихъ проявленій еврейской идеи, еврейской интриги, еврейскаго *владычества* надъ арійскими народами! Еврейство показало себя, лишь какъ ядовитый, *сильно-окрашивающій* элементъ, по внѣшности растворимый, а по существу *растворяющій, разлагающій* всякую социальную структуру....

Христіанство подвергается преслѣдованію, кощунственному издѣвательству и поруганію; монархическая власть ограничивается или упраздняется; въ смѣнившихъ ее парламентныхъ народоправствахъ образуются партійныя стачки социалистовъ, анархистовъ, масоновъ и иныхъ разрушителей крѣпкой національной государственности; во всемірной печати газета, особенно еврейская, вытѣсняетъ книгу и журналъ,—то есть широкое распространеніе пониженной, демократизированной мысли беретъ верхъ надъ развитіемъ ея въ глубь и высъ. Вѣра въ иной міръ и приверженность къ соотвѣтственному критерию нравственности смѣняются циничнымъ матеріализмомъ въ стилѣ Гейне, находившаго, что живая собака лучше

мертваго льва. Падаюць і сглажваюцца історычна выростыя естэственныя перагородкі між класамі, сословіямі і дажэ гасударствамі; аб'ядняюція нравственныя пачала какіх бы то ні было чалавчэскіх групъ, включая главную ячэйку абшчественности—сэмя, нагло отрицаюцца і въ печати, і на сценѣ (подъ нѣкотарымъ соусомъ инога дажэ на казенной русской сценѣ), і въ жизни.

Еврейская программа выполняется съ поразительною успѣшностью, принимая за самое послѣднее время крупныя, рельефныя *политическія* формы. Великій, могучій, богато одаренный французскій народъ, изъ-за *одного* проходимца, измѣнника-Дрейфуса, претерпѣваетъ нѣсколько лѣтъ невѣроятныхъ по размѣрамъ усобицъ, находящихъ феноменально-громкій и знаменательный отголосокъ въ цѣлой Европѣ; это движеніе растетъ и доходитъ до перехода государственной власти въ руки масонско-еврейской камарильи, открыто преслѣдующей христіанство во Франціи, дезорганизующей національную армію и дипломатію. Въ Германіи видную роль среди масоновъ, творящихъ волю еврейства, занимаетъ глава гасударства; національная идея тамъ крѣпка... до поры до времени, такъ какъ еврейская чужеядная задача покуда во многомъ совпадаетъ съ задачею германскаго націонализма. Безпочвенная русская интеллигенція пробавляется въ теоріи и въ несуразной практикѣ формулами, полученными прямо или косвенно опять-таки изъ еврейскаго источника; нѣкотарые словя ея дошли до того, что рукоплещутъ критикѣ родного православія, принимающей характеръ издѣвательства надъ вѣрою отцовъ нашихъ,—издѣвательства въ стилѣ Гейне, Макса Нордау и прочихъ дрейфусовъ арійской культурной мысли!..

Какіхъ еще нужно примѣровъ? Куда еще арійскимъ заспаннымъ очамъ обратить взоры, чтобы увидѣть проявленія семитическаго умственного господства и гнета? Не проще ли сказать, что *почти не осталось «живого мьста»*, почти нѣтъ сферы, свободной отъ такихъ проявленій?!...

Ассимиляція произошла и происходитъ, но не та, на которую ссылаются адвокаты сіонизма, а какъ разъ обратная: струи еврейскихъ идей замутили, отравили арійское міросозерцаніе; пригнетенъ и обезсиленъ духъ великихъ европей-

скихъ націй,—и имъ, а не евреямъ, слѣдуетъ обратиться къ соплеменникамъ съ воплемъ тревоги и негодованія: «Не угашайте духа!..»

Нѣтъ, не тревога за судьбы еврейской обособленности и преобладанія могла вызвать сіонизмъ! Тутъ есть иная психическая причина. Евреи, хотя и сильно вышколены суровою исторіей, развившей въ нихъ скрытность и сдержанность, остаются все таки восточнымъ по темпераменту народомъ, съ характерною рабскою чертой: они легче выносятъ угнетеніе, нежели побѣду и успѣхъ,— и въ послѣднемъ случаѣ имъ измѣняютъ задерживающіе центры. Попросту говоря, они склонны зазнаваться, когда чувствуютъ свою силу; зазнавшись, они показываютъ карты.

Какія же карты показываетъ сіонизмъ, и въ частности рѣзкій и шумный подъемъ сіонизма въ нашемъ государствѣ?

Хотя въ русской общественности мы и видимъ, въ болѣе слабомъ, конечно, растворѣ, тѣ же противосоціальныя яды, которые привели на край гибели національный организмъ Франціи; хотя характеръ минскаго конгресса сіонистовъ и далеко не выясненные ежедневною печатью предметы занятій его подають поводъ предполагать, что русскій сіонизмъ готовитъ намъ (надѣюсь, безуспѣшно!) судьбу Франціи,—но на такомъ предположеніи я долѣе останавливаться на стану, чтобы не выходить за предѣлы точно установленныхъ фактовъ и ихъ доказательнаго толкованія.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить, что еврейскіе «націоналисты», по крайней мѣрѣ, судя по указанному конгрессу, занимають въ Россіи *привилегированное* положеніе. Въ самомъ дѣлѣ: какой другой народности, не исключая коренной русской, было бы возможно созвать въ любомъ городѣ соборъ, съ нагло выставляемой *политической*, узко-расовой программой и съ организаціей совершенно парламентарнаго типа; собирать громадныя суммы денегъ, не безъ нѣкотораго психическаго давленія, со всѣхъ слоевъ даннаго племени, и безъ достаточно-правдоподобнаго отвѣта на вопросъ, какъ будутъ употреблены эти деньги; выдавать никакимъ закономъ не установленныя марки съ символическими знаками; наконецъ, оставлять для гласности лишь такіе результаты конгресса, которыми истин-

ное его значеніе и назначеніе выясняется до смѣшного слабо?!

Еслибъ это попробовали продѣлать какіе-нибудь инородцы, обладающіе территоріей и исторіей, то они были бы обвинены въ инсurreкціонныхъ приговѣвленіяхъ, а русскіе люди—въ переодѣтыхъ конституціонныхъ тенденціяхъ.

Еврейскіе «патріоты» ни подъ одно изъ этихъ опредѣленій не подошли,—потому-ли, что они уже слишкомъ сильны, или еще слишкомъ слабы? Предпочитаю остановиться на послѣднемъ предположеніи, не взирая на то, что русское государственное здоровье несомнѣнно и наглядно находится въ серіозной зависимости отъ того или иного рѣшенія еврейскаго вопроса.

Экспериментъ, подобный указанному конгрессу сіонистовъ, пока еще не можетъ у насъ имѣть такого фатальнаго значенія, какъ, напримѣръ, во Франціи, такъ какъ наши жизненные устои, слава Богу, еще крѣпки. А для пробужденія національнаго самосознанія въ русскихъ образованныхъ классахъ этотъ экспериментъ чрезвычайно полезенъ, и ревнители русской государственной силы должны радоваться тому, что онъ «имѣлъ мѣсто»: какъ теперь принято выражаться въ гимназіяхъ и газетахъ.

Въ глазахъ людей, не склонныхъ къ тенденціозной слѣпотѣ, этотъ конгрессъ—превосходный реактивъ. Все, тамъ происшедшее (даже если взять только то, что неопровержимо установлено), проливаетъ яркій свѣтъ на сущность политики «всемирнаго еврейскаго союза». Оно подаетъ, вслѣдствіе этого, и поводъ русскимъ людямъ изслѣдовать добросовѣстно, а затѣмъ и рѣшительно отвергнуть многіе пункты распространяемой евреями мнимо-либеральной формулы, угнетающей мозги русской интеллигенціи.

Возьмемъ любого еврея, со значкомъ высшаго образованія въ петлицѣ фрака или пиджака. Что онъ говоритъ намъ, какіе тезисы отстаиваетъ устно, печатно и въ официальныхъ бумагахъ? «Всѣ люди братья», «націонализмъ—устарѣлое, дикое, противокультурное понятіе», «излишняя приверженность къ религіи—признакъ недомыслія» и т. д. и т. д.

И вдругъ тотъ-же самый господинъ, захлебываясь отъ

фанатическаго увлеченія, поднимаетъ знамя еврейскаго «націонализма», обособленности, нетерпимости! Не ясно-ли, что предыдущія «сладкія слова» были кукольною комедіей или лубочнымъ обманомъ? Положимъ, при мало-мальски внимательномъ отношеніи къ жизненной правдѣ, этотъ обманъ можно было бы увидѣть и безъ помощи конгресса, на которомъ... такъ «ослабѣли задерживающіе центры», но теперь-то, *посль этого конгресса*, самый недобросовѣстный наблюдатель, самый увертливый адвокатъ дурныхъ тенденцій еврейства не вправѣ притворяться, будто онъ не видитъ обмана и кукольной комедіи.

Гуманность, прогрессъ, сверхнаціональныя идеи—это въ ихъ устахъ слова, которыми насъ морочатъ, чтобы ослабить, унижить, обезличить насъ. Еврейская нетерпимость, масонско-еврейская организація—это *факты*, реальныя факты, грозящіе намъ гибелью, если мы окончателно поглупѣемъ. Не пора-ли остановиться нашему «образованному» обществу на пути оглупѣнія и отличить черное отъ бѣлаго? Не пора-ли сказать этимъ грубо-замаскированнымъ людямъ: «Вы лжете!..»

Подобно тому, какъ босячeskая откровенность г. Максима Горькаго выдала истинную сущность тенденцій того лагеря, которымъ онъ произведенъ въ геніи,—откровенность г.г. минскихъ сіонистовъ поставила штемпель браковщика на космополитическій гуманизмъ русскихъ «просвѣщенныхъ» евреевъ и ихъ прислужниковъ. Недаромъ наиболѣе хитрые изъ этихъ послѣднихъ забили тревогу, по поводу нѣкоторыхъ признаній сіонистскихъ ораторовъ,—и фальцетомъ загѣли затасканныя мотивы еврейско-масонскаго «гуманизма».

Этихъ мотивовъ уже въ серъезъ принимать нельзя, да и пискливые голоса поющихъ заглушены истеричнымъ гвалтомъ конгресса! *E sempre bene!*...

Большое спасибо г.г. сіонистамъ, приподнявшимъ завѣсу хотя бы надъ частью тѣхъ стремленій, которыми руководятся вожаки злополучнаго еврейскаго народа, во вредъ прежде всего ему самому и, разумѣется, въ немалый вредъ нашему государственному спокойствію. Еще большее спасибо тѣмъ немногимъ людямъ, откровенность которыхъ идетъ значительно дальше и, повидимому, проникнута горячимъ желаніемъ, чтобы еврейская народная масса *культурно* развивалась и мирно

уживалась въ великой Россіи, принося свою долю пользы въ общую сокровищницу государственной жизни.

Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно цѣнно помѣщенное въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» письмо могилевскаго общественнаго раввина, г. Якрина, подъ заглавіемъ: «*Моя отвѣдь современной еврейско-русской печати*». Это письмо поражаетъ лиризмомъ и прямою основныхъ взглядовъ автора, мѣстами принимающихъ, впрочемъ, непріятно-рѣзкія формы. Всякому, кто интересуется еврейскимъ вопросомъ, прямо необходимо прочесть это письмо, богатое смѣлыми разоблаченіями и при этомъ дышащее любовью къ еврейскому народу. Авторъ прямо говоритъ, что въ качествѣ «представителей» еврейскихъ интересовъ и тенденцій фигурируютъ нерѣдко воры и мошенники, обкрадывающіе и казну, посредствомъ стачекъ на торгахъ, и своихъ соотечественниковъ—всякими способами. Это обвиненіе онъ взводитъ далеко не на единичныхъ дѣльцовъ, а на довольно значительныя по численности группы еврейскаго населенія; онъ говоритъ, на примѣръ, что евреи напрасно сѣтуютъ на русское общество за недовѣрчивое отношеніе къ нимъ, и особенно къ еврейской молодежи. Г. Яркинъ задаетъ своимъ землякамъ прямыя вопросы:

— «Какъ долженъ русскій человѣкъ относиться къ еврейской образованной молодежи, когда онъ вдругъ узнаетъ, что представители этой молодежи одѣваютъ призрѣваемыхъ на общественныя деньги сиротъ не въ русскую одежду, а въ красныя турецкія фески: сознавайте, молъ, что вы не русскіе, а будущіе граждане земли Палестинской, будущіе вѣрнопоподанные его величества султана турецкаго! Милые эти представители наши и этимъ не ограничиваются, а нарочно разговариваютъ съ сиротами не по-русски, и на жаргонѣ, *заставляя ихъ пить имны, ничею общаго съ русскимъ народомъ не имлющие*; мало-того, поощряютъ разныхъ заѣзжихъ пройдохъ-проповѣдниковъ открыто въ синагогахъ и школахъ при огромномъ стеченіи публики *всѣхъ возрастовъ произносить хулу на священныя и дорогія намъ имена*; предлагаютъ подобнымъ «проповѣдникамъ», для ихъ проповѣдей, и свои квартиры, куда приглашаютъ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ «на чашку чаю». И все это опять-таки продѣ-

львають *люди съ русскими дипломами*, при благосклонномъ молчаніи и даже личномъ присутствіи молодыхъ «образованныхъ», утвержденныхъ правительствомъ, раввиновъ!...»

Далѣ откровенный раввинъ говоритъ:

— «Мы, евреи, не перестанемъ роптать, что насъ сдавили въ чертѣ осѣдлости; но задаемъ-ли мы себѣ при этомъ вопросъ, какъ же насъ пустить къ великорусскому человѣку, когда мы у себя, въ чертѣ, оказываемся такими спеціалистами по части развращенія мѣстнаго мелкаго и крупнаго чиновничества, какъ это выяснилось въ знаменитомъ дѣлѣ покойнаго Авринскаго и многихъ другихъ, пока еще не всплывшихъ на свѣтъ Божій; когда мы въ нашей чертѣ умѣемъ иногда русскихъ общественныхъ дѣятелей даже съ солиднымъ образованіемъ, недюжинными способностями и честными принципами въ короткое время превращать во взяточниковъ, готовыхъ за деньги не только продавать общественные интересы, но даже прямо, открыто, безъ малѣйшаго (даже хотя-бы для виду) стѣсненія, поддерживать и этихъ-же нашихъ «представителей».

Вожаковъ сіонизма, орудующихъ въ Россіи, г. Якринъ считаетъ непрошенными защитниками и *самозванными представителями еврейской массы*, насильно, словомъ и дѣломъ отторгающими ее отъ всего русскаго и ведущими ее безусловно къ неминуемой гибели. Способы добыванія ими денегъ на цѣля агитаціи носятъ скверный, подпольный характеръ; настроеніе этихъ господъ гармонируетъ со всѣмъ остальнымъ.

— «Вправѣ ли мы, еврей, требовать, — говоритъ г. Якринъ, — чтобы намъ широко открыли двери въ среднія и высшія учебныя заведенія, когда именующіе себя «представителями» нашими изъ молодежи, въ благодарность за образованіе, полученное ими въ *русскихъ* учебныхъ заведеніяхъ, открыто проповѣдуютъ еврейской массѣ въ школахъ и синагогахъ обособленіе отъ всего русскаго. «Пушкинъ не нашъ, какое намъ дѣло до разныхъ Пушкиныхъ», оретъ во все горло на жаргонѣ одинъ изъ нашихъ «представителей», съ дипломомъ русскаго высшаго учебнаго заведенія».

Г. Якринъ, словно испугавшись цѣлаго ряда характерныхъ фактовъ и неизбѣжныхъ выводовъ, спѣшитъ оградить

массу своихъ соплеменниковъ отъ огульно-отрицательнаго къ нимъ отношенія:

— «Рѣшившись открыто предъ лицомъ русскаго общества и всего еврейства выставить подпольную дѣятельность его нынѣшнихъ вожаковъ, я снова, чуть-ли не въ сотый разъ, оговариваюсь, что еврейская масса тутъ рѣшительно не при чемъ, что именно въ интересахъ этой забитой, терроризируемой массы, покорно, какъ овца, склоняющей голову предъ какимъ-нибудь десяткомъ негодяевъ изъ своей среды,—безусловно необходимо наконецъ сорвать маски, подъ которыми эти угнетатели своего народа лицемѣрно скрываются, указать настоящее мѣсто раввинамъ, «позорящимъ своими преступленіями еврейскій народъ», какъ опредѣленно выразился покойный государственный дѣятель Корниловъ, въ письмѣ своемъ по поводу дѣятельности отстраненнаго отъ должности бывшаго могилевскаго раввина Кагана, надъ которымъ въ настоящее время производится слѣдствіе судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ.

«Когда, печальной памяти, лапсердачный кагалъ отошелъ въ вѣчность, когда правительство лишило возможности разнымъ проходимцевъ «ловить» еврейскихъ несчастныхъ бѣдняковъ и сиротъ и сдавать ихъ въ рекруты за богатыхъ, разжирѣвшихъ ростовщиковъ,—масса вздохнула свободно и высылала къ нему горячія благословенія безсмертному Освободителю.

«Но вѣдь *то, что было при лапсердачномъ кагалѣ, еще въ большей мѣрѣ совершается среди насъ теперь...* И что возмутительнѣе всего, это то, что большинство этихъ преступныхъ лицемѣровъ, ни во что не вѣрующихъ и едирающихъ съ бѣдняка послѣднюю рубаху, прикрывается большею частью маскою благотворительности, санкціонируемой государственными законами, заботами о домахъ Божіихъ, которые они въ своемъ кругу цинично осмѣиваютъ, куда они, если и заходятъ, то исключительно для того, чтобы забрать у бѣдняка потомъ добытый имъ послѣдній грошъ его, или читать ему пасквиль или доносъ, легко проведенный ими чрезъ «своихъ» въ печать, или *подъ видомъ націонализма проповѣдывать ненависть и злобу ко всему русскому народу...*

«Какъ мои безпощадныя обличенія, такъ равно съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раскрывающаяся дѣятельность бывшаго раввина Кагана и моголевскаго *фрачнала* кагала, органомъ котораго этотъ «раввинъ» служилъ, привели въ ужасъ мѣстныхъ сіонистовъ, почувствовавшихъ, что почва подъ ихъ ногами окончательно рушится; какъ послѣднее средство, вожаки ихъ взялись, помимо обычныхъ ложныхъ доносовъ, какъ въ печати, такъ и моему учебному начальству, *терроризировать всѣхъ и все, что имъ стоитъ на пути къ сокрытію истины.*

«Вотъ голые факты, точность которыхъ, въ случаѣ надобности, будетъ подтверждена присягой».

Далѣе авторъ указываетъ на цѣлый рядъ омерзительныхъ проявленій кагальнаго террора и «бойкота», обѣщая сказать еще больше на предстоящемъ ему судебномъ разбирательствѣ...

Можетъ быть, почтенный раввинъ что-нибудь и преувеличиваетъ, въ порывѣ личнаго раздраженія. Можетъ быть, единичные «представители» еврейства менѣе виновны во всемъ, что онъ имъ приписываетъ. Но врядъ-ли можно сомнѣваться въ подлинности тѣхъ *общихъ болѣзненныхъ явленій* въ еврейской средѣ, на которыя онъ указываетъ: они бросаются въ глаза всякому, кто присматривается къ еврейской жизни самостоятельно, не заимствуя тенденціозныхъ очковъ у разныхъ наемныхъ или слабодушныхъ исполнителей масонско-еврейской программы.

Что-же такое сіонизмъ, открыто стремящійся усилить еврейское обособленіе? Кагальная сплоченность была всегда на лицо и въ усиленіи отнюдь не нуждается, а къ религіи своей простые евреи всегда относились и относятся добросовѣстнѣе, чѣмъ «цивилизованные». Имъ недоставало, съ точки зрѣнія вожаковъ, только *бодрости*, или, попросту, наглости въ кагальныхъ предпріятіяхъ. Сіонизмъ прежде всего склоненъ *непосредственно, самымъ существованіемъ и тономъ своимъ*, развить и усилить эту черту. Одобрить этого нельзя. Не мѣшаетъ замѣтить, что волненія въ еврейской средѣ, вродѣ виленскихъ событій, возросли одновременно съ ростомъ сіонизма. Можетъ быть, это вопросъ еврейскихъ нервовъ, но

вѣрнѣе предположить, что это результатъ сionистской дѣятельности, явной и тайной, проведение зажигательныхъ токовъ къ массамъ взрывчатыхъ веществъ, фанатизированіе толпы, *переходъ отъ медленной осады къ частнымъ эпизодамъ приступа.*

Собираніе «шекелей» и успѣшность этого своеобразнаго налога, закономъ не установленнаго, имѣетъ не только экономическое, но и нравственно-политическое значеніе: привлекаются къ выполненію невѣдомой, но несомнѣнно крупной и нелегальной задачи, тѣ слои еврейскаго народа, которые доселѣ скромно добывали себѣ хлѣбъ насущный, сравнительно мало занимаясь активной политикой.

Врядъ-ли дальнѣйшее развитіе такого безпорядка вещей терпимо въ благоустроенномъ государствѣ. Если это не имѣетъ рокового значенія, то во всякомъ случаѣ, можетъ создать нежелательныя ни для Россіи, ни для самой еврейской массы осложненія, которыя примутъ угрожающій характеръ, когда мы станемъ пожинать во всей ихъ полнотѣ рѣшительныя и не поддающіеся уже маскированію плоды финансовыхъ авантюръ, довольно наглядно вдохновляемыхъ еврейскими политиками и цинично прославляемыхъ наемною печатью!..

На глазахъ у пробуждающихся русскихъ людей растетъ многоголовый, собирательный Дрейфусъ, находя себѣ иногда крупныя воплощенія въ такихъ сферахъ, гдѣ и духу его не должно быть! Растетъ и забираетъ силу. Въ печати часто происходитъ какая-то вакханалія неискреннихъ похвалъ тому, что заслуживало бы здоровой критики, ярые обличители темныхъ явленій зачастую смолкаютъ, получивъ подачку; жизненныя струи, матеріальныя и духовныя, мѣстами изсыкаютъ,—и на мелѣющихъ, заболачиваемыхъ пространствахъ нѣкогда здоровой жизни множатся гады...

Почти незамѣченною прошла, ничтожная съ виду, подробность сionистской организаціи, а именно *марки*, распространяемая этимъ «палестинскимъ правительствомъ». На этихъ маркахъ изображены *переспькающіеся треугольники*. Это *символизмъ откровенно-масонскій*. Во Франціи это знаетъ каждый ребенокъ, а въ Россіи пора это знать, по крайней мѣрѣ, образованнымъ взрослымъ людямъ.

Символизмъ—вещь весьма серьезная. Онъ играетъ огромную объединяющую роль, облегчая память и взаимное пониманіе для членовъ всевозможныхъ сообществъ, особенно тайныхъ, или преслѣдующихъ тайныя дѣла; въ нѣкоторыхъ случаяхъ символическими знаками могутъ замѣняться шифрованныя депеши.

Но у символизма есть и обратная сторона медали, особенно, когда онъ служить тайнымъ задачамъ: иногда достаточно найти «ключъ» отъ шифра, т. е. понять истинное значеніе тѣхъ или иныхъ знаковъ, чтобы сразу выяснилась цѣлая картина скрываемыхъ фактовъ.

У всякой стройной организаціи самъ собою нарастаетъ характерный символизмъ не только въ знакахъ, но и въ оборотахъ рѣчи. Напримѣръ, люди, принадлежащіе къ еврейско-масонской камарильѣ, употребляютъ иногда совершенно невольно выраженія традиціонныя, по которымъ ихъ весьма легко обличить людямъ, знающимъ дѣло. Во Франціи изрядно разработана литература о масонствѣ, и при помощи нѣкотораго знакомства съ нею мнѣ удавалось иногда сразу опредѣлять не только истинное направленіе, но и самый источникъ «вдохновенія» кое-какихъ органовъ печати.

Необходимо русскимъ людямъ познакомиться съ сущностью масонства, особенно современнаго, сильно видоизмѣнившагося и разросшагося за истекшее столѣтіе. У насъ въ Россіи оно создаетъ уже гораздо больше ненормальныхъ явленій, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Многія явленія были бы прямо необъяснимы безъ пониманія масонской организаціи и программы; въ частности, самое упорство нѣкоторыхъ, завѣдомо нелѣпыхъ, воззрѣній нашей интеллигенціи объясняется систематичностью ихъ распространенія и поддержанія въ человѣческихъ головахъ, умѣло «сдѣланныхъ» и лишенныхъ способности самостоятельно мыслить.

Масонство, и именно *современное масонство*, съ явными очагами въ Франціи, Германіи, Италіи и Швейцаріи и *тайными въ другихъ странахъ*, должно быть *спеціально* изслѣдовано, какъ правительственными органами, такъ и людьми, способными къ научному выясненію сложныхъ вопросовъ.

Для поверхностнаго же ознакомленія съ политикою, симво-

лизмомъ и еврейскою основою масонства достаточно прочесть хотя-бы слѣдующія книги: «La Franc-maçonnerie en France», par Georges Goyau, «L'idée de patrie et l'humanitarisme» того же автора, брошюру «Pouvoir occulte», par Copin-Albancelli, наконецъ, справочную книгу «Le tout-Paris maçonnique». Въ указанной выше (см. статью «Роковой вопросъ») книгѣ г. Мориса Мюрэ «L'esprit juif» можно найти экстрактъ еврейскихъ тенденцій и наглядно убѣдиться въ еврейскомъ-же характерѣ масонской программы. Конечно, важнѣе всего для читателя составить себѣ самостоятельный взглядъ на масонство, непосредственно на основаніи документовъ этого послѣдняго: цѣлый рядъ масонскихъ изданій указанъ въ перечисленныхъ выше нѣсколькихъ книгахъ.

Россія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отстала отъ Запада и необходимо должна пользоваться его дарами въ разныхъ областяхъ чистаго и прикладнаго знанія; не менѣе необходимо ей поближе ознакомиться съ *серіозною критикою соціальныхъ ошибокъ и нестройній Запада*, для того, чтобы Россія не стала свалочнымъ мѣстомъ для западныхъ отбросовъ и разлагающихъ ферментовъ, которые теперь слишкомъ охотно безъ критики пріеムются значительною частью нашей интеллигенціи, а «босьяками» всѣхъ категорій воспринимаются, какъ непреложная истина.

Но возвратимся къ съѣзду сіонистовъ: хорошо, что онъ состоялся и многое неволью выяснилъ; но повторятся ему и вообще развиваться этому движенію врядъ-ли слѣдуетъ. Не говоря о томъ, что евреямъ не за что позволять соваться «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ»,—истинные, т. е. законные и благородно-человѣчные интересы самого еврейства тѣмъ больше пострадаютъ, въ концѣ концовъ, чѣмъ рѣзче и нелегальнѣе проявится ихъ «зоологическое» обособленіе; тѣмъ дальше отодвинется и разумное, спокойно-гуманное разрѣшеніе еврейскаго вопроса.

Въ этомъ вопросѣ нужна правда, и *не сентиментальная, а здравая русская гуманность*, вытекающая изъ нашего національнаго самосознанія. Вредятъ дѣлу и тѣ, кто силится «утаить шило въ мѣшкѣ», утверждая, что «еврейскій вопросъ измышленъ русскими профессиональными патріотами», и тѣ,

кто втайнѣ ожидаетъ момента, когда раздастся кличъ «бей жидовъ». Оба настроенія одинаково скверны, ибо первое сопряжено съ торговлею русскими интересами и святынями нашего духовнаго міра, а второе сопряжено съ униженіемъ этихъ послѣднихъ и съ низведеніемъ патріотизма на уровень «зоологическихъ» чувствованій.

Между этими скверными крайностями есть разумная жизненная середина, которую нужно выяснитъ и установить, не смущаясь передъ терроромъ еврейско-масонской партіи, столь сильной у насъ и въ печати, и въ нѣкоторыхъ служилыхъ и общественныхъ сферахъ. Пусть клеветники кричатъ, что имъ угодно: достаточно, чтобы совѣсть спокойнаго изслѣдователя говорила ему, что онъ объективно правдивъ, да и въ сердцѣ своемъ правъ, коль скоро борьба съ дурными сторонами еврейства и анализъ даннаго вопроса не вытекаютъ изъ слѣпой расовой ненависти къ этому загадочному народу и не носятъ бездушно-спортивнаго характера.

Дай Богъ евреямъ жить и ужиться въ Россіи, нравственно возвыситься, чтобы поменьше причинять страданій себѣ и другимъ; дай Богъ, чтобы именно въ Россіи, среди великаго, мессіанскаго по духу народа, постепенно исчезло предубѣжденіе противъ еврейства, но чтобы оно исчезло не искусственно, а *естественно*, вслѣдствіе исчезновенія или хотя сильнаго смягченія основаній къ такому, вполне законному теперь, чувству.

Для этого евреямъ несомнѣнно нужно *самосознаніе*, но только *не такое*, какимъ нынѣ отравляютъ и гипнотизируютъ ихъ самозванные вожди-гешефтмахеры. Истинные, не своекорыстные патріоты еврейской расы должны съ особенною энергіей *продолжать дѣло пророковъ*, стремиться къ необходимой еврейству религіозной реформѣ, къ освобожденію отъ «книжничества и фарисейства», отъ пороковъ и злыхъ настроеній, бросающихъ тѣнь на цѣлую расу. Только параллельно съ *такимъ* духовнымъ подъемомъ еврейскаго самосознанія возможно будетъ и ревнителямъ возвышенно-понимаемой русской національной идеи добросовѣстно радѣть объ улучшеніи легальнаго положенія евреевъ въ государствѣ и о смягченіи взгляда на нихъ.

Недобросовѣстное же радѣніе въ итогѣ не убѣдительно и,

если вводить въ заблужденіе близорукихъ слушателей, то не надолго: за нимъ слѣдуетъ реакція, проявленія и результаты которой еврейству невыгодны. Въдѣ если евреи, посредствомъ ряда революцій и общественнаго разложенія, воцарились во Франціи, то это нисколько не гарантируетъ ихъ отъ Варееоломеевской ночи, быть можетъ, въ очень близкомъ будущемъ. Лучше не доводить до такой гадости... Лучше идти путемъ нравственной эволюціи, дѣлая *реальные* успѣхи въ области нравственно-бытовой, не соблазняясь шумихою мнимо-гуманныхъ фразъ, поддерживающихъ истерію въ нервномъ еврействѣ и временно дурачащихъ другіе народы...

Подробнѣе коснусь этого вопроса въ слѣдующей главѣ.

И с х о д ъ.

Гг. сіонисты дѣлають видъ, что озабочены вторичнымъ «исходомъ» еврейской расы въ землю Ханаанскую, а въ сущности всѣ ихъ махинаціи направлены къ тому, чтобы еврейское населеніе нанесло какъ можно больше вреда своимъ сосѣдямъ, которые приравняются къ египтянамъ, вавилонянамъ и инымъ властителямъ, тщетно искавшимъ радикальнаго рѣшенія еврейскаго вопроса еще въ глубокой древности.

Такъ какъ еврейскаго «исхода» европейскія государства (и, въ частности, Россія), вѣроятно, никогда не дождутся, то и самое слово «исходъ» необходимо понимать въ болѣе общемъ и широкомъ смыслѣ.

Врядъ-ли можно сомнѣваться въ необычайной трудности найти исходъ изъ того положенія, которое евреи создали себѣ и другимъ. Самъ великій Шекспиръ, въ сущности, не разрѣшаетъ вопроса, а только ставитъ его въ «Венеціанскомъ кушчѣ». И какъ мастерски, съ какимъ безпристрастіемъ! Душа еврея-ростовщика обнажена до глубочайшихъ тайниковъ, до тончайшихъ извилинъ.

Да, Шейлокъ—ростовщикъ, хищникъ не только по натурѣ, но и по традиціи, по принципу жестокой человѣкъ. Онъ при-

томъ человѣкъ правового порядка, буквально того самого правового порядка, котораго у насъ въ Россіи требуютъ буржуазно-либеральные журналы, состоящіе въ подчиненіи у еврейскихъ тенденцій или денегъ. Шейлокъ, несомнѣнно, *антипатиченъ*, это его характерная, естественная черта. Въ первомъ дѣйствіи антипатія къ нему зрителя или читателя вполне понятна и не нуждается въ комментаріяхъ; но по мѣрѣ того, какъ ее проявляютъ христіане, дѣйствующіе въ въ той-же пьесѣ,—и они оказываются довольно дрянными людьми, причемъ эта дрянность расцвѣтаетъ не только въ зависимости отъ сношеній съ Шейлокомъ, но и сама по себѣ. Одинъ изъ этихъ героевъ увозитъ дочь еврея вмѣстѣ съ его шкатулкой, безъ которой, вѣроятно, и возлюбленная была бы ему не столь мила, а то и вовсе не нужна. Падкость на семитическія деньги составляетъ довольно характерную черту благородныхъ арійцевъ; еслибы ея не было, то и вопросъ о евреяхъ утратилъ бы свое роковое значеніе. Другіе герои-христіане желаютъ овладѣть рукой и сердцемъ прекрасной Порціи, у которой имѣется, вдобавокъ, изрядная порція приданаго. Даже тотъ, кто разгадываетъ условную загадку, заданную красавицей, остается подъ сомнѣніемъ: можетъ быть, онъ, по-просту, догадливецъ или хитрецъ своихъ конкурентовъ..

Наиболѣе положительные христіанскіе характеры, участвующие въ этой междуплеменной трагедіи,—сама Порція и добродѣтельный Антоніо, преслѣдуемый Шейлокомъ. Но что же дѣлаютъ эти прекрасные люди? Порція переодѣвается «легистомъ» и не только вырываетъ изъ рукъ Шейлока его добычу посредствомъ чисто-адвокатской изворотливости, но и самого заимодавца превращаетъ въ жертву должника. Вѣдь если судить добросовѣстно, то Шейлока на этомъ судьбищѣ прямо «объегорили»; коль скоро законъ позволялъ вводить въ ростовщическіе договоры такіе челоуѣкоубійственные пункты, какъ шейлоковскій, то нечего было «ломать комедію» и опираться на правовой порядокъ, чтобы отнять у ростовщика то, что онъ по закону считалъ своимъ. Проще было бы, во-первыхъ, запретить самое возникновеніе подобныхъ пунктовъ, а во-вторыхъ, положить предѣлъ безчеловѣчности еврея откровенно-административнымъ способомъ.

Итакъ, христіане Шейлоку денегъ не отдали, дочь и шкатулку у него украли, не дозволили ему отомстить должнику и, въ заключеніе, выдали его головою этому послѣдному. Что же дѣлаетъ Антоніо? О, онъ проявляетъ несомнѣнное великодушіе, онъ требуетъ отъ Шейлока сухихъ пустяковъ: *перемѣны религій*. Въ заключеніе, этотъ нелицепріятный судъ еще спрашиваетъ Шейлока: доволенъ ли онъ?! Разумѣется, онъ доволенъ, такъ доволенъ, что всѣмъ землякамъ своимъ завѣщаетъ вѣчную любовь и благодарность къ христіанамъ... Въ зрителяхъ, подъ впечатлѣніемъ заключительной сцены послѣдняго дѣйствія, неизбѣжно преобладаетъ *жалость* къ Шейлоку, какъ къ затравленному человѣку...

Конечно, первопричиною всѣхъ этихъ золъ является, однако, острая, нестерпимая для сосѣдей жестоковѣйность еврея и его культъ золотого тельца, воспринимаемый окружающею средой и понижающій ея духовный уровень.

Сознавалъ ли Шекспиръ, что и характеры христіанъ въ этой пьесѣ невысоки, или пьеса вылилась у него полубезсознательно, какъ плодъ творчества, въ которомъ у вдохновенія неодолимый перевѣсъ надъ разсудочнымъ анализомъ?

Строго говоря, это все равно. Его произведеніе доселѣ является вѣрнѣйшею «экспозиціей» еврейскаго вопроса.

Разница между тогдашнимъ и нынѣшнимъ временемъ лишь въ формахъ, а не въ существѣ дѣла. Для того, чтобы вмѣсто трагедіи наступило «благоденственное и мирное житіе», необходимо, прежде всего, устранить *первопричину*, т. е. необходимо собирательному Шейлоку стать менѣе корыстнымъ и жестокимъ, да и христіанамъ менѣе доступными «звону злата»...

Шейлокъ требовалъ точнаго исполненія закона, требовалъ равноправности съ христіанами; еслибъ это ему было дано, то Антоніо непремѣнно бы погибъ подъ его ножомъ; да навѣрное и не одинъ Антоніо! Точно такъ-же и теперь: если бы дать евреямъ ту полноправность, которой они домогаются всякими способами, то сосѣдніе съ ними народы узнали бы своими боками, что такое собирательный Шейлокъ! Въдъ Шейлокъ не сталъ бы добрее, вслѣдствіе возможности безпрепятственно дѣлать зло. Дурные инстинкты, особенно

расовые и обостренные многовѣковой исторіей, *сразу не исчезаютъ*: для ихъ смягченія (не говоря уже объ искорененіи!) необходимы *продолжительныя воспитательныя воздѣйствія*, причемъ и воспитаніе-то не всеильно; оно можетъ лишь до извѣстнаго предѣла измѣнить духовную сущность воспитываемаго.

Это—строго-научная истина, отъ которой нельзя уйти ни противникамъ, ни защитникамъ и апологетамъ еврейской расы. Къ удивленію, исповѣданіе этой истины появилось на столбцахъ газеты «Новости» довольно открыто служащей еврейскимъ интересамъ, отстаивающей выгодную имъ идею правового порядка и т. д. Въ статьѣ «Прокиспія дрожжи» (Прощаніе съ народничествомъ) г. фельетонистъ «Новостей» называетъ русское «народничество» *мертвымъ направлениемъ*, а причисляемыхъ имъ къ представителямъ этого направленія гг. Сигму, Гофштеттера и др.—«страннымъ типомъ публициста», народившеюся въ періодъ 80-хъ годовъ «помѣсью балаганнаго дѣда съ кликушей» и, наконецъ, *«трупными червями»*. Народничеству-де у насъ не на чемъ основываться, такъ какъ русскій народъ всегда «являлся *тѣстообразной славянской расой*, изъ которой внѣшнія условія могутъ лѣпить все, что угодно, *кромя гражданъ*, потому что гражданъ не налѣпишь: они сами дѣлаются изъ матеріала болѣе благороднаго, чѣмъ тѣсто»...

Насколько справедливъ такой взглядъ автора на нашъ народъ, исторія котораго полна величайшихъ примѣровъ истинной (а не западно-политиканской) гражданственности, и насколько правъ авторъ, относя къ народникамъ г. Сигму,—объ этомъ здѣсь говорить не стоитъ. Интересно то, что свое отрицательное отношеніе къ русскимъ людямъ, раздѣляемое вдохновителями и читателями указаннаго органа, г. фельетонистъ «Новостей» основываетъ на исповѣданіи *рѣшающаго значенія расовыхъ свойствъ*. Вотъ, что говорится въ концѣ той-же статьи:

— «Образованіе, просвѣщеніе? Но оно не измѣняетъ свойствъ расы. Не просвѣщеніе создало европейскія общественныя организациіи...

...«Вообще, внѣшнія условія могутъ мѣшать или содѣй-

ствовать *развитію* расы, могутъ уничтожить ее,—какъ засуха уничтожаетъ рожь,—но *не могутъ пересоздать расу*»...

Выводъ знаменательный и даже черезчуръ рѣзкій, такъ какъ даже самые ревностные представители такого взгляда въ западной наукѣ не отрицаютъ значенія воспитанія.

Но что-же можно разумѣть подъ именемъ тѣхъ «внѣшнихъ условій», о которыхъ упоминаетъ авторъ? Очевидно, рѣчь идетъ о *законахъ*, нормирующихъ жизнь расы, и о *сосѣдяхъ*, ее окружающихъ, а также объ иныхъ условіяхъ (естественныхъ и экономическихъ), подъ влияніемъ которыхъ слагается ея бытіе.

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій жизни той или иной расы является именно общеніе ея съ другими племенами. Въ частности, для «*славянскаго тѣста*» явно невыгодно общеніе съ *еврейскою расой*, коренныя черты которой въ достаточной мѣрѣ выяснены многовѣковой исторіей.

Черты преимущественно отрицательныя и, если согласиться съ фельетонистомъ юдофильской газеты относительно рѣшающаго значенія расовыхъ свойствъ,—то, значить, никогда, безусловно никогда еврейскій вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ благопріятно для евреевъ, безъ явнаго, непоправимаго ущерба для народовъ, среди которыхъ они живутъ.

Стало бытіе, если еврей получить образованіе и воспитаніе, то онъ останется тѣмъ-же вреднымъ хищникомъ, но только будетъ еще вреднѣе, во всеоружіи знанія и обманчивыхъ культурныхъ манеръ.

Изъ этого слѣдуетъ, что облегченіе доступа евреевъ къ знанію и къ занятію даваемого имъ положенія въ обществѣ можетъ произойти лишь въ явный ущербъ интересамъ другихъ племенъ; да и вообще всякая забота, клонящаяся къ облегченію участи евреевъ, если примѣнить къ этому вопросу основную точку зрѣнія указаннаго автора, вредна и нелѣпа, а всѣ соображенія гуманитарнаго свойства и теоретическіе доводы въ пользу такой заботы падаютъ во прахъ передъ суровымъ реальнымъ фактомъ,—постоянствомъ еврейскаго расоваго психо-физическаго склада...

Такая безнадежная строгость, однако, врядъ-ли отвѣчаетъ запросамъ русскаго духа, врядъ-ли совмѣстима съ русскимъ

міровоззрѣніемъ. Мы не можемъ не желать лучшаго будущаго для евреевъ, не можемъ не стремиться къ нему, въ силу старорусскаго завѣта даннаго Ильѣ Муромцу отцомъ. Вотъ, какъ говоритъ «старый хресьянинъ»:

«Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,
А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина».

Эту заповѣдь соблюлъ Илья-Богатырь, *что не помѣшало ему наказывать и стирать съ лица земли всякую нечисть, обуздывать всякую злую силу*, вредившую его родинѣ.

Не долженъ мѣшать этотъ завѣтъ и нынѣ ограждать русскій народъ отъ вредныхъ ему сосѣдей. Въ стремленіи къ правдѣ и человѣческому братству нужны *постепенность и мѣра*, указываемыя знаніемъ дѣйствительности и здравымъ смысломъ. Сентиментальность была бы грѣхомъ, ибо сентиментальнымъ и излишне уступчивымъ каждый имѣетъ право быть *только на свой, а не на чужой счетъ*. Сентиментальность на счетъ народа была бы тяжкимъ, непростительнымъ историческимъ грѣхомъ ..

Дѣйствительность такова. Русскій народъ, являющійся, по мнѣнію фельетониста «Новостей», «тѣстообразною расой», мало склоненъ къ мелкой повседневной политикѣ и давно ввѣрилъ свои интересы самодержавію Божьей милостью, какъ началу вышему, естественно авторитетному и безпристрастному, черпающему силу и мудрость изъ Божественнаго Источника. Самодержавіе у насъ—не случайное, не искусственно возникшее, а органическое явленіе, свидѣтельствующее о мудрости народа и философской глубинѣ его взгляда на политическую жизнь. Поэтому нельзя представить себѣ русскій народъ не огражденнымъ правительственною заботой отъ бѣдствій, страданій и опасностей.

Самъ онъ далеко не отъ всего можетъ и умѣетъ себя оградить, такъ какъ *въ его самодѣятельности недостаетъ твердыхъ или, вѣрнѣе, жестокихъ элементовъ*, отличающихъ самодѣятельность западныхъ народовъ. Онъ неспособенъ ни на разсудочную ненависть къ конкурентамъ, ни на система-

тическое, холодно-жестокое сживаніе недруговъ со свѣту, ни даже на сколько-нибудь упорный бойкотъ кого и чего бы то ни было. Онъ не только мало склоненъ къ синдикатамъ и инымъ формамъ *заговора*, но даже мало способенъ и къ борьбѣ съ явленіями такого рода.

Оттого русская будничная жизнь, экономическая и духовная, кишмя кишитъ всяческими инородческими «заговорами». Пріѣдутъ въ Тамбовъ три поляка, изъ которыхъ одинъ состоитъ аптекаремъ, другой инженеромъ, а третій почтмейстеромъ,—и сейчасъ-же образуется въ этомъ городѣ, если не «Великая Польша», то хоть маленькій ея отдѣлъ. Если русскій человѣкъ будетъ имѣть неосторожность не угодить одному изъ этихъ лицъ, то получить неприятности отъ цѣлой импровизированной коллегіи. Огорчившій одного нѣмца получить возмездіе отъ многихъ нѣмцевъ и т. д., и т. д. Но опаснѣе всего, разумѣется, прогнѣвить еврея,—ибо придется имѣть дѣло съ цѣлымъ кагаломъ, не стѣсняющимся, вдобавокъ, никакими средствами для борьбы или мести и вообще для отстаиванія своихъ эгоистическихъ интересовъ.

Легко себѣ представить, каково приходится въ такихъ случаяхъ русскому простолыдину, хозяйственное и юридическое положеніе котораго все еще нельзя признать вполне установившимся послѣ реформъ, разрушившихъ старый строй и оказавшихся гораздо болѣе слабыми въ области созиданія, отчасти вслѣдствіе того, что общественная самодѣятельность сразу приняла ложное направленіе, преобладающее и доселѣ, поддерживаемое съ тупымъ упорствомъ. Для современнаго великорусскаго крестьянина не только экономическая борьба, но и *простое сосѣдство съ евреемъ* были бы прямо фатальны.

Главный контингентъ евреевъ мы получили сравнительно недавно; это наше историческое наказаніе за раздѣлъ Польши. Поляка безъ еврея столь-же трудно себѣ представить, какъ грузина безъ армянина. Польское политическое и бытовое *перящество* было естественною почвою для еврейскаго паразитизма, съ которымъ населеніе польскихъ и ополяченныхъ мѣстностей нашей имперіи давно свыклось.

Малороссіяне почти повсемѣстно настолько приспособились къ евреямъ, что иногда можно встрѣтить даже примѣры угне-

тенія этихъ послѣднихъ кулаками изъ христіанъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстечкѣ Черниговской губерніи недостроенная синагога заложена мѣстному кулаку, о которомъ евреи не безъ юмора говорятъ: «Вай, вай! Этотъ целовѣкъ хузе вида!»

Въ другихъ мѣстностяхъ бывшей Рѣчи Посполитой евреи гораздо могущественнѣе, кромѣ тѣхъ пунктовъ, гдѣ ихъ крупными конкурентами выступаютъ нѣмцы,—передовые отряды надвигающагося на Россію германизма.

Такъ или иначе, черта еврейской осѣдлости является *родной* современныхъ російскихъ евреевъ, многія поколѣнія которыхъ тамъ свили прочныя гнѣзда. Населеніе съ ними освоилось,—и сами собою выработались въ этой мѣстности, если не строго примѣняемые методы борьбы съ дурными сторонами еврейства, то, по крайней мѣрѣ, практическіе взгляды на это дѣло.

Съ повышеніемъ уровня мелкаго служилаго класса, съ подъемомъ народной самодѣятельности и общаго развитія, евреи будутъ менѣ вредны въ чертѣ осѣдлости, нежели теперь. Въ частности, подъемъ промышленной энергіи во всѣхъ слояхъ польскаго народа, замѣчаемый за послѣднія два-три десятилѣтія, служитъ порукою тому, что этотъ народъ вступаетъ въ новый фазисъ развитія, и приближается время, когда формальныя закономѣрныя ограниченія будутъ менѣ нужны, вслѣдствіе возникающихъ на смѣну имъ ограниченій общественно-бытовыхъ.

Какое бы то ни было бытовое зло всегда требуетъ обузданія, и *нѣтъ такихъ теоретическихъ или принципиальныхъ соображеній* (правовыхъ или моральныхъ), *въ силу которыхъ государство или общество обязано было бы терпѣть устранимую реальную неправду*. Ограниченія, ею вызываемыя, всегда необходимы и всегда бываютъ въ благоустроенныхъ государствахъ, причѣмъ ихъ учреждаетъ либо правительство (когда обществу борьба непосильна), либо само общество.

Послѣднее бываетъ зачастую суровѣе перваго,—и ревнители правового порядка напрасно торопятся праздновать побѣду, когда, на смѣну правительственнымъ, выступаютъ общественныя ограниченія. Примѣромъ суровости послѣд-

нихъ можетъ служить современное отношеніе американцевъ къ неграмъ.

Въ итогѣ, правительственныя ограниченія обыкновенно рациональнѣе и уравновѣшеннѣе, чѣмъ общественныя, особенно въ Россіи, гдѣ общественное самосознаніе недостаточно развито. Кромѣ того, они по духу гуманнѣе, а на практикѣ мягче, такъ какъ, вслѣдствіе недостатковъ бюрократической машины, примѣняются гораздо слабѣе, чѣмъ все то, что опредѣленныя общественныя группы считаютъ нужнымъ примѣнять къ тѣмъ или инымъ категоріямъ людей или понятій. Такъ, напримѣръ, можно ручаться, что правовыя ограниченія евреевъ въ чертѣ осѣдлости и за ея предѣлами соблюдаются съ гораздо меньшею строгостью и полнотой, чѣмъ тѣ гоненія всякаго рода, которымъ подвергаются со стороны нашей космополитичной и еврейскими вдохновителями руководимой интеллигенціи тѣ единичные люди и группы людей, у которыхъ хватаетъ мужества указывать на дурныя стороны еврейства.

Дѣятельность евреевъ не одинаково ограничена въ разныхъ районахъ черты осѣдлости. Въ Царствѣ Польскомъ у евреевъ больше правъ, чѣмъ въ Малороссіи.

Въ Варшавѣ весьма значительная часть домовъ и преобладающее обывательское вліяніе принадлежитъ уже не полякамъ, а евреямъ. Если допустить, что наше правительство примѣнитъ къ этому краю программу, сочиненную и муссируемую гг. Спасовичемъ и Пильцемъ, то въ барышахъ останутся преимущественно «поляки Моисеева закона», а не настоящіе поляки,—по крайней мѣрѣ, въ городахъ.

Въ другихъ районахъ черты осѣдлости ограниченія большею частью слабо соблюдаются, такъ какъ *несоблюденіе ихъ является постояннымъ и вошедшимъ въ нравы источникомъ дохода для помѣстнаго служилого класса*. Евреямъ, напримѣръ, запрещено арендовать имѣнія, а между тѣмъ это запрещеніе обходится сплошь да рядомъ, подъ видомъ «покупки урожая» и т. п. Есть цѣлыя уѣзды въ юго-западномъ краѣ, гдѣ евреи являются монополистами по части аренды и сильно утѣсняють крестьянъ. Вѣдь *рабочими* у евреевъ-арендаторовъ являются *христиане*, а не евреи, мало способные и несклон-

ные къ тяжелому земледѣльческому труду и вообще къ какой-бы то ни было серіозной *созидательной* работѣ. Главнымъ ихъ призваніемъ является *посредничество* въ самыхъ разнообразныхъ и предосудительныхъ формахъ. Въ Черниговской губерніи значительная часть бывшихъ помѣщичьихъ земель перешла теперь уже прямо въ собственность къ евреямъ. Запрещеніемъ селиться въ деревняхъ и селахъ безъ профессиональнаго предлога (разработки торфа, лѣсу, мукомольнаго дѣла и т. д.), какъ уже упомянуто выше въ главѣ «Роковой вопросъ», мѣстныя власти зачастую, такъ сказать, «играютъ», создавая тѣмъ и въ еврейской средѣ, и въ массѣ христіанскаго населенія отрицательное, скептическое отношеніе къ закону и къ самой идеѣ законности.

Въ виду изложеннаго, необходимо, съ одной стороны, пересмотрѣть законоположенія и распоряженія, нормирующія положеніе евреевъ въ чертѣ осѣдлости; необходимо ограниченія невыполнимыя либо сдѣлать выполнимыми, либо отмѣнить; во-вторыхъ, — *усилить контроль* надъ должностными лицами всѣхъ вѣдомствъ, дабы поколебалась еврейская вѣра въ силу денегъ, и дабы поднялось достоинство русскаго служилаго класса въ чертѣ осѣдлости. Надо, чтобы евреи усматривали въ законѣ, ихъ стѣсняющемъ, именно законъ, а не источникъ устранимыхъ взятками шиканъ, и чтобы въ нихъ постепенно возростала заслуженная надежда на цѣлесообразное смягченіе этого закона.

Мѣстныя власти и наиболѣе развитая часть общества должны, по мѣрѣ силъ, служить гражданскому *воспитанію еврейской среды*, а не поддаваться ея растлѣвающимъ воздѣйствіямъ. Наконецъ, сознательные сторонники равноправности евреевъ, не склонные въ угоду этимъ послѣднимъ поступаться народными интересами, должны стремиться къ тому, чтобы экономическая самодѣятельность близкаго имъ района поднялась и выработала усовершенствованные приемы, такъ какъ при этомъ условіи закономѣрныя ограниченія евреевъ будутъ менѣе нужны. Вообще при наличности цѣлага ряда явленій, характеризующихъ современную народную и общественную жизнь въ чертѣ еврейской осѣдлости, объ отмѣнѣ всѣхъ

ограничений покуда не можетъ быть и рѣчи. Это грустно, но это такъ...

Но несомнѣнно, что одно уже введеніе справедливости, строгой законности и человѣчности въ практику этихъ ограниченій само по себѣ явилось бы немалымъ благомъ для еврейской народной массы.

Органы печати, вдохновляемые еврейскими тенденціями или деньгами (а такова почти вся наша «либеральная» печать), охотно повторяютъ избитую фразу, украшающую также столбцы всевозможныхъ подпольныхъ изданій: «евреи *задыхаются* въ чертѣ осѣдлости». Врядъ-ли есть у насъ «интеллигентъ», который бы не слышалъ и не повторялъ этой нелѣпой фразы!

Почему «задыхаются»? Предѣлы черты осѣдлости весьма широки,—въ полтора или даже два раза больше Германіи и Франціи, народы коихъ, однако, не задыхаются! Если даже допустить, что для евреевъ *на дѣль* закрыта восточная граница отведеннаго имъ исторіей и закономъ района,—то *въдъ на западъ имъ пути не заказаны!* Если кому особенно тяжело въ чертѣ осѣдлости, такъ это «*маленькимъ*» евреямъ, порою дѣйствительно задыхающимся *подъ иетомъ собственной буржуазіи*, отъ котораго ихъ слѣдало бы оградить. Заправиламъ «фрачнаго кагала» живется привольно. Этимъ противникамъ русской самобытности и ревнителямъ западныхъ формъ народоправства предоставляется посѣщать очаги западной цивилизаціи и промышленности; все это у нихъ *подъ бокомъ*—и проѣздъ отъ Вержболова до Берлина и отъ Волочиска до Вѣны легче осуществимъ, чѣмъ долгое путешествіе изъ Саратова за границу. Отчего же они задыхаются, обладая такимъ доступомъ ко всему тому, что они считаютъ хорошимъ и желательнымъ? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что они отнюдь не задыхаются, а попросту сердятся на нѣкоторую затруднительность распространенія ихъ эксплуататорской и катальной дѣятельности на сѣверъ и востокъ отъ черты осѣдлости! То ли дѣло бы, напримѣръ, еслибъ можно было собирать шекели и выдавать марки съ масонскими треугольниками и въ Тулѣ, и въ Пензѣ, и въ Казани! Цивилизація отъ этого

весьма выиграла бы, и Россія, пожалуй, благословила бы свою судьбу?!...

Такъ ли это? Пускай бы добросовѣстные (а не тупые или подкупные) ревнители еврейской полноправности опредѣленно отвѣтили на нескромный вопросъ: *что создали евреи въ чертѣ осѣдлости, и каковы культурныя послѣдствія ихъ пребыванія тамъ?*

Пріятнаго для евреевъ отвѣта взять рѣшительно неоткуда. Исторія говоритъ, что они содѣйствовали паденію Польскаго королевства, ослабивъ его государственность и внеся растлѣніе въ мѣстные нравы. Со времени же русскаго владычества еврейская среда явилась въ чертѣ осѣдлости школою чиновничьяго развращенія, школою всяческаго соблазна для экономически-утѣсненнаго евреями народа. Торговля? Оживленіе? Но торговля бываетъ дурная и хорошая, полезная и вредная. Крупныя еврейскія фирмы нанесли нашему хлѣбному экспорту, особенно южно-русскому, неисчислимый вредъ посредствомъ фальсификаціи, запятнавшей доброе имя русскаго хлѣба. Контрабанда, съ еврейской точки зрѣнія, также считается торговлею, какъ и фальсификація продуктовъ. Еврейскихъ *фирмъ*, которыя бы гордились многолѣтнею безпорочною дѣятельностью, въ чертѣ осѣдлости почти нѣтъ. Торговля заведенія, сознательно идущія къ банкротству и потомъ возрождающіяся на мошеннически приобрѣтенныя деньги подъ другими вывѣсками; темныя акціонерныя и биржевыя операціи; всевозможные виды «дутаго» грюндерства—вотъ наиболѣе характерныя формы еврейской торгово-промышленной дѣятельности; при этомъ—удивительное умѣніе находить ключъ къ сердцамъ такихъ провинціальныхъ и столичныхъ дѣятелей, на обязанности которыхъ лежитъ регулированіе и развитие экономическихъ силъ нашего отечества. Что касается до «оживленія» облагодѣтельствованныхъ евреями мѣстностей, то оно выражается прежде всего *въ пониженіи всеобщаго уровня политической благонадежности*. Евреи—искусные распространители всего запретнаго и тлетворнаго, начиная съ безпатентной водки, продолжая порпографическими изображеніями и кончая подпольными брошюрами, нелѣпыми слухами, заразительнымъ нервнымъ настроеніемъ. Психическій складъ

молодежи въ высшихъ и даже среднихъ учебныхъ заведеніяхъ черты осѣдлости неизмѣримо аномальнѣе, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ,—и именно потому, что еврейскія воздѣйствія тамъ непосредственнѣе и сильнѣе. Врядъ-ли все это можно назвать культурными плодами.

Врядъ-ли также нужно подробно доказывать, что распространеніе такой «панацеи» на великорусскія губерніи было бы величайшимъ бѣдствіемъ. Да оно рѣшительно никакими нравственно-соціальными соображеніями не вызывается. Еслибы евреи были склонны къ земледѣлію, къ которому правительство въ теченіе многихъ лѣтъ тщетно старалось ихъ привлечь,—то для нихъ съ избыткомъ хватило бы честно заработаннаго насущнаго хлѣба и въ чертѣ осѣдлости. Тамъ, вѣдь, гораздо менѣе тѣсно, чѣмъ во многихъ зарубежныхъ странахъ, а спросъ на честный трудъ весьма великъ.

Не очевидно ли, что евреямъ въ чертѣ осѣдлости тѣсно именно съ точки зрѣнія *паразитической*,—и они хотѣли бы эксплуатировать населеніе другихъ мѣстностей, не знакомое еще съ ихъ «методомъ» и менѣе приспособленное къ самозащитѣ. Выше было отмѣчено, что великорусское населеніе недостаточно вооружено для борьбы съ еврействомъ: оно слишкомъ довѣрчиво, добродушно и, если можно такъ выразиться, *мечтательно*. Съ нравственной точки зрѣнія это *достоинство*, а не недостатокъ, но въ нашъ вѣкъ суровой экономической борьбы такое достоинство по меньшей мѣрѣ *невыгодно*. Такъ или иначе, власть должна ограждать народную среду, отличающуюся такими духовными чертами, отъ инородческихъ посягательствъ и утѣсненія.

Къ сожалѣнію, это огражденіе слишкомъ часто не достигается цѣли, какъ потому, что соблюдается недостаточно добросовѣстно, такъ и въ силу существованія *лазеекъ, допускающихъ закономѣрный обходъ предначертаній законодателя*. Ни Орловская, ни Курская, ни Харьковская, ни Псковская губерніи, ни Сибирь, ни обѣ столицы—не зходятъ въ черту осѣдлости. Между тѣмъ,—какъ всѣмъ извѣстно изъ газетъ,—въ Курскѣ, въ Ельцѣ и другихъ городахъ имѣются неизвѣстно когда возникшія *еврейскія общины*, выступающія иногда съ официальными проявленіями своего существованія и само-

сознанія; дачныя окрестности Харькова заполнены евреями; въ *Псковской* губерніи приняло невѣроятныя размѣры *еврейское землевладѣніе*, не безъ содѣйствія нѣкоторыхъ мѣстныхъ земцевъ; въ Сибири еврей-золотопромышленникъ и водочный торговецъ—бичи присковаго и таежнаго населенія; въ Петербургѣ истинными хозяевами гостиннаго двора являются евреи, въ союзѣ со своими родичами-армянами, а въ Москвѣ евреи хозяйничаютъ во многихъ главныхъ сферахъ жизни: они и домовладѣльцы, и главари денежнаго рынка, и шумные вожаки «интеллигенціи», и вдохновители или обладатели всей почти безъ исключенія мѣстной прессы, насчитывающей въ своихъ рядахъ множество дѣльцовъ, отличающихся невѣроятно-шантажнымъ характеромъ и дикою «либеральною» нетерпимостью. Печатью завладѣли евреи отчасти даже въ Сибири, не говоря уже о Петербургѣ, гдѣ еврейская тенденція состоитъ въ компромиссѣ съ другими инородческими и зарубежными направленіями.

До очевидности ясно, что пресловутыя ограниченія не соблюдаются,—и въ чертѣ осѣдлости имѣются значительныя прорывы. Если чего нужно желать для настоящаго фазиса русскаго развитія,—такъ именно *не упраздненія, а наоборотъ, соблюденія черты осѣдлости*, тѣмъ болѣе, что несоблюденіе ея *всегда* происходитъ именно въ пользу самой вредной категоріи евреевъ,— въ пользу сильныхъ и крупныхъ хищниковъ. Такъ называемый жидъ неизмѣримо лучше и безвреднѣе, чѣмъ еврей,—а именно послѣднему-то и дано безпрепятственно переступать черезъ какія угодно ограниченія и обходить какіе угодно, для всѣхъ русскихъ подданныхъ обязательныя, законы.

Закономѣрная зависимость еврейскихъ правъ отъ *милдіи*, т. е., по-просту *отъ денегъ*,—является источникомъ всяческой неправды, бытовой и юридической, и худшимъ изъ нарушеній ограничительныхъ мѣръ. Самъ законъ какъ будто говоритъ еврею: «Будь богатъ—и все тебѣ доступно!» Есть случаи, когда кагалъ собираетъ деньги для того, чтобы предоставить своимъ избранникамъ играть серіозную роль въ городахъ за предѣлами черты осѣдлости. Крупный промышленникъ или торговецъ заводитъ «отдѣленіе» своей фирмы въ столицахъ,

съ цѣлымъ штатомъ служащихъ евреевъ. Еслибы гильдія не давала такихъ правъ, то во главѣ подобныхъ «отдѣлений» явились бы христіане, безъ ущерба для честной торговли.

То, что въ крупныхъ городахъ садятся наиболѣе богатые и изворотливые евреи, помогаетъ имъ сплотиться и сильнѣе вліять экономически и духовно на русскую среду. Въ итогѣ страдают и русскіе, и еврейская бѣднота, а сильные хищники-евреи благоденствуютъ; *дѣло кагала*, все болѣе принимающее политически-масонскій характеръ и объединяющееся съ зарубежными интригами, при такихъ условіяхъ крѣпнетъ и развивается съ ужасною быстротой. Ясно, что *необходимъ иной критерій*, болѣе цѣлесообразный и нравственный, чѣмъ богатство, для допущенія исключеній изъ ограничительныхъ правилъ. Вѣдь теперь еврей, платящій первую гильдію, — лицо привилегированное по сравненію съ русскимъ купцомъ той-же категоріи, такъ какъ послѣднему *не дается* этимъ званіемъ *такого расширенія государственныхъ правъ*, какое получаетъ еврей...

Спеціальнѣе разборъ ограниченій, стѣсняющихъ разнообразную еврейскую предприимчивость, не входитъ въ программу этой статьи, имѣющей цѣлью содѣйствовать лишь установленію въ обществѣ болѣе независимаго отъ доктринерскихъ предразсудковъ здраваго взгляда на еврейскій вопросъ. Но есть одна деталь, о которой тяжело даже думать.

Что бы вы сказали, еслибы какому бы то ни было человеку, во имя его расовыхъ отрицательныхъ чертъ, запретили принимать прописанный ему врачами хининъ? Вѣдь это уже, такъ сказать, вошло бы почти въ инквизиціонную программу, т. е. нарушило бы нормальные предѣлы борьбы съ дурными сторонами еврейства. Между тѣмъ, такое нарушеніе у насъ имѣется: евреямъ запрещено посѣщать большинство нашихъ минеральныхъ водъ и, въ частности, лѣчиться на кавказскихъ водахъ.

Признаться, даже трудно понять причину такого запрета. Говорятъ, что евреи тогда наводнятъ всѣ курорты, подъ предлогомъ лѣченія. Но развѣ этого неудобства не могутъ, по крайней мѣрѣ, смягчить присяжные правительственные врачи, отличающіе больныхъ отъ здоровыхъ? Говорятъ, что евреи

антипатичны, неопрятны,—и неприятно дѣйствуютъ на нервы прочихъ больныхъ. Но вѣдь эту нервность можно и въ карманъ спрятать, когда рѣчь идетъ о страданіяхъ живыхъ людей! Наконецъ, армяне, заповоляющіе кавказскія минеральныя воды и усиленно муссировавшіе вопросъ о выселеніи евреевъ изъ Владикавказа и о недопущеніи ихъ на указанные курорты,—во многихъ отношеніяхъ хуже евреевъ, и роль ихъ на кавказскихъ курортахъ еще болѣе скверна; тѣмъ не менѣе, вопросъ о недопущеніи ихъ туда не поднимается, и бакинскіе нефтепромышленники безпрепятственно скупаютъ множество земель и дачъ этого района. Вотъ этому-то надо бы положить предѣлъ, а запрещеніе лѣчиться кому бы то ни было какими угодно водами врядъ ли можетъ оправдываться какими бы то ни было соображеніями.

Справедливѣе было бы предотвратить цѣлесообразными мѣрами неудобства, сопряженныя съ временнымъ пребываніемъ евреевъ въ различныхъ курортахъ. Положимъ, богатые евреи могутъ ѣздить за границу, а еврейская бѣднота, страдающая разными болѣзнями, столь-же мало имѣетъ шансовъ попадать на какія бы то ни было минеральныя воды, какъ и русскіе бѣдняки, обреченные на страданія и смерть въ тяжкой обстановкѣ. Тѣмъ не менѣе принципъ остается принципомъ,—и введеніе расовой политики въ область человѣческихъ страданій вызываетъ нерадостныя мысли...

Если дѣло дошло до того, что это *нужно*,—то необходимость указанной мѣры является плохой рекомендаціей, прежде всего, для курортнаго начальства и врачебнаго персонала...

Теперь возникаетъ аналогичный вопросъ: коль скоро слѣдуетъ признать категорію правъ, неотъемлемо принадлежащихъ *каждому* человѣку, независимо отъ видовыхъ его особенностей и лишь потому, что онъ *человѣкъ*,—то можно ли признать правильнымъ стѣсненіе доступа представителямъ той или иной расы къ образованію? Если не слѣдуетъ мѣшать лѣчиться, то неужели слѣдуетъ мѣшать развиваться духовно?

Вопросъ этотъ неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ кажется на первый взглядъ.

Въ глазахъ человѣка, не удрученнаго тупымъ и прямолинейнымъ либерализмомъ, совершенно ясно, что *каждое*

государство, какъ организмъ, необходимо руководящійся естественною идеей подбора, не только можетъ, но даже должно раздѣлять своихъ подданныхъ на категоріи, облеченныя неодинаковыми государственными правами. Это мы и видимъ даже въ самыхъ либеральнѣйшихъ республикахъ, гдѣ требуется опредѣленный имущественный цензъ, напримѣръ, для участія въ выборахъ. Это вполне резонно, какъ общее правило, такъ какъ люди, лишенные всякаго ценза, представляютъ собою, съ политической точки зрѣнія, безпринципный, безпокойный, безнравственный, подкупный и вообще противосоціальный сбродъ. Исключенія рѣдки и не типичны.

Принимаются также въ расчетъ и расовыя черты. Страна свободы,—Америка,—относится къ китайцамъ неизмѣримо суровѣе, чѣмъ русскіе къ евреямъ. Недалекъ день, когда и еврейскій вопросъ неизбѣжно поднимется въ Америкѣ. Въ республиканской Франціи туземное населеніе колоній на дѣлѣ далеко не пользуется одинаковыми правами съ гражданами метрополіи. Въ современной Германіи, представляющей собою сильно развивающійся государственный организмъ, правительство идетъ гораздо дальше по этому пути: не только поляку не ввѣрятъ управленія Познанью, но даже въ самой нѣмецкой средѣ происходитъ извѣстнаго рода *подборъ*,—и большинство отвѣтственныхъ должностей по министерствамъ внутреннихъ, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ—преимущественно предоставляется *пруссакамъ*.

Наши доктринеры правового порядка большею частью не отличаютъ *государственныхъ* или политическихъ правъ отъ гражданскихъ, въ тѣсномъ семейно-имущественномъ смыслѣ этого слова. Между тѣмъ, эта разница, несомнѣнно, существуетъ,—и во всякомъ живомъ государственномъ организмѣ первая категорія правъ (служебныя, выборныя и т. п.) должна отличаться достаточнымъ *разнообразіемъ и гибкостью*, въ зависимости отъ соображеній внутренней и внѣшней политики. Наоборотъ, признаками узко-гражданскихъ правъ должны быть: *сравнительное постоянство* (при весьма медленномъ нарастаніи переменъ) и стремленіе къ *единообразію*, по отношенію ко всѣмъ безъ изъятія обывателямъ, допуская лишь различія, выросшія на исторически-бытовой почвѣ. Купля-продажа,

бракъ, наслѣдованіе, договоры всякаго рода одинаково нужны всѣмъ...

Но даже и *гражданское право*, въ тѣсномъ смыслѣ слова, не можетъ и не должно быть независимымъ отъ *соображеній государственной политики*, имѣющей реальной цѣлью благо подданныхъ, а отнюдь не служеніе кумиру правового доктринерства или «бумажнаго» нивелированія, ведущаго на практикѣ къ *обостренію неравенства*. Недаромъ сами юристы признали, что «*summum jus—summa injuria*».

Если, положимъ, арендовать земли и покупать ихъ разрѣшается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всякому русскому подданному, за *исключеніемъ еврея*, то такое вторженіе расовой политики въ область узко-гражданскаго права не только оправдывается, но и подкрѣпляется реальной заботою объ интересахъ тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которымъ придется имѣть дѣло съ арендаторомъ. Если, согласно новому вексельному уставу, нѣкоторымъ категоріямъ лицъ воспрещаются извѣстныя долговыя сдѣлки, то на это опять-таки есть нравственно-бытовые причины. Достаточно вдуматься въ эти вопросы, чтобы рѣшать ихъ не прямолинейно, а жизненно-вѣрно и въ духѣ высшей, не формальной только справедливости.

И все-таки, хотя предрасудки, которыми обосновывается мертвенная неподвижность правового порядка въ глазахъ его идолопоклонниковъ, теряютъ свою цѣну при болѣе добросовѣстно-вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу,—вопросъ о правѣ евреевъ на духовное развитіе требуетъ болѣе подробнаго анализа.

Во-первыхъ, необходимо знать, *какіе плоды* получаетъ государство и общество отъ наростанія еврейской интеллигенци: во-вторыхъ,—точнѣе опредѣлить, *въ чемъ заключаются стѣсненія*, формально ограничивающія доступъ евреямъ къ образованію.

На первый вопросъ даже самый доброжелательный къ евреямъ человекъ, если онъ мало-мальски добросовѣстенъ и наблюдателенъ, можетъ дать лишь весьма нелестный для евреевъ отвѣтъ. Въ предыдущихъ главахъ выяснены какъ главныя черты еврейскаго племеннаго міросозерцанія, такъ и особенности характера и стремленія представителей этого племени.

Въ области политической—ненависть къ идеѣ государствен-

ности и даже неспособность къ искреннему и полному ея воспріятію. Въ области религіозно-философской—ненависть къ христіанству и врожденный матеріализмъ; сюда-же относится отчасти слабый интересъ къ понятіямъ чести, долга, братолюбія. Въ области междуплеменныхъ отношеній—тайная или явная нелюбовь къ «гоямъ», презрѣніе къ ихъ національнымъ идеямъ и, такъ сказать, органическая склонность сплачиваться противъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ залѣзая къ нимъ въ душу, гипнотизировать ихъ на свой ладъ, подтачивать всѣ устои ихъ жизни, всѣ государственно-общественныя учрежденія. Проникнуть нѣсколько евреевъ въ адвокатскую среду,—и тамъ широко струей разливается безпринципность; снюхается еврей съ бюрократіей,—начинаются взятки, обходъ закона и т. п. Орденъ Почетнаго Легіона теперь можно увидѣть въ петлицѣ такихъ дѣльцовъ любой профессіи, одно имя которыхъ является синонимомъ поруганія всякой чести...

Печать,—и въ частности бѣдная русская печать,—теряетъ и здравый смыслъ, и порядочность, благородную терпимость, и правдолюбіе, какъ только попадаетъ въ руки евреевъ или ихъ наемниковъ. Даже среда ученыхъ, сформировавшаяся подъ вліяніемъ еврейскаго міросозерцанія и служащей ему печати, наглядно утрачиваетъ ту духовную высоту, которою наши университеты могли гордиться нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Промышленныя и финансовыя предпріятія, акціонерныя общества и т. д. непременно принимаютъ характеръ темнаго грюндерства, а то и просто мошенничества, какъ только туда, хотя-бы въ незначительномъ числѣ, проникаютъ евреи. Эти послѣдніе, натворивъ всякихъ бѣдъ, если и теряютъ иногда то или иное мѣсто, выходятъ, однако, «сухими изъ воды», какъ это произошло, напримѣръ, недавно въ одномъ крупномъ финансовомъ предпріятіи.

У васъ можетъ быть какой угодно гуманнѣйшій взглядъ на евреевъ, но если вы увидите бюрократа, или инженера, или писателя въ тѣсномъ общеніи съ евреями,—то невольно станете относиться къ означеннымъ лицамъ подозрительно. Неуязвимы для подозрѣнія почти исключительно такіе рѣдкіе люди, какъ покойный Вл. С. Соловьевъ, а прочіе—очень уязвимы! А вѣдь не можетъ же подобное чувство вы-

текать изъ одного только неосновательнаго расоваго предразсудка....

Да и можетъ ли вообще расовый предразсудокъ, этотъ естественный историческій результатъ опыта цѣлаго народа, быть неосновательнымъ? Ему не слѣдуетъ поддаваться въ частныхъ случаяхъ и въ частныхъ отношеніяхъ, чтобы не доставить незаслуженныхъ страданій человѣку, быть можетъ, являющемуся свѣтлымъ исключеніемъ изъ печальнаго правила. Но, при рѣшеніи вопросовъ общихъ, необходимо считаться и съ мнѣніемъ народа, исторически сложившимся.

Какъ влияетъ еврей-интеллигентъ на доступную ему общественную среду? Очевидно, это влияніе находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ его духовнымъ обликомъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этотъ еврей не состоитъ еще исполнителемъ какихъ-либо кагальныхъ предначертаній; кстати сказать, такіе случаи не то, что рѣдки, а буквально почти не встрѣчаются, ибо еврея-одиночку, еврея, не имѣющаго никакихъ отношеній со «всемирнымъ еврейскимъ союзомъ» или его агентами, даже представить себѣ невозможно! Если онъ, по своему характеру, нелюдимъ, или склоненъ къ мечтательности, или тяготеетъ къ иному кругу людей и задачъ,—то его все-таки *найдутъ*, возьмутъ на строгій мундштукъ и заставятъ дѣлать то, что угодно кагалу.

Но если даже оставить въ сторонѣ указанное обстоятельство и просто взять типичнаго, образованнаго еврея, одареннаго научнымъ или философскимъ мышленіемъ, то каково будетъ *содержаніе* этого мышленія? Очевидно, оно будетъ *въ соотвѣтствіи съ его племеннымъ психическимъ складомъ*. Какъ совершенно вѣрно сказалъ г. Фельетонистъ «Новостей», открывшій тѣмъ весьма уязвимую ахиллесову пятую защитниковъ еврейства,—*расу перевоспитать нельзя*.

Такая задача, разумѣется, менѣе всего по плечу нашимъ учебнымъ заведеніямъ, педагогическій уровень которыхъ за послѣднія нѣсколько десятилѣтій сильно понизился. Наконецъ, не надо забывать, что питомца учебнаго заведенія воспитываютъ не только педагоги, но и товарищеская среда, если она отличается большою стойкостью принциповъ, и особенно стойкостью національнаго самосознанія.

Прошедшій англійскую школу Дизраэли, хотя и остался по существу, по темпераменту и складу мышленія евреемъ, но, такъ или иначе, усвоилъ много англійскихъ принциповъ и былъ достойнымъ лордомъ Биконсфильдомъ. У насъ же, на-оборотъ, нѣсколько евреевъ, попадающихъ въ гимназическую или университетскую среду, могутъ заразить своими разлагающими тенденціями многое множество юнцовъ «безъ руля и безъ вѣтриль». Если есть у насъ нѣчто «тѣстообразное», такъ это именно наша интеллигенція, начиная съ учащихся подростковъ, — и коренится это не въ расовыхъ чертахъ нашего народа, а въ двухвѣковомъ безцеремонномъ обращеніи съ жизненными устоями русской общественности и даже государственности.

Не отрицая громадной заслуги эпохи такъ называемыхъ «великихъ реформъ», необходимо, однако, отмѣтить, что именно эта эпоха нанесла значительный вредъ русской интеллигенціи, оторвала ее отъ родной почвы, стерла въ порошокъ самобытные характеры, замѣнила *русскую культуру* фикціей космополитическаго просвѣщенія и превратила толпу дипломированныхъ людей въ «тѣсто», изъ котораго безцеремонные вожаки стали лѣпить, по прихоти просвѣтательной моды, то марксистовъ, то отрицателей родной религіи, то ницшеанцевъ, то лакействующихъ космополитовъ, то, наконецъ, совершенно разнузданныхъ, нравственно-неопрятныхъ босяковъ.

Такая среда никого воспитать не можетъ, а можетъ только исковеркать или заразить. Ея духовное неряшество создаетъ особую *восприимчивость ко всякой инфекціи* и особо благоприятныя условія для благоденствія и размноженія паразитовъ, экономическихъ и духовныхъ.

Пустите въ эту среду самаго безобиднаго, т. е. не приверженнаго къ кагалу и не пылкаго еврея. Что онъ будетъ тамъ говорить, безъ всякой задней мысли, *bona fide*? Вѣдь не будетъ же онъ отстаивать православіе, самодержавіе и русскую народность, — понятія *чужія для него* исторически и фактически; его предки и соплеменники и самъ онъ, такъ или иначе, привыкли усматривать въ этомъ скорѣе источникъ страданій или, по меньшей мѣрѣ, препятствія для общеврейскихъ и даже личныхъ своихъ стремленій. Ясно, что онъ будетъ говорить о необходимости ускорить темпъ прогресса, отвергнуть историче-

скіе завѣты русскаго народа, которые онъ *естественно* считаетъ нелѣпыми и вредными; наконецъ,—установить безусловную *формальную свободу и равенство* для всѣхъ.

Можетъ быть, онъ и не собирается злоупотреблять этою свободою и равенствомъ съ опредѣленною цѣлью созданія фактическихъ еврейскихъ привилегій и порабоженія другихъ племенъ; но онъ ни за что не согласится съ тѣми, кто скажетъ ему, что безусловное формальное равенство неизбѣжно влечетъ за собою сквернѣйшія формы неравенства *на дѣль*, что это придумано на Западѣ своекорыстною буржуазіей, а въ Россіи горячо поддерживается и систематически проводится именно *инородческою* интеллигенціей, у которой наши дипломированные люди состоятъ въ подхалимахъ или въ ученикахъ.

Онъ замашетъ руками, если ему напомнить, что во Франціи пресловутая «свобода совѣсти» привела къ угнетенію христіанства, что, *по требованію Ротшильда* и его прислужниковъ, тамъ была снята съ театрального репертуара пьеса, непріятная евреямъ, что пресловутый Дрейфусъ, дважды осужденный, помилованъ по требованію все той-же еврейской организаціи, и т. д. и т. д.

Онъ назоветъ самые разговоры на такія темы «мракобѣсіемъ», нетерпимостью; а окружающая «тѣстообразная» среда, усвоившая чисто-еврейскую нетерпимость къ непонятнымъ или несимпатичнымъ ей взглядамъ, съ усердіемъ доброй своры примется травить выразителя такихъ взглядовъ.

Все русское, все созидательное для нашего народа и для арійцевъ вообще можете осуждать и даже оплевывать: вамъ будутъ рукоплескать, а при наличности у васъ нѣкотораго таланта произведутъ васъ даже въ геніи, сочиненія котораго обязаны знать наизусть каждый студентъ, обязаны покупать каждый интеллигентъ, отъ столоначальника до значительнаго савовника включительно. Но попробуйте затронуть еврейскій вопросъ (или аналогичный вопросъ объ армянской плутократіи на Кавказѣ),—и начнется *терроръ*: пойдутъ гоненія всѣми способами, съ разныхъ сторонъ, даже оттуда, гдѣ ревнитель русскихъ интересовъ вправѣ рассчитывать на честную поддержку.

Далеко не всѣ правящія сферы это понимаютъ, а есть и такія, которыя понимаютъ, но по разнымъ причинамъ продол-

жаютъ сочувствовать еврейству и творить волю еврейскаго «правительства».

Это «правительство», хотя и въ кавычкахъ, но несомнѣнно *существуетъ*,—и врядъ-ли можно отрицать, что въ отношеніи систематичности работы и неуклонности направленія у него есть несомнѣнныя преимущества передъ многими *государственными* правительствами, напрімѣръ, французскимъ. Деньги оно собираетъ всюду,—то посредствомъ систематичной биржевой игры, то посредствомъ «шекелей» и т. п., а не тратится ни на армію, ни на судъ, ни на охраненіе границъ.

Въ нашъ вѣкъ, когда экономическимъ условіямъ принадлежить преобладающая роль, и деньги властвуютъ,—еврейскій всемірный союзъ съ каждымъ днемъ становится сильнѣе, особенно тамъ, гдѣ правовой порядокъ парализоваль государственную власть, и гдѣ національное самосознаніе не стоитъ на должномъ уровнѣ.

При утилитарномъ взглядѣ на науку, знаніе, политику, профессиональныя занятія и т. д.,—какое бы то ни было знаніе не перевоспитываетъ человѣка, а *лишь вооружаетъ его*; если въ немъ преобладаютъ инстинкты и стремленія разрушительныя по отношенію къ устоямъ даннаго государства (какъ у евреевъ по отношенію къ Россіи),—то трата государственныхъ денегъ на «вооруженіе» человѣка, неминуемо-враждебнаго этимъ устоямъ, есть реальный вредъ народнымъ интересамъ, и, такъ сказать, *частичное самоубійство*.

Стоитъ только трезво взглянуть на дѣло и признать, что *каждый народъ имѣетъ право ограждать свои національно-государственные интересы*,—чтобы стѣсненіе евреевъ въ области образованія получило разумный смыслъ и оправданіе, по крайней мѣрѣ, на то время, покуда мирное развитіе нашей національной культуры прервано или сильно стѣснено общественнымъ бытомъ, наносными воздѣйствіями и зарубежными интригами.

Такой выводъ сдѣлается еще болѣе приемлемымъ, если сообразить, что *никакому еврею не воспрещается покупать книги и учебныя пособія и достигать какихъ угодно высотъ знанія*, но только ему предоставляется это дѣлать безъ прямой помощи народныхъ средствъ и безъ послѣдующихъ правъ, даваемыхъ дипломомъ. Кромѣ того, извѣстному проценту евреевъ, почти

всегда превышающему установленный на бумагѣ, всѣ пути къ образованію открыты.

Насчетъ диплома же и его примѣненія, надо полагать, сомнѣній не должно быть: каждое государство вправѣ давать этому вопросу какое угодно направленіе,—ибо это вопросъ политики и *самоохраненія*. Сентиментальность въ этой области,—сентиментальность на чужой счетъ,—была бы не только нелѣпостью, но даже преступленіемъ....

Но какой же возможенъ исходъ изъ трагическаго положенія, когда здравая междуплеменная политика настоятельно требуетъ даже ограниченія цѣлой расы въ рядѣ естественнѣйшихъ сферъ жизни и дѣятельности? Можно-ли намъ, христіанамъ и ревнителямъ гуманнаго взгляда на человѣчество, мириться съ такимъ положеніемъ вещей?

Наконецъ, наступленія какихъ событій должны желать сами евреи, стремящіеся къ равноправности для своей расы и къ ея реабилитаціи? Какому складу русской мысли долженъ сочувствовать еврей вдумчивый, дальновидный и понимающій исторію?

Теперешніе русскіе интеллигенты и прямо или косвенно руководящіе ими евреи полагаютъ, что надо попросту снять всѣ перегородки, открыть евреямъ доступъ во всѣ святилица русской жизни и мысли,—т. е., въ итогѣ,—отдать не только матеріальную, но и духовную сокровищницу Россіи «на потокъ и разграбленіе», на поруганіе евреямъ.

Но на это не можетъ пойти правительство, пока въ немъ есть хоть искра національнаго достоинства, не подточеннаго вліяніями «дружественныхъ державъ»; оно не можетъ стать въ противорѣчіе съ великою народною стихіей, которая все ввѣрила родному самодержавію, но и отъ другихъ завѣтныхъ устоевъ своихъ не отреклась и отречья не можетъ, пока она жива.

Неосмотрительное снятіе перегородокъ и пагубные результаты его для народа встрѣтили бы со стороны послѣдняго неожиданно-быстрый, неудержимо-сильный и грозный для еврейства бытовая отпоръ. Исторія кишмя кишитъ такими примѣрами,—и недаромъ одной изъ причинъ жалкаго доктринерства и умственной слабости нашей интеллигенціи является *незнаніе и предвзятое игнорированіе исторіи*.

Сторонники «снятія перегородокъ» любятъ выдвигать идею *ассимиляціи евреевъ*. Но, во-первыхъ, какъ выше сказано (глава «Сіонизмъ»), способность евреевъ къ ассимиляціи *больше чѣмъ сомнительна*, а ихъ способность къ «переодѣваніямъ» только была и доселѣ является для нихъ орудіемъ разложенія арійскаго міросозерцанія и государственности. Во-вторыхъ, если уже говорить о *полной* ассимиляціи, то рѣчь идетъ не о стрижкѣ пейсовъ или забвеніи жаргона, а о *скрещиваніи расъ*, о *поглощеніи* еврейской народности русскою, посредствомъ смѣшанныхъ браковъ. Это штука мудреная и обоюдоострая.

Если даже, вопреки обширному историческому опыту и рѣзко проявляющемуся за послѣднее время еврейскому наступательному «націонализму», допустить, что евреи поддались бы такого рода ассимиляціи,—то и въ такомъ (въ сущности невозможномъ) случаѣ отъ этого ждать добра не приходится. Если сообразить, что главнымъ факторомъ религіозно-нравственныхъ, политическихъ и иныхъ взглядовъ и стремленій любого племени является его расовый психо-физическій складъ, т. е. *основа органическая*, то само собою разумѣется, что *острая* еврейская струя, влитая въ государственно-общественный организмъ Россіи, не могла бы не повліять и на психо-физическій складъ народа и даже, весьма скоро, на его политическія судьбы.

Опять-таки обратимся къ исторіи. Вѣдь тюрко-финская и монгольская кровь явилась у насъ тою лигатурою къ славянскому элементу, при помощи которой создалась крѣпкая російская государственность; помимо этого, московскимъ людямъ надо было еще пострадать подъ татарскимъ прессомъ, чтобы сплотиться, какъ слѣдуетъ, и не только умомъ, но всѣмъ нутромъ своимъ воспринять міровыя задачи византійскаго самодержавія. Польская народность, чрезвычайно талантливая по натурѣ, восприняла (отчасти при помощи «франкистовъ», т. е. евреевъ, поверхностно ассимилировавшихся ради поддержанія еврейскихъ интересовъ) небольшую струю еврейской крови—и пришла къ государственному банкротству. И по сіе время эта нецѣлесообразная прививка, наряду съ другими причинами, является довольно крупною помѣхою желанному установленію братскихъ отношеній между поляками и рус-

сками: какъ только поляки становятся на путь разумнаго единенія съ нами,—всегда появляется пылкій «патріотъ», или льстивый «угодовичъ» изъ болѣе или менѣе крещеныхъ польскихъ евреевъ, и съѣтъ микробы всякой смуты.

Тѣ мѣстности Германіи, гдѣ произошло наиболѣе замѣтное скрещиваніе съ еврейской расой, весьма быстро подпали подъ власть германо-славянской Пруссіи. Современная Франція нагляднѣе всего испытываетъ на себѣ «благодѣтельные» результаты расовой ассимиляціи съ евреями. Венгерская общественность также достаточно печальна, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ того-же фактора.

Вопросъ о скрещиваньи расъ, нѣкогда хорошо знакомый человѣчеству, сильно затуманился и отошелъ на далекій планъ, особенно во времена господства противонаучнаго позитивизма надъ наукой. Онъ возрождается за послѣднее время, но далеко не разработанъ—и въ этой области возможны лишь весьма приблизительные выводы. За крайнюю затруднительностью добыванія статистическихъ данныхъ особенная работа выпадаетъ на долю чутья и, если можно такъ выразиться, беллетристической вдумчивости наблюдателя.

Чтобы составить себѣ сколько-нибудь близкій къ истинѣ взглядъ на вопросъ о результатахъ ассимиляціи евреевъ, интересующемуся имъ русскому человѣку полезно прослѣдить, что получается отъ такого рода смѣшанныхъ браковъ въ знакомой ему средѣ. Ручаюсь, что наблюденія такого рода приведутъ къ заключеніямъ неблагопріятнымъ, *особенно съ государственной точки зрѣнія*. Скрещиваніе русскихъ съ евреями даетъ обыкновенно нисходящихъ либо съ крайне неуравновѣшаннымъ характеромъ, либо людей узко-матеріалистическаго склада. Уровень талантности нерѣдко повышается, но притомъ, обыкновенно, въ ущербъ идеальнымъ духовнымъ чертамъ. Наиболѣе же нагляднымъ результатомъ такого скрещиванія является *космополитизмъ* и нетерпимость въ его отстаиваніи.

Космополитическому настроенію многихъ семей изъ нашей интеллигенціи необходимо искать *органической причины*,—т. е. инородческой и, особенно, *еврейской крови*, попавшей туда законнымъ или внѣбрачнымъ способомъ. Кровь эта, нужно кстати

замѣтить, чрезвычайно *острая*, одаренная способностью «не прощать», такъ сказать, до седьмого колѣна.

Насколько скрещиваніе съ германскою и англо-саксонскою расой полезно славянину (разумѣется, когда этотъ послѣдній не является этнографическимъ матеріаломъ), настолько смѣшанные браки съ евреями *органически вредны* для цѣльности русскаго міросозерцанія. Всмотритесь когда-нибудь въ двѣнадцатилѣтняго гимназиста, происходящаго изъ такой семьи; онъ уже непремѣнно «газетный» человѣкъ въ такомъ возрастѣ, когда чисто-русскій ребенокъ еще наивенъ. Онъ уже пишетъ стихи, либо критическія замѣтки, презираетъ при этомъ Пушкина, а Надсона знаетъ наизусть, критикуетъ что угодно и ко многому относится съ какимъ-то старческимъ скептицизмомъ; у него потребность играть роль въ товарищеской средѣ и щекотать свое тщеславіе, а наряду съ этимъ, онъ умудряется снискивать расположеніе начальства, удачно устраивать свои школьныя, а въ близкомъ будущемъ и матеріальныя дѣлишки.

Когда онъ вырастетъ,—у него можетъ оказаться довольно яркій, но непремѣнно *нелубокій* талантъ, скорѣй разрушительный, чѣмъ созидательный. Его работа будетъ скорѣе блестящимъ пѣноксниманіемъ, чѣмъ солиднымъ творчествомъ, потому что для этого послѣдняго нужны, помимо таланта, еще и особаго рода уравновѣшенность, и *высокій духовный складъ*, рѣдко присущіе типичнымъ представителямъ еврейской расы.

Большими числами въ вопросѣ о русско-еврейскихъ скрещиваніяхъ располагать теперь не приходится, да, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда никому и не придется. Поэтому трудно рѣшить вопросъ, могла-ли бы русская народность безслѣдно «поглотить» живущую около нея еврейскую расу? Можно сказать а priori, что это обошлось бы имъ *недешево*, въ отношеніяхъ государственномъ и общественномъ. Къ счастью, это и невозможно, и дѣло не къ тому идетъ. Стало быть, остается вопросъ о русско-еврейскомъ скрещиваніи только принять къ свѣдѣнію для частнаго обихода, а попытку развязать гордіевъ узелъ еврейства въ Россіи продолжать съ другого конца.

Если вникнуть въ сущность этого «узла», то сама собою выяснится главная изъ темныхъ и опасныхъ его сторонъ.

Русская народная масса, вступая въ общеніе съ евреями, несетъ, главнымъ образомъ, матеріальныя потери и не теряетъ религіозно-политическихъ основъ своего бытія, своей духовной и государственной жизни. Для нея, не оторванной отъ родной почвы, дурныя стороны еврейства особенно рокового значенія не имѣли бы, еслибы правящіе классы честно выполняли свой долгъ и ограждали народъ отъ всякихъ золъ и бѣдствій.

Интеллигенція—дѣло другое.

Призваніе образованныхъ классовъ, изъ которыхъ выходятъ воспитатели и руководители народа, въ общественномъ и служиломъ смыслѣ этого слова,—*повисить, сохранить и умножить сокровища народнаго духа*. Народъ стихійно вѣренъ Царю, отечеству, церкви, завѣтамъ прошлаго; *истинная* интеллигенція должна осмыслить, укрѣпить это чувство, быть стражемъ народа отъ враговъ внутреннихъ и вѣшнихъ.

Крестьянинъ, идя за плугомъ, поглощенъ въ заботу о хлѣбѣ насущномъ, въ узкіе, чисто-мѣстные интересы свои. Высшія стремленія, заботы и чувствованія поднимаютъ голосъ въ немъ лишь въ минуты исключительной важности, когда голосъ земли зоветъ его на подвигъ, или Царь дѣлится съ нимъ думою, горею или радостью. Умственная жизнь не составляетъ для него постоянной и естественной обстановки. Она должна быть на подобающей національной высотѣ у образованныхъ классовъ, специально къ ней призванныхъ. Национальное самосознаніе этихъ послѣднихъ должно быть вѣчно бодрственнымъ и творческимъ, во всеоружіи духовнаго (въ широкомъ смыслѣ) просвѣщенія. На каждомъ шагѣ нужна такая спеціальная духовная вооруженность, для рѣшенія самыхъ скромныхъ съ виду вопросовъ народной жизни, въ частной, общественной, помѣстно-служилой и столичной практикѣ...

Каково положеніе народа, если интеллигенція, подъ вліяніемъ прямыхъ и косвенныхъ воздѣйствій, становится «еврействующей», космополитичной, равнодушной къ роднымъ святынямъ, къ родной силѣ и правдѣ? Каково ему, если печать является очагомъ такого національнаго омертвѣнія и если служилые представители интеллигенціи несутъ этотъ ядъ на бюрократическія высоты, въ такія инстанціи, гдѣ рѣшаются экономическія или духовныя судьбы массы неповиннаго населенія?!

Гдѣ предѣль такому болѣзненному явленію, столь дорого обходящемуся народной средѣ и всему государству? Какими бѣдами чревато подобное положеніе вещей?...

Ясно, что когда мы говоримъ о борьбѣ съ дурными сторонами еврейства,—то на первомъ планѣ должна стоять *борьба за русскіе національные идеалы*, имѣющая цѣлью духовное оздоровленіе нашихъ образованныхъ классовъ и, въ окончательномъ результатѣ,—надежное облегченіе участи самого еврейства.

Закономѣрныя ограниченія и національная самодѣятельность общества находятся въ наглядномъ взаимоотношеніи: если вторая слаба, то первая должны восполнять ее. Никакое лѣченіе не можетъ сравниться по результатамъ съ природными силами организма, которыя опытный врачъ первымъ долгомъ и старается пустить въ ходъ. Еслибы наше общество, начиная съ учащихся подростковъ и кончая людьми вліятельными, исповѣдывало и проводило въ жизнь *здравый взглядъ* на русскія государственныя и общественныя задачи; еслибы мы, разрозненные русскіе люди, умѣли, когда нужно, *сплотиться* и въ культурной борьбѣ дружно *отстаивать свои историческіе завѣты* и интересы родного народа, то никакія ограниченія инородцевъ вообще, и евреевъ въ частности, не были бы нужны.

И еврейская, и всякая другая (конечно, облагороженная и вошедшая въ благоразумныя границы) обособленность *могла бы уживаться безпрепятственно наряду съ сильнымъ русскимъ самосознаніемъ*, которое сдерживало бы лишь отрицательныя и враждебныя проявленія ея.

Этого не понимаютъ ни евреи, ни другіе инородные сограждане наши: они думаютъ достигнуть болѣшихъ результатовъ, еслибы имъ удалось хорошенько усыпить бдительность русской власти и радикально одурачить русское общество.

Разсчетъ совершенно невѣрный,—ибо временный успѣхъ заблужденія и обмана неминуемо влечетъ за собою рѣзкую *реакцію*.

Столь-же неосновательны и надежды на роковыя для нашей родины обстоятельства, въ связи съ какими-нибудь внѣшними осложненіями.

Не только иностранцы, но *даже русскіе инородцы не понимаютъ стихійной сущности Россіи*. Она выносила въ историческомъ прошломъ своемъ такія бѣдствія, какія другой странѣ были бы не подъ силу; затѣмъ она отряхивалась, оправлялась и снова расцвѣтала. Вынесетъ она что угодно и въ будущемъ,—а *впльшія осложненія только пробудили бы въ ней дремлющія мантскія силы дѣйственнаго патріотизма; ихъ можно, съ этой точки зрѣнія, скорѣе желать, чѣмъ бояться*. Враги нашей національной силы слишкомъ часто принимаютъ добродушіе и нѣкоторую обломовщину за слабость—и на этомъ неперемѣнно когда-нибудь обожгутся!...

Если евреи нѣкогда содѣйствовали паденію Рима, то именно потому, что *настоящихъ римлянъ было количественно мало, и многія функціи государственнаго организма выполнялись чужими людьми*. Россія легко можетъ избѣгнуть этого, *если захочетъ*,—а обстоятельства неперемѣнно *заставятъ ее захотѣть этого*, для ея же собственнаго спасенія и блага...

Еслибы еврейскіе вожаки были дѣйствительно дальновидны и умны, въ широкомъ историческомъ значеніи этого слова (а не только для куцаго гешефта въ лисьемъ духѣ), то они сами желали бы подъема русскаго самосознанія, сами относились бы сочувственно къ его проявленіямъ. Они боятся грубаго націонализма, забывая, что онъ русской душѣ не свойственъ и проявляется лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ нервный актъ негодованія или протеста. Чѣмъ меньше евреи будутъ подавать повода къ такимъ проявленіямъ, чѣмъ спокойнѣе будетъ высокое національное чувство русскихъ людей, тѣмъ легче будетъ и положеніе евреевъ.

Теперешнее національное чувство русскаго общества похоже на горную рѣчку: то его вбродъ переходятъ инородческія куры, то внезапно мчится по разросшемуся руслу разрушительный потокъ. Между тѣмъ, желательно *спокойное и глубокое теченіе*. На это должны быть направлены духовныя силы и русскихъ, и *евреевъ*. Когда евреи поймутъ это, поймутъ психическую разницу между Россіей и Западомъ, они не оглянутся, какъ имъ станетъ легче...

Мы должны выяснять, укрѣплять и развивать созидательныя начала русской жизни, открыто, словомъ и дѣломъ испо-

вѣдывать свою приверженность къ этимъ началамъ. Тогда голоса космополитовъ и евреевъ станутъ «вопіющими въ пустынѣ», утратятъ всякую силу. Если теперь безусловное закрытіе евреямъ всякаго (прямого или косвеннаго) доступа къ печати, сокровищницѣ *русской* мысли, берущей на себя служеніе русскимъ интересамъ, явилось бы актомъ величайшей государственной мудрости, то въ будущемъ, когда наше національное самосознаніе разростется, подобная мѣра окажется совершенно ненужною.

Никакія ограниченія противниковъ не могутъ *сами по себѣ* радовать представителя государственной народности, особенно, когда его призваніе—мыслить возможно свободнѣе.

Типичнымъ представителемъ такого взгляда на еврейскій вопросъ былъ безвременно угасшій мыслитель нашъ Вл. С. Соловьевъ. Подобно астроному или просто дальнозоркому человѣку, видящему лишь необъятную даль и не замѣчающему ближайшихъ фактовъ и предметовъ, или не придающему имъ значенія,—Владиміръ Соловьевъ желалъ полного уравниенія евреевъ въ правахъ съ русскими, а одновременно велъ упорную борьбу съ еврейскою противохристіанскою тенденціей. Даже изъ духовныхъ лицъ весьма немногія лишь могли бы соперничать съ этимъ крестоносцемъ по части пламенности и убѣдительности его религіозной проповѣди. Евреи, однако, горячо любили его и, будучи вліятельными людьми въ органахъ, гдѣ онъ писалъ, не мѣшали ему проповѣдывать христіанство, въ благодарность за его братолюбіе.

Еслибы въ разныхъ сферахъ русской жизни появилось нѣсколько тысячъ людей одинаковаго духовнаго склада съ Владиміромъ Соловьевымъ, относящихся къ роднымъ устоямъ съ такимъ же самоотверженіемъ, съ какимъ онъ служилъ дѣлу христіанскаго богопознанія, то можно было бы сразу отмѣнить какія угодно ограниченія.

Соловьевъ ошибался только въ *масштабѣ*, въ свойствахъ даннаго историческаго момента, а не въ принципѣ,—если только допустить, что совокупность его работы была ошибкою. Но допустить это чрезвычайно трудно,—и правильнѣе остановиться на предположеніи, что принятое имъ извѣстное, и порою какъ будто внутренне-противорѣчивое направленіе было

плодомъ глубоко-обдуманнаго плана. Онъ былъ правъ въ широкихъ линіяхъ и, повидимому, нарочно погрѣшалъ противъ узкихъ: съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ были правы его противники, практичнѣе понимавшіе запросы и нужды даннаго момента.

У насъ мало разработана *русская идея*, или, точнѣе, слишкомъ основательно забыты великіе труды нашихъ славянофиловъ въ этой области. Въ противоположность западнымъ *насилъникамъ* и душевно-холоднымъ людямъ, русскій человѣкъ *по натурѣ добръ и терпимъ*: ненужныхъ стѣсненій онъ никому причинять не станетъ. Онъ сознаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ человѣка безусловно и неисправимо сквернаго, и нѣтъ на свѣтѣ расы, лишенной всякихъ положительныхъ чертъ или задатковъ, которые можно было бы развить. Пусть еврей, увлекающіеся теперь «еврейскимъ націонализмомъ», сдѣлаютъ его мощнымъ орудіемъ не авантюры, а нравственнаго своего подъема, очищенія своей религіи отъ противо-соціальныхъ тенденцій и отжившихъ предразсудковъ, освобожденія своего духа отъ темныхъ его сторонъ. Пускай они дають все болѣе значительный процентъ *лояльныхъ* гражданъ,—и вопросъ о расширеніи ихъ правъ станетъ на *реальную* почву. Умѣютъ же теперь евреи искренно скорбѣть при видѣ пьянаго соплеменника; пусть научатся скорбѣть при видѣ еврея-хищника, растлѣвателя, мучителя, хотя бы и безнаказаннаго или даже торжествующаго. Пусть *очеловѣчатся*: русскіе люди это замѣтятъ и высоко оцѣнятъ.

Покуда же этого нѣтъ, и ограниченія еврейскихъ правъ нужны,—пусть они остаются, и странно было бы спорить противъ нихъ во имя отвлеченныхъ соображеній или терпимости апатичной, безпринципной или робкой.

Несомнѣнно, что внутренніе источники возрожденія въ еврействѣ почти изсякли, такъ какъ златой телець одержалъ рѣшительную побѣду надъ моисеевыми скрижалями. Поэтому рѣшеніе еврейскаго вопроса должно исходить *отъ христіанъ*, т. е. въ данномъ случаѣ отъ *русскихъ*.

Надо, чтобъ и сами евреи, и безкорыстные (что рѣдко) друзья ихъ сознали *необходимость возникновенія такихъ благоприятныхъ условій, при которыхъ ограниченія могутъ*

быть отмънены безъ вреда для духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ русскаго народа: тогда самые горячіе ревнители этихъ интересовъ будутъ искренно привѣтствовать указанную мѣру, но не какъ слабодушную уступку, а какъ реальный и радостный результатъ нашего національнаго роста.

Это будетъ единственный достойный исходъ.

СТАТЬИ и ЗАМѢТКИ.

Прославление преподобнаго Серафима, старца Саровскаго.

Въ исторіи гораздо меньше случайностей, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Если вдуматься въ нее посерьознѣе, то окажется, что случайными мы торопливо называемъ факты, причинъ которыхъ не знаемъ. Существованіе закона причинности болѣе, чѣмъ несомнѣнно,—но не той мертвенной причинности, которая, по мнѣнію эволюціонистовъ, механически ведетъ міръ по путямъ безконечнаго развитія безъ опредѣленной разумной цѣли. Нѣтъ, наблюдателю чуткому и добросовѣстному сквозь покровъ тайны видна причинность иного порядка, какъ выполненіе предначертаній Промысла Божьяго. Державный выразитель русскаго самосознанія, незабвенный Императоръ Александръ III, всѣмъ царствованіемъ своимъ призвалъ русское общество къ самоуглубленію, къ выясненію основъ нашего народно-государственнаго склада, нашей культурно-исторической миссіи. Прозвучалъ этотъ призывъ въ минуту, когда надъ родиною нашей сгустились черныя тучи,—и не простая, случайная мысль умнаго властелина, а свыше вдохновенная дума помазанника Божія явилась источникомъ великихъ духовныхъ благъ для русскаго народа.

Самопознаніе и примѣненіе къ жизни его выводовъ даются несразу, а требуютъ сложной работы,—работы и въ обыденномъ смыслѣ слова, и того духовнаго процесса, который можетъ быть названъ творческимъ *созерцаніемъ*, согласно правильному опредѣленію Владиміра Соловьева.

Горе русской жизни заключается, между прочимъ, въ недостаткѣ духовной связи между классами правящими и управляемыми. На чемъ, если не на вѣрѣ, можетъ возродиться эта связь, насущно необходимая русскому народу. Въ

чемъ, кромѣ православія, можно усмотрѣть *душу* русской идеи и источникъ воды живой для обновленія русской жизни? Но религія—дѣло Богочеловѣческое, а «человѣчскій» элементъ нашей религіи въ настоящее время ослабѣлъ. Многіе представители образованныхъ классовъ частью враждебны, частью равнодушны къ дѣлу вѣры; духовенство зачастую не достигаетъ желательной нравственной и культурной высоты и отчасти пригнетено неблагоприятными условіями своего быта. Безпастушное стадо народное, подъ влияніемъ тлетворныхъ соціально-экономическихъ условій, мѣстами также слабѣетъ. А чрезъ границу вливаются въ русскую жизнь мутною волной, наряду съ головокружительными успѣхами техники, начала духовнаго и общественнаго разложенія, подъ именемъ послѣдняго слова цивилизаціи.

Какъ разобратся во всѣхъ этихъ явленіяхъ и найти не только потребную ясность мысли, но и силу духа, для того, чтобы познать и осуществлять истину?..

Человѣку, чувствуящему себя русскимъ и знающему исторію родины, сама собою приходитъ мысль о благодатной помощи Божіей. И вотъ, въ силу того высшаго закона причинности, который таится въ неисповѣдимыхъ путяхъ Провидѣнія, эта благодатная помощь нисходитъ, истина сіяетъ передъ тѣми, кто въ состояніи выдержать ея сіяніе. И происходитъ это чудо не какъ нѣчто внезапное и безусловно необъяснимое, а какъ *Богочеловѣческое* дѣло. Благодать свыше растетъ, въ мѣрѣ ея воспринимаемости народомъ, параллельно съ созерцательно-духовной работой человѣческой среды.

Въ Саровской пустыни жилъ праведный старецъ Серафимъ, подвижникъ, столпникъ, боговдохновенный мудрецъ, а притомъ неизреченно ласковый, добрый къ людямъ и неизмѣнно радующійся о Господѣ. Простой привѣтъ его, прикосновеніе его изможденной руки, взглядъ его глазъ, горѣвшихъ мирнымъ свѣтомъ,—все это было неоцѣнимымъ духовнымъ благомъ для тѣхъ, кто съ вѣрой приходилъ къ нему. Убѣжденіе въ его святости накоплялось годами, десятилѣтіями. Когда онъ почилъ, молитва у гробницы его, въ свѣтлой дымкѣ воспоминаній о его благодати, стала чудодѣйственной. Какъ невидимый паръ отъ утренней росы, лоб-

заемой солнцемъ, такъ изъ десятковъ, сотенъ тысячъ русскихихъ сердець поднялись къ престолу Всевышняго и благодаренія за ниспосланіе старца Божьяго въ міръ, и надежды на неизсякаемость помощи Божіей. Сгустился этотъ паръ въ тучу, обильную влагой, огнистая молнія озарила сумракъ недомыслия и грѣховности—и полился благодатный дождь.

Въ городахъ толкуютъ о метрополитѣнѣ, появляются плакаты-автоматы, печатаются произведенія, отрѣшенные отъ какой бы то ни было нравственности, политиканствующее пустословіе измышляетъ проекты обезличенія Россіи; а въ Саровской пустыни возсіялъ свѣтъ неугасимый,—и взоры къ этому свѣту съ вѣрой и любовью обращаетъ все духовно-живое и жизнеспособное, все объемлемое широкимъ именемъ Россіи. И Церковь, и Царь, и народная стихія духовно сливаются въ этомъ единеніи. Пусть же растетъ оно, во исполненіе великихъ судебъ нашей родины!..

Царь въ Саровѣ.

Великими историческими событіями ознаменовалась русская жизнь въ истекшемъ мѣсяцѣ. Въ святыхъ обителяхъ, озаренныхъ немеркнувшимъ свѣтомъ подвижничества преподобнаго Серафима, старца саровскаго, и совершенными чрезъ его посредство Божьими чудесами, открыты святія мощи угодника Божія, чтимаго православною Русью. Праздникъ вѣры и народнаго благочестія явился, вмѣстѣ съ тѣмъ, великимъ праздникомъ общенія Царя съ народомъ, общенія непосредственнаго и зяждущагося на самыхъ высшихъ началахъ, какія только доступны людямъ.

Высшая цѣль жизни—дѣйственное Богопознаніе, и на землѣ неразрывна во вѣки связь, имъ устанавливаемая. Въ Господней Истинѣ, въ ея исповѣданіи и проведеніи въ жизнь заключается и обоснованіе, и утвержденіе, и сила сяторусскаго самодержавія Божіей милостью. Не только философски, но и стихійно-исторически объединены навѣки на безбрежной русской землѣ Православіе, Самодержавіе и народность; даже частичное обособленіе какого-либо изъ этихъ началъ было бы не только

грѣхомъ противъ высшей правды и противъ всего нашего строя, но и великимъ бѣдствіемъ. Церковь, отдѣленная отъ государства и народныхъ завѣтовъ, была бы подобна Риму во дни тягчайшихъ его заблужденій. Неограниченная власть, которая бы не черпала правды и силы изъ Православія и многовѣкового наслѣдія народнаго духа, превратилась бы въ языческій деспотизмъ, въ чужеядное учрежденіе безъ органическихъ корней въ землѣ, надъ которой простиралось бы ея владычество. Народность, отрѣшенная отъ вѣры отцовъ и отъ любви къ Царю, великому Отцу своему и Богомъ данному верховному Хозяину земли, лишилась бы права и возможности существовать политически и развиваться культурно: она стала бы жалкимъ сбродомъ, безъ устойчивыхъ государственныхъ формъ, достойнымъ лишь подчиненія иноземному мечу, умственному и экономическому господству инородцевъ.

Связь между составными частями тріединой основы русской жизни никогда и не порывается, а лишь порою представленіе о ней затуманивается въ умахъ неглубокихъ и безпочвенныхъ, въ сердцахъ, утратившихъ искру Божію. Но не всегда эта связь достигаетъ высшаго напряженія, не всегда принимаетъ столь ослѣпительно-яркія формы, какъ нынѣ: это случается во дни народныхъ бѣдствій, во дни высокихъ радостей народныхъ, во дни Божьихъ чудесъ. Есть предѣлъ силамъ человѣческой души, предѣлъ силѣ вѣры. Въ житейскіе будни вѣра подобна тетивѣ ненапрянутаго лука; въ часъ воли Божіей она звенить, пуская каленую стрѣлу въ лазурь небосвода...

Для Сарова, а съ нимъ и для всей Россіи, пробилъ *часъ воли Божіей*. Такія событія оставляютъ надолго яркій слѣдъ, надолго поднимаютъ духовный уровень народа и силу государства. Вѣра скопляется, — если можно такъ выразиться, — какъ электричество въ огромныхъ тучахъ, изъ которыхъ то и дѣло молніей сверкаютъ чудеса. Во всѣ концы Россіи разносятся вѣсти о чудесныхъ исцѣленіяхъ, о духовномъ восторгѣ народа, объединеннаго съ Царемъ жаркою молитвой предъ Божьимъ престоломъ. Въ официальныхъ телеграммахъ напечатано, что въ Сарово прибыли Государь Императоръ, Государыни Императрицы и Августѣйшія Особы; а русское сердце читаетъ по своему: ему ближе и понятнѣе исконное творческое слово *Царь*.

Завѣтною стариной вѣтъ отъ всѣхъ подробностей священнаго празднества и пребыванія Государя у саровскихъ святынь. Прекрасна въ своей величавой простотѣ рѣчь нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства г. Нейдгардта; это рѣчь исконно-дворянская, а не «младо-дворянская»: чуждая изворотъ и намековъ, она честно говоритъ о преданности первенствующаго сословія Царю и Отечеству, она дышетъ счастьемъ подчиняться державной волѣ Помазанника Божія. Это дворянское слово типично, потому что явилось выраженіемъ чувствъ всего, что есть въ Россіи честнаго и вѣрнаго.

Вся вѣрующая Россія умиляется при мысли о томъ, что Царь съ Семьею прибылъ поклониться мощамъ саровскаго угодника; умиляется она и исполняется бодростью, ибо *въ этомъ единеніи сила несокрушимая.*

Да будетъ же оно мирно-величественнымъ отвѣтомъ врагамъ русской силы и залогомъ успѣха самоотверженныхъ державныхъ заботъ о благѣ многомилліоннаго русскаго народа.

Державная забота о Церкви.

Русскимъ людямъ, умъ и сердце которыхъ озарены сознаниемъ самобытности нашей культуры и нашего, исторически выработаннаго, міросозерцанія, должна быть особенно дорога *главная духовная основа этой самобытности, — Православная Церковь наша.* Можно безошибочно сказать, что уровень русскаго самосознанія точнѣ всего измѣряется именно степенью вдумчивости и сердечности отношенія правящихъ и мыслящихъ общественныхъ сферъ къ дѣлу Церкви. Православіемъ осмысливается и утверждается Самодержавіе, духовно объединяется и возвышается народность наша. Ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ нашей родины ни одно явленіе не можетъ быть названо созидательнымъ, въ историческомъ смыслѣ этого слова, если оно лишено всякой связи съ жизнью и завѣтами Церкви. Русская самобытность главнымъ образомъ и заключается въ творческой жизненности этихъ завѣтовъ, т. е. *въ преобладаніи нравственной сердечности надъ правовымъ формализмомъ:* въ

этомъ наше рѣзкое отличіе отъ западно-культурныхъ народовъ и, въ итогѣ, *наше преимущество* предъ ними.

Церковь, съ именемъ и дѣлами которой связаны главные, священнѣйшіе созидательные моменты и періоды русской исторической жизни, за послѣдніе нѣсколько вѣковъ вынесла рядъ неблагоприятныхъ воздѣйствій, ограничившихъ предѣлы и жизненность ея благотворнаго вліянія на общество: тутъ, съ одной стороны, враждебныя православію тенденціи западной культуры, ставшія, по временамъ, даже руководящими началами правительственныхъ мѣропріятій, не говоря уже о всеобщемъ шатаніи мнимо-интеллигентныхъ умовъ, одураченныхъ противонаціональною печатью; съ другой стороны, измѣнилось къ худшему экономически-бытовое положеніе представителей Церкви, вслѣдствіе упадка (а мѣстами и сведенія къ нулю) помѣстнаго дворянства, бывшаго, въ теченіе многихъ вѣковъ, ревностнѣйшимъ слугою Церкви и щедрымъ кормильцемъ ея представителей. Послѣднее условіе крайне важно, такъ какъ героизмъ самоотреченія и отрѣшенія отъ земныхъ благъ, хотя и долженъ быть однимъ изъ главныхъ духовныхъ украшеній слугъ Церкви, не можетъ быть введенъ въ обязательное правило, особенно для многосемейнаго сельскаго духовенства. Тяжелое экономическое положеніе послѣдняго неизбежно влечетъ за собою и духовный его упадокъ. Если прежній священникъ получалъ главную поддержку отъ сословія нравственно-развитаго и, при тогдашней дешевизнѣ жизни, могъ сводить концы съ концами, то теперь его положеніе стало значительно тяжелѣе, и духовные интересы православной деревни подвергаются серіозной опасности. Особенно мучительна для смиренныхъ служителей алтаря забота о будущемъ, о старости, удрученной болѣзнями и нищетой... Народная масса за послѣдніе года, подъ впечатлѣніемъ стихійныхъ бѣдствій, дошла до такого положенія, когда ей не до щедрости; дворянство частью оскудѣло, частью выселилось; сельская интеллигенція новѣйшей формации, возникшая на почвѣ такого оскудѣнія историческаго сословія, — точно опенки на порубѣ стараго лѣса, — скорѣе враждебна дѣлу Церкви и, во всякомъ случаѣ, не склонна безкорыстно поддерживать духовенство...

Въѣще сердце російскаго Самодержца не могло остаться

равнодушнымъ къ такому положенію вещей. Изъ результатовъ многихъ реформъ прошлаго вѣка выяснилось, что даже для Россіи, искони отличавшейся особою мягкостью междусословныхъ отношеній, *безсословность явилась бы вредною утопіей*, началомъ смуты и разложенія. Еще незабвенный Царь-Миротворецъ положилъ начало поддержанію дворянства въ новыхъ, тяжелыхъ условіяхъ существованія этого сословія. Преемственно державная работа продолжается въ желанномъ направленіи и нынѣ, причемъ еще трудно сказать, достигнуть ли эти благія начинанія всѣхъ ожидаемыхъ результатовъ; когда у сословія отнята прежняя, привычная экономическая почва, а также почва, которую правильнѣе всего назвать *политической* (административная власть надъ деревней), то мудрено представить себѣ, на какой основѣ можетъ произойти возрожденіе!

Духовенство, какъ сословіе, объединенное извѣстными традиціями и не менѣе дворянства могущее гордиться славнымъ культурно-историческимъ прошлымъ, находится въ сравнительно лучшемъ положеніи: если во-время придти къ нему на помощь, то оно можетъ еще пышно расцвѣсть и стать однимъ изъ главныхъ устоевъ нашей государственности.

Глубокую радость во всѣхъ ея ревнителяхъ вызвалъ опубликованный въ «Собраніи узаконеній» *Высочайше утвержденный уставъ о пенсіяхъ и пособіяхъ священнослужителямъ и псаломщикамъ епархіального вѣдомства*. Въ главныхъ чертахъ этотъ уставъ согласуется съ общимъ уставомъ, на основаніи котораго и разрѣшаются всѣ вопросы, не предусмотрѣнные въ епархіальномъ уставѣ.

Эта мѣра великой и благотворной важности вызвала живѣйшую радость въ облагодѣтельствованномъ ею сословіи, которое, именно *какъ сословіе*, и откликнулось восторженнымъ выраженіемъ своей признательности за державную заботу о немъ, являющуюся крупнымъ историческимъ актомъ. Государю Императору былъ представленъ Святѣйшимъ Синодомъ, отъ лица всего епархіальнаго духовенства Имперіи, благодарственный адресъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Убѣжденъ, что епархіальное духовенство съ усугубленнымъ

рвеніемъ будетъ вести свое пастырское служеніе въ истинно христіанскомъ духѣ».

Приведенныя слова Его Величества ясно показываютъ нравственное значеніе и цѣль облегченія матеріальныхъ нуждъ духовенства. Эта нравственная цѣль должна быть дорога всѣмъ мыслящимъ представителямъ русской идеи: вѣдь и общество можетъ помочь Царю въ Его заботахъ о подъемѣ исторически-созидательнаго сословія! Необходимо принять ближе къ сердцу національно-церковныя дѣла, положить предѣлы отрѣшенности отъ всего церковнаго и даже враждебности къ нему, которая является плодомъ злокозненныхъ внушеній, плодомъ нашихъ долгихъ заблужденій и ошибокъ. Развитіе приходской жизни, подъемъ интереса къ духовнымъ вопросамъ въ свѣтской печати, наконецъ, вдохновенная проповѣдь вѣчной истины о религіозномъ критеріи нравственности, — вотъ великія насущныя задачи, которымъ можетъ и долженъ послужить, въ указанныхъ ему судьбою предѣлахъ, каждый мыслящій русскій человѣкъ, любящій родину и не на словахъ только стремящійся къ служенію ей въ духѣ и истинѣ.

Державныя слова.

У всякаго строя есть свои принципы, своя логика, свои особенности, въ зависимости отъ національныхъ творческихъ началъ, которыми этотъ строй созданъ, поддерживается и духовно питается. Въ частности, между западными монархіями и русскимъ самодержавіемъ есть существенная разница, коренящаяся какъ въ народномъ міросозерцаніи, такъ и во внутреннемъ различіи, по существу и складу, между западными исповѣданіями и русскимъ православіемъ. Въ западныхъ государствахъ монархи находятся въ большей или меньшей зависимости отъ народовъ, причемъ постоянно возникаетъ для нихъ необходимость заботиться объ удовлетвореніи общественнаго мнѣнія, ради поддержанія своего престижа и отмежеванія себѣ возможно большей фактической власти. Тамъ, гдѣ, какъ въ нынѣшней германской имперіи, при наличности

конституціонныхъ ограниченій, все болѣе разрастаются самодержавныя тенденціи главы государства, ему приходится стремиться къ постоянному личному воздѣйствію на различные слои народа, къ умѣло достигаемымъ побѣдамъ надъ народнымъ воображеніемъ и вносить въ свою дѣятельность, въ свои поступки и слова, такъ сказать, искусственный, сценическій элементъ. Этотъ элементъ весьма силенъ также въ западныхъ религіозныхъ культахъ, особенно въ реформатскихъ исповѣданіяхъ, гдѣ роль таинствъ ограничена до послѣдней крайности, и многое зависитъ отъ ораторскаго, художественнаго и, до извѣстной степени, сценическаго дарованія слугъ алтаря.

Наше самодержавіе и наше православіе поставлены въ гораздо меньшую зависимость отъ личныхъ и случайныхъ факторовъ такого рода. По своей религіозно-мистической основѣ, самодержавіе является самодовлѣющимъ и связаннымъ не земными учрежденіями, а религіозно-нравственными нормами, подобно тому, какъ православіе зиждется не на краснорѣчій или аргументаціи проповѣдниковъ, а на преемствѣ благодати Божіей, не зависящей отъ земныхъ случайностей. Русский народъ непрестанно, стихійно и духовно чувствуетъ близость свою съ Державнымъ Вождемъ отчизны, и единеніе это зиждется на общности вѣрованій, на вѣрности исконнымъ русскимъ завѣтамъ, на духовномъ инстинктѣ. Въ серіозные, рѣшительные историческіе моменты единомысліе, или, точнѣе, единодушіе Царя съ народомъ происходитъ безъ уговора, безъ искусственной подготовки, само собою. Царь править,— и въ каждомъ благѣ, получаемомъ отъ государства, народъ видитъ проявленіе благой царской воли. Многословіе не нужно русскому Самодержцу; но зато каждое слово Царя имѣетъ непреходящее созидательное значеніе. Царь говоритъ не часто, ибо частыя рѣчи могли бы оказаться не свободными отъ повтореній и откликовъ на вопросы недостаточно важные, вслѣдствіе чего могло бы ослабѣть священное и, такъ сказать, вѣщее значеніе Державныхъ словъ. Ни въ одной странѣ міра оно не достигаетъ такой высоты и напряженности, какъ въ Россіи.

Русскому народу священно и радостно каждое слово Само-

держца, особенно въ такіе періоды, когда, какъ нынѣ, общественныя нестроенія мѣстами принимаютъ острый характеръ, устой національнаго міросозерцанія колеблются, и страна нуждается въ Державныхъ указаніяхъ, въ цѣлебныхъ словахъ Помазанника Божія, стоящаго выше какихъ бы то ни было обособленныхъ интересовъ и воззрѣній.

Въ древнемъ Курскѣ раздались въ концѣ августа ¹⁾ такія слова. При встрѣчѣ Государя на курскомъ вокзалѣ Его Величество, обойдя представителей дворянства, произнесъ слѣдующее: «Я радъ видѣть представителей сословія, постоянно пользовавшагося благоволеніемъ своихъ Монарховъ за вѣрную и самоотверженную службу Престолу и Отечеству. Незабвенный Отець Мой, довершая славныя дѣла Моего Дѣда, призвалъ васъ къ руководству крестьянскимъ управленіемъ; на этомъ поприщѣ вы служите Мнѣ не за страхъ, а за совѣсть. Благодарю васъ за эту службу». Громкое единодушное «рады стараться» было отвѣтомъ дворянъ на милостивыя слова Государя Императора. Далѣе Его Величество продолжалъ: «Я знаю, что сельская жизнь требуетъ особаго попеченія, что дворянское землевладѣніе переживаетъ тяжелое время; есть неурядица и въ крестьянскомъ. Для устраненія послѣднихъ, по Моему повелѣнію, соображаются въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ необходимыя мѣры. Къ участию въ этихъ трудахъ будутъ призваны въ свое время губернскіе комитеты съ участіемъ дворянства и земства; что же касается помѣстнаго землевладѣнія, которое составляетъ исконный оплотъ порядка и нравственной силы Россіи, то его укрѣпленіе будетъ Моею непрестанною заботою». Восторженные клики покрыли заключительныя слова Государя Императора.

Врядъ-ли нужно подробно выяснять рѣшающее значеніе этихъ краткихъ и опредѣленныхъ словъ. Ими совершенно устраняется вредная фикція безсословности, ведущей къ некультурности. Идея подбора, присущая природѣ, необходимая и художественному творчеству, и созидательной государственной работѣ,—получаетъ жизненное признаніе и поддержку. Дѣло Царя - Миротворца, возстановителя русскихъ основъ,

¹⁾ 1902 года.

поколебленныхъ «половодьемъ» реформъ 60-хъ годовъ и нѣ которыми отклоненіями нашей соціально-экономической политики, открыто упрочивается и развивается Державными трудами и словомъ Государя. Съ царственнымъ прямою признается затруднительность положенія помѣстнаго дворянства и утверждается самый смыслъ его существованія, въ полезности котораго, за послѣднія нѣсколько десятилѣтій, высказывалось столько тенденціозныхъ сомнѣній, даже служилыми людьми разныхъ вѣдомствъ. Эта Державная санкція даетъ прочный фундаментъ для разработки дворянскаго вопроса и предуказываетъ ей пути, подтверждая государственное значеніе передоваго сословія въ области крестьянской жизни. Послѣ разрыва дореформенной органической связи между дворянствомъ и крестьянствомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе наглядна необходимость возстановленія этой связи на иныхъ, болѣе мягкихъ, законѣрныхъ и культурныхъ началахъ. Державныя слова, сказанныя въ Курскѣ, знаменуютъ крупный и рѣшительный шагъ по этому пути. Никакой великій народъ, никакое государство не могутъ быть сильными безъ наличности традицій. Очагомъ же и сокровищницею этихъ послѣднихъ являются преимущественно тѣ общественные классы, которыхъ существованіе и весь складъ жизни связаны съ землею. Никакая страна не можетъ быть духовно-сильною безъ умственной аристократіи, которая, въ свою очередь, утратила бы всякую почву безъ наличности аристократіи земельной, т. е. помѣстнаго дворянства. Людовикъ XIV подготовилъ во Франціи революцію и гибель своей династіи, потому что превратилъ живую силу помѣстнаго дворянства въ придворную игрушку, безъ опредѣленныхъ правъ и обязанностей. Русскіе Самодержцы-обновители нашего строя, вѣрные историческимъ завѣтамъ родины, предотвращаютъ такую роковую ошибку, вдохновляемые стремленіемъ ко благу всѣхъ подданныхъ своихъ, къ оздоровленію нашего государственнаго организма.

Курская губернія принадлежитъ къ числу наиболѣе сознательно-дворянскихъ,—и чутко воспринятое Державное слово явилось тамъ сѣменемъ, упавшимъ на добрую почву. Посѣщеніе Государемъ Императоромъ Курска ознаменовалось от-

крытіемъ, въ домѣ дворянскаго собранія, памятника Императору Александру III, причемъ губернскій предводитель дворянства шталмейстеръ Дурново, подойдя къ Государю, прочиталъ адресъ, имѣющій крупное историческое значеніе.

Остается пожелать подъема экономическаго положенія помѣстнаго дворянства, зависящаго главнымъ образомъ отъ трехъ факторовъ: отъ національнаго и благопріятнаго для сельской промышленности направленія нашей финансовой политики, отъ установленія экономической безопасности и устойчивости аграрныхъ отношеній въ деревнѣ, нынѣ подверженныхъ всякимъ случайностямъ, и, наконецъ, отъ сознательнаго отношенія помѣстнаго дворянства къ своей роли въ государствѣ. Путь ярко озаренъ, и теперь остается только работать.

Доселѣ въ нашемъ обществѣ смутныя понятія о предѣлахъ компетенціи и задачахъ земства. Одни склонны видѣть въ немъ зародышъ политическаго народоправства, подлежащій дальнѣйшему развитію, со скрытымъ или явнымъ ущербомъ полнотѣ Самодержавія. Другіе, ссылаясь на единичныя безтактности земскихъ ораторовъ, на ошибки и пробѣлы въ дѣятельности земствъ, склонны къ упраздненію этихъ учреждений, къ сведенію всего къ бюрократической централизаціи, къ отрицанію самой идеи общественной самодѣятельности, гласно контролируемой и критикуемой. И то, и другое противорѣчитъ русскому духу, а споръ между этими крайностями и предвзятое служеніе имъ вредятъ дѣлу нашего культурнаго развитія, грѣшатъ противъ жизненной правды.

И въ данномъ случаѣ вѣщимъ ея выраженіемъ явились Державныя слова.

При пріемѣ хлѣба-соли отъ земства Курской губерніи Государь изволилъ сказать земскимъ представителямъ: «Благодарю васъ за привѣтствіе и пользуюсь случаемъ, чтобы сказать вамъ нѣсколько словъ. Земское хозяйство—дѣло первѣйшей важности, и Я надѣюсь, что вы посвящаете ему всѣ ваши силы; Я радъ буду оказать вамъ всякое попеченіе, заботясь въ то же время объ объединеніи дѣятельности всѣхъ властей на мѣстахъ. Помните, что призваніе ваше—мѣстное устройство въ области хозяйственныхъ нуждъ; успѣшно

выполняя это призваніе, вы можете быть увѣрены въ сердечномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи». Громогласное «ура» долго разносилось въ залѣ.

Дай Богъ, чтобы этотъ порывъ стихійной любви и довѣрія земскихъ дѣятелей къ Державному Вершителю отечественныхъ судебъ ознаменовалъ поворотъ къ менѣе показнымъ, но болѣе существеннымъ формамъ дѣятельности. Россіи некогда заниматься внутреннимъ политиканствомъ и спорами о компетенціи учреждений: пора мобилизоваться для серіозной экономической борьбы съ зарубежными конкурентами и эксплуататорами. Необходимо, чтобы земскія учрежденія, сельско-хозяйственныя общества и т. п. служили реальному улучшенію жизни обывателя и подъему доходности его труда. Одинъ земскій инструкторъ, распространяющій въ народѣ усовершенствованныя орудія и способы обработки земли, или честный членъ управы, достигающій прочности земскихъ мостовъ и не входящій въ компромиссъ съ подрядчиками (увы, это довольно частое явленіе), стоитъ «сорока тысячъ братьевъ», кричащихъ на собраніяхъ о пользѣ просвѣщенія и просящему хлѣба подающихъ если не камень, то... мало-сѣдобную книгу. На первый взглядъ можетъ показаться спорнымъ вопросъ о томъ, книга-ли порождаетъ хлѣбъ, или хлѣбъ порождаетъ книгу. Но если всмотрѣться въ исторію, да и въ нормальную жизнь, то приходится признать, что сперва появляется хлѣбъ, а потомъ уже книга. Мы, конечно, можемъ только съ сочувственнымъ уваженіемъ относиться къ этой послѣдней, но не считаемъ ее панацеей и полагаемъ, что на первомъ планѣ должна стоять забота о предоставленіи народной массѣ выгоднаго заработка и хорошаго питанія, да въ огражденіи ея отъ свободы пьянства. Прочее приложится само собою. Голодные, пьяные, удаленные отъ религиозныхъ и семейныхъ основъ и недисциплинированные простолюдины воспримутъ грамоту и крохи поверхностнаго эмансипирующаго просвѣщенія не на благо себѣ и другимъ, а скорѣе наоборотъ, легковѣрнѣе станутъ они по отношенію къ устной и печатной проповѣди всяческой смуты. За примѣрами далеко ходить не приходится: эти печальныя явленія свѣжи въ памяти нашего общества.

Цѣлительныя Державныя слова были обращены и къ народной средѣ.

По повелѣнію Его Императорскаго Величества, 1-го сентября, въ день посѣщенія Государемъ Императоромъ города Курска, въ губернаторскомъ домѣ были собраны нѣкоторые волостные старшины и сельскіе старосты губерній: Курской, Полтавской, Харьковской, Черниговской, Орловской и Воронежской. Его Императорское Величество изволилъ обратиться къ нимъ со слѣдующими словами:

«Весною въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній крестьяне разграбили сосѣднія экономіи. Виновные понесутъ заслуженное ими наказаніе, а начальство сумѣетъ, Я увѣренъ, не допустить на будущее время подобныхъ беспорядковъ. Напоминаю вамъ слова покойнаго Моего Батюшки, сказанныя Имъ въ Москвѣ волостнымъ старшинамъ въ дни Священнаго Вѣнчанія на Царство: «Слушайте вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ слухамъ». Помните, что богатѣють не захватами чужого добра, а отъ честнаго труда, бережливости и жизни по заповѣдямъ Божиимъ. Передайте въ точности все, что Я вамъ сказалъ, вашимъ односельчанамъ, а также и то, что дѣйствительныя ихъ нужды Я не оставлю Своимъ попеченіемъ».

Въ другомъ случаѣ, въ Петербургѣ, такого-же отеческаго вниманія и заботливости удостоились представители нарастающаго рабочаго и городского пролетаріата.

12-го сентября, при посѣщеніи Государемъ Императоромъ Балтійскаго судостроительнаго завода, по случаю спуска на воду броненосца «Князь Суворовъ», депутація мастеровыхъ и рабочихъ завода имѣла счастье поднести хлѣбъ-соль Его Императорскому Величеству.

Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль, изволилъ, въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее обращеніе депутаціи, произнести слѣдующія милостивыя слова:

«Спасибо вамъ за вашу хлѣбъ-соль и за высказанныя чувства.

«Трудитесь честно, ведите себя спокойно и не давайте смущать себя дурнымъ людямъ, которые такіе же враги вамъ, какъ враги и Мнѣ.

«Увѣренъ, братцы, что вы впредь поддержите добрую славу Балтійскаго завода».

Дружное несмолкаемое «ура» было отвѣтомъ на эти знаменательныя слова.

Всеподданнѣйшее привѣтствіе, произнесенное старшимъ изъ депутатовъ, мастеровымъ Александромъ Матвѣевымъ, заключалась въ слѣдующемъ:

«Великій Государь, нашъ Батюшка! Безпредѣльно обрадованные Твоимъ посѣщеніемъ мастеровые и рабочіе Балтійскаго завода просятъ милостиво принять отъ нихъ хлѣбъ-соль и усердно молятъ Всевышняго, да хранить Онъ на благо Россіи Твою драгоценную жизнь на многія лѣта».

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Державныя слова возымѣютъ неотразимое благотворное дѣйствіе на нашу, безпримѣрно чуткую, народную среду: она духовно преобразуется, когда на нее, по народному же выраженію, «царскимъ духомъ повѣетъ». Остается пожелать, чтобы просвѣщенные классы народа на дѣлѣ проявили ту же чуткость и дружно стремились къ огражденію родной стихіи отъ всякой наносной смуты.

Высочайшій манифестъ 26 февраля *).

Въ день, посвящаемый мыслящею Россіей священной памяти Державнаго Возродителя русскаго самосознанія, Императора Александра III, раздались съ высоты Престола высокознаменательныя слова Государя Императора.

Въ нихъ содержится отвѣтъ, прямой и ясный, на цѣлый рядъ вопросовъ значительной важности, какъ выдвинутыхъ самою жизнью, такъ и поднимаемыхъ болѣе или менѣе искусственно различными общественными теченіями.

Подтверждая обѣтъ свято блюсти вѣковые устои Державы Россійской и осуществляя народное благо въ разумѣ приснопамятныхъ дѣлъ Своихъ Державныхъ Предшественниковъ и прежде всего незабвеннаго Родителя Своего, русскій Вѣнце-

*) 1903 г.

носець пріемлетъ священный долгъ довершить начатое Царемъ-Миротворцемъ дѣло укрѣпленія порядка и правды въ русской землѣ, въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни.

Указавъ на проявленія смуты, посѣянной частью преступными замыслами, частью противорусскими заблужденіями, и требуя отъ Своихъ служилыхъ людей твердаго противодѣйствія всякому нестроению, Государь Императоръ соизволилъ преподать основныя положенія мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью благо нашего отечества.

Подтверженіе благоговѣйнаго почитанія православной церкви первенствующею и господствующею, на ряду съ соблюденіемъ завѣтовъ вѣротерпимости; мѣропріятія къ улучшенію быта духовенства и усугубленію добраго участія его въ духовной и общественной жизни паствы; укрѣпленіе и развитіе основныя устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства; пересмотръ законодательства о сельскомъ состояніи при участіи достойныхъ дѣятелей на мѣстахъ, причемъ община признается неприкосновенною, и лишь предположена отмѣна стѣснительной крестьянамъ круговой поруки; преобразование губернскихъ и уѣздныхъ управленій на началахъ децентрализаціи и привлеченіе земскихъ лучшихъ силъ къ этому дѣлу; гдѣ возможно, сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе высоко-важнаго государственнаго акта, который оставитъ прочный, благотворный слѣдъ въ исторіи нашего отечественнаго развитія. Онъ особенно дорогъ и радостенъ тѣмъ ревнителямъ русскаго сознанія и русской самобытности, которые вѣрятъ, согласно завѣту величайшихъ нашихъ Самодержцевъ, въ незыблемость и творческую силу вѣковыхъ устоевъ Россійской Державы. У этой вѣры нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что жители Запада и наши западники называютъ консерватизмомъ: она даетъ жизненную силу широкому міросозерцанію, подтверждаемому общественной психологіей и вдохновляемому искреннѣйшимъ, уравновѣшеннымъ и вдумчивымъ народолубіемъ.

Наше Самодержавіе не поддается сравненію ни съ запад-

нымъ абсолютизмомъ, ни съ произволомъ восточнаго едино-властія. Оно радуется живому взаимодействию съ народною стихіей, во имя Божьей Правды и для ея осуществленія. Укрѣпляя правду и порядокъ, оно не скрываетъ отъ себя нарастающихъ явленій и идетъ навстрѣчу удовлетворенію возникающихъ запросовъ жизни.

Высочайшій манифестъ 26-го февраля, подтверждая незыблемость святыни Самодержавія, является, вмѣстѣ съ тѣмъ, актомъ довѣрія къ живымъ силамъ русскаго общества, призывомъ ихъ къ патріотической самодѣятельности. Можетъ ли, на примѣръ, напоминаніе о вѣротерпимости быть принято искренними ревнителями Православія иначе, чѣмъ призывъ къ тому, чтобы они любовью и духомъ, трудомъ и дѣлами возможно больше служили вѣрѣ отцовъ нашихъ, ибо лишь такое служеніе плодотворно, лишь такое огражденіе крѣпко. Пусть призадумаются надъ этимъ и богобоязненные міряне, и лица духовныя, отъ іерарховъ до смиреннаго сельскаго пастыря. Пусть проникнутся правдою этого призыва юные питомцы семинарій и духовныхъ академій: тогда они сознаютъ силу свою и увидятъ всю необъятность нивы, ожидающей дѣлателей. Отечественное око Царя видитъ, какъ тяжело жить необезпеченному, зачастую многосемейному сельскому духовенству. И въ ряду заботъ Державныхъ этому первостепенной важности вопросу отводится выдающееся мѣсто. Созидательныя силы Россіи должны стать на ноги и выполнять свою миссію, а не только числиться въ тѣхъ или иныхъ спискахъ. Православный приходъ намѣчается, какъ основная ячейка самоуправленія, нравственнаго въ основѣ, дѣловаго, безъ фразъ и политиканства. Видитъ Богъ, что пора: изболтались, извѣрились въ болтовню, истомились общими мѣстами, изныли отъ оскудѣнія хозяйственнаго, не порядка и не строе-нія. Высочайшимъ манифестомъ твердо и ясно выдвигается значеніе *земли*, т. е. дворянъ и крестьянъ, какъ сословій, въ которыхъ есть добрая традиція. Отвергается ненужный формализмъ, тормозившій порою разрѣшеніе специально-мѣстныхъ вопросовъ изъ-за долгой переписки съ центральными учрежденіями. Оказывается довѣріе не только земскимъ людямъ, но и тѣмъ служилымъ лицамъ, предѣлы помѣстной дѣятель-

ности которыхъ будутъ расширены. Живая струя вливается такимъ образомъ и въ бюрократію, давая преимущество умѣлому и усердному творчеству передъ равнодушною отпиской.

Царь съ вѣрою обращается ко всѣмъ слоямъ русскаго общества, ибо для оздоровленія и духовнаго подъема русской жизни необходимо живое взаимодѣйствіе правительства и народа. Пускай же общество покажетъ себя умственно зрѣлымъ и духовно достаточно высокимъ, чтобы оказаться на высотѣ Монаршаго довѣрія, на высотѣ благородной задачи устроенія и украшенія отечественной жизни.

19 февраля.

Св. синодомъ установлено празднованіе 19 февраля. Мысль объ этомъ принадлежитъ еще Императору Александру III, а первый починъ ея осуществленія—министру внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарю В. К. Плеве, съ обычною отзывчивостью отнесемуся къ соотвѣтственнымъ ходатайствамъ нѣсколькихъ земствъ. Отнынѣ во всѣхъ православныхъ храмахъ въ знаменательный день освобожденія крестьянъ будетъ происходить торжественное богослуженіе, а питомцы учебныхъ заведеній будутъ освобождаться отъ уроковъ.

Серіозное отношеніе къ великимъ историческимъ событіямъ—признакъ отрадный и знаменательный, признакъ нашего духовнаго роста. Но одного празднованія мало; сверхъ того нужно и пониманіе, и добросовѣстное выполненіе обязанностей, налагаемыхъ этимъ на всѣхъ русскихъ людей, живыхъ силъ нашего обновленнаго, или, точнѣе, обновляемаго строя. Старыя отношенія рушились, новыя все еще не наладились, какъ слѣдуетъ. Преступно ошибались люди, полагавшіе, что уничтоженіе рабской зависимости должно было повлечь за собою и упраздненіе духовнаго авторитета и творческаго вліянія наиболѣе просвѣщенныхъ и патріотически-сознательныхъ классовъ общества. Наоборотъ, эти послѣдніе должны на иныхъ основахъ, болѣе возвышенныхъ, но не менѣе прочныхъ, выработать и упрочить единеніе всѣхъ элементовъ русскаго государственно-народнаго организма. Традиція должна

выйти неприкосновенною изъ этого испытанія. Всесословность не есть бессословность,—и упраздненіе искусственной связи между слоями народа не должно влечь за собою ни упраздненія связи нравственной, ни уничтоженія тѣхъ сословно-жизненныхъ формъ, которыя можно назвать органическими, такъ какъ онѣ вытекаютъ изъ народныхъ склонностей и выработаны многовѣковою исторіей. Въ частности, органы нашей космополитической буржуазіи и представители интеллигенціи, далекіе отъ національнаго самосознанія и незнакомые съ жизнью русской деревни, склонны къ упраздненію устоевъ современнаго крестьянскаго склада, въ итогѣ—къ уничтоженію самобытныхъ чертъ крестьянства подъ предлогомъ пресловутой «гражданской свободы». Не русскій народъ выработалъ десятый томъ и судебные уставы: эти законы торопливо, безъ должной вдумчивости пересажены къ намъ съ далекаго Запада, гдѣ придуманы опять-таки не крестьянствомъ, а дальновидною своекорыстною буржуазіей. Жизнь держится нравами и обычаями, а когда уничтожаются органическія формы, которыми естественно сплавиваются тѣ или инныя группы людей, то получается то, что И. Тэнъ называлъ «человѣческою пылью». Намъ же, не вышедшимъ изъ періода претворенія западныхъ началъ и подвергающимся постоянному натиску враждебныхъ русской самобытности воздѣйствій, необходимо помнить, что единственною, неразрушенною доселѣ и притомъ основною хранительницею русской идеи является именно крестьянская община, съ ея своеобразнымъ укладомъ. Съ этимъ вопросомъ шутить нельзя, тѣмъ болѣе въ такую минуту, когда со всѣхъ сторонъ къ главной сокровищницѣ русскаго духа подбираются открытые и переодѣтые враги...

Празднованіе годовщины 19 февраля должно напомнить русскимъ людямъ, что работа упорядоченія, повышенія и украшенія нашей народно-государственной жизни не только не закончена, но даже не вышла изъ того періода, когда необходимо цѣлесообразно, съ принципиальною вѣрностью основамъ нашего строя, выяснять и намѣчать широкія линіи созиданія.

По поводу безпорядковъ.

Истекшій мѣсяць ¹⁾ несомнѣнно оставитъ серіозный слѣдъ въ нашей общественной и государственной жизни; онъ ознаменованъ событіями, вызвавшими, съ одной стороны, всеобщее «повышеніе температуры», а съ другой—давно невиданный подъемъ стройной и систематичной правительственной оздоровительной работы.

Больше всего толковъ вызвали безпорядки, происходившіе въ разныхъ мѣстностяхъ и открывшіе глаза на многія отрицательныя стороны нашей жизни. Ниже мы помѣщаемъ письмо г. Полтавца, въ извѣстной мѣрѣ выясняющее ту мѣстную почву, на которой могли возникнуть и развиваться рѣзкія нарушенія общественной безопасности и благочинія. Существованіе такой почвы въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи столь же несомнѣнно, какъ и наличность подпольной организаціи, пытающейся служить своимъ анархическимъ задачамъ всюду, гдѣ представляется тому случай, кажущійся удобнымъ. Слово «кажущійся» здѣсь уместно потому, что въ Россіи, слава Богу, народная масса въ громадномъ большинствѣ своемъ вѣрна устоямъ исконнаго нашего строя; лишь исключительныя условія нѣкоторыхъ мѣстностей, какъ напримѣръ, скопленіе въ нихъ «горючаго матеріала» въ смыслѣ социальномъ, недостаточный административный надзоръ, или недостаточно внимательное отношеніе къ явленіямъ и нуждамъ народной жизни, наконецъ, даже робкое потворство разрушительной агитаціи со стороны нѣкоторыхъ духовно-слабыхъ служилыхъ людей,—даютъ иногда разыгратъ отдѣльнымъ сценкамъ той кровавой драмы, которую Россія, слава Богу, вполне можетъ не включать въ репертуаръ своей исторической жизни. У насъ иная исторія, иныя жизненныя условія, иная народная психологія, чѣмъ на Западѣ. Наконецъ, роковыя ошибки западныхъ правительствъ, доставлявшія торжество кровавой смутѣ, обстоятельно выяснены исторіей, и потому освѣдомленнымъ людямъ избѣгнуть ихъ—болѣе чѣмъ возможно. Для этого

¹⁾ Май 1902 г.

нужна только мужественная вѣра въ жизненность и силу нашихъ устоевъ, ясность и твердость внутренней политики, при которой нѣтъ мѣста ни робкимъ колебаніямъ, ни слишкомъ придирчивому стѣсненію жизненныхъ формъ, ни пагубнѣйшей изъ ошибокъ—сентиментальнымъ побряккамъ анархическимъ тенденціямъ, подъ предлогомъ «просвѣщенной широты взглядовъ».

Когда взгляды дѣлаются излишне-широкими, то они перестаютъ быть взглядами: въ нихъ вкрадываются сперва противорѣчія, потомъ невольная ложь и, наконецъ, ложь сознательная. Получаются такія сочетанія фактовъ, которыя возможны лишь при полной безпринципности. Служилая безпринципность—вотъ истинный источникъ многихъ смуть, оправдывающихъ пословицы, что «рыба гніетъ съ головы» и что «крѣпость берется изнутри».

Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать даже отрицательно-полезными эпизодическіе беспорядки, влекушіе за собою не какія-либо роковыя послѣдствія, а подъемъ уровня работы, и, главное, принципальности въ бюрократической средѣ. Какъ мы это увидимъ ниже, такой подъемъ за послѣднее время весьма замѣчается.

Но отмѣтимъ сперва тѣ противосоціальныя явленія, которыя стали извѣстны читающей публикѣ изъ газетъ. О финляндскихъ беспорядкахъ мы не станемъ распространяться, потому что характеръ ихъ иной, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ въ Россіи: подкладкою ихъ является, главнымъ образомъ, искусственно-разжигаемый сепаратизмъ, основа и тактика котораго отчасти выяснены въ настоящей и слѣдующей книгахъ «Русскаго Вѣстника» ¹⁾ М. М. Бородкинымъ, *sine ira et studio*. Чисто-мѣстнымъ характеромъ волненій данный вопросъ отличается отъ остальныхъ, и благополучное рѣшеніе его зависитъ, стало-быть, отъ специальныхъ мѣропріятій, сообразованныхъ съ оригинальными условіями края.

Иной интересъ представляютъ собою виленскія событія, въ которыхъ главная роль принадлежитъ евреямъ, элементу, имѣющему во всѣхъ странахъ и, особенно, въ Россіи, *общее*

¹⁾ Июнь 1902 г.

революціонное разлагающее значеніе. Но и тамъ, до известной степени, замѣчается мѣстный колоритъ, происходящій отъ осѣдлой скученности представителей этого племени. Характерною чертою его является необычайная заносчивость въ тѣхъ случаяхъ, когда евреи чувствуютъ себя «хозяевами положенія». Несмотря на несомнѣнную экономическую самодѣятельность поляковъ въ привислинскихъ и сѣверо-западныхъ губерніяхъ, евреи тамъ все болѣе овладѣваютъ благами міра сего; вожаки ихъ вліяютъ на служилый классъ и прочихъ обывателей; почти вся провинціальная печать и значительная часть столичной либо заигрываетъ съ ними, либо состоитъ у нихъ, просто-на-просто, въ услуженіи. Съ ними кокетничаютъ люди настолько вліятельные, что повышеніе ихъ тона было бы вполне объяснимо, даже и при отсутствіи особой, чисто восточной, нервной восприимчивости.

Новый виленскій губернаторъ, генералъ-лейтенантъ В. В. фонъ-Валь, хорошо зналъ и эти расовыя черты, и мѣстныя условія, такъ какъ прежде, много лѣтъ назадъ, занималъ тотъ же постъ въ другихъ губерніяхъ, гдѣ много евреевъ. «Повышенный тонъ» значительной части виленскаго населенія не могъ не обратить на себя вниманія опытнаго администратора, признавашаго необходимымъ, въ интересахъ самаго же населенія, побить спѣси мѣстнымъ крикунамъ и смутьянамъ. Но именно потому, что эта благоразумная рѣшимость была примѣнена къ средѣ, уже весьма *завнавшейся*, она едва не имѣла рокового исхода. 5-го мая совершенно покушеніе на жизнь губернатора В. В. фонъ-Валья...

Вполнѣ ли теперь успокоятся виленскіе евреи? На это можно было бы безъ колебаній отвѣчать утвердительно при томъ условіи, если бы мѣстную среду можно было оградить отъ воздѣйствій соплеменныхъ ей вожаковъ, находящихся, такъ сказать, «вездѣ и вездѣ». Но несомнѣнно, что и эти послѣдніе будутъ настроены менѣе заносчиво, *если увидятъ, что безпорядки и преступленія добрыхъ плодовъ не приносятъ, а лишь ухудшаютъ въ государствѣ положеніе и репутацію того племени, для котораго лучшимъ путемъ къ постепенному смяченію ограничительныхъ законовъ можетъ быть лояльное отношеніе къ правительству и дружесловіе къ иноплеменнымъ*

соотечественникамъ. У насъ, слава Богу, не республика и вообще не правленіе буржуазіи, а потому ревнители блага евреевъ должны бы проповѣдывать имъ, что только правдою, а не кривою могутъ они добиться въ Россіи эволюціи въ ихъ пользу. Но для этого въ данной средѣ, какъ и всюду, нужны дѣятели, не ищущіе дешевой популярности.

Для русскаго общества, мало-по-малу начинающаго пробуждаться отъ наркотическаго дѣйствія громкихъ фразъ и беспочвенныхъ доктринъ, весьма важно знать правду о безпорядкахъ, какъ о наглядномъ примѣненіи упомянутыхъ фразъ и доктринъ: въ этомъ примѣненіи обыкновенно столько гадкаго и презрѣнно-смѣшнаго, что только крѣпко свихнувшийся человѣкъ не протрезвится умственно при видѣ подобныхъ неприглядныхъ картинъ. Эпическая простота и полнота свѣдѣній, сообщаемыхъ правительствомъ о подобныхъ эпизодахъ, говорятъ именно въ пользу такого вывода.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть объ относительной скудости и неясности свѣдѣній такого рода, получаемыхъ съ Кавказа, когда тамъ что-нибудь неблагополучно.

Напримѣръ, газета «Кавказъ» сообщаетъ, что 21-го апрѣля, въ 11 часовъ утра, въ городѣ Баку, на площади, около армянскаго собора, собралась толпа народа въ нѣсколько сотъ человѣкъ, выкинула красный флагъ, подняла крикъ и разбрасывала записки революціоннаго содержанія. Мѣрами, принятыми полиціей и при содѣйствіи вытребованныхъ казаковъ, порядокъ былъ восстановленъ. Насилій не было. Задержаны двое.

Нельзя не поинтересоваться: почему изъ цѣлой толпы, разбрасывавшей прокламаціи, задержаны только двое? Передъ остальными, стало быть, открывается возможность въ другой разъ еще разбрасывать прокламаціи? Установленъ ли хоть въ приблизительной точности *племенной составъ* бушевавшей толпы? Какую роль играли въ данномъ случаѣ *армяне*, участвовавшіе сперва въ турецкихъ смутахъ, а затѣмъ бѣжавшіе въ Россію, якобы въ силу своей незлобивости и мирной культурности? Вѣдь, во время происходившихъ нѣсколько недѣль тому назадъ батумскихъ безпорядковъ, *именно турецкіе армяне*, по словамъ добросовѣстныхъ очевидцевъ, составляли главный мятежный кадръ. Но только подобные факты тщательно скрываются

кавказскою печатью, ибо она вся, безъ исключенія, теперь доступна вліянію армянскихъ главарей-капиталистовъ. Если этотъ злополучный край когда-нибудь дождется обстоятельной сенаторской ревизіи, то обнаружатся истинныя причины прорывающихся тамъ отрицательныхъ явленій, почва для которыхъ создавалась тамъ уже давно и съ каждымъ годомъ продолжаетъ все «утучняться».

Армянскіе источники смуты психологически чрезвычайно близки къ еврейскимъ, въ виду несомнѣннаго расоваго родства между обоими племенами. Но они еще значительно ядовитѣе и сложнѣе, въ виду гораздо болѣе острыхъ формъ, руководящихъ тенденцій и мечтаній армянскаго племенного обособленія. Тутъ играютъ роль и климатъ, и анархическая исторія, и спеціально-восточныя противосоціальныя традиции, и, наконецъ, отдаленность этого края отъ руководящаго центра, сильно повліявшая, между прочимъ, и на уровень служилой принципиальности. Положимъ, и тамъ, какъ въ остальной Россіи, противосоціальныя попытки быстро подавляются, но это не причина, чтобы не изслѣдовать ихъ источникъ и характерныя особенности!

Россія чрезвычайно пестра—и болѣзненные явленія, поступающія въ различныхъ частяхъ ея по временамъ, носятъ отпечатокъ этой почвенной пестроты. Между нѣкоторыми изъ нихъ есть несомнѣнная аналогія. Такъ, напримѣръ, Поволжье инстинктами своей черни и, пожалуй, даже настроеніемъ того мнимо-образованнаго класса, который причисляетъ себя къ интеллигенціи, отчасти напоминаетъ Малороссію. Традиціи понизовой вольницы и запорожскаго казачества,—сходныя между собою, составляютъ историческую почву; демократизмъ мнимо-интеллигентнаго класса въ обѣихъ мѣстностяхъ—почву бытовую и умственную; наконецъ, воздѣйствіе заѣзжихъ «умственныхъ авторитетовъ»—совпаденіе, повидимому, не случайное.

* *
*

Отъ описанія недуга, болѣе или менѣе серіозно проявившагося въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, перейдемъ теперь къ мѣрамъ, которыя правительство приняло

для его излеченія. Особо знаменателенъ относящійся къ харьково-полтавскимъ безпорядкамъ, нижеслѣдующій

«Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.

«Происходившіе въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній безпорядки сопровождались рядомъ нападеній крестьянъ на сосѣднія усадьбы, причинившихъ владѣльцамъ значительные убытки.

«Возлагая отвѣтственность за эти убытки не только на лицъ, непосредственно виновныхъ въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, но и на тѣ сельскія общества, кои своимъ преступнымъ попустительствомъ способствовали развитію безпорядковъ, Мы повелѣваемъ:

1) Отпустить изъ государственнаго казначейства, сверхсметнымъ кредитомъ по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ сего 1902 года, 800,000 рублей на вознагражденіе потерпѣвшихъ землевладѣльцевъ Константиноградскаго, Полтавскаго, Валковскаго и Богодуховскаго уѣздовъ, за убытки, непосредственно причиненные имъ означенными безпорядками.

2) Возложить исчисленіе таковыхъ убытковъ и назначеніе лицамъ, заявившимъ о томъ ходатайство, соразмѣрнаго по соображенію съ указанною суммою вознагражденія на особыя временныя комиссіи, образуемыя, подъ предсѣдательствомъ полтавскаго и харьковскаго губернаторовъ, при участіи губернскихъ предводителей дворянства и другихъ должностныхъ лицъ мѣстнаго финансоваго и по крестьянскимъ дѣламъ управленія.

3) Предоставить министрамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, по взаимному соглашенію, опредѣлить составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ комиссій и свои по сему предмету предположенія внести на Наше утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ, и

4) Для возмѣщенія государственному казначейству указанной въ п. 1 суммы, установить съ сельскихъ обществъ и селеній, крестьяне коихъ принимали участіе въ безпорядкахъ, дополнительный къ существующимъ окладной сборъ, съ тѣмъ, чтобы ежегодный размѣръ оваго и срокъ его взысканія были опредѣлены, для отдѣльныхъ обществъ и селеній, порядкомъ, указаннымъ выше, въ п. 2, и чтобы взиманіе этого сбора,

на общемъ съ прочими окладными платежами основаніи, было начато не позднѣе второй половины текущаго года.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить, къ исполненію сего, надлежащее распоряженіе».

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Въ Царскомъ Селѣ.

11-го мая 1902 г.

Этотъ Высочайшій указъ не только является вообще многозначительнымъ актомъ той реальной политики, которая одна только въ силахъ достойно отвѣтить на реальные запросы жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ, какъ читатели это увидятъ изъ письма г. Полтавца, яркимъ свидѣтельствомъ глубокаго знанія малорусской простонародной психологіи. Пострадавшимъ отъ безпорядковъ возмѣщаются убытки, а виновное населеніе получаетъ урокъ, надолго памятный и надолго подрывающій довѣріе ко всевозможнымъ слухамъ о передѣлѣ, баснямъ и нелѣпымъ мечтаніямъ.

Рядъ другихъ побочныхъ мѣръ, какъ напр., награжденіе умѣлыхъ и энергичныхъ, и увольненіе не стоящихъ на высотѣ своего призванія должностныхъ лицъ, логически дополняетъ впечатлѣніе реальной простоты и цѣлесообразности нашей внутренней политики.

Повторяемъ: *нѣтъ ничего важнѣе, какъ установленіе серьезной отвѣтственности въ бюрократіи, для того, чтобы этотъ органъ самодержавной Высочайшей воли не отклонялся отъ своего высокаго и отвѣтственнаго назначенія и чтобы Державная воля осуществлялась во всей своей животворящей полнотѣ.*

Во всѣхъ государствахъ бываютъ періоды сравнительнаго ослабленія указанной бюрократической отвѣтственности. Должностному лицу, проявившему неспособность или недобросовѣстность при исполненіи служебныхъ обязанностей, въ такихъ случаяхъ почти ничто не грозитъ: вмѣсто судебной или административной кары, ему предоставляется почетная, хорошо оплаченная должность въ какомъ нибудь высокомъ коллегіальномъ учрежденіи; ему предлагается, такъ сказать, золотой мостъ для перехода къ менѣ активной дѣятельности.

Нравственнымъ мотивомъ къ такой деликатности служить желаніе избѣгать гласнаго дискредитированія правящихъ учреждений. Соображеніе неосновательное, ибо, съ одной стороны, почетное вознагражденіе неудачной дѣятельности подрываетъ въ публикѣ довѣріе къ жизненной правдѣ учреждений, а съ другой—избытокъ не особенно удачныхъ дѣятелей въ почетныхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ несомнѣнно понижаетъ уровень послѣднихъ. Великіе Монархи, собиратели, устроители и преобразователи своихъ государствъ, какъ напр. Петръ I въ Россіи, Фридрихъ II въ Германіи и др. позднѣйшіе вѣнценосцы, не останавливались передъ повышеніемъ требованій, предъявлявшихся ими служилому классу. Эта правительственная принципиальность всегда не только приносила добрые плоды, но и сразу повышала довѣріе всѣхъ общественныхъ слоевъ къ правящей власти; вѣрные, прямые слуги поднимали голову, лукавые—потупляли взоръ.

Вотъ почему нельзя не порадоваться указанному освѣжающему теченію, замѣчающемуся за послѣднее время въ нашихъ правящихъ сферахъ.

Неизбѣжно при этихъ условіяхъ и болѣе ясное и добросовѣстное исповѣданіе основъ нашего строя. Надо полагать, что оно и наступитъ. Въ нашемъ непослѣдовательно-мыслящемъ образованномъ обществѣ,—кстати сказать, на три четверти состоящемъ изъ служилыхъ людей,—довольно распространена особаго рода политическая ересь: нѣкоторые ревнители и слуги Самодержавія предполагаютъ, что служеніе ему не сопряжено съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, а напротивъ, скорѣе всего, должно быть сверхъ-партійнымъ, т. е. превыше и внѣ какихъ бы то ни было политическихъ стремленій и формулъ. Самодержавіе является, молъ, только своего рода регуляторомъ, одинаково благосклоннымъ или безразличнымъ по отношенію къ какимъ угодно программамъ.

Это грубѣйшее и вреднѣйшее заблужденіе, порождающее всю ту отвратительную общественно-бытовую и служилую фальшь, которая является главнымъ тормазомъ нашего почвеннаго, гармоничнаго, культурнаго развитія.

Здѣсь уместно привести цѣликомъ слѣдующую статью «Гражданина», ставящую вопросъ ребромъ.

«Въ кабинетѣ одного петербургскаго сановника ведется политическая бесѣда о злобахъ дня. Въ числѣ собесѣдниковъ одинъ прѣзжій провинціалъ. Остальные собесѣдники, кромѣ меня,—тоже сановники.

— Разумѣется, это прискорбно...—говорить хозяинъ, по поводу политическаго преступленія.—Какъ всякое, впрочемъ, преступленіе прискорбно,—поспѣшилъ онъ прибавить, чтобы не могли подумать, что онъ политическое преступленіе считаетъ болѣе прискорбнымъ,—но тутъ ничего не подѣлаешь: это, такъ сказать, потребность духа времени...

— Непремѣнно,—сказалъ провинціалъ,—это дѣйствіе общественной Немезиды, вступающей въ свои права.

— Я не знаю,—заговорилъ второй сановникъ,—я про себя, на примѣръ, могу сказать, положи руку, такъ сказать, на совѣсть: у меня не хватаетъ духу негодовать на преступника, я все негодованіе издерживаю цѣликомъ на разныя правительственныя мѣропріятія...

— Bravo!—воскликнулъ провинціалъ,—вотъ это хорошо сказано.

— Я тоже, господа сановники,—сказалъ я, вступая въ разговоръ,—присоединяюсь къ вашему снисходительному сужденію насчетъ политическихъ преступниковъ; они 20 числа жалованья не получаютъ (тутъ сановники, сморщившись, переглянулись), они даютъ своимъ мыслямъ полную свободу развиваться до фанатизма, и затѣмъ идутъ на преступленіе, отдавая и себя на погибель. Это—одинокое явленіе въ жизни, печальное, но картины нравовъ собою не изображаетъ. Но есть преступники гораздо хуже этихъ, потому что они въ шитыхъ мундирахъ и лентахъ.

Не знаю почему, но вдругъ хозяинъ и его гости-сановники дрогнули.

— Кто же это, любопытно знать?—принужденно-весело обратился ко мнѣ хозяинъ.

— Кто?—отвѣтилъ я,—да тѣ наши господа сановники, которые каждое двадцатое число получаютъ отъ своего Государя трудовыя деньги русскаго народа и отплачиваютъ Ему тѣмъ, что вездѣ, гдѣ могутъ, являются трусливо и изподтишка подстрекателями противъ того правительства, которому они служатъ.

— Однако, позвольте,—вмѣшался сановникъ,—вы позволяете себѣ такихъ господъ называть сановниками! Вы забываете...

— Что вы тоже, господа, сановники,—пѣтъ, я не забываю, но я только примѣняю къ вамъ французскую поговорку: присутствующіе составляютъ всегда исключеніе.

— Да, но тонъ, съ которымъ вы это говорите...—началь-было хозяинъ.

— Тонъ выражаетъ то, что я чувствую,—мое глубокое презрѣніе къ тѣмъ сановникамъ, которые не понимаю, что если у нихъ все негодованіе уходитъ на правительственныя мѣропріятія, то они не должны служить правительству.

— П-п-позвольте!—началь заикаться сановникъ отъ злости,— вы, в-в-вы... повторяете мои слова... Вы, значить, на меня указываете...

— Я ни на кого лично не указываю, а на тѣхъ изъ чиновничей братіи, которые двояко преступны; вопреки долгу присяги—они невѣрны правительству, которому они служатъ: ползуть у ногъ каждаго знатнаго, а когда къ нимъ приходитъ одинъ изъ милліоновъ русскаго народа, съ его жгучею нуждою, съ его страдою, они заставляютъ его ждать по цѣлымъ часамъ, чтобы потомъ его прогнать съ презрѣніемъ...

— Вы, вѣроятно, изъ лагеря Мещерскаго?..—съ высоты своего сановнаго величія бросилъ мнѣ сановникъ.

— Я изъ лагеря тѣхъ честныхъ людей,—отвѣтилъ я,—которые уважаютъ либерала, какъ бы онъ съ ними ни расходился, когда онъ самостоятеленъ и честенъ; которые жалѣютъ политическаго преступника, отнявшаго свою энергію, свою душу, свою жизнь отъ служенія отечеству, чтобы отдать ихъ безумному и безцѣльному преступленію, но которые презираютъ всѣхъ тѣхъ сановниковъ, къмъ бы они ни были, хотя бы министрами, пользующихся безнаказанностью своего положенія, чтобы распространять растлѣніе, уничтожать дисциплину, давать примѣръ неуваженія къ правительству, звать на кормежъ только неблагонадежныхъ и гнать всѣхъ преданныхъ порядку лицъ. Такихъ сановниковъ вы не найдете ни въ одномъ государствѣ, ни въ одной монархіи, ни въ одной республикѣ, ни у одного дикаго народа. Да и въ Россіи,—обойдите ее вдоль и поперекъ, опросите тысячи и милліоны людей, опросите всѣхъ честныхъ либераловъ, всѣхъ крайнихъ социалистовъ,—всѣ назовутъ такихъ сановниковъ подобающимъ имъ именемъ...

— Это чортъ знаетъ, что такое, это—бредь!—воскликнулъ сановникъ.

— Нѣтъ, это—правда, господинъ сановникъ,—отвѣтилъ я».

Въ изложенномъ невѣрно только одно: если опросить нашихъ «либераловъ» и «социалистовъ», то они восторженно одобряютъ поведеніе двуликаго «сановника»; еслибъ дѣло обстояло

иначе, то этому послѣднему не къ чему было бы изображать Януса! *Популярность*, которой онъ ищетъ, нарушая принципы строя, есть *взятка*, получаемая или ожидаемая имъ отъ враговъ этого строя, безъ потери служебныхъ выгодъ; если бы эти послѣднія были болѣе строго обусловлены принципиальностью взглядовъ и всего политическаго облика, то само собою разумѣется, что отступленій и противорѣчій было бы меньше, и уровень бюрократической работы значительно бы повысился.

Нужна и осуществима *терпимость ко всякимъ взглядамъ обывателей*, не доходящимъ до уголовныхъ размѣровъ; но такая терпимость была бы *преступленіемъ*, если бы она проявилась по отношенію къ учрежденіямъ и лицамъ, служащимъ государственному дѣлу; каждый шагъ этихъ послѣднихъ долженъ быть въ полномъ соотвѣтствіи съ опредѣленнымъ міросозерцаніемъ, которое обуславливается нашимъ государственнымъ строемъ; отъ этого непосредственно зависитъ и успѣшность бюрократической работы, и элементарная добросовѣстность ея исполнителей. Сказанное должно относиться, конечно, и къ *оффиціозной* печати, неподобающее поведеніе которой можетъ быть названо *обманомъ довѣрія*: взгляды, противорѣчащіе упомянутому міросозерцанію («центробѣжные», потворствующіе инородческимъ интригамъ и внутреннимъ смутамъ), даже неприлично проводить «на казенный счетъ».

Подъемъ служилой принципиальности въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ немедленно весьма благопріятно отражается на регулированіи помѣстной жизни.

Письмо изъ Полтавской губерніи. ¹⁾

Въ правительственномъ сообщеніи читающая Россія ознакомилась съ подробностями той грозы, которая пронеслась надъ нѣкоторыми мѣстностями Полтавской и Харьковской губерній и теперь, слава Богу, затихла въ указанныхъ мѣстностяхъ.

¹⁾ Письмо написано изъ полтавской губерніи за подписью г. Полтавца самимъ В. Л. Величко.

Надо надѣяться, что именно Высочайшій указъ о возмѣщеніи убытковъ, понесенныхъ пострадавшими отъ этой грозы, возымѣетъ самое благотворное дѣйствіе, потому что народъ увидитъ на дѣлѣ, гдѣ правда, чему слѣдуетъ вѣрить и въ какой увѣренности не слѣдуетъ притворяться. Да, наши хохлы склонны иногда притворяться, что вѣрятъ извѣстіямъ и мнимо-официальнымъ распоряженіямъ, отвѣчающимъ ихъ настроеніямъ или тайнымъ желаніямъ. У событій, упомянутыхъ выше, есть двѣ стороны, или, вѣрнѣе, двѣ причины: одна искусственная, происходящая отъ нѣкотораго революціоннаго загрязненія Полтавы и Харькова; другая—естественная, весьма многосложная, вытекающая изъ особенностей мѣстнаго общественнаго склада и народной психологіи.

Преобладала, несомнѣнно, первая причина. Это доказываетъ тѣмъ, что, когда въ однихъ уѣздахъ происходили беспорядки, въ другихъ не только народная масса, но и большинство приблизительно-интеллигентныхъ обывателей *даже не знали* о происходившемъ, и узнали объ этомъ только изъ правительственнаго сообщенія. Стало быть, это не было стихійнымъ народнымъ движеніемъ, при которомъ, обыкновенно, извѣстія распространяются съ чрезвычайною быстротой и эпидемичностью. Несомнѣнно, что кружокъ злоумышленниковъ, въ извѣстномъ районѣ, искусственно подготовилъ указанныя болѣзненные явленія, собралъ горючій матеріалъ и зажегъ его. По рукамъ ходили какія-то произведенія на малорусскомъ нарѣчій, и т. д. Но можно отдать голову на отсѣченіе, что народъ вѣрилъ всему этому только наполовину: естественная почва для всего происшедшаго существовала и, несомнѣнно, существуетъ даже тамъ, гдѣ по сіе время все тихо.

Во-первыхъ, еще прадѣды теперешнихъ людей среднихъ лѣтъ и дѣды теперешнихъ стариковъ помнили времена Запорожья и соотвѣтственный образъ жизни. Я знавалъ еще крестьянъ, утверждавшихъ, что предки ихъ были вольными людьми, владѣли значительными землями и стадами, а потомъ были-де неправильно закрѣпощены.

Вѣрна ли эта легенда, или нѣтъ,—вопросъ другой, но она еще лѣтъ тридцать тому назадъ существовала въ краѣ, а можетъ быть существовать еще кое-гдѣ и теперь. Кромѣ ле-

генды, имѣются природныя черты, созданныя недавнимъ бурнымъ прошлымъ Малороссіи. Мнѣ часто приходилось, при исполненіи обязанностей присяжнаго засѣдателя, всматриваться въ психическій складъ мѣстныхъ «хлопцевъ», обвинявшихся въ убійствахъ, пораненіяхъ и т. д.: сразу чувствовалось, что этихъ людей часто доводила до преступленія, если можно такъ выразиться, физиологическая склонность къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ другія времена и при другихъ условіяхъ эти люди были бы героями. Я зналъ одного богатыря, гусарскаго вахмистра изъ хохловъ, украшеннаго тремя георгіевскими крестами, за феноменальные подвиги въ послѣднюю турецкую войну. Офицеры этого полка рассказывали, между прочимъ, что вахмистръ въ какую-то очень критическую минуту поднялъ духъ цѣлаго эскадрона тѣмъ, что, налетѣвъ на турецкій отрядъ, убилъ какого-то баши-бузука не саблей, а кулакомъ, причемъ громко произнесъ: «Не стойть объ тебе, поганця, царское оружіе паскудить!»... Наступилъ миръ—и вахмистръ черезъ два года плохо кончилъ: пришелъ въ нетрезвомъ видѣ въ какое-то увеселительное заведеніе и саблей искрошилъ всѣхъ, тамъ находившихся. Меня крайне заинтересовало: какъ этотъ человѣкъ, образецъ мужества и дисциплины, могъ такъ низко пасть? Я посѣтилъ его въ тюрьмѣ и вызвалъ на откровенность:

— Эхъ, ваше благородіе, безъ войны скучно мыни стало, неначе по за шкурую щось пыщить...

Несомнѣнно, что «по за шкурую» у него пищали предки—гайдамаки...

Этотъ «пискъ» затихаетъ у большинства, пока естественнымъ или искусственнымъ способомъ не обостряются жизненныя условія. Въ Малороссіи, больше чѣмъ гдѣ-либо, надо, кажется мнѣ, *уметь* быть помѣщикомъ. Недостаточно имѣть землю и извлекать изъ нея доходы, сохраняя справедливыя, закономѣрныя отношенія къ крестьянамъ: нуженъ еще *правственный* престижъ, надо, чтобы они видѣли въ помѣщикѣ *силу*, и притомъ *добрую*. Если, положимъ, пожаръ въ селѣ, то, по мѣрѣ силъ, полезно помочь деревомъ или выхлопотать такую помощь (это дороже денегъ); въ случаѣ безкормицы—облегчить условія пользованія пастбищемъ; полезно сохранять

нѣкоторыя патріархально-бытовыя черты даже въ экономическихъ отношеніяхъ, не говоря уже объ участіи въ приходской и школьной жизни. Достойно замѣчанія, что въ большинствѣ имѣній, постралавшихъ отъ упомянутыхъ выше безпорядковъ, либо вмѣсто помѣщиковъ сидѣли управляющіе, либо сами помѣщики, хотя и вполне порядочные люди, вѣроятно, не заботились въ достаточной мѣрѣ о поддержаніи той нравственной связи, которою обусловливается мирное житіе съ сосѣдями крестьянами. Одной доброты и порядочности тутъ мало, и она даже, иногда, мѣшаетъ: нужно именно умѣніе.

Съ этой точки зрѣнія нельзя не поѣтовать на постепенно происходящую переменъ въ личномъ составѣ землевладѣльцевъ и въ пріемахъ ихъ хозяйничанья. Напримѣръ, большія экономіи, группирующіяся вокругъ сахарныхъ и иныхъ заводовъ, а также просто крупныя помѣстья, съ черезъ-чуръ интенсивнымъ, черезъ-чуръ западно-европейскимъ, капиталистическимъ хозяйствомъ, крайне не нравятся нашему народу, потому что губятъ на много верстъ въ окрестности послѣдніе признаки натурального хозяйства и болѣе патріархальныхъ отношеній. Заработная плата повышается значительно, также, какъ и цѣнность естественныхъ продуктовъ, но крестьянина возмущаетъ и система штрафовъ, и невозможность получить, даже за деньги, соломинку изъ черезъ-чуръ образцоваго хозяйства, и вообще холодъ, формализмъ отношеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черниговской и Полтавской губерній, смежныхъ съ недавно пріобрѣтенными латифундіями одного крупнаго сахарозаводчика, крестьяне сильно подумываютъ о выселеніи куда угодно, «хочь бы къ чортовой матери», какъ выразился одинъ мѣстный пессимистъ...

Если прежнія отношенія помѣщиковъ стараго типа къ крестьянамъ омрачались иногда самодурствомъ, то землевладѣльцы новѣйшей формаціи, выходящіе изъ среды уѣздной буржуазіи, не обладаютъ тѣми нравственными чертами, какія нужны для облагороженія и упроченія этихъ отношеній. Вотъ почему поддержаніе дворянскаго сословія, не утратившаго еще добрыхъ традицій, важно не только въ видахъ государственнаго порядка и спокойствія, но и съ точки зрѣнія интересовъ самихъ же крестьянъ. Никакая школа министерства

земледѣлія, никакое опытное поле, никакой агентъ министерства, склонный основывать сельско-хозяйственныя общества и говорить на съѣздахъ о необходимости «сѣять мяту», — ничто не можетъ замѣнить для крестьянской среды хорошей, разумно поставленной помѣщичьей экономіи, гдѣ мужикъ можетъ воспользоваться цѣлымъ рядомъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ; и священникъ, и учитель, и мѣстная полиція — иначе относятся къ своимъ обязанностямъ при наличности такого сосѣдства. Безъ интеллигентнаго, не политиканствующаго, а твердаго и, въ основѣ, доброжелательнаго руководства деревня хирѣетъ, сбивается съ толку, охотно вѣритъ всякимъ нелѣпостямъ, *зная*, что это нелѣпости, и притворяясь, что добросовѣстно поддается заблужденію...

Увы, на мѣсто *настоящей* интеллигенціи, наша деревня заполонена особаго рода «ниджачниками», которые не сѣютъ, не жнутъ, но въ житницы собираютъ и поддерживаютъ въ народѣ скверное настроеніе, а иногда и прямо заразу разрушительныхъ идей. Весьма прискорбна, между прочимъ, эволюція въ мѣстномъ духовномъ сословіи; не только свѣтскіе его представители, разные псаломщики, семинаристы, сельскіе учителя и просто недоросли, живущіе на приходскихъ хлѣбахъ, но иногда даже священники изъ молодыхъ проявляютъ, — большею частью, конечно, безсовзательно — настроеніе, въ основѣ противосоціальное: очевидно, что городская зараза такого рода проникла даже въ слои, которые должны бы быть ограждены отъ нея профессиональными обязанностями и условіями.

Сюда приплетается особаго рода украинофильство, являющееся у насъ наступательно-демократическимъ теченіемъ и сосредоточивающееся въ подынтеллигентномъ слоѣ. Народной массѣ это теченіе не близко: крестьянинъ наглядно стремится къ сліянію съ великорусскимъ міромъ и малороссѣ, побывавшій въ солдатахъ, обязательно называетъ своихъ односельчанъ «хохлами», а самъ гордится знаніемъ государственнаго языка. Мѣщане изъ юркихъ, мелкіе торговцы, частные повѣренныя, управскіе канцеляристы, наконецъ, часть духовенства — вотъ наши украинофилы. И такими ихъ сдѣлало не исключительно то теченіе, которое поддерживается на зару-

бежныя деньги въ Галиціи и польско-еврейскими стараніями распространяется въ болѣе интеллигентныхъ слояхъ губернскихъ городовъ; нѣтъ, однимъ изъ главныхъ мѣстныхъ очаговъ этой тенденціозной чепухи является, между прочимъ, пресловутая малорусская *оперетка*, составляющая главное развлеченіе нашихъ захолустныхъ центровъ и уже изрядно укоренившаяся въ мѣстной жизни. Нашелся выпускъ молодыхъ людей изъ одного духовнаго учебнаго заведенія, который, подъ вліяніемъ ея, даже связалъ себя товарищескимъ обѣтомъ: говорить исключительно по-малорусски. Мнѣ пришлось неоднократно встрѣчать подтвержденіе этого забавнаго факта, не имѣющаго, конечно, серьезнаго значенія, но и не разумнаго. Весьма курьезно то, что въ нѣкоторыхъ селахъ, по требованію не въ мѣру усердной мелкой полиціи, выводятся невинныя, колоритныя народныя пѣсни и отчасти притѣсняются пѣвцы духовныхъ стиховъ, слѣпыя лирники, являющіеся въ сущности исконною вспомогательною силою параллельною съ религіознымъ воздѣйствіемъ Церкви; а въ уѣздныхъ городишкахъ процвѣтаетъ малорусская оперетка. Хорошій колоритъ упраздняется, а фальшивая хохломанія растетъ...

И всѣ только-что приведенные факты опять таки свидѣлствуютъ о необходимости поддержанія помѣщичьяго класса въ данной мѣстности; помимо «предупрежденія и пресѣченія» отрицательныхъ явленій, надо оздоравливать жизненную почву. При наличности дѣльнаго и вліятельнаго землевладѣльца, иначе осмысливается весь соціально-экономическій строй деревни, нуждающейся въ благожелательной опецѣ. Если же исходить изъ того утопическаго (большею частью неискренняго!) предположенія, что народная масса не нуждается въ руководителяхъ, то получится на практикѣ результатъ плачевный, который мы и видимъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; руководители являются, но не изъ той среды и не съ надлежащими принципами: это «волки, расхищающіе стадо»... Стадо и отклоняется отъ мирнаго и разумнаго жизненнаго пути.

Къ разговорамъ въ уѣздныхъ комитетахъ ¹⁾).

Русское помѣстное самосознаніе держитъ въ настоящее время серьезный экзаменъ по «вольно-экономическимъ» предметамъ. Правительство поступило въ данномъ вопросѣ, такъ сказать, весьма либерально, открывъ полный просторъ истинѣ, свободѣ мнѣній, критикѣ условій, въ которыя поставлено наше сельское хозяйство; къ экзамену допущены не только завѣдомо-компетентные люди, но и такіе, освѣдомленность которыхъ ни въ чемъ доселѣ не проявилась. Теперь можно ее проявить, оправдать и довѣріе правительства, и надежды общества, сказавъ дѣльное слово,—*почвенное*, богатое пониманіемъ различныхъ мѣстныхъ условій и общегосударственныхъ сельско-хозяйственныхъ интересовъ.

Заговорили. Въ уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, по всѣмъ угламъ Россіи, раздаются отвѣты... Въ огромномъ большинствѣ весьма слабые,—какъ будто гг. экзаменующіеся самостоятельно не изучали никакихъ предметовъ, а приготовились къ испытанію лишь при помощи «краткихъ повторительныхъ курсовъ», «подстрочниковъ» и «шпаргалокъ», заготовленныхъ для нихъ столь-же мало освѣдомленными журналистами.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти отвѣты не заслуживаютъ «переводнаго балла» и свидѣтельствуютъ о томъ, что нашей захудалой помѣстной интеллигенціи надо еще долго «учиться», надо не только узнать и понять многие факты изъ дѣйствительной жизни, но и «открыть» для ихъ безпристрастнаго анализа органы мышленія, покуда явно закупоренные «общими мѣстами» и ходячими формулами легко-вѣсной публицистики, служащей большею частью интересамъ буржуазіи, а не земли. Многіе комитетскіе ораторы, живущіе въ деревняхъ и уѣздныхъ городахъ, до того привыкли думать чужою головою и говорить чужія слова, что либо не видятъ окружающихъ жизненныхъ явленій, либо смотрятъ на нихъ сквозь тенденціозныя очки.

¹⁾ Статья эта была написана В. Л. Величко въ ноябрѣ 1902 г. и напечатана въ «Рус. Вѣстн.» за подписью «Земець».

Есть, разумѣется, и такіе люди, которые прекрасно видятъ правду деревенскаго быта, но не хотятъ, или не дерзаютъ сказать ее. Такимъ да будетъ стыдно, потому что они, стало быть, духовно не стоятъ на высотѣ оказаннаго имъ довѣрія. Зачастую прямою причиною замалчиванія наглядныхъ фактовъ является малодушный страхъ. Прежде боялись преимущественно начальства. Теперь боятся преимущественно домашнихъ и столичныхъ крикуновъ и печати. Не дай Богъ, еще сочтутъ то или иное слово «нелиберальнымъ»! Пропаль тогда человѣкъ! Прокатятъ его «на вороныхъ» на ближайшемъ же земскомъ собраніи!... Представители печати, внушающіе прискорбный страхъ, нервѣдо весьма благонамѣрены и патриотичны, но *не знаютъ деревни*! Недавно одна газета была крайне неприятно изумлена пожеланіемъ какого-то уѣзднаго оратора, чтобы правительствомъ была оказана поддержка сельско-хозяйственному винокурению. «Чѣмъ же винокурение можетъ помочь сельскому хозяйству?»—спрашиваетъ газета. Да очень просто: дешевые продукты,—хлѣбъ, картофель, кукуруза,—перерабатываются въ дорогой; бардою выкармливаются скотъ, дающій и приплодъ, и удобрение; топливо находитъ правильный сбытъ, что весьма важно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ торговцы топливомъ составляютъ стачку, и т. д. Замѣна крупнаго винокурения мелкимъ, состоящимъ въ прямомъ общеніи съ хозяйствомъ, была бы, конечно, благодѣяніемъ для сельскихъ хозяевъ... Незнакомство людей печати (особенно доктринерской) съ бытомъ деревни у насъ ведется издавна. Въ свое время помѣстные обыватели не мало посмѣялись по поводу одного характернаго эпизода. Когда вышло узаконеніе о налогѣ на дрожжи, одинъ изъ «трибуновъ» прогрессивной газеты написалъ «убійственную» и проникнутую пламенною гражданскою скорбью передовую статью, въ которой «авторитетно» осуждалъ обложение насущнаго, единственнаго почти продукта народнаго питанія,—хлѣба, обреченнаго-де на вздорожаніе вслѣдствіе указанной фискальной мѣры. Покойный М. Н. Катковъ тогда вылилъ на эту болтовню ушатъ холодной воды, напомнивъ, что ржаной крестьянскій хлѣбъ печется безъ дрожжей. Съ тѣхъ поръ знаніе деревни у всей почти интеллигенціи нашей еще значительно понизилось...

Къ чему сводятся обыкновенно комитетскіе выводы? Къ пожеланію расширенія земской «автономіи», къ указанію на полезность общаго и спеціальнаго образованія, да изрѣдка къ довольно слабой критикѣ нашей экономической системы. Напримѣръ, ялтинскій комитетъ полагаетъ, что сельско-хозяйственный уровень Россіи поднимется, если всюду ввести городское и земское самоуправленіе. Члены этого комитета, вѣроятно, не знаютъ, что на нашихъ западныхъ окраинахъ, гдѣ земства нѣтъ, польскіе и нѣмецкіе помѣщики хозяйничаютъ гораздо успѣшнее, чѣмъ русскіе въ земскихъ губерніяхъ, и что Варшава, гдѣ нѣтъ городского самоуправления, въ тысячу разъ благоустроена, чѣмъ Тифлисъ, страдающій чрезвычайною «некультурностью» *именно вслѣдствіе введенія тамъ самоуправления*, данный типъ котораго не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ. Любопытно также узнать, какимъ способомъ введеніе земства въ Минскѣ, Елисаветполѣ и Семипалатинскѣ благопріятно отразилось бы на техникѣ и доходности ялтинскаго сельскаго хозяйства.

«Московскія Вѣдомости» высказали по поводу нѣсколькихъ подобныхъ отзывовъ, что уѣздные комитеты должны бы касаться лишь *мѣстныхъ*, районныхъ сельско-хозяйственныхъ нуждъ, а не общеимперскихъ вопросовъ. «Новое Время» на это возразило, что «властью предсѣдателя особаго совѣщанія комитетамъ разрѣшено не стѣсняться широтою затрагиваемыхъ вопросовъ».

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что уѣздные комитеты должны, *прежде всего*, явиться дѣльными органами экспертизы *именно по мѣстнымъ вопросамъ и нуждамъ*, игнорированіе которыхъ въ пользу «широкихъ вопросовъ» нанесло бы несомнѣнный ущербъ (и явно наносить его) дѣловитости комитетскихъ занятій. Несомнѣнно, однако, что и общіе вопросы имѣютъ большое значеніе для *всѣхъ* мѣстностей имперіи. Такъ, напримѣръ, усиленный вывозъ (и вдобавокъ на невыгодныхъ условіяхъ) насущныхъ предметовъ народнаго продовольствія, крайняя «урѣзанность» бюджета министерства земледѣлія, недостатокъ просвѣщенія и самодѣятельности—это общеимперскіе вопросы, почти повсемѣстно скверно отражающіеся на жизни нашихъ сельско-хозяйственныхъ классовъ,

которымъ нельзя этого всего игнорировать. Но если комитеты станутъ указывать, главнымъ образомъ, *только* на это, то ихъ работа будетъ совершенно излишнею: чѣмъ такой огородъ городить,—достаточно къ имѣющимся на этотъ счетъ у правительства официальнымъ свѣдѣніямъ прибавить десятокъ-другой газетныхъ статей, очевидно выученныхъ наизусть нѣкоторыми комитетскими ораторами.

Нѣтъ, пусть «подадутъ» они то, что не во всѣхъ подробностяхъ изслѣдовано правительственными учрежденіями, низшіе представители которыхъ не всегда достаточно подготовлены къ своей работѣ; пусть выяснятъ то, что одними органами печати тенденціозно замалчивается, а другими, быть можетъ, преувеличивается; пусть сообщать намъ факты, происходящіе въ «медвѣжьихъ углахъ», забытыхъ и лѣнивымъ исправникомъ, и юркимъ газетнымъ корреспондентомъ. Наконецъ, пусть говорятъ о чемъ угодно, лишь-бы слова были не заученныя, а вытекающія изъ самостоятельнаго взгляда на мѣстную жизнь! А именно этого-то почти нѣтъ!...

Довольно много и чрезвычайно разнообразно говорили объ общинѣ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ приглашались къ обсужденію этого вопроса и крестьяне. Нѣкоторые комитеты (напр. вольскій) проявляли сильную тенденцію противъ общины, *вопреки мнѣнію крестьянъ*: другіе находили, что это вопросъ еще не назрѣвшій и недостаточно разработанный, и притомъ вопросъ, къ которому съ предвзятыми взглядами подходить не слѣдуетъ. Уѣздный комитетъ въ гор. Бѣломъ, проявилъ, попросту, «смѣшеніе понятій», постановивъ, во-первыхъ, что въ крестьянское землевладѣніе вмѣшиваться не слѣдуетъ и вопросъ объ общинѣ надо предоставить времени, а во-вторыхъ,—что крестьянамъ надо предоставить право выхода изъ общества, съ выдѣленіемъ подворныхъ участковъ.

Въ новгородскомъ комитетѣ произошло нѣчто... на подкладкѣ несбыточныхъ надеждъ. Комитетская интеллигенція сочувствуетъ упраздненію общины, — и 14 крестьянъ изъ 15-ти высказались на предварительномъ совѣщаніи въ такомъ же смыслѣ, причемъ *настаивали на непремѣнномъ условіи, чтобы подворные участки дошли до размѣра 15—20 десятинъ*. Если раздѣлить ихъ общинныя земли, то *участковъ такой*

величины, очевидно, не получится; стало быть, кто-нибудь имъ подалъ надежду на прирѣзку земли, что, въ связи съ Высочайше опровергнутыми слухами о пресловутомъ «передѣлѣ» или недобровольномъ отчужденіи помѣщичьихъ земель, ведетъ уже къ нежелательной путаницѣ понятій, волнующей народные нервы. Одинъ старшина, — очевидно, здравый и крѣпкій русскій человѣкъ, — сказалъ своимъ легковѣрнымъ землякамъ слово трезвенное: «*Страшно даже и подумать объ уничтоженіи такого исконнаго порядка*». Онъ, очевидно, зналъ цѣну нелѣпымъ розказнямъ о мѣрахъ, могущихъ, будто-бы, сразу устранить повсемѣстно малоземелье.

Всюду, гдѣ привлекаютъ крестьянъ къ работѣ комитетовъ, — ими поднимается вопросъ о малоземельѣ; несомнѣнно, что народная фантазія рисуетъ себѣ затѣмъ не всегда легальные выходы изъ такого положенія. Такъ или иначе, народная среда взбудоражена предположеніями, слухами, самою обстановкою комитетовъ, разговорами о предѣлахъ ихъ компетенціи и т. д. Большой бѣды отъ этого пока нѣтъ, а интересный выводъ сдѣлать можно. Если созываются уѣздные комитеты изъ помѣстныхъ дѣятелей, то, надо полагать, — въ надеждѣ, что эти господа близко знаютъ крестьянское дѣло; эта надежда не сбывается, а потому непосредственное приглашеніе крестьянъ на такія совѣщанія, быть можетъ, свидѣтельствуетъ о признаніи членами комитетовъ своей малой компетентности; отъ крестьянъ-же, особенно, когда они свободны отъ «внушеній» и несбыточныхъ мечтаній, стало быть, скорѣе можно ожидать дѣльныхъ рѣчей, трезвеннаго, практическаго взгляда на дѣло.

Въ итогѣ, еслибы необходимо было, на основаніи комитетскихъ сужденій объ общинѣ, остановиться на какомъ-нибудь рѣшающемъ общемъ выводѣ, то врядъ-ли это было бы осуществимо. Пестрота взглядовъ, теоретичность и, зачастую, сумбуръ...

Во всякомъ случаѣ, осторожность упомянутаго волостного старшины по отношенію къ *исконнымъ* русскимъ учрежденіямъ заслуживаетъ подражанія...

Очень много говорятъ объ образованіи. Радуйтесь, правители и гражданае російскіе! И Корчева, и Царевкокшайскъ,

и ялтинскіе проводники, и шкловскіе фальсификаторы гаванскихъ сигарь, и минскіе сіонисты, и члены тверской нижней палаты,—всѣ или сами находятъ, или слышатъ отъ «ученыхъ господъ», что «ученье свѣтъ, а неученье тьма!» Новость поразительная, которой безъ помощи комитетовъ Россія такъ никогда и не узнала бы!...

Какъ ни драгоценна эта новость,—право, надо бы еще кое-что. Напримѣръ: если уже останавливаться на вопросѣ о пользѣ просвѣщенія, то мѣстнымъ людямъ, людямъ земли, а не 20-го числа, не мѣшало бы подѣлиться и наблюденіями надъ ходомъ школьнаго дѣла въ деревнѣ, да поговорить о практическомъ вопросѣ, который былъ затронуть вскользь въ статьѣ «Державныя слова» (стр. 288), *что должно чему предшествовать,—хлѣбъ или книга?..*

Какъ вы думаете, гг. земскіе дѣятели: былъ-ли Гоголь, когда писалъ «Мертвыя души», врагомъ или ревнителемъ просвѣщенія? Казалось бы, вопросъ неумѣстенъ, такъ какъ не только въ ученыхъ обществахъ, но и во всѣхъ среднихъ и низшихъ (въ томъ числѣ городскихъ и земскихъ) учебныхъ заведеніяхъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было наглядно показано, что Гоголь былъ не только ревнителемъ, но истиннымъ *свѣточемъ* просвѣщенія, и притомъ *не какого-нибудь*, не на фу-фу, а болѣе серьезнаго, чѣмъ покрываемыя аплодисментами приватъ-доцентскія лекціи съ «кукишемъ въ карманѣ».

Можетъ быть, все лестное для твореній великаго писателя говорилось для проформы, и Гоголя больше не нужно, коль скоро народились гг. Михайловскій, Максимъ Горькій, Андреевъ и прочіе?

Нѣтъ, все-таки, Гоголя врядъ-ли дерзнуть отвергнуть! Не сочтите-же обскурантизмомъ указаніе на кое-какія строки безсмертнаго писателя, влагающаго въ уста одному изъ своихъ героевъ, повидимому, собственные взгляды на образованіе и культуру. Иногда, право, можно подумать, что Гоголь именно наше время, наши порядки и нестроенія имѣлъ въ виду. Вотъ, что говорить, между прочимъ, Костанжоголо:

— «Да вѣдь какъ не сердиться? Добро бы это было чужое,— а то вѣдь это близко собственному сердцу; вѣдь досадно то,

что *русскій характер портится*; вѣдь теперь явилось въ русскомъ характерѣ донъ-кишотство, котораго никогда не было! Просвѣщеніе придетъ ему въ умъ,—сдѣлается донъ-кишотомъ: заведетъ такія школы, что дураку въ умъ не войдетъ! *Выйдетъ изъ школы такой человекъ, что никуда не ходится, ни въ деревню, ни въ городъ, только что пьаница, да чувствуетъ свое достоинство*».

Не о романтическихъ-ли босякахъ тутъ рѣчь идетъ, столь дорогихъ «лучшей части нашей интеллигенціи»?!

Чичикову не до просвѣщенія было. Ему, какъ и нынѣшнимъ уѣзднымъ дѣльцамъ и пѣнокоснимателямъ, смѣющимся въ душѣ надъ «донъ-кишотствомъ» земскихъ идеалистовъ, гораздо интереснѣе было узнать, какъ это «всякая дрянь даетъ доходъ»; но никакъ не далъ ему Костанжогло вставить слова: желчныя рѣчи уже лились изъ устъ его неудержимо:

— «Думаютъ, какъ просвѣтить мужика?.. Да *ты сдѣлай его прежде богатымъ, да хорошимъ хозяиномъ, а тамъ онъ самъ выучится*. Вѣдь какъ теперь, въ это время, весь свѣтъ поглупѣлъ, такъ вы не можете себя представить! *Что пишутъ теперь эти щелкоперы!* Пустить какой-нибудь книжку,—и такъ вотъ всѣ и бросятся на нее... Вотъ, что стали говорить: «Крестьянинъ ведетъ уже очень простую жизнь; *нужно познать его съ предметами роскоши*, внушить ему потребности свѣше состоянія»... Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней чортъ знаетъ какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего; и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, какъ пузырь,—такъ *хотятъ теперь и этихъ заразить*. Да слава Богу, что у насъ осталось хоть одно еще здоровое словіе, которое не познакомилось съ этими прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашецъ у насъ всѣхъ почтеннѣе; что вы его трогаете? Дай Богъ, чтобы всѣ были, (какъ) хлѣбопашецъ!»

— «Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ доходливѣе заниматься?—спросилъ Чичиковъ.

— «*Законнѣе*, а не то, что доходнѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего,—сказано.—Тутъ нечего мудрить. Это ужъ опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ

званіи челоѣкъ нравственнѣй, чище, благороднѣй, выше. Не говорю—не занимаѣтся другимъ; но *чтобы въ основаніе легло хльбопашество*,—вотъ что! *Фабрики заведутся сами собою, да заведутся законныя фабрики,—того, что нужно здѣсь, подѣ рукой челоѣку на мьсть. а не эти всякія потребности, разслабившія теперешнихъ людей. Не эти фабрики, что потомъ, для поддержки и для сбыту, употребляютъ всѣ мусныя мьры, развращаютъ, растльваютъ несчастный народъ.*

.....
Я двадцать лѣтъ живу съ народомъ; я знаю, какія отъ этого слѣдствія».

Что произошло въ Россіи со времени выхода въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ»? Цѣлый рядъ событій, значительно обострившихъ и ухудшившихъ то положеніе вещей, противъ котораго съ такимъ негодованіемъ возстаетъ гоголевскій «положительный типъ».

Наросли въ изрядномъ числѣ фабрики «незаконныя», т. е. *не находящіяся въ естественной связи съ добывающею промышленностью* развращаемыхъ ими мѣстностей.

Желѣзныя дороги, за которыми доселѣ и правящими сферами, и печатью, и цѣлымъ обществомъ признаны однѣ только свѣтлыя стороны,—успѣли во многихъ мѣстахъ нанести значительный вредъ производителямъ и потребителямъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, убить обширныя отрасли народнаго труда, «высосать» экономически цѣлые районы и сыграть въ руку преимущественно той части буржуазіи, которая не сѣетъ и не жнетъ, а въ житницы собираетъ.

Школьное дѣло, съ культурной точки зрѣнія, за послѣдніе годы чрезвычайно понизилось, —и учебныя заведенія, не исключая народной школы, выпустили и выпускаютъ многія тысячи такихъ людей, которые не годятся «ни въ деревню, ни въ городъ».

Мужикъ не сдѣланъ ни богатымъ, ни хорошимъ хозяиномъ,—и все чаще встрѣчаются въ крестьянской средѣ люди, къ которымъ примѣнимо гоголевское выраженіе: «только что пьяница, да чувствуетъ свое достоинство».

Разумѣется, «достоинство» приходится понимать не въ высокомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе, какъ преувеличенное

сознаніе правъ и неуязвимости, наряду съ отрицаніемъ всякихъ нравственныхъ и даже юридическихъ обязанностей.

Такое «достоинство» къ настоящей гражданственности не ведетъ, а скорѣе тормозитъ ея желанное развитіе.

Народный земледѣльческій трудъ качественно понизился съ тѣхъ поръ, какъ сталъ «свободнымъ», хотя естественнѣе было бы противоположное явленіе. Свобода—великое благо, великій факторъ производительнаго труда, такъ какъ всякій человѣкъ долженъ бы лучше всего работать *для себя*. Но и свобода не даромъ даетъ свои блага: она требуетъ *воспитанія*, которое трудолюбіемъ и сознаніемъ долга возмѣстило бы отжившій рычагъ труда,—его принудительность. Такое воспитаніе дается школою, социальными и экономическими условіями. Очевидно, всѣ эти факторы воспитанія народнаго оказались не на высотѣ своего назначенія. Дореформенная обширная профессиональная школа (мастерства въ усадьбахъ) исчезла, а многія отрасли кустарнаго труда убиты крупнымъ капиталистическимъ производствомъ; техническій уровень хозяйства понизился оттого, что разрозненные и невежественные хозяева стали «безпастушнымъ стадомъ». Приказывать, обязывать къ тщательной обработкѣ земли никто не имѣетъ права, а желаннаго нравственнаго и культурнаго вліянія на народную среду въ достаточной мѣрѣ ни у кого нѣтъ. Школа не приспособлена къ деревенскимъ нуждамъ: и не воспитываетъ, и прямому практическому дѣлу не учитъ; такая школа даже весьма часто отвлекаетъ отъ сохи и является преддверіемъ къ поприщу мелкаго деревенскаго пѣнокосимательства, сутяжничества и эксплуатаціи народной массы.

Фабрика, винная лавка (при безпрепятственномъ и безнаказанномъ пьянствѣ) и плохо поставленная школа разлагаютъ и крестьянскую семью (дѣти не уважаютъ, даже бьютъ родителей), и крестьянскую общественность. Городскому мечтателю даже трудно себя представить, какая нечисть развелась и возобладала въ волостныхъ и сельскихъ органахъ крестьянскаго самоуправления!

Прежде у крестьянина былъ опредѣленный, непосредственный руководитель—помѣщикъ. Иногда онъ былъ самодуромъ; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, недобросовѣстно обобщенныхъ

тенденціозною печатью, онъ являлся тираномъ, а обыкновеннѣ всего онъ былъ среднимъ человѣкомъ, съ доброю русскою душой, здравымъ смысломъ и вѣрностью созидательнымъ началамъ русской жизни. Весьма знаменательно, что правдолюбецъ Гоголь, котораго никто не дерзнетъ упрекнуть въ пристрастіи или замалчиваніи отрицательныхъ явленій, рисуеть отношенія между помѣщиками и крестьянами отнюдь *не мрачными красками*, къ которымъ въ послѣдствіи прибѣгъ менѣе правдивый и менѣе широкой Щедринъ, къ превеликому удовольствію нашей космополитической буржуазіи.

Такъ или иначе,—несомнѣнно, что прежній руководитель крестьянской массы былъ неизмѣримо умнѣе и благороднѣе, чѣмъ тѣ сельскіе «пьяницы съ достоинствомъ», пиджачники-паразиты, ростовщики и наглые болтуны, которые теперь держатъ своихъ односельчанъ, а иногда и культурныхъ сосѣдей, въ респектѣ и кабалѣ. Можно насчитать въ Россіи тысячи случаевъ, когда даже помѣщикъ, и священникъ, и земскій начальникъ закрываютъ глаза на продѣлки и владычество такихъ господъ, боясь самыхъ разнообразныхъ осложненій. Весьма знаменательно почти повсемѣстное печальное явленіе: крестьяне относятся къ выборной сельско-общественной службѣ съ нескрываемымъ отвращеніемъ, какъ къ тяготѣ, убыточному, щекотливому, а иногда и прямо *опасному* занятію. Зажиточный, трезвый, спокойный крестьянинъ неохотно идетъ въ сельскіе старосты, десятскіе и т. д., потому что *боится* пьяницъ, крикуновъ и злонамѣренныхъ людей, съ которыми сладу нѣтъ. Люди попронырливѣ идутъ въ писаря и волостные старшины, какъ въ дѣло «хлѣбное». Въ итогѣ—сельское самоуправленіе находится въ плохихъ рукахъ.

Власть въ деревнѣ слишкомъ слаба, а законность тѣмъ паче. Законность немыслима безъ сильной помѣстной власти и безъ достаточной практической жизненности законовъ. Между тѣмъ, эта послѣдняя, будучи слабою и въ теоріи (недостаточность уголовной репрессіи и несоотвѣтствіе ея съ уровнемъ преступности, а также и со здоровыми правовыми понятіями народа), еще болѣе слаба въ примѣненіи.

Приговоры судовъ нерѣдко ставятъ втупикъ здоровомыслящую крестьянскую среду. Такъ, на примѣръ, обыватели одной

деревни были прямо поражены, узнавъ, что весьма «опытная» вдова, задупившая своего незаконнаго ребенка, была приговорена къ гораздо болѣе мягкому наказанію, чѣмъ парень, укравшій чемодавъ изъ запертаго вокзальнаго помѣщенія. Крестьянамъ доселѣ непонятны сентиментальныя соображенія, въ силу которыхъ неприкосновенность чемодана и вокзальнаго замка цѣнится выше и ограждается строже, чѣмъ жизнь беззащитнаго дитяти...

Гражданское право столь-же слабо, такъ какъ собственность мало признается въ деревнѣ, а договоръ плохо соблюдается. Потравы сѣнокосовъ и засѣянныхъ полей—явленія заурядныя, а отказъ отъ выполнения работы, за которую полученъ заказъ,—случается еще чаще. Съ нарушителей права собственности и договоровъ *ничего взять нельзя*; о возмѣщеніи убытковъ, причиняемыхъ этимъ хозяйству землевладѣльцевъ, лучше бываетъ иногда и не поднимать вопроса, чтобы имущественный вредъ не осложнился еще вредомъ для здоровья.

Борьба съ гражданскою неправдою, вслѣдствіе обилія въ деревняхъ полудикихъ пиджачниковъ, зачастую ведетъ прямымъ путемъ къ возникновенію неправды уголовной и аграрно-политической. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Святыхъ Горахъ, Харьковской губерніи, толпа растерзала лѣсниковъ-осетинъ: въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ юго-западнаго края, по словамъ одного изъ ораторовъ уѣзднаго комитета, приходится нанимать казаковъ для охраны лѣсовъ; во многихъ мѣстностяхъ южной Россіи крестьяне воруютъ съ поля снопы у помѣщиковъ и другъ у друга; красный пѣтухъ доселѣ не сошелъ и не скоро сойдетъ съ деревенской жизненной сцены...

Рѣчь идетъ не только объ огражденіи интересовъ землевладѣльческаго хозяйства, и примѣняется здѣсь отнюдь не узкословная или классовая точка зрѣнія. Все вышеприведенное *въ одинаковой степени пагубно*, какъ для землевладѣльцевъ, такъ и для самихъ крестьянъ, а, въ итогѣ, для земледѣльческой культуры вообще.

Распущенность, понижающая нравственный, гражданскій и хозяйственный уровень крестьянской среды, не можетъ найти себѣ оправданія и сочувствія ни въ самомъ пылкомъ народолюбіи, ни въ самомъ послѣдовательномъ либерализмѣ;

это на руку только анархii, босяческимъ вождельнiямъ и, главное, вiтiшимъ врагамъ Россii.

Неприкрашенныя печальныя стороны деревенской жизни за послѣднiе года стали все болѣе извѣстными правящимъ сферамъ, отчасти благодаря нѣкоторымъ рѣзкимъ пароксизмамъ того социальна-экономическаго недуга, который обуславливается ослабленiемъ власти и законности въ деревнѣ.

Слово «благодаря» было бы еще умѣстнѣе, если бы знанiемъ реальной правды мы почаще были обязаны комитетамъ и вообще помѣстнымъ общественнымъ учрежденiямъ, призваннымъ ее говорить.

Между тѣмъ, слишкомъ часто доносятся изъ разныхъ мѣстностей Россii разговоры, которые у очень молодыхъ людей и у очень молодыхъ общественныхъ учреждений можно бы, по гоголевскому опредѣленiю, назвать «донъ-кишотствомъ».

Но «донъ-кишотство» хорошо разъ, ну два, а если... до безчувствiя,—то въ немъ проявляется уже элементъ чисто-механической, свидѣтельствующей о *застой самосознанiя*, объ упадкѣ, или, по крайней мѣрѣ, о временномъ *увяданii культуры*.

«Донъ-кишотство»—слишкомъ слабый и вмѣстѣ высокой терминъ для явленiя, которое проще было бы назвать *жвачкой*. Въ этой печальной картинѣ есть несомнѣнный комизмъ. Петербургскiя сферы, обвиняемыя печатью въ бюрократизмъ и незнанiя русскихъ нуждъ, разрабатываютъ или намѣчаютъ какiя-либо существенныя мѣропрiятiя; органы печати, мало знакомые съ жизнью русской земли, критикуютъ чиновниковъ, судятъ вкривь и вкось,—большею частью примѣняя къ живымъ явленiямъ мертвенныя формулы своего доктринерства,—жують и пережевываютъ какiе угодно вопросы. Наконецъ, является мысль: «А не спросить ли *людей земли*? Они, вѣдь, стоятъ у самаго источника, они все помѣстное знаютъ на зубокъ и настоящую правду скажутъ».

Спрашиваютъ «людей земли». Россiя ждетъ отвѣтовъ. Отвѣты получаютъ... Батюшки! какъ будто что-то знакомое!.. Гдѣ мы это слышали, или... или читали? Эти «крылатыя слова» о пользѣ просвѣщенiя, объ автономiи земства и т. д.—это все что-то старыя новости! Оказывается, что помѣстная интеллигенцiя подноситъ намъ на комитетскихъ сѣздахъ...

жвачку, пережеванную столичною печатью, потомъ провинціальною, а также говорильнями для старыхъ и малыхъ! Tableau.

Винить въ этомъ всецѣло помѣстную интеллигенцію, ведущую разговоры въ комитетахъ о нуждахъ сельскаго хозяйства, было бы, однако, несправедливо и, пожалуй, даже грѣшно. Виноваты и школа, и печать, не удовлетворяющія своему назначенію и не выработавшія опредѣленнаго міросозерцанія, которое бы отвѣчало современнымъ жизненнымъ требованіямъ. Напротивъ, оба эти органа культуры даже отчасти налегли бременемъ на живой русскій *здравый смыслъ*, который органически долженъ поддерживаться *общеніемъ съ землею* и *воздѣльваніемъ* ея.

Если въ уѣздныхъ комитетахъ сравнительно слабо проявляются плоды такой оздоровляющей связи между землею и помѣстными дѣятелями, то, значить, живыя основы этой связи ослабли, творческіе источники замутились.

Это нерадостно, но это *надо знать*. Россія—мощный организмъ, обладающій феноменальною живучестью; а чѣмъ раньше сильный организмъ сознаетъ истинную сущность своего недуга и примется за цѣлесообразное лѣченіе, тѣмъ скорѣе возстановится его здоровье...

Дворянское и земское дѣло.

Недавно обнародовано Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта «объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій и пересмотрѣ законоположеній о сихъ учрежденіяхъ». Это узаконеніе, внося нѣкоторыя поправки и улучшения въ жизнь дворянскихъ учрежденій, является, по видимому, лишь однимъ изъ первыхъ шаговъ по пути возрожденія того сословія, историческія заслуги котораго слишкомъ серьезны, чтобы его упадокъ или исчезновеніе не отразились пагубно на русской государственной и культурной жизни.

Новый законъ точнѣе и шире устанавливаетъ права дворянскихъ обществъ, какъ юридическихъ лицъ, предоставляетъ этимъ обществамъ въ важныхъ случаяхъ представлять, чрезъ

губернскаго предводителя, всеподданнѣйшія ходатайства свои непосредственно Его Императорскому Величеству, обращаетъ въ пользу мѣстныхъ дворянскихъ обществъ выморочныя недвижимыя имущества, остающіяся послѣ личныхъ дворянъ, упорядочиваетъ составленіе списковъ дворянъ, имѣющихъ право на участіе въ сословныхъ собраніяхъ, устанавливаетъ взысканія за неявку дворянъ въ собранія, безъ законныхъ къ тому причинъ, расширяетъ предѣлы полномочій собранія предводителей и депутатовъ дворянства, вводитъ новыя правила для разсмотрѣнія дѣлъ о несовмѣстныхъ съ достоинствомъ дворянскаго званія поступкахъ дворянъ, учреждаетъ новую должность помощника уѣзднаго предводителя дворянства, даруетъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства права на пенсію изъ суммъ государственнаго казначейства и пр., и пр.

Въ итогѣ все это мѣры палліативныя, не рѣшающія кореннаго и общаго вопроса о самомъ существованіи дворянства и о его культурно-политическомъ значеніи въ нашей государственной жизни. Конечно, хорошо и то, что сдѣлано, но врядъ ли въ будущемъ придется обойтись безъ болѣе радикальныхъ мѣропріятій, такъ какъ по существу юридическое положеніе дворянства осталось въ прежнемъ видѣ, а жизненно-бытовая почва рѣзко измѣнилась въ 60-хъ годахъ. Дворянство, какъ служилый классъ, входитъ въ ряды разночинной бюрократіи, то есть является пустымъ звукомъ, коль скоро въ самой служилой средѣ оно ничѣмъ не выдѣлено и доступъ къ нему чрезвычайно легокъ. Служилое назначеніе (не въ формальномъ смыслѣ слова) помѣстнаго дворянства, какъ консервативнаго и преданнаго монархическимъ традиціямъ землевладѣльческаго класса, парализовано и почти сведено къ нулю теперешнимъ экономическимъ положеніемъ деревни, интересы которой въ теченіе многихъ лѣтъ ложно понимались петербургскими чиновниками, приносились въ жертву разнымъ промышленнымъ авантюрамъ и лишь въ послѣднее время стали предметомъ особой правительственной заботы. Не говоря объ экономической сторонѣ вопроса, весьма плачевной потому, что землевладѣльцы на дѣлѣ лишены всякой возможности держать обработку земли на устойчиво-

хорошемъ уровнѣ и возмѣщать убытки, наносимые имъ людьми, съ которыхъ нечего взыскивать, самая безопасность и порядокъ въ деревенской жизни оставляють желать весьма многаго. Прежняя дисциплинарная власть дворянъ въ деревнѣ, дававшая этому сословію политическій смыслъ, смѣнилась не только полнымъ безвластіемъ, но зачастую прямо беззащитностью, въ виду отсутствія учреждений, которыя хоть сколько-нибудь заслуживали бы названія сельской полиціи. Перечисленныя поправки и измѣненія въ законахъ о дворянствѣ дали бы полную мѣру пользы при нормальномъ положеніи этого сословія, а между тѣмъ ненормальны какъ самое положеніе, такъ и распространенный въ нашей беспочвенной интеллигенціи взглядъ на него. Камергеръ Стаховичъ суется не въ свое дѣло, произносить безтактную рѣчь, приятную представителямъ нѣмецко-еврейскихъ тенденцій,—и выходитъ «маленькимъ героемъ». Чернскій предводитель г. Сухотинъ, дерзающій служить именно тѣмъ устоямъ, вѣрность которымъ составляетъ смыслъ и заслугу дворянскаго сословія, подвергается официальнымъ непріятностямъ. Ни логики, ни пониманія государственныхъ интересовъ въ этихъ фактахъ нашимъ обществомъ не проявлено...

Въ числѣ пунктовъ указаннаго выше новаго узаконенія есть одинъ, сопряженный съ бытовыми неудобствами: мы говоримъ о взысканіяхъ за неявку дворянъ въ собранія. Представьте себѣ, что какой-нибудь астраханскій или екатеринославскій дворянинъ, которому, въ силу приведенныхъ условій, мудроно прокормиться земледѣліемъ въ деревнѣ, служить въ Петербургѣ; не принадлежа къ петербургскимъ бюрократическимъ гнѣздамъ, выдвигающимъ удачниковъ служебнаго поприща, этотъ скромный человѣкъ получаетъ тысячи полторы въ годъ, причемъ имѣлъ неосторожность жениться и завести дѣтей. Теперь такихъ дворянъ чрезвычайно много. Его вызываютъ повѣсткой въ родной уѣздъ на дворянское собраніе,—и онъ не ѣдетъ, потому что у него нѣтъ денегъ на дорогу. Законная это причина неявки или нѣтъ? Незаконная, хотя и чрезвычайно естественная. Его штрафуютъ разъ, другой, третій... Если онъ умный человѣкъ, то ему проще всего приписаться къ кронштадтскимъ или шлиссельбургскимъ мѣщанамъ...

Это, конечно, деталь, но изъ такихъ деталей состоитъ жизнь человѣческая; накопленіе мелкихъ неудобствъ особенно сильно чувствуется именно тогда, когда основное положеніе дѣла класса отличается неопредѣленностью. Очевидно, правительство сознаетъ ненормальность такого положенія и, лишь озабочиваясь благоразумною постепенностью мѣръ къ упорядоченію нашего строя, не рѣшаетъ крупныхъ вопросовъ сгоряча. Намѣреніе правительства не останавливаться на этомъ пути видно уже изъ того, что въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ учреждается особая канцелярія по дѣламъ дворянства. Чтобы работа этого учрежденія оставила творческой, жизненный слѣдъ, необходимо самому дворянству серьезно понять свое положеніе и назначеніе; необходимо возможно убѣдительно обосновать, не отвлекаясь въ сторону празднаго политиканства, ходатайства свои о дальнѣйшемъ упорядоченіи дворянскаго дѣла.

Узко-сословная точка зрѣнія здѣсь и не нужна, ибо, если присмотрѣться къ помѣстной жизни не сквозь доктринерскіе очки, то придется признать, что *истинные* дворянскіе интересы находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ крестьянскимъ благополучіемъ, которое немыслимо безъ упорядоченія деревенской жизни и дисциплинированія сельскаго труда. И дворяне, и крестьяне, въ противоположность пестрой, беспочвенной толпѣ, прежде всего *люди земли*, хранители русскихъ завѣтовъ, національной силы и правды. Тѣсная близость и взаимное пониманіе между ними являются необходимыми условіями прочности нашего строя.

Однимъ изъ ошибочныхъ толкованій земской идеи слѣдуетъ считать тенденцію безсословности, тогда какъ русскій строй, при отсутствіи рѣзкихъ кастовыхъ разграниченій, всегда былъ и долженъ оставаться *всословнымъ*.

Интересъ къ земскому дѣлу за послѣднее время возросъ, въ связи съ работою губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, подготовляющихъ матеріалъ для Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія. По слухамъ, министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ дополненія къ дѣйствующему земскому положенію, въ томъ смыслѣ, чтобы расширить права уѣздныхъ земствъ, теперь не имѣющихъ права ходатайство-

вать о своих мѣстныхъ нуждахъ помимо губернскихъ земствъ. По проекту министерства внутреннихъ дѣлъ, компетенція уѣздныхъ земствъ должна быть расширена въ этомъ отноше- нии. вмѣстѣ съ тѣмъ проектируется по нѣкоторымъ изъ подобныхъ ходатайствъ уѣздныхъ земствъ предоставить мини- стру право отклоненія ихъ безъ представленія дѣла на раз- смотрѣніе комитета министровъ, какъ это требуется относи- тельно ходатайствъ земствъ губернскихъ.

Вѣроятно, это извѣстіе подало поводъ «Новостямъ» за- говорить о предстоящемъ, будто-бы, совершенномъ уничтоже- нии губернскихъ земствъ. «Московскія Вѣдомости» находятъ, что вопросъ этотъ «давно уже назрѣлъ, и рѣшеніе его въ отрицательномъ смыслѣ будетъ истиннымъ благодѣяніемъ какъ для уѣздныхъ земствъ, такъ и для мѣстнаго населенія, не говоря уже объ интересахъ общегосударственныхъ, которые во всѣхъ отношеніяхъ только выиграютъ, какъ только прави- тельство проявитъ мудрую энергію, прекративъ, наконецъ, губернской земскій парламентаризмъ».

Такое рѣшеніе кажется намъ слишкомъ крутымъ и не- цѣлесообразнымъ, такъ какъ въ области земской самодѣятель- ности есть функція, посильныя только такимъ крупнымъ единицамъ, какъ губернскія земства. Но почтенная газета права, указывая на реальные недостатки этихъ послѣднихъ: съ одной стороны губернское земство иногда является не- нужною инстанціей и даже тормазомъ для дѣлъ, удобнѣе разрѣшимыхъ по уѣздамъ; съ другой—теоретичностью и избыткомъ политиканской болтовни отличаются преимуще- ственно губернскія земства, гдѣ нерѣдко выступаютъ въ роли воротиль или увлекательныхъ «мирабошекъ» люди совершенно безпочвенные и стремящіеся гораздо больше къ газетному шуму, нежели къ разумному удовлетворенію дѣйствительныхъ помѣстныхъ нуждъ. Дѣлу можно помочь посредствомъ цѣле- сообразнаго разверстанія компетенціи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, а пустая болтовня сама собою утратитъ смыслъ, какъ только возростетъ русское здоровое самосознаніе; это вопросъ общекультурный, а не только земскій; къ его благо- получному разрѣшенію можетъ прежде всего повести пропо- вѣдь здраваго смысла, а не отрицаніе идеи самоуправленія

и не механическое урѣзываніе предѣловъ этого послѣдняго. Мы вѣримъ въ духовныя силы русскаго общества и считаемъ болѣе прочнымъ все, чего достигнетъ оно самостоятельно, посредствомъ духовнаго роста, и притомъ нормальнаго, не направляемаго тенденціозною печатью «въ сукъ, да въ сторону»...

Много было разговоровъ, начиная съ пресловутаго кустарнаго съѣзда и до послѣднихъ дней, о мелкой земской единицѣ. Путаница понятій въ данномъ вопросѣ проявилась изрядная. Одни представители крайнихъ мнѣній усмотрѣли въ мелкой земской единицѣ опасность для губернскаго земскаго парламентаризма, такъ какъ въ болѣе тѣсномъ кругу поневолѣ все носить болѣе дѣловой, нежели декламационный характеръ; другіе, наоборотъ, усмотрѣли тутъ средство для болѣе широкаго распространенія своихъ тенденцій. Большая часть консервативныхъ органовъ остановилась на послѣднемъ предположеніи, выразивъ соотвѣтственныя опасенія.

Врядъ-ли можно отрицать, однако, что въ идеѣ мелкой земской единицы есть нѣчто жизненно вѣрное и доброе, конечно, при условіи цѣлесообразнаго ея осуществленія. Строго говоря, даже уѣздное земство не вполне выражаетъ хозяйственные интересы отдѣльныхъ районовъ и недостаточно непосредственно служить имъ: въ каждомъ уѣздѣ, въ силу вещей, бываютъ районы болѣе или менѣе благопріятствуемые, въ зависимости отъ личнаго состава управы; наконецъ, иногда до уѣзднаго города и слишкомъ далеко. Весь вопросъ, конечно, въ томъ, чтобы мелкая земская единица попала въ надежныя руки, а не стала ареною для сельской полуинтеллигенціи, отрицательная роль которой наглядно принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры. «Московскія Вѣдомости» правы, находя, что земскимъ начальникамъ надлежитъ имѣть въ маленькихъ земскихъ районахъ особо-авторитетное значеніе.

Быть можетъ, данный вопросъ получить рациональное разрѣшеніе въ связи съ дальнѣйшею разработкой законоположеній о дворянствѣ, которому пора вступить въ новый фазисъ почвенной культурной работы въ деревнѣ. Острыя стороны освобожденія крестьянъ стали достояніемъ исторіи, и прерванныя непосредственныя отношенія пора вновь систе-

матично завязать на новыхъ, болѣе закономѣрныхъ началахъ, отвѣчающихъ вмѣстѣ съ тѣмъ русскому духу.

Земское дѣло.

Положеніемъ о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ собраніямъ предоставлено было право ходатайствовать передъ правительствомъ о мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждахъ. Съ изданіемъ земскаго положенія 1890 г. это право стало принадлежать только губернскимъ собраніямъ, но съ той особенностью, что ходатайства по буквѣ закона могутъ касаться не только хозяйственныхъ, но вообще мѣстныхъ польвъ и нуждъ. Время, однако, показало, что установившійся порядокъ имѣеть свои значительныя неудобства, замедляя, между прочимъ, удовлетвореніе мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ потребностей сложной процедурой направленія ихъ черезъ собранія губернскія. Газеты сообщаютъ, какъ слухъ, что, съ цѣлью устраненія такого неудобства, въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ выработало проектъ возвращенія къ порядку 1864 г., съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, чтобы ходатайства уѣздныхъ собраній касались *исключительно мѣстныхъ и притомъ непременно хозяйственныхъ нуждъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ предлагаетъ измѣнить и порядокъ отклоненія земскихъ ходатайствъ. По п. 14 ст. 26 учрежд. комитета министровъ необходимо, чтобы о всѣхъ земскихъ ходатайствахъ, оставляемыхъ безъ послѣдствій, за немногими исключеніями, было представляемо комитету министровъ. Во избѣжаніе возникавшихъ при примѣненіи этого правила недоразумѣній, въ настоящее время предполагается не доводить до свѣдѣнія комитета министровъ о тѣхъ земскихъ ходатайствахъ, разрѣшеніе которыхъ по дѣйствующимъ законамъ принадлежитъ власти министровъ.

При условіи перехода всѣхъ подобныхъ ходатайствъ черезъ контролирующее учрежденіе министерства внутреннихъ дѣлъ, такая мѣра представляется весьма желательною, такъ какъ она, съ одной стороны, точно опредѣлитъ сферу дѣятельности

земства, согласно Высочайшимъ предначертаніямъ, а съ другой—ускорить процедуру разрѣшенія насущныхъ земскихъ вопросовъ и тѣмъ послужить подъему нашей помѣстной экономической самостоятельности. Предоставленіе большого простора уѣзднымъ земствамъ цѣлесообразно еще и потому, что эти послѣднія зачастую стоятъ ближе къ дѣлу, чѣмъ губернская, поддающаяся нерѣдко излишнему воздѣйствію «городскихъ» взглядовъ на деревенскія дѣла.

Вообще земство доселѣ никакъ не можетъ или не хочетъ войти въ тѣ берега, въ которыхъ его дѣятельность была бы наиболѣе полезна. Часто «вдаль смотрятъ», а ближайшее упускаютъ. Такъ, напримѣръ, костромская управа выписываетъ гигроскопическую марлю изъ Москвы, а между тѣмъ этотъ продуктъ выдѣлывается въ костромской же губерніи, въ Новой Вичугѣ; харьковское уѣздное земское собраніе собирается, между прочимъ, устраивать въ будущемъ году земскую телефонную сѣть, по примѣру лохвицкаго, хотя врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что есть надобности гораздо болѣе насущныя. Расходы при этомъ растутъ, и, напримѣръ, въ череповецкомъ земствѣ общая расходная смѣта за 10 лѣтъ увеличилась *вдвое*. Земства проявляютъ все большую склонность къ соблюденію экономіи почти исключительно на счетъ церковно-приходскихъ школъ. Какъ видно изъ сообщенія «Саратовскаго Дневника», камышинское земство, 10 лѣтъ ассигновывавшее по 7 тысячъ рублей въ годъ на эту надобность, на будущій годъ отказывается школамъ въ такомъ пособіи. Не собираются ли и тамъ завести телефонъ или народный домъ съ граммофономъ для исполненія вальцевскихъ романсовъ? Однородныя свѣдѣнія сообщаетъ «Крымскій Вѣстникъ» о мелитопольскомъ земствѣ. Въ полтавской губерніи несочувствіе къ церковно-приходскимъ школамъ проявляется не только земскими собраніями, но и земскими начальниками.

Наряду съ этимъ, многія земства принимаютъ *экстренныя мѣры* къ подъему земской школьной дѣятельности; за истекшій мѣсяцъ этимъ особенно отличаются полтавскіе и харьковскіе земцы, не взирая на замѣчающійся въ послѣднее время значительный подъемъ уровня церковныхъ школъ въ

названныхъ губерніяхъ. Конечно, забота о народномъ образованіи сама по себѣ весьма похвальна и дѣлала бы честь земскимъ дѣятелямъ, еслибы она не была сопряжена съ междуѣдомственной борьбою и съ невольно вытекающимъ отсюда соотвѣтственнымъ несочувствіемъ къ главному принципу какой бы то ни было русской народной школы,—къ ея религіозной основѣ. Кто бы ни былъ хозяиномъ школы,—она должна быть церковною по духу не только въ силу основныхъ принциповъ нашей государственности, но и согласно волѣ самого народа. Изъ всѣхъ книгъ, которыя ему доступны, народъ нашъ оказываетъ особое предпочтеніе произведеніямъ духовной литературы, т. е. «божественному». Искусственно подмѣнивать народные духовные запросы—нелѣпо и грѣшно. Это тенденція не русская, а еврейская или вообще инородческая.

Такою же тенденціей проникнуто и стремленіе разрушить нашъ деревенскій крестьянскій строй, посредствомъ проектируемаго нѣкоторыми земствами установленія отчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ разночинцамъ и предоставленія этимъ послѣднимъ широкаго доступа къ крестьянской землѣ. Такой проектъ, впрочемъ, возникъ не въ провинціи, а въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ, откуда искусственно перешелъ въ земскія программы. Къ нему необходимо отнестись съ сугубою осторожностью. Приливъ городского пролетаріата въ деревенскую среду по своимъ послѣдствіямъ могъ бы быть названъ *революціоннымъ актомъ*, равно какъ и разрушеніе общины тамъ, гдѣ она жизненно-крѣпка. Съ такими вопросами шутить не слѣдуетъ—и, во всякомъ случаѣ, разрушеніе крестьянской бытовой и отчасти правовой обособленности нанесло бы тяжкій вредъ не только интересамъ сельскаго населенія, но и политическому спокойствію страны. Если желательно, въ силу политическихъ или нравственныхъ соображеній, надѣлить землею размножившія мѣстами и бѣдствующій городской пролетаріатъ, то лучше избирать для этого мѣста болѣе отдаленныя и слабо населенныя и основывать тамъ отдѣльные поселки изъ такихъ людей, а не вливать эту мутную струю въ менѣ испорченную деревенскую среду, и безъ того уже подвергающуюся за послѣднее время разнымъ тлетворнымъ вліаніямъ.

Что касается до предоставленія болѣе богатымъ и предпріимчивымъ разночинцамъ доступа къ надѣльнымъ землямъ, то оно явилось бы откровенною отдачею крестьянскихъ интересовъ на жертву хищнымъ волкамъ. Пока есть у насъ хоть искра любви къ народу,—такая мѣра невозможна. Если земскіе интеллигенты рѣшаются выдвигать ее, то это лишь симптомъ ихъ безразличнаго отношенія къ народу и ихъ экономической зависимости отъ мѣстныхъ эксплуататоровъ. Нельзя ослаблять органической связи между крестьянствомъ и землею, ибо тогда не для чего было освобождать крестьянъ съ землею, какъ того требовали дѣятели 60-хъ годовъ во имя особенностей русскаго взгляда на это дѣло. Пусть ревнители народнаго обезземеленія вспомнятъ объ этомъ и устыдятся...

Не менѣе осторожно надо относиться и къ вопросу о расширеніи дѣятельности крестьянскаго банка. Если, какъ проектируютъ нѣкоторыя земства, этотъ банкъ станетъ выдавать ссуды въ размѣрѣ всей покупной суммы или не меньше 90% ея, то расширеніе крестьянскаго землевладѣнія отнюдь не будетъ синонимомъ подъема благополучія этого класса. Крестьянинъ жаденъ до земли и при покупкѣ ея, зачастую, не справляется съ вопросомъ о выгодности такого предпріятія, такъ какъ изъ валоваго дохода земли онъ, въ подобныхъ случаяхъ, не вычитаетъ стоимости прилагаемаго къ ней труда своего. Деревенскіе жители это хорошо знаютъ—и въ ихъ глазахъ упомянутое увеличеніе ссудъ крестьянскаго банка явилось бы лишь средствомъ для скорѣйшаго «выкуриванья» помѣстнаго дворянства, насажденія на его мѣсто ловкихъ эксплуататоровъ, вяцшаго обездоленья крестьянской среды и, въ итогѣ, ломки помѣстнаго русскаго строя. Съ какой точки зрѣнія все это можетъ быть желательно,—предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Пониженіе земскаго ценза.

За послѣднее время ¹⁾ въ печати и административныхъ учрежденіяхъ накопилось не мало аргументовъ въ пользу уменьшенія земскаго ценза. Съ одной стороны безспорно, что нормы его чрезвычайно возросли фактически, вслѣдствіе возрастанія цѣнности недвижимыхъ имуществъ въ нѣсколько разъ. Съ другой стороны, во время тяжелой экономической борьбы за существованіе, которую вынесло и доселѣ выноситъ помѣстное землевладѣніе, далеко не лучшіе въ нравственно-общественномъ смыслѣ представители его оказались наиболѣе благополучными, а преимущественно тѣ, кто сумѣлъ вести свои дѣла, не особенно стѣсняясь въ средствахъ для достиженія личныхъ цѣлей. Категория людей, быть можетъ, менѣ дѣловитыхъ, но болѣе достойныхъ съ точки зрѣнія гражданской, очутилась, такъ сказать, за флагомъ; во многихъ мѣстностяхъ земскія учрежденія обезлюдѣли или стали почти безспорнымъ достояніемъ небольшихъ но вліятельныхъ партій. Какую-нибудь управу «прокатываютъ на воронныхъ», чтобы доставить кормленіе недорослю-племяннику или товарищу по какимъ-нибудь гешефтамъ. Легко себѣ представить вообще, какъ разнообразны и печальны искривленія и искаженія выборнаго начала при такихъ обстоятельствахъ. Выборное начало, такъ сказать, органически воспримчиво ко всякаго рода партійнымъ злоупотребленіямъ и эскамотированію простого, реальнаго дѣла, въ виду чего законодательству необходимо особенно внимательно и заботливо ограждать его отъ привходящихъ неблагоприятныхъ воздѣйствій. Поэтому нельзя не пожелать, чтобы въ составъ земскихъ собраній были привлечены свѣжія силы, хотя, конечно, не такія, о которыхъ нынѣ хлопчуть нѣкоторыя земства, склонныя ввести въ свой составъ дипломированныхъ интеллигентныхъ пролетаріевъ безъ всякаго ценза. Послѣднее было бы весьма вредною нелѣпностью. Если въ городахъ интеллигентный и иной пролетаріатъ составляетъ среду безпокойную, умственно-неуравновѣшенную и, въ итогѣ,

¹⁾ Декабрь 1902 г.

мало полезную, то въ помѣстной жизни онъ только усилилъ бы ту путаницу и беспочвенность въ земскихъ учрежденіяхъ, которая нерѣдко проявляется и при нынѣшнемъ землевладѣльческомъ ихъ составѣ. Ради пользы самихъ земскихъ учреждений, нерѣдко принимающихъ каррикатурныя формы, необходимо, чтобы они были побогаче хозяйственнымъ опытомъ и деревенскимъ здравымъ смысломъ. Тогда земскимъ дѣятелямъ не пойдетъ въ голову всякая блажь, иногда мѣшающая имъ рационально вести общественное хозяйство, т. е. выполнять задачу не шумную, но достойную и полезную.

Объединеніе деревенскихъ интересовъ.

И Высочайше учрежденное особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства, и Высочайшій манифестъ 26 февраля вызвали немалую работу мысли, заставили русскихъ помѣстныхъ людей вдуматься въ строй нашей деревни, приложить старанія къ тому, чтобы собрать эту разсыпанную хранину, создать ячейку плодотворной самодѣтельности и отстоять интересы деревни. Весьма знаменательно въ этомъ отношеніи распоряженіе преосвященнаго Никанора, епископа екатеринбургскаго, о немедленномъ открытіи церковныхъ попечительствъ при всѣхъ подвѣдомственныхъ ему церквахъ. Вопросъ о томъ, станетъ ли приходъ живою мелкою земскою единицею,—подлежитъ еще рѣшенію на практикѣ, и многими положительное рѣшеніе оспаривается. Есть даже люди, усматривающіе въ сформированіи мелкой земской единицы вокругъ Церкви тенденцію узко-клерикальную, забывая, что узкій клерикализмъ-то и сторонится отъ живой дѣятельности, и что онъ вообще ни духу нашей религіи, ни психологіи нашего народа не свойственъ. Церковь всегда являлась и, надо полагать, до конца пребудетъ главною и неустранимою созидательною силой русскаго государственно-общественнаго строя. Если бы сразу же, въ эпоху реформъ 60-хъ годовъ, Церкви была отведена подобающая роль въ обновлявшейся общественности, Россія избѣгла бы многихъ печальныхъ явленій. Между тѣмъ, поступлено было наоборотъ; духовенству пришлось претерпѣть

и нравственные, и матеріальныя испытанія, неблагоприятно отразившіяся на его уровнѣ и трудахъ. Теперь оно, вѣроятно, не вездѣ готово къ достойному и успѣшному выполнению, помимо своихъ непосредственныхъ, еще и новыхъ предстоящихъ ему общественныхъ задачъ. И здѣсь, какъ и во всякой вообще работѣ національнаго обновленія, необходимы подъемъ духа, вѣра въ себя, а со стороны прочихъ элементовъ прихода должное пониманіе всей важности объединенія всѣхъ усилій для общаго дѣла. Какъ бы ни оправился при помощи правительства, собственнаго благоразумія и повышенной сельскохозяйственной культуры классъ землевладѣльцевъ изъ дворянъ, его авторитетъ не можетъ достигнуть той непререкаемости, которая по праву принадлежитъ Церкви. Слуги Церкви могутъ не стоять на желанной высотѣ, но интересы и завѣты религіи не могутъ не занимать центрального мѣста въ нашемъ деревенскомъ быту!

Не слѣдуетъ, конечно, закрывать глаза и на темную сторону подобнаго рѣшенія вопроса о мелкой земской единицѣ. Не отвлекутъ ли общественные интересы и заботы нашихъ сельскихъ пастырей отъ непосредственныхъ задачъ ихъ, и теперь не всегда выполняемыхъ такъ, какъ надлежало бы? Не шагнетъ ли, вслѣдствіе этого, нашъ сельскій приходъ по направленію къ тому раціонализму и утилитаризму, какими отличаются современные реформатскіе «кирхшпили»? Можетъ быть, кое-гдѣ это и произойдетъ, но опасаться этого въ общемъ не слѣдуетъ. Въ старой Руси приходъ былъ живымъ учрежденіемъ, причемъ вѣра не оскудѣвала...

Недостаточно того, чтобы деревня была благоустроена и расходовала свои средства возможно производительнѣе: одною изъ цѣлей объединенія деревенскихъ силъ является экономическій подъемъ деревни, т. е. попросту, подъемъ техники и доходности сельской промышленности. Приходская организація можетъ оказаться для этого недостаточною или, точнѣе, недостаточно-спеціальною; нужно нѣчто иное. Сама жизнь подсказываетъ, хотя бы на примѣрѣ нашихъ зарубежныхъ сосѣдей, что именно нужно.

Какъ совершенно вѣрно отмѣтилъ меленковскій предводитель дворянства А. А. Дубенскій прошлымъ лѣтомъ въ запи-

скѣ, доложенной имъ владимірскому губернскому комитету, такая земледѣльческая страна, какъ Россія, должна стремиться по возможности къ сельско-хозяйственному единству.

«Русское земледѣліе совсѣмъ не организовано,—говоритъ онъ,— между тѣмъ, какъ всѣ противники его, вольные и невольные, вооружены съ головы и до пятъ. Русское земледѣліе и русскіе хозяева разединены громадными пространствами и самыми условіями сельско-хозяйственной жизни, а ихъ противники объединены уже тѣмъ, что ихъ интересы противоположны или ошибочно противоплагаются ими интересамъ земледѣлія»...

...«Всѣ, начиная международной биржей и кончая обрабатывающей промышленностью, имѣютъ дѣло съ хозяиномъ и земледѣльцемъ, и всѣ одинаково стремятся учесть въ свою пользу возможно больше труда земледѣльческаго народа, всѣми силами содѣйствуя пониженію цѣнъ на его продукты. Русскіе понижатели дѣлаютъ это, не вѣдая, что творятъ, и подъ собой же рубятъ дерево, а биржа понижаетъ цѣну на земледѣльца, чтобы понизить цѣну на Россію...»

По мнѣнію автора записки, необходимо покрыть всю Россію сѣтью сельско-хозяйственныхъ обществъ, съ цѣлью подъема техники и доходности сельской промышленности. Необходимы опыты съ удобреніями, улучшенными способами обработки земли, сѣменами, премированіе работниковъ, конкурсы машинъ и орудій, награды за лучший скотъ и за цѣлыя хозяйства.

Объединеніе дѣятельности сельско-хозяйственныхъ обществъ, какъ по районамъ, такъ и общее, при содѣйствіи министерства земледѣлія, дало бы въ итогъ сельско-хозяйственный голосъ Россіи, реально обоснованный. Когда осуществится такая сельско-хозяйственная организація, то станетъ ясно, что «съ широкой государственной точки зрѣнія интересы обоихъ сельско-хозяйственныхъ сословій не только одинаковы, но и тождественны. Между интересами хозяина и народа-земледѣльца нѣтъ разницы постольку, поскольку тотъ и другой суть производители и продавцы хлѣба и мяса, потребители тѣхъ или другихъ орудій производства, предметовъ и издѣлій первой необходимости».

...«Только опираясь другъ на друга, оба коренныя сословія страны могутъ нести истинную государственную работу, только непосредственная рабочая близость къ народу дастъ намъ необходимую силу отстаивать интересы народа, которые мы будемъ считать своими; только продолжительная и производительная работа на глазахъ народа, для себя и для него, создастъ то строго-уравно-

вѣшенное дѣловое общеніе деревни, которое есть залогъ спокойствія и благосостоянія земледѣльческаго государства».

Не беремъ судить о степени пріемлемости проекта г. Дубенскаго въ полномъ объемѣ, но несомнѣнно, что многія изъ высказанныхъ авторомъ соображеній представляютъ живое слово деревни, свободное отъ кабинетныхъ измышлений.

Мелкій кредитъ.

Среди трудовъ Высочайше учрежденнаго Особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности особаго вниманія заслуживаетъ разработка назрѣвшаго вопроса о мелкомъ народномъ кредитѣ, принципиально разрѣшеннаго совѣщаніемъ въ благоприятномъ смыслѣ.

Закабаленіе крестьянъ ростовщиками и кулаками является одною изъ язвъ современной деревенской жизни; общая сложная причина этого печальнаго факта—непривычка къ денежному обращенію со стороны народа, ведшаго въ теченіе многихъ вѣковъ натуральное хозяйство и не приспособившагося къ новымъ условіямъ экономической жизни, при которыхъ забрали силу хищные элементы, не останавливающіеся ни передъ какими средствами. Корень зла, стало быть, находится въ *народной психологіи*, которая мѣняется не сразу, а лишь постепенно, подъ давленіемъ жизни и культурнымъ воздѣйствіемъ правящихъ классовъ. Помимо всего, подъ вліяніемъ золотой валюты, въ деревенскомъ обращеніи ощущается *недостатокъ денежныхъ знаковъ*; признаніе необходимости возможно шире поставить дѣло мелкаго кредита есть, поэтому, отчасти сознаніе, что денежныхъ знаковъ мало, т. е. частичное отступленіе отъ руководящихъ началъ финансовой системы, преобладавшей у насъ за послѣднее десятилѣтіе, и какъ бы поворотъ въ сторону политики покойнаго Н. Х. Бунге.

Кулакъ и ростовщикъ подстерегаетъ крестьянина въ трудныя минуты, обезцѣнивая его работу, плоды которой беретъ затѣмъ почти даромъ. Въ такія минуты (напр., когда хлѣбъ еще не смолоченъ) дешевый мелкій кредитъ явился бы истиннымъ спасеніемъ для нашего пахаря, такъ какъ далъ бы возможность

переждать и «обернуться». Организация народного мелкого кредита—дѣло въ высшей степени сложное, требующее специальныхъ свѣдѣній бытового характера по различнымъ мѣстностямъ Россіи, а потому нельзя не согласиться съ высказаннымъ комиссіей при Особомъ Совѣщаніи предположеніемъ относительно необходимости сосредоточить вопросы мелкого кредита въ особомъ центральномъ учрежденіи при министерствѣ финансовъ. Предположеніе же относительно привлеченія къ этому дѣлу на мѣстахъ земскихъ учреждений, при настоящемъ уровнѣ и настроеніи этихъ послѣднихъ, слѣдуетъ признать правильнымъ преимущественно только въ принципѣ; такихъ земствъ, какъ пермское, всесторонне влѣдовавшее народный бытъ и создавшее прекрасный кустарный банкъ, у насъ пока немного. Дѣло будетъ обстоять иначе, когда наши земства, согласно Державнымъ указаніямъ, посвятятъ себя всецѣло плодотворной хозяйственной дѣятельности. Въ данномъ вопросѣ имъ даются, такъ сказать, книги въ руки, и оказывается Особымъ Совѣщаніемъ довѣріе, которое надлежитъ еще оправдать. Да и грѣшно было бы не оправдать его, такъ какъ народная нужда настоятельно требуетъ помощи, и только люди, сидящіе на мѣстахъ, компетентны въ цѣлесообразномъ ея оказаніи.

Тутъ важно обратить вниманіе на то, чтобы мелкій народный кредитъ *доходилъ* до истинно нуждающихся, а не оказывался орудіемъ въ рукахъ мелкихъ ростовщиковъ, которые бы потомъ раздавали на тяжкихъ условіяхъ казенныя деньги людямъ неосвѣдомленнымъ или со слабою платежной способностью. Стало быть, вопросъ надо поставить возможно шире и дать побольше денегъ на его практическое осуществленіе; тутъ весьма могли бы пригодиться деньги современныхъ сберегательныхъ кассъ, которыми министерство финансовъ доселѣ пользовалось для другихъ цѣлей.

Нельзя, конечно, не радоваться тому, что, благодаря Особому Совѣщанію, широко поставленный вопросъ о мелкомъ народномъ кредитѣ сильно приблизился къ осуществленію.

Но не слѣдуетъ и возлагать на это дѣло преувеличенныхъ надеждъ. Всякій кредитъ есть вещь обоюдоострая, а не абсолютное благо, не панацея. Уровень народного благосостоянія зависитъ прежде всего отъ чертъ народного характера,—бережли-

вости, трудолюбія, экономической дальновидности; наконецъ, важно, чтобы народный трудъ, преимущественно сельско-хозяйственный въ нашемъ обширномъ отечествѣ, былъ возможно выгоднѣе. Стало быть, вопросъ о мелкомъ кредитѣ есть лишь малая часть огромныхъ вопросовъ о финансовой системѣ, благоприятствующей развитію доходности народнаго труда, и объ учрежденіяхъ воспитательныхъ, которыя бы вырабатывали народный характеръ въ направленіи, отвѣчающемъ высокому призванію культурнаго государства.

Страхованіе тружениковъ.

Противники нашего государственнаго строя весьма склонны утверждать, что только послѣ кореннаго преобразованія его возможны какія бы то ни было серіозныя соціальныя мѣры. Конечно, такой взглядъ можетъ вытекать лишь изъ фундаментальнаго незнанія исторіи, или упорной ея фальсификаціи. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Петръ Великій былъ неизмѣримо прогрессивнѣе, чѣмъ «верховники», попытавшіеся ограничить самодержавіе при Аннѣ Іоанновнѣ, и что Императоръ Александръ II неизмѣримо больше сдѣлалъ для освобожденія крестьянъ, предначертаннаго еще Николаемъ, I, чѣмъ всѣ тѣ представители нашей интеллигенціи, у которыхъ, подъ видомъ идеи народоправства, скрываются иногда, невидимо для нихъ самихъ, тенденціи буржуазно-олигархическія. У народа русскаго нѣтъ болѣе надежнаго печальника, чѣмъ Царь, стоящій выше партійныхъ или частныхъ интересовъ. Вопросы, которые на Западѣ могутъ быть разрѣшены лишь путемъ пролитія крови и взрывовъ динамита, найдутъ у насъ мирное разрѣшеніе въ трехъ всесильныхъ словахъ: «Быть по сему»...

Сознаніе такой правды должно придавать нашимъ образованнымъ людямъ энергіи и силы и направлять ихъ къ созидательной работѣ.

Горячо привѣтствуемъ поэтому благой починъ комиссіи по страхованію трудящагося класса на случай старости. Она образовалась при обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговли, подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго эконо-

миста, почетнаго опекуна П. Х. Шванебаха, и въ составъ ея вошли, между прочимъ, представители нѣсколькихъ вѣдомствъ, что свидѣтельствуеть о живомъ сочувствіи правительства къ этому доброму почину.

Изъ рѣчи предѣдателя комиссіи видно, что у этого высочайше важнаго соціальнаго вопроса въ Россіи есть уже своя исторія, и притомъ не особенно удачная: не взирая на то, что ему посвятили особое вниманіе такіе замѣчательные люди, какъ П. П. Семеновъ и покойный Н. Х. Бунге, вопросъ остался доселѣ нерѣшеннымъ за недостаткомъ, съ одной стороны, фактическихъ свѣдѣній, а съ другой—данныхъ опыта, которыхъ съ тѣхъ поръ накопилось весьма много въ Германіи. Съ тѣхъ поръ и у насъ промышленная статистика далеко шагнула впередъ, да и самое выясненіе принциповъ дѣла сильно подвинулось. Между прочимъ выяснилось, что будущее страхованіе трудящихся должно осуществиться при помощи правительства, и что оно должно быть обязательнымъ.

Матеріаломъ для обсужденія послужилъ докладъ г. Скаржинскаго, поставившаго вопросъ весьма широко, распространивъ его на различныя категоріи трудящагося люда и на различныя обстоятельства, въ предвидѣніи которыхъ желательно страхованіе (лишеніе трудоспособности вслѣдствіе болѣзни, увѣчья и старости).

Къ сожалѣнію, такая постановка вопроса встрѣтила возраженія, между прочимъ, со стороны академика И. И. Янжула, находившаго, что надо дѣло развивать постепенно, такъ какъ мы, будто-бы, еще «не готовы». Были также возраженія (между прочимъ, со стороны такого «неимуцаго» человѣка, какъ г. Нобель) противъ возложенія всей тягости страхованія на предпринимателей-промышленниковъ. Весьма основательныя соображенія были высказаны гг. Лоранскимъ и особенно А. В. Васильевымъ о томъ, что странно было бы подраздѣлять нужду въ страхованіи на случайныя категоріи причинъ, создающихъ *неспособность къ труду* и нищету злополучнаго труженика.

Нельзя не пожелать успѣха благому дѣлу, которое, кромѣ узко-матеріальныхъ, должно принести еще и цѣнные *культурные* плоды. Въ страхованіи трудящагося люда должны участвовать и правительство, и предприниматели, и сами рабочіе. Для

последнихъ такое условіе будетъ имѣть воспитательное значеніе, а въ итогѣ успѣшное выполненіе задачи должно привести къ устраненію острыхъ формъ незаслуженной нужды и къ установленію между предпринимателями и рабочими разумно-мирныхъ отношеній, за которыя оба эти класса скажутъ спасибо правительству.

